

ПРАВО НА ВСЕДОЗВОЛЕННОСТЬ

Дэй Лекса

Все решили за нее. Ей суждено стать инкатором — безжалостным олицетворением королевского правосудия. Занять должность, одно название которой вызывает у людей суеверный трепет. Но сперва ее наставникам нужно полностью изменить ее взгляды на жизнь, привить ей новые идеалы и принципы. Жизнь доброй и впечатлительной девочки превращается в кромешный ад, в котором зверские пытки и убийства — повседневность, а любовь и дружба — строжайшие табу. Все, что ей дорого, немедленно уничтожается ее учителем, ведь инкатор, имеющий привязанности — слабый инкатор. Она не знает, почему правитель выбрал для этой должности именно ее. Не подозревает, что именно от нее напрямую зависит жизнь его сына и судьба королевской династии. Она знает лишь одно — принц боготворит ее, и после смерти короля они вместе создадут справедливое государство. Но до этого часа ей придется играть по навязанным ей правилам. Только сможет ли она пройти этот путь, сохранив рассудок и не покончив с собой?

ПРАВО НА ВСЕДОЗВОЛЕННОСТЬ

— Я больше не хочу рисовать! — прохныкала девочка, сжимая в ладони острие скальпеля. Он сильно врезался в ее кожу, но боли она не чувствовала. Все ее существо заполнял отчаянный страх и отвращение к тому, что ее принуждали делать.

— Глупышка! — ласково улыбнулся ей учитель и погладил ее по волосам длинными узловатыми пальцами. — Это же так просто и приятно! Почти так же, как рисуешь кистью. Только вместо нее у тебя нож, а вместо холста — чья-то кожа. Чья-то, не твоя! Так чего же ты капризничаешь? Нам пора продолжать наш урок!

— Но чему я должна научиться? Причинять людям страдания?

— И это тоже, если понадобится. Но главное, ты должна научиться собирать волю в кулак и перешагивать через свои принципы ради высшего блага. Я просто хочу сделать тебя сильной!

Она судорожно всхлипнула и еще сильнее сжала скользкий от крови скальпель. Красные капли тихо разбивались о плиты пола, и она смотрела на них, только бы не встречаться взглядом с обманчиво-доброжелательными глазами своего учителя.

— Я не хочу этому учиться, — прошептала она, так и не посмев поднять головы. — Я хочу остаться прежней... Когда же этот кошмар закончится? Ведь должен же он когда-нибудь закончиться...

Он взял ее руку со скальпелем в свою, как бы утешая.

— Как только ты согласишься принять почти неограниченную власть, — угрожающе-мягко ответил он и добела сжал девичью ладонь. Скальпель вонзился в нее еще глубже, и девочка с трудом удержала болезненный вскрик. — Это ведь не трудно, правда? — Его сжатие еще больше усилилось, и с пальцев ученицы полился кровавый ручеек. — Просто скажи: я согласна стать инкатором!

— И если я это скажу, то наши занятия прекратятся? — старательно сдерживая слезы, спросила она.

— Конечно, прекратятся, милая! Через семь лет...

Юлиана проснулась от удушья. Она силилась вдохнуть, но спазмировавшееся от немого крика горло почти не пропускало воздуха. Сердце в панике колотилось о ребра, требуя кислорода. Успокоиться никак не получалось — уж слишком тесно ее сон переплетался с реальностью. Сегодня она должна была стать ученицей инкатора Карминского — второго по значимости и первого по жестокости человека в их государстве. И принял это решение не кто-нибудь, а сам король Талинальдии Оберон, полгода назад взявший ее под свою опеку.

Она открыла глаза и попробовала сосредоточиться на мелькавшем за окном машины пейзаже, чтобы хоть в нем найти ту искру жизни, которая поможет вернуть ей радость бытия.

Некоторое время она безучастно созерцала запыленную, иссушенную до состояния соломы высокую траву и вялые от зноя деревья. Их давно потерявшие свежесть листья безвольно свисали с размягчившихся веток, словно паруса попавшей в штиль яхты. Все вокруг выглядело так, словно готовилось вот-вот испустить дух и ничуть не прибавляло

ОПТИМИЗМА.

Ее ладонь мягко прикрыла чужая рука. Энтони, с теплотой подумала Юлиана. Единственный наследник короля и ее названный младший брат. Ласковый майский лучик, всегда согревавший ее своим преданным обожанием.

Они с Тони не просто называли себя братом и сестрой, они себя так ощущали. Понимали с полуслова, рассуждали одинаково, оба были болезненно застенчивы, равнодушны к деньгам и власти и даже чем-то схожи внешне. Только волосы Юлианы были гладкими и почти черными, а он вечно мучился с непокорной русой челкой, которую можно было удержать в нужном положении только пригоршней геля для волос. Гели Тони не любил, и поэтому ему частенько приходилось делать из своей пятерни расческу, чтобы возвращать эти упрямые пряди на место.

— Снова плохой сон? — озабоченно спросил он, всматриваясь в ее серые как предрассветное небо глаза.

Она промолчала, только переплела его пальцы со своими. Король великодушно позволил им с Энтони в последний раз побыть наедине и сел впереди, рядом с водителем. В ушах Оберона торчали белые наушники, и он ритмично подергивал головой в такт льющейся из них мелодии. Водитель негромко слушал радио.

— Тебе так грустно из-за учебы, да? — спросил принц.

Его голос был полон сочувствия и острого чувства вины за принятое отцом решение, на которое он так и не смог повлиять.

На ресницы девочки навернулись слезинки, и она до предела сжала зубы. Ей безумно хотелось закатить самую настоящую истерику со всеми ее атрибутами: воплями, отчаянными рыданиями и беспрестанным шмыганьем покрасневшим и распухшим носом. Хотелось топтать ногами, молотить кулаками по мягкой коже сидений и кричать, что эта работа не для нее. К несчастью, Юлиана не могла себе этого позволить: она — герцогиня Делайн, истинная леди, и то, что ей всего четырнадцать и ей собираются сломать жизнь — не оправдание для такого недостойного поведения.

Но даже дай она себе волю — это бы ничего не изменило. За нее все решили другие, и плакаться на судьбу ей было некому. Ее мать давно умерла, а для отца она всегда была лишь источником головной боли и расходов, пусть и небольших, включавших в себя оплату обычной закрытой школы и покупку ей минимума одежды. Меньше года назад он с огромнейшим облегчением перепоручил заботы о своей единственной дочурке королю, и тут же благополучно забыл о ее существовании.

Для Юлианы это не стало потрясением — они никогда не были особо близки, да и виделись крайне редко, так как ее школа была за полтысячи километров от родного дома. Но все же ее душа саднила от той особенной боли, которая мучает несправедливо отвергнутых родителями детей.

По радио стали передавать новости и Тони попросил шофера сделать звук погромче.

"Сегодня ночью валькидорские хакеры предприняли очередную масштабную кибератаку на серверы Министерства обороны, — сообщил диктор. — Наши службы безопасности успешно отразили все попытки взлома и теперь старательно латают обнаруженные в программе защиты бреши.

Немного о международной политике.

Вчера вечером Его Величество король Оберон отверг предложение Организации Независимых Государств по сокращению ядерного вооружения. Глава ОНГ выразил свое

недовольство и пригрозил еще больше ужесточить санкции против Талинальдии."

— Куда ж еще больше? — озабоченно пробормотала Юлиана.

— Считаешь, что мы уже и так достигли дна? — невесело хмыкнул принц. Она кивнула.

"Сегодня отмечается тринадцатая годовщина со дня взрыва звездолета "Мечта", — продолжались новости. — Как вы все знаете, он был уничтожен экстремистами сразу после возвращения из первой межпланетной экспедиции и послужил причиной крупнейшего международного скандала..."

Оберон содрал с себя наушники, протянул руку к радио и выключил его.

— Не могу это слушать! — сердито сказал он. — Сколько уже можно пережевывать это событие? Ну, было и было! Толку теперь сокрушаться об этом?

— Вам с Юлианой везет, вы застали "Мечту", а я нет! — со вздохом посетовал Энтони.

— Мне было полгода, когда она отправилась в экспедицию! Я ее тоже ни разу не видела! — возразила девочка.

— Зато ты жила в то время, когда она еще была цела!

Замызганная зелень трассы сменилась свежей и сочной, и королевский лимузин въехал на территорию Эстевийского государственного университета. Из следовавших за ним машин сопровождения выбежали четверо телохранителей и замерли по обе стороны от лимузина, ожидая сигнала хозяина.

Король сделал едва заметный взмах рукой, дверцы машины тут же открылись, и пассажиры стали выбираться наружу.

Первым вышел сам Оберон — импозантный мужчина средних лет. Прожитые годы уже успели вытравить яркость с его когда-то пепельно-русых волос, а болезни сделали их тусклыми и ломкими. Некогда картинно-красивое лицо потеряло свою живость и упругость, а пленявший придворных красавиц изумрудный взгляд стал жестким и отталкивающим.

За ним на асфальт ступил одетый в элегантный черный костюм Энтони и ободряюще улыбнулся Юлиане.

— Готова? — преувеличенно бодро спросил он.

Она нерешительно кивнула головой, от чего ее доходившие до подбородка волосы мягко скользнули на лицо, и выбралась наружу.

Мужчина тут же взял обоих детей за руки, словно опасаясь, что они разбегутся без такой предосторожности, и повел их по кленовой аллее в сторону университетского комплекса.

— Жара-то какая! — пробормотал мальчик, тайком от отца расстегивая верхнюю пуговицу своей белоснежной рубашки. — Даже боюсь представить, как чувствует себя Юлиана! Папа, обязательно было наряжать ее в эту проклятую форму?

— Энтони, конечно обязательно! — легонько сжимая хрупкую девичью ладошку, ответил сыну Оберон. — Эта форма — не просто одежда, это — символ всемогущества, неотвратимости расплаты за дурные помыслы! Она поможет окружающим научиться принимать Юлиану не просто как мою воспитанницу, а как будущего инкатора. Да и ей самой тоже поможет осознать себя в новом качестве.

Девочка смущенно посмотрела на свой длинный, до щиколоток, сизо-синий приталенный мундир и покраснела. В нем она чувствовала себя ужасно неловко, словно он был ею украден. Она до сих пор не понимала, почему король решил сделать ее в будущем одним из инкаторов — самых могущественных людей в государстве после него самого.

Другой бы на ее месте прыгал от счастья, но на взгляд Юлианы у этой должности была куда больше минусов, чем плюсов, и она воспринимала милость Оберона как пожизненный

приговор. Зато жители королевства восприняли это назначение как сенсацию.

За всю многовековую историю правления династии Астаротов инкаторами назначали только самых умных и неординарных мужчин. Безному паралитику было куда проще попасть в космонавты, чем женщине в инкаторы. А тут на тебе! Четырнадцатилетняя пигалица!

Эта новость облетела страну еще неделю назад, и с тех пор всех талинальдицев терзал вопрос: чем же так примечательна эта девочка? За какие такие заслуги ей досталась эта фантастически престижная должность? К несчастью, никто не собирался уголять их любопытства, и газетчики впустую рыскали по тем местам, где когда-то жила маленькая герцогиня в поисках ответов на волнующие всех вопросы.

Король привел детей в центр вымощенного крупными серыми и красными плитами двора, и девочка подняла голову, рассматривая место, в котором ей предстояло провести ближайшие пять, а то и больше лет.

Прямо перед ней было увенчанное высокими шпилями здание главного корпуса. Его строгая архитектура подавляла ее своим величием и еще острее заставляла чувствовать свою неуместность здесь.

— А вот твоя академия! — торжественно провозгласил Оберон и указал рукой на стоявшее чуть в стороне полукруглое белое здание, разительно отличавшееся от темно-серых стен университетских корпусов. — Здесь обучают сотрудников инкаторской службы. Так что ты успеешь хорошо изучить своих будущих подчиненных, Юлиана. Правда, она великолепна?

С этим утверждением было трудно не согласиться. Утопавшее в густой зелени деревьев, изящное здание производило впечатление легкости, и даже невесомости. Энтони поморгал от отраженного ее серебристым куполом солнечного света и пробурчал:

— У прадедушки было все в порядке с юмором, раз он придумал обучать демонов во плоти в домике для фей!

Король недовольно поморщился.

— Сынок, не уподобляйся мыслящему клише простонародью! Когда ты станешь государем, эти, как ты выразился демоны, станут твоими глазами, ушами, руками и даже мозгом. Мало того — непробиваемой броней, которая защитит тебя и твою страну от врагов и многих жизненных невзгод! И тогда ты поймешь, что эти люди поистине бесценны, и будешь благодарить небо, что они денно и нощно оберегают тебя, пока ты убиваешь отпущенное судьбой время на удовольствия! — Он перевел назидательный взгляд со своего наследника на перепуганную девочку и отечески ей улыбнулся. — Не страшись своей доли, девочка. Тебя ждет великое будущее! Светлое, яркое и насыщенное! Пойдем, я познакомлю тебя с твоим учителем.

Они пересекли двор и по усаженной ивами аллее подошли к зданию академии. Ко входу в нее вели двенадцать широких белых ступеней.

Стараясь не отставать от Оберона, Юлиана стала подниматься. Она сосредоточенно глядела себе под ноги, боясь наступить на длинные полы вызывавшего сильный душевный дискомфорт мундира, и с трудом удерживалась от того, чтобы не повернуть обратно.

Все-таки закончив подъем, она подняла голову и чуть не попятилась, увидев встречавшего их человека. Это был мужчина лет шестидесяти пяти в таком же, как у нее долгополом инкаторском одеянии. Единственным отличием в их форме были вышитые под его воротником-стойкой серебряные веточки.

Высокий, статный, худой, он стоял перед дверью академии словно неумолимый страж

из легенд, готовый поразить молнией любого, кто осмелится приблизиться к священному для него месту. Его темные, с проседью, волосы достигали плеч и были зачесаны назад, а в каждой черточке длинного резкого лица читалось превосходство и глубинная ненависть к человечеству.

Инкатор Карминский, с трепетом подумала Юлиана. Она много слышала об этом давно ставшем страшной легендой человеке, но впервые видела его вживую.

Его водянисто-голубые глаза острыми крючьями впились в ее испуганные серые, полыхнув ледяной неприязнью сощурились, и медленно опустились вниз, оглядывая ее целиком.

Этот осмотр длился считанные секунды, но у девочки осталось почти осязаемое ощущение, что он за это время успел разобрать ее на молекулы и теперь точно знает, как она выглядит не только снаружи, но и внутри, а также о чем думает и что чувствует. Веявший от инкатора холод пробрал Юлиану до самых костей, и ее хрупкое тело покрылось мириадами мелких неприятных мурашек.

Кустистые брови Карминского угрюмо сдвинулись, а тонкие, почти сливающиеся по цвету с кожей губы плотно сжались. Он оторвал от нее свой тяжелый взгляд и через силу поклонился королю, а потом принцу.

— Рад приветствовать вас, Ваше величество! И вас, Ваше высочество. Это и есть моя ученица?

В его голосе слышалось нескрываемое пренебрежение, и девочка поняла, что сильно не понравилась ему. Она снова встретилась с ним глазами и едва не согнулась, такая тяжесть на нее навалилась. Должно быть, именно так себя чувствует попавший под завал человек, подумала она. Ей пришлось приложить титанические усилия, чтобы выдержать этот взгляд, так и хлеставший ее враждебностью и неприятием.

Король лучезарно улыбнулся, не обратив никакого внимания на мрачный вид Карминского.

— Да, Эдмунд, ты прав! — жизнерадостно сказал он. — Это она, та самая девушка, из которой ты сделаешь первую в мире женщину-инкатора!

Лицо старика скривилось так, будто у него по губам проползло омерзительное насекомое.

— Можно вас на пару слов, Ваше величество? — сухо проскрипел он.

Оберон повернулся к сыну и застывшей каменной глыбой девочке, и указал им на вход в академию.

— Ребятки, вы пока осмотритесь внутри, а мы скоро к вам присоединимся!

Тони прекрасно понимал как не по себе сейчас Юлиане, и как ей страшно приблизиться к грозному инкатору хоть на шаг, поэтому взял за руку и силком потащил ее в холл здания. Зная Карминского с младенчества, он давно привык к нему, как заклинатель змей привыкает к кобре, хотя и не забывал об осторожности. Инкатора прозвали в народе Жнецом за его частые кровавые жатвы, и принц точно знал, что это меткое прозвище он получил заслуженно.

Эдмунд нехотя посторонился, пропуская их внутрь, и пошел по ступенькам вниз вслед за королем.

Отдалившись от здания метров на двадцать, Оберон прислонился спиной к развесистому клену, укрывавшему своей тенью траву от августовского жара. Карминский остановился напротив него, буравя монарха злым взглядом.

— Прекрати сверлить во мне дырки, Эдмунд, я не четырнадцатилетняя девочка, и на меня твои фокусы не действуют! — сбросив с себя притворное добродушие, проговорил король. — Мог хотя бы поздороваться с ней! Так нет, ты же так боишься показаться вежливым!

— Этой пичужке здесь не место! — отрезал тот. — Лучше отведите ее в институт благородных девиц или в художественную школу. В балетный кружок, наконец, но только не сюда!

— Где ее место буду решать я, а не ты! — жестко заявил Астарот. — Твое дело — беспрекословно выполнять мои приказы! И если я сказал, что ты сделаешь из нее инкатора — ты это сделаешь, наступив на горло всем своим "не хочу"!

— Вы хоть сами понимаете, о чем говорите? Женщина — инкатор! Это просто смешно!

— Вот и замечательно, посмейся! — обрубил король. — А то у тебя давно проблемы с юмором!

Эдмунд смирил клокотавший внутри гнев и попробовал воззвать к монаршему благоразумию.

— Я понимаю, что вы не оступитесь от своей безумной затеи, но подумайте об этой девочке! Вы как-то говорили мне, что она вам дорога почти так же, как сын, так за что же вы обрекаете ее на сугубо мужскую профессию? Вы же знаете, что за жизнь у инкаторов! У нее никогда не будет ни друзей, ни семьи, потому что все будут шарахаться от нее, как от чумы! Ее никто не полюбит! Она не узнает радости материнства! И единственный букет, который она получит в жизни, будет состоять из ее несбывшихся надежд, завернутых в целлофан разочарований! Такой жизни вы хотите для своей любимицы?!

— У нее будет сила и власть, а это куда лучше, чем слюнявые поцелуи поклонников и грязные подгузники горластого младенца! — возразил Оберон.

— Да! Сила и власть у нее, конечно, будут! Ведь вы позаботитесь об этом, даже если она окажется полной бездарностью, абсолютно несоответствующей высочайшим инкаторским стандартам! — саркастически признал Карминский. — А еще у нее будет изломанная психика и лютая ненависть к вам за то, что вы лишили ее не только нормальной жизни, но и детства! Ей всего четырнадцать! Дайте ей хотя бы школу закончить!

Король тряхнул ногой, сбрасывая запрыгнувшего на нее кузнечика.

— По интеллекту она давно превосходит среднестатистического выпускника ВУЗа, — сказал он. — Так что не бойся, азбуке учить тебе ее не придется!

Карминский резко втянул носом воздух, заставляя себя успокоиться.

— Хорошо! — глухо согласился он. — Только о последствиях вашего решения я вас предупредил! Так что потом не предъявляйте мне претензий, если в один прекрасный день предохранители в ее нежных девичьих мозгах сгорят от нервного перенапряжения, и она повесится или выпрыгнет из окна!

Оберон нахмурился.

— Без твоей помощи она этого не сделает, Эдмунд, у нее крепкая психика! Но боже тебя упаси намеренно ее до этого довести или причинить ей физический вред: тысячу раз об этом пожалеешь! — пригрозил он.

Карминский презрительно дернул плечом.

— Даже не собирался! А вот о крепости ее психики рано говорить. Может быть, она и не тревожится из-за сломанного ногтя или недовольного взгляда подружки, но инкаторская работа — серьезное испытание даже для выдавших виды циников! Это другой уровень

переживаний! Я никогда не отличался сентиментальностью, и то первые два года частенько был на грани умопомешательства!

Король недовольно поморщился. Всякий раз, когда его что-то бесило, кровь начинала бить ему в голову мощными толчками, будя чутко спавшее раздражение. Вот и сейчас перед его глазами потемнело, и ему непреодолимо захотелось наорать на прекословящего ему помощника. Но он сдержал свой порыв, потому что ссориться с инкатором не хотел — при всей своей желчности старик был для него бесценен и незаменим. Кроме того, Оберону не хотелось омрачать такой знаменательный для себя день бесполезным скандалом.

— Она — особенный ребенок, Эдмунд! — сказал он. — Если бы ты знал ее мать, то понял, насколько обоснован мой выбор! Она еще тебя сто раз переплюнет!

— Меня? Бред сумасшедшего! — фыркнул Карминский.

— Увидишь! А сейчас сделай одолжение — заткнись, пока у меня голова не взорвалась от давления!

— Ничего не имею против вашей смерти: тогда мне, по крайней мере, не придется тратить семь лет своей жизни впустую! — огрызнулся Жнец.

Он знал, что уже перешел все границы королевского терпения, но необходимость учить своему нелегкому ремеслу сопливую девчонку наполняла его такой яростью, что он даже не пытался выбирать слова и притворяться, что здоровье монарха его сколько-нибудь волнует.

Астарот вздернул подбородок и до болезненного хруста сжал свои опухшие от артрита пальцы.

— Ты забываешься, Эдмунд! — прошипел он. — Я тебе эту власть дал, я ее и отниму, если через семь лет Юлиана не станет равной тебе в мастерстве! Думаешь то, что ты досконально знаешь анатомию каждого скелета в моем шкафу, дает тебе право так непочтительно говорить со мной?

Карминский чуть ли не до земли склонился в преувеличенно подобострастном поклоне.

— Простите меня, Ваше величество! Все время забываю о том, что я всего лишь ваш слуга! — ядовито повинился он. — Разумеется, я сегодня же со всей ответственностью кинусь выполнять ваш приказ, вот только сперва дайте мне свое высочайшее позволение учить эту девочку так, как я сочту нужным! Только в этом случае я смогу гарантировать вам, что моя наука принесет ей хоть какой-то прок!

— Да учи, как хочешь, лишь бы она была жива и здорова! — великодушно разрешил Оберон.

— И вы готовы терпеть ее слезы и жалобы на меня?

— Ну, ты особо-то не свирепствуй, девочка все же... — жалея Юлиану, попросил король.

— Не более, чем это будет необходимо! — уклончиво пообещал Карминский.

Его ответ не слишком понравился монарху, но он знал, что другого все равно не получит, сколько бы не угрожал.

— Тогда договорились! — недовольно пробормотал он и протянул инкатору руку.

Тот сжал его запястье своими по-старчески деформированными длинными пальцами.

— Да не дави ты так, больно! — ойкнул король, высвобождая свою ладонь. — Идем к детям, а то бросили их одних! И не пугай девочку понапрасну — дай ей к себе привыкнуть! На твою вечно злющую физиономию даже мне тошно смотреть!

— И что мне теперь, клоуна из себя строить в угоду ей? Не дождетесь! Пусть привыкает! Инкатория — не для слабонервных!

— Чертов ты мизантроп! — проворчал король, нежно баюкая посылавшую по телу волны боли руку. — Вечно ты всем недоволен!

Сердитость Карминского сменилось застаревшей озабоченностью.

— Я совсем перестал понимать мотивы ваших поступков, Ваше величество! — с горечью признался он. — С тех самых пор, как вы вернулись из первой межпланетной экспедиции, вы ведете себя так, словно ждете какого-то чуда. И не просто ждете, а точно знаете, что оно свершится! Наша страна гибнет под грузом международных санкций, война с Валькинорией истощила наш бюджет, экономика в упадке, а вы без конца берете займы у тех немногих государств, что еще остались на нашей стороне. На что вы надеетесь?

Глаза короля загорелись неповторимым светом скрытого ото всех знания, а губы изогнулись в таинственной полуулыбке.

— Ты прав, Эдмунд! Я жду чуда. Жду, когда оно войдет в силу и замираю от мысли о тех возможностях, которые оно передо мной откроет. Скоро мир изменится до неузнаваемости, и Астароты станут единственными его повелителями! А до того момента я готов терпеть любые лишения. Потому что знаю — они лишь временные. Четырнадцать лет назад я посадил зерно своего благополучия, и оно вот-вот созреет и даст мне все, о чем только можно мечтать!

— Четырнадцать лет назад? — задумчиво проговорил Карминский. — Вы привезли с Эллиума нечто особенное, о чем никто не знает?

Оберон бросил на него встревоженный взгляд. Нужно быть поосторожней с высказываниями, уж больно пронизателен его собеседник.

— Что это было? — требовательно спросил Карминский.

Злая память безжалостной рукой выхватила короля из-под клена и зашвырнула в бесславное прошлое, на стремительно стартующий с Эллиума звездолет с романтическим названием "Мечта". Его экипаж снова удирал с приютившей их планеты. О том, что именно стало причиной конфликта землян с местными жителями, знал только сам Оберон и его неразлучный друг Амадей Дарси, очевидец тех событий. Тогда им было по двадцать два года и они оба страстно жаждали приключений.

В тот судьбоносный день правитель Эллиума имел неосторожность показать им главную святыню их планеты и объяснить ее предназначение. Заключение в ней сила настолько потрясла юного наследника, что он решил завладеть ею. Коснулся, да так и не смог выпустить ее из рук.

А дальше было бегство, позорное и опасное, и непрерывные уговоры Дарси одуматься и вернуть сокровище обратно. Тогда они впервые сильно поссорились. К сожалению принца, навсегда.

Карминский в ожидании ответа сверлил Оберона пытливым взглядом.

— Я же не выпытываю твои секреты, Эдмунд! — с натянутой усмешкой ответил король. — Придет время — узнаешь! Или можешь лишний раз доказать мне свою гениальность, самостоятельно докопавшись до истины.

Это была издевка: вся команда "Мечты" трагически погибла во время взрыва корабля. Теракт произошел через три дня после ее возвращения на Землю, и расспрашивать о событиях на Эллиуме было не у кого.

Глаза инкатора зло сощурились. Монарх отлип от дерева, отряхнул впившиеся в ладони мельчайшие обломки коры и сказал.

— Идем, дети нас совсем заждались!

Карминский молча кивнул и пошел вслед за сюзереном. Теперь ему было не до Юлианы: все его мысли захватила похищенная с Эллиума реликвия.

Пока его отец спорил с инкатором, Энтони как мог успокаивал Юлиану. Они сидели на широком низком подоконнике академического холла и девочка едва сдерживалась, чтобы не разреветься от страха и отчаяния.

— Да не нервничай ты так! — попробовал успокоить ее брат. — Он только выглядит так страшно! А на самом деле просто желчный мерзкий старикашка, превративший свой сан в ауру карающей непогрешимости!

— Тони, я боюсь его! Он меня уже ненавидит, а ведь я ему еще и слова не сказала!

— Он всех ненавидит, — словно оправдывая Карминского, возразил принц. — И всегда ненавидел, насколько я помню... А как еще может себя вести злобный социопат и законченный мизантроп?

Девочка нервно рассмеялась.

— Спасибо! Мне стало намного легче! И правда, чего я заморачиваюсь? Пять лет в обществе самого бесчеловечного инкатора Талинальдии, которым пугают детей, и чье имя произносят только шепотом!

— Вообще-то семь... — расстроено поправил ее Энтони, рассеянно теребя свою русую непокорную челку. — Еще два года стажировки после выпуска из академии...

— Семь?! — ее восклицание было похоже на стремительно вылетевший из сдувшегося шарика воздух. — Половина тех лет, что я прожила?!

Девочка подняла глаза вверх, чтобы не дать пролиться давно просившимся на свободу слезам, и с мукой вздохнула.

— Тони, ты же лучше меня знаешь своего отца! Умоляю, убеди его забрать меня отсюда! Я всегда мечтала помогать людям, а не подавлять их!

— Это единственная работа, которая достойна, и даже еще больше возвысит тебя! — заученно повторил чужие слова Энтони, пытаясь лакированным носком своей туфли стереть с пола раздражающе жизнерадостный солнечный блик.

Юлиана беспомощно всплеснула руками.

— Тони, ты же знаешь, что мне это не нужно! Ну как мне ему это объяснить?

— Никак! — безнадежно ответил принц, — Я пробовал. Не получилось. Хотя я сильно старался. Даже не представляешь, насколько я старался!

Несколько дней назад у них с отцом состоялся крайне неприятный разговор, уже не первый на эту тему. Король впервые не пытался задавить сына авторитетом, а очень доходчиво объяснил ему причину своего решения, а заодно пошире открыл ему глаза на внутреннюю политику страны.

— Тони, — сказал он, сидя рядом с сыном на диване в гостиной, — то, что вы с Юлианой сейчас рассматриваете как непонятное вам обоим наказание, на самом деле гарантия вашего с ней счастливого будущего. Меня скоро не станет — нет-нет, не спорь, я это знаю точно! — пресек он готовые сорваться с уст принца возражения. — От моего бывшего здоровья остались только жалкие ошметки, да и оракул напророчил мне раннюю смерть. Но я не хочу оставлять тебя в этом мире одного. Как мне ни прискорбно это признавать — ты слаб. Много слабее, чем я сам. И не потому, что у тебя не самый крепкий

организм, а потому что ты хоть и рожден правителем, но по сути им не являешься. Не обижайся, сынок, может я и говорю обидные для тебя вещи, но так и есть. Иногда я жалею, что ты не родился девочкой — ей бы больше были к лицу твои мягкость и абсолютное нежелание управлять государством. Но ты мой сын, и скоро тебе придется принимать все решения самостоятельно.

— Нет! — перепугался Энтони. — Я не могу принять на себя ответственность за два с половиной миллиарда человек! И не хочу этого! Я вообще не хочу править!

Оберон успокаивающе похлопал его по руке.

— Знаю, сынок... Знаю... Ты скорее откажешься от трона... Но выход есть, и он прост — тебе всего лишь нужен опытный советник, с острым умом и стальными нервами, умеющий найти нужных исполнителей твоей воли. Тебе нужен новый инкатор, близкий тебе по духу.

Пока мы просто живем, инкаторы принимают решения, на которые у меня самого никогда не хватило бы мозгов. Обеспечивают безопасность и процветание страны и отлавливают нарушающих ее покой смутьянов. За это их боятся и ненавидят, но им это только на руку. Сам знаешь — чем хуже репутация у инкатора, тем меньше ему сопротивляются. И Карминский достиг высочайших вершин в искусстве запугивания. Недаром его прозвали Жнецом — он сеет вокруг себя смерть и страдания, не щадя ни старых, ни малых.

— А Хиггинса правда называли Пахарем за то, что он велел живьем закопать сто человек? — спросил Тони.

Оберон подсунул себе под спину подушку, осторожно распрямляя на ней вечно ноющую спину.

— А потом сел на трактор и несколько раз проехался на нем по месту казни, перепахивая лежавшие сверху тела, — подтвердил он. — И правильно сделал! Порядок в стране требует и не таких жертв!

Король видел, что сын шокирован этим разговором, и поспешил его успокоить.

— Не считай инкаторов злом, сынок! — сказал он. — Они — твои самые верные друзья и советчики и будут оберегать тебя от бед даже лучше, чем это делали мы с твоей покойной матерью. Пойми, они не садисты, и не маньяки, и ничего не делают без серьезных на то причин. Они — мудрые политики и психологи, способные решить самые серьезные проблемы. Порой для этого им приходится прибегать к насилию. Но эмоции и люди уходят, а результаты остаются. Благодаря усилиям инкаторов наша страна на протяжении многих столетий была одной из самых сильных в этом мире, и это при том, что ни один король из династии Астаротов не обладал гениальным умом и не был великим стратегом. И если бы ты хоть иногда интересовался политикой, ты бы это знал.

— Если они так гениальны, то почему тогда служат нам? — недоуменно спросил Тони. — Почему не сместят нас и не заберут власть себе?

Старший Астарот засмеялся.

— Тому есть несколько причин. Во-первых, инкаторов всегда трое, и они жестко конкурируют и постоянно следят друг за другом. Шансы, что они полюбовно поделают между собой власть ничтожны. А во-вторых, у королей всегда есть свой строгий ошейник для каждого из них, позволяющий нам заставлять их делать то, чего им категорически не хочется.

— Значит, у тебя есть ошейник для Карминского?

— Да, причем очень прочный! Иначе он давно растер бы меня в пыль! — усмехнулся король. — Мы с ним ненавидим друг друга уже более тринадцати лет, но ненавидим любя, и это нисколько не мешает нашему плодотворному сотрудничеству. Разве что добавляет в него огня. К моему великому счастью, этот старый брюзга никогда не стремился к большей власти, чем та, которой он и так обладает. Энтони мысленно попробовал отдать Карминскому приказ, моментально получил от него резкую, полную сарказма отповедь, и сник.

— Папа, когда тебя не станет, вряд ли он будет служить мне...

Король задумчиво прикусил губу — этот вопрос его самого волновал уже давно и серьезно. То, чем он держал при себе старого инкатора, пачкало и его собственное имя, и потому должно было умереть вместе с ним. А убивать его было нельзя — слишком много жизненно-важных для страны нитей он держал в руках. Оберон не сомневался, что Карминский унесет в могилу все те тайны, что делали его незаменимым. Поэтому он нашел альтернативный вариант выхода из этой ситуации.

— Прорицательница пообещала мне примерно сорок семь лет жизни. Если она не ошиблась, то к этому времени у тебя будет собственный молодой советник, который ничем не уступит Жнецу, а может и превзойдет его! — сказал он.

Энтони охнул и в смятении посмотрел на отца.

— Ты сейчас имеешь в виду Юлиану?

— Да сынок. Я долго думал на кого мне оставить тебя после смерти. Выбор был очень непростым, ведь этот человек должен быть умным, решительным, умелым организатором, и самое главное — беззаветно преданным тебе. Не менее важно, чтобы и тебе было комфортно и спокойно с ним, чтобы ты мог довериться ему, как самому себе. А кто еще в нашем королевстве подпадает под это описание, кроме нашей малютки герцогини?

— Папа, ты, верно, шутишь?! — изумился Энтони. — Посмотри на этих мастодонтов Карминского, Хиггинса и Витовского, и на Юлиану! Сравнить ее с ними — все равно, что сравнивать лилию с бульдозерами! В ней же нет ни расчетливости, ни коварства, ни жестокости!

— Я же не говорю, что она уже безупречна! — пожал плечами Оберон. — Карминскому придется попотеть, прививая ей эти качества, но он справится, я уверен!

— Почему именно Карминскому? Почему не Витовскому или Хиггинсу?

— Витовский — редкий профи, но потенциальный труп. Он неизлечимо болен, и вряд ли доживет до ее выпуска. В этом случае Эдмунду придется отпустить девочку в свободное плавание куда раньше запланированного. Хиггинс — самый слабый из их троицы. А вот чтобы противостоять Карминскому, нужно знать его самого, его образ мышления и его приемы досконально. А такая сообразительная девочка как Юлиана, за семь лет изучит его, как свои пять пальцев. Он обучит ее всем своим хитростям и премудростям, к которым она добавит свои, и к тому моменту, как я уйду в лучший мир, на страже твоих интересов станет усовершенствованная и более энергичная копия Жнеца. — Король сделал нетерпеливый жест, словно отмахиваясь от возможной неискренности сына: — Только не говори мне, что ты не хочешь править вместе с ней, в жизни не поверю!

— Не скажу, — признал Тони. — Она была бы идеальным соправителем для меня. Но все равно ты не имеешь права принуждать ее к тому, чтобы она приносила себя в жертву нашей семье! Это подло!

Оберон, кряхтя, встал с софы и подошел к графину с водой. Вытащив из кармана

горчичного пиджака пачку капсул, он вылушил сразу две и шумно их проглотил, зная, как вид лекарств пугает его ребенка.

— Принимая решение отправить Юлиану в академию, я думал не только о твоём благе, но и о ней! — намеренно глубоко дыша, сказал он. Я хотел дать ей блестящее образование, сделать ее сильной, независимой женщиной, которая после учебы сама стала бы хозяйкой своей судьбы.

Подумай сам, как ей сейчас живется? Кроме тебя, у нее совсем нет друзей, а родной отец не хочет ее забирать домой даже на каникулы! Я могу его понять: у него новая семья и страшенькая падчерица, которой неуютно в обществе утонченной сводной сестры. Да и денег у него на всех не хватит — он же давно прогулял свое состояние! Куда лучше держать дочку взаперти в дешевой школе, а потом повыгоднее выдать ее замуж.

— Сейчас не средневековье, и отец не сможет принудить ее к браку!

— Принудить — нет. Потому что и принуждать-то нечем! Он даже наследства ее не может лишить, потому что давно прокутил его. А вот надавить на жалость может. Юлиана так давно мечтает об отцовской любви, что в лепешку разобьется, чтобы получить его одобрение!

— Я не допущу этого! — проскрипел зубами принц.

Оберон с усмешкой посмотрел на него.

— И что ты предложишь ей взамен? Руку и сердце?

Тони сильно покраснел и потупился. В своих грезах он часто видел Юлиану своей королевой, но насколько осуществимы эти мечты, он не знал.

— Может быть... Если она согласится, конечно!

— А если нет? У нее ведь могут быть свои планы не только на образование, но и на личную жизнь, сынок! Ты сам прекрасно знаешь, что она видит в тебе только младшего брата! Заметь, младшего — тебе ведь только тринадцать! А девушки в ее возрасте интересуются не сверстниками, а мужчинами постарше! Да и чувства она испытывает к тебе исключительно братские!

— Я знаю, — пробурчал принц.

— Допустим, она не захочет брать тебя в мужья. Как ты видишь ее жизнь тогда? — продолжил неприятную для него тему Оберон, опуская тот факт, что он сам скорей трупом ляжет, чем допустит этот брак. — У нее нет дома. Нет средств к существованию. У нее нет вообще ничего, кроме головы.

— Мы заберем ее жить к себе! Разве мы обеднеем, если Юлиана поселится у нас? — с вызовом спросил Энтони.

— Нет, конечно, не обеднеем! — качнул головой давно готовый к такому предложению своего отпрыска король. — И я был бы очень рад, если бы она жила с нами! Но ты должен понимать, что все будут считать ее нашей содержанкой! Во дворце и так давно ходят слухи, что она любовница одного из нас, а то и обоих сразу! Ты подумал о ее репутации? Вряд ли ей будет приятно слышать себе вслед глумливое хихиканье! И чем сильнее мы будем опровергать эти слухи, тем большую силу они приобретут! Ведь людям нужна не правда — им нужна сенсация! А что может быть грязнее и пикантней, чем молоденькая шлюшка, одновременно ублажающая короля и наследника, которую принц для отвода глаз зовет своей сестрой, а его отец — воспитанницей?

— Папа, прекрати! — зажимая уши руками закричал мальчик. — Не смей так говорить о Юлиане! Она не такая!

— Да не кричи ты, я и сам это знаю! — с досадой махнул рукой король. — Только я посмотрю как ты докажешь это всем остальным! Хочешь, чтобы от ее гордости остались только лохмотья? Вряд ли она поблагодарит тебя за это!

После этого довода Энтони сдался, но теперь сильно сомневался тот ли выбор сделала бы Юлиана, будь у нее такая возможность. Наверное, все-таки нет. Как хорошо, что она не знает, что он тоже приложил руку к ее заточению здесь!

Девочка стряхнула прилипшую к ее мундиру колючую травинку и с отвращением оглядела себя.

— Я выгляжу в этом балахоне как клоун! Жалкая пародия на инкатора! Я не хочу носить эту одежду, мне нравятся платья!

А вот тут Энтони был с ней категорически не согласен. Сшитый с иголки мундир длиной до щиколоток, ладно облегал ее точеную фигурку и удивительно шел ей, придавая пленительную строгость и делая ее чуть взрослее.

— Ты выглядишь просто замечательно! — мягко возразил ей он. — Гораздо лучше, чем когда-либо. Просто ты чересчур напряжена. Все вокруг тебя незнакомое, неродное, а кислая физиономия Карминского всегда всем портит настроение. Расслабься, сестренка, все равно он тебе ничего плохого не сделает! Ну максимум наорет за откровенный саботаж!

Дверь академии открылась, ослепив детей яркими полуденными лучами, и в вестибюль вошли Оберон и Карминский. Юлиана немедленно встала. Тони нехотя последовал ее примеру.

— Честно говоря, я здесь ни разу не был после своей коронации! — ностальгически осматриваясь, признался король. — И с тех пор здесь все изменилось до неузнаваемости! Ну, ребятки, идемте смотреть колыбель наших инкаторов!

Девочка с опаской прошмыгнула мимо Карминского. Он зловеще улыбнулся ей вслед, раздумывая как сделать их завтрашнее занятие первым и последним.

Ровно в восемь утра следующего дня Карминский сверлил свою единственную ученицу недобрым взглядом, не зная с чего начать свое преподавание, чтобы она сбежала от него в кратчайшие сроки. У него было по горло важных и неотложных дел, и он не собирался ни пускать их на самотек, ни перепоручать кому-то из своих более удачливых, не обремененных подростками коллег.

Острые буравчики его ледяных глаз уже через десять секунд заставили отчаянно пытавшуюся быть смелой девочку опустить взгляд. Добившись цели, они расслабленно заскользили по помещению, а по губам Эдмунда зазмеилась довольная улыбка: его гениальный мозг нашел быстрое решение стоявшей перед ним проблемы.

Руководство академии выделило для них с Юлианой отдельный класс, не слишком большой, но светлый и уютный. Вдоль выкрашенной в фисташковый цвет стены стояли книжные шкафы, а в центре класса были сделанные из красного дерева учительский стол и одна-единственная парта.

Карминский перевел взгляд на открытое настежь окно со сдвинутой вбок прозрачной белой шторой и отрывисто приказал:

— Вставай! Наше ознакомительное занятие будет проходить не здесь!

— А где? — едва слышно спросила Юлиана.

Жнец хищно улыбнулся.

— Хочу показать тебе настоящую инкаторскую работу! — почти дружелюбно ответил он. — Ты же хочешь увидеть, чем тебе придется заниматься всю свою жизнь? — Он поднял палец и вкрадчиво добавил: — Заметь, всю! Ведь уволиться с этой службы невозможно! Она оканчивается только вместе с жизнью! Ты правда этого хочешь?

Девочка этого не хотела. И не просто не хотела, а панически боялась. До учебы она мало что знала об инкаторах, кроме того, что это наделенные огромной властью люди, и все их ненавидят, но то, что писали про них на веб-страницах, очень ее пугало.

Выжидающая улыбка Карминского стала жесткой и теперь напоминала звериный оскал.

— Я задал тебе вопрос!

Она вздрогнула, в очередной раз удивившись как хлестко он произносит слова. Примерно так же звучали удары бича в фильме про рабов, который они с Тони смотрели пару месяцев назад.

— Да, — нерешительно соврала Юлиана, боясь разозлить его правдивым ответом.

Она со стыдом подумала, что если не справится со своим страхом перед учителем, то скоро сама превратится в такую же безмолвную забитую рабыню, как главная героиня того фильма, но уж никак не в инкатора.

— Отлично! — захлопывая составленный накануне конспект, воскликнул он. — Тогда поехали!

Эдмунд быстрым шагом вышел из класса и направился по коридору к выходу, ни разу не обернувшись. Проклиная сковывавший ее движения узкий мундир, девочка бросилась за ним вдогонку.

Местом для их урока Карминский выбрал расположенную в двухсот двадцати километрах от академии тюрьму. Туда несколько дней назад привезли осужденного за шпионаж валькинорца — гражданина уже несколько десятилетий воюющей с Талинальдией страны. Парень оказался крепким орешком и до сих пор так и не рассказал, кто из чиновников оборонного ведомства передавал ему планы генштаба.

Дело было слишком мелким для инкатора, и в другое время он поручил бы его кому-то другому, но для запугивания девчонки оно вполне годилось. Он снисходительно посмотрел на старательно изучавшую вид за окном автомобиля ученицу. С момента их отъезда из академии прошло уже сорок минут, но она ни разу не пошевелилась: поездка с ним сама по себе была для нее серьезным испытанием. За всю дорогу они не обмолвились и словом, и инкатор лениво подумал не потретировать ли ее своими разговорами для усиления эффекта. Но комфортная езда приятно убаюкивала его, и он решил не портить себе поездки таким сомнительным удовольствием. Успеется! Скорей всего, этой пугливой неженке и обыкновенного допроса хватит, чтобы рухнуть в обморок! А потом он придумает еще что-то впечатляющее. Да мало ли способов довести четырнадцатилетнюю девчонку до нервного срыва? Конечно, упертому Астароту будет мало одной ее истерики, но он обеспечит их Юлиане в таком количестве, что она очень быстро превратится в трясущееся затравленное существо, недостойное называться человеком. И вот тогда этот коронованный упрямец поймет, что она никуда не годится и оставит его в покое, а эту малолетку отдаст на балет. Там ей самое место — хрупкая, изящная, тонкокостная. Словом, необременительная для партнера. А вот для него очень даже обременительная. Ну, а если не на балет, то еще куда-то, только не в инкаторскую академию.

Карминский прикрыл тяжелые веки и задремал. Его разбудила тишина в ту самую минуту, как шофер заглушил двигатель, останавливая машину напротив центрального входа

в тюрьму. Он потянулся, расправляя плечи, и бросил косою взгляд на застывшую рядом с ним девочку, которая оробело смотрела на открытую ей шофером дверь.

— Чего сидишь? Выходи! Приехали! — скомандовал инкатор.

Юлиана выбралась из машины и с опаской огляделась. Прямо перед ней, посреди выжженной беспощадным летним солнцем степи, на несколько десятков метров тянулся каменный забор. Сверху он был утыкан острыми штырями, на которых крепилась колючая проволока. За ним виднелось несколько угрюмо-серых корпусов с маленькими зарешеченными окнами.

Уколовшись о жала проволоки, взгляд девочки отскочил вниз и уткнулся в бессильно повисший ковыль. Все вокруг казалось неживым. Тишина стояла такая, что резало слух. Не слышно было ни птиц, ни привычного для степи стрекота кузнечиков, ни шелеста иссушенной травы. Воздух был сперт и неподвижен, даже облака казались плотно приколотыми к небу.

— Чтоб тебя! — проворчал сзади Карминский, размазывая по асфальту прыгнувшую ему под ноги большую желто-зеленую саранчу. Тело насекомого превратилось в неоднородную кашу, а отделившиеся от него лапки задрыгались в агонии.

Юлиана поморщилась и отвела глаза.

— Ну что, налюбовалась пейзажем? — поинтересовался Карминский.

Она молча кивнула.

— Тогда идем дальше! — жизнерадостно объявил он.

Охранник тюрьмы с лязгом отворил тяжелую калитку и замер в глубоком почтительном поклоне. Даже не кивнув ему, Жнец подтолкнул медлящую девочку в спину, побуждая ее пройти через вертушку проходной.

— Смелее! Будь как дома! Ведь это — часть твоей будущей работы! Ты должна чувствовать себя тут хозяйкой, а не гостем!

Она внутренне содрогнулась и вышла в квадратный тюремный двор. Теперь к чувству сиротливого одиночества, которое она испытала возле ограды, добавилась обреченность. Она ядовитыми миазмами сочилась из бетонных стен, из вмурованных под ржавыми решетками окон, и накладывала несмываемый отпечаток на лица стоявших на вышках часовых.

Не успел Карминский подойти к главному корпусу, как очередной охранник предупредительно распахнул перед ним двери.

— Где Сигерд Станг? — отрывисто бросил на ходу инкатор.

— Я провожу вас, милорд! — дрогнувшим голосом сказал служащий, пристраиваясь чуть поодаль и сбоку от инкатора и его спутницы. — Пожалуйста, поверните направо! Теперь сюда. Осторожно: здесь две ступенечки вниз! — задыхаясь от волнения, комментировал он. — Мы почти пришли! Третья дверь слева, милорд. Минутку, я сейчас вам ее открою.

Бедняга так нервничал и суетился, что Юлиана даже на время отвлеклась от собственных страхов. Значит, не у нее одной так трясутся поджилки в присутствии Жнеца?

Охранник распахнул дверь настежь, пропуская ее и Карминского внутрь, а потом застыл у входа по стойке "смирно". Увидев входящего инкатора, сидевший за столом следователь вскочил, как ошпаренный. Вытянувшись в струнку, он путано забормотал слова приветствия, при этом его правое веко непрерывно дергалось.

«Да, похоже не я одна такая нервная!» — с некоторым удовлетворением заключила

Юлиана. Жнеца от этого открытия она бояться не перестала, зато стыд за свою слабость ее стал мучить значительно меньше. Она даже позволила себе осмотреться.

Ее взгляд сразу же приковал к себе стоявший посреди комнаты мужчина в темной робе. Его руки были заведены за спину, глаза завязаны плотной черной тканью, а уши закрывали внушительных размеров наушники. Он странно покачивался и подергивался, словно в такт слышавшейся даже сквозь наушники музыке. Его жутковатый танец состоял не только из покачиваний — периодически он начинал оседать, но тут же возвращал себе относительное равновесие. Из-под закрывавшей его лицо повязки виднелась только узкая прорезь бескровного рта, который то широко открывался, то снова стискивался.

Карминский с усмешкой посмотрел на заключенного и погрозил следователю пальцем.

— Развлекаешься? Ай-яй-яй! Ты разве не знаешь, что пытки разрешены только инкаторам?

— Я так, несильно... Просто хотел узнать у него несколько имен... — забормотал тот.

— Пошел вон отсюда! — махнув рукой в сторону двери, добродушно приказал инкатор. Сам того не зная, следователь здорово облегчил ему задачу.

Офицер шмыгнул к двери, а Жнец бросил на стол привезенную с собой темно-синюю папку и взял с него пачку влажных салфеток. Выгасив пару шпук, он набрал номер своего палача, которому велел приехать следом за ними.

— Ненавижу этот мундир летом! — недовольно пробурчал он, протирая лицо и шею от пота. — Рэндольф, ты где?

— Через три минуты буду! — ответил его помощник.

— Не задерживайся! — выдвигая себе стул, велел инкатор.

Он положил мобильник на стол и через плечо посмотрел на жавшегося у двери охранника.

— Эй, ты, принеси еще один стул!

Буквально через минуту его приказ был выполнен. Глянув на не знающую куда себя деть Юлиану, инкатор похлопал ладонью по сиденью.

— Иди садись! — позвал он девочку.

Она примостилась на краешке и указала Карминскому на извивавшегося в странном танце мужчину.

— Почему он так странно ведет себя? — поинтересовалась она. — Он, что — безумный?

— Не исключено, что уже да, но вряд ли! — со знанием дела ответил тот. — Этот упрямец себя прекрасно контролирует, а следовательно, его интеллект еще не пострадал.

— Почему он в наушниках? — все еще ничего не понимая, спросила Юлиана.

— Станный вопрос! Музыку слушает, конечно! Вишь, как пританцовывает?

Инкатор пододвинул к девочке пачку салфеток.

— Нужны?

Не отрывая взгляда от арестанта, она мотнула головой, а потом с ужасом воскликнула:

— У него из носа потекла кровь! Ему плохо!

Вскочив, Юлиана бросилась на помощь заключенному, но Карминский мощным рывком вернул ее на место.

— Сидеть! — рявкнул он. — И попробуй только еще хоть раз шевельнуться без моего позволения!

На мгновение она растерянно замерла, не зная, что делать, а потом, проигнорировав

запрет, соскочила с места и подбежала к снова начавшему оседать мужчине.

На этот раз Карминский не стал ей препятствовать. Откинувшись на стуле, он стал наблюдать за ее действиями. Первым делом девочка сорвала с жертвы наушники. Дернувшись от ударившей ей в уши музыки, она с негодованием отшвырнула их в сторону, а потом зашла за спину Станга и развязала ему глаза. Посмотрела вниз и громко охнула, увидев багровые распухшие запястья с глубоко врезавшимися в них наручниками.

Мужчина вдруг громко разрыдался и зашатался. Юлиана бегом бросилась за своим стулом и подставила его под ставшего сползать на пол измученного человека.

— Дайте мне ключи от наручников! — гневно потребовала она у Карминского.

Он безразлично пожал плечами.

— Зачем? Ему уже и так гораздо лучше! Кстати, что это у него играло? Я совсем перестал разбираться в новомодных музыкальных направлениях! Ритмичненько так! Бодряще! Надо себе на телефон закачать!

В голову Юлианы ударила мощная слепящая волна. Ударившись о черепную коробку, она обжигающе холодным огнем потекла по телу, по пути сжимая спазмом сначала челюсти, а потом кулаки. Накатившее на девочку чувство было ей незнакомо — она никогда и ни к кому его прежде не испытывала, но, несмотря на это, определить его смогла безошибочно. Ярость, поняла она. И ненависть.

Дверь негромко стукнула, впуская всегда работавшего с Карминским палача, но Юлиана не обратила на него внимания. Вытащив из кармана платок, она опустилась на корточки и стала стирать не прекращавшую литься из носа несчастного кровь, холодея от его рыданий.

— Ему нужен врач! — выкрикнула она, не слишком-то надеясь, что ее кто-то послушает.

Карминский издал издевательский смешок и знаком велел Рэндольфу оттащить девочку от заключенного. Крепко сбитый детина легко подхватил невесомую для него герцогиню подмышки и отнес к столу, ближе к начальнику.

Инкатор выдвинул ящик стола, доставая из него наручники, и протянул их помощнику.

— Прикуй ее возле нашего учебного пособия, — распорядился он. — Тем более, что она сама мечтает быть к нему поближе.

Юлиана еще не успела понять, что с ней собираются делать, как Рэндольф защелкнул один из наручников на ее руке, перекинул девочку через плечо и отнес к стояку центрального отопления, на котором защелкнул второй наручник.

Карминский поднялся, взял висевшую на крючке резиновую дубинку и направился к герцогине. Оказавшись в шаге от нее, взмахнул дубинкой. Она зажмурилась, ожидая вспышки боли, но удара за взмахом не последовало — инкатор стукнул дубинкой не по ее телу, а по своей ладони.

— Продолжим наш урок! — как ни в чем не бывало сказал он и подошел к успевшему немного прийти в себя Стангу. — Ты будешь служить закону и тебе часто придется работать с преступниками. Не хочу тебя пугать, но эти твари жутко вредны, изворотливы и так и норовят подложить тебе какую-нибудь гадость. Не надейся, что они сплошь джентельмены и будут с тобой вежливы и откровенны только потому, что ты — леди. Поэтому правило первое: соблюдай безопасность! А значит, никогда не оставайся наедине с преступником, каким бы безобидным он тебе не казался. Не будь у этого молодчика связаны руки, он бы уже давно использовал тебя в качестве заложницы, чтобы выторговать себе свободу в обмен

на твою жизнь. Следовательно, если ты не хочешь отдавать себя на милость всякому сброду, в следующий раз веди себя разумней: заложники далеко не всегда обходятся простым испугом!

Он поиграл перед лицом заключенного дубинкой, словно взвешивая ее, и продолжил:

— Далее! Общаться со всяким отребьем тебе придется для того, чтобы получить нужную информацию. В большинстве случаев тебе не придется заморачиваться с этим лично — у тебя будет полно подручных вроде моего Рэндольфа, но ты должна командовать ими, если клиент попадется особо неразговорчивый. А для этого нужно знать его уязвимые места.

«Иди к дьяволу со своими советами! — негодовала внутри себя Юлиана. — Мне они не пригодятся! Потому что никто меня не заставит этим заниматься!»

— Сегодня мы с тобой не будем рассматривать приемы психологического насилия — ты до них еще не доросла, — продолжил Карминский, — а остановимся на самом примитивном, но вместе с тем самым доступном и эффективным способе получения информации — пытках! Сегодня ты стала свидетельницей некоторых из них. Наш проказник-следователь применил к Стангу одновременно несколько видов истязаний. Первый — разрывающая барабанные перепонки музыка, второй — слишком сильно пережатые руки, третий — пытка длительным стоянием. Ну а повязка на глаза — один из видов сенсорной депривации. Знаешь что это такое?

— Нет!

— Это частичное или полное лишение одного или нескольких органов чувств внешних раздражителей, — спокойно пояснил ей Карминский, поигрывая дубинкой. — Непродолжительная депривация расслабляет человека, но чем она дольше, тем больше усиливается беспокойство, начинаются галлюцинации и прочие неприятные вещи. Некоторые сходят с ума только от этого! Но в данном случае повязка просто должна была обострить испытываемую жертвой боль.

«Чудовище! — подумала Юлиана про следователя. — Просто чудовище! И он, и Карминский, и его ручная горилла — все они нелюди! Почему Бог позволяет таким рождаться на свет?»

Пока она негодовала на Создателя, инкатор задрал штанину до сих пор сидевшего на стуле узника.

— Видишь как раздулись его ноги? — демонстрируя ей сильно опухшую, со вздувшимися венами голень Станга, спросил он. — До того, как его решили развлечь музыкой, он простоял часов десять, не меньше. Усталость — не единственный мучительный аспект этой пытки. Если человека продержат так достаточно долго, то кожа начинает лопаться. Так что и правда, пусть передохнет — многие из моих клиентов говорили мне, что после короткого отдыха, возобновление мучений переносится еще тяжелее!

Станг слизнул заливающую его губу кровь, настороженно покосился на дубинку, шевельнул руками и болезненно вскрикнул.

— Снимите с него наручники, разве вы не видите, как он страдает? — не выдержала Юлиана. — Долго вы еще намерены его мучить?

Палач насмешливо фыркнул и отошел к стене. Эта девочка в таком же, как у его хозяина мундире, смешила его. Он, как и другие, искренне недоумевал, как король может надеяться, что из этой дерзкой малявки можно вылепить что-то хоть отдаленно похожее на его всемогущего босса.

— Сколько потребуется! — "утешил" ее Карминский. — Время и интенсивность пыток можно примерно определить по внешности человека. Как правило, голубоглазые светловолосые люди более восприимчивы к боли, чем южные типы. Женщины переносят боль хуже, но они терпеливей, чем мужчины. Хотя исключения есть всегда и везде.

Еще полезно знать, что острее всего боль ощущается ночью, днем и вечером слабее. Самые чувствительные — и самые мои любимые места для воздействия, — это пульпа зубов, глаза, кожа век, кости ключиц и пах, — используя дубинку в качестве указки, рассказывал он. — А начинать пытку можно с голеней: обычно удар по ним ощущается весьма болезненно. Вот смотри!

Он закатил штанину Станга, сильно размахнулся и ударил его дубинкой по середине голени. Заключенный судорожно дернулся и издал полный муки вой. Кожа лопнула, и по его ноге заструилась сукровица. Жнец силой оттянул вверх его зажмуренное от боли веко и обратил внимание девочки на зрачок узника.

— Смотри, как расширен! Это показатель настоящего страдания! Когда будешь пытаться сама, не обращай внимания на вопли — симулянтов полно! А вот если зрачки на полглаза — значит, твой клиент скоро сломается.

Он снова размахнулся и нанес несколько сильных ударов по ногам, а напоследок сломал Сигерду ключицу. Корчась и вопя от боли, мужчина упал на пол.

Задыхаясь от ужаса, Юлиана забилась в своих оковах, страстно мечтая остановить зверя, которого ей назначили в учителя.

— Прекратите! Не делайте этого! Остановитесь! Я не понимаю, зачем вы его мучаете, ведь вы даже ничего не спрашиваете у него!

— А смысл его спрашивать? — пожал плечами инкатор. — Он оглох! Ты слышала, с какой силой долбила ему в уши музыка? Даже если его барабанные перепонки и не полопались, то он все равно сейчас ничего не слышит! Сейчас докажу!

Он наклонился к уху Станга и громко проорал в него:

— Ты меня слышишь? Можешь убежать, если хочешь! Если за пять минут ты сможешь выйти за территорию тюрьмы, то я подарю тебе свободу!

Сигерд никак не отреагировал на его вопли, только еще сильнее зарыдал. Юлиана от бессилия сжала руки в кулаки. Врезавшееся в запястья железо только еще больше разозлило ее.

— Вам доставляет удовольствие над ним издеваться, да? Вы ведь это делаете сейчас без всякой цели!

Карминский швырнул дубинку на пол и сел за стол.

— Милая, я даже не пукаю без цели! — разваливаясь на стуле, глумливо ответил он. — И я ни над кем не издеваюсь, а как мне и приказано, обучаю свою студентку с помощью вот этого учебного пособия, — он кивнул на Сигерда. — Показываю ей азы пыток — неотъемлемую часть работы любого инкатора.

— С людьми можно договориться и без насилия! Вы просто не хотите приложить к этому усилия!

— Согласен, можно и без физического насилия! Психологическое мне нравится куда больше! Но оно срабатывает не всегда и не со всеми! И потом, детка — мы ведь говорим о тебе, так давай будем реалистами. Чтобы расколоть человека, нужно быть очень хорошим психологом, а ты им и через десять лет не станешь. Разве что выйдешь на уровень типичного психоаналитика, с умным видом выслушивающего детские воспоминания неспособных

найти общий язык с женой или начальством неврастеников.

Карминский трагическим жестом приложил руку ко лбу и несчастно произнес:

— Ах, доктор, у меня не складываются отношения с людьми, я никому не могу доверять! — и тут же сам себе ответил, но уже уверенным, даже покровительственным тоном: — Это неудивительно! Ведь когда вам было три года, ваш друг по песочнице сломал слепленный вами куличик! Такая психологическая травма не может пройти бесследно! Думаю, за полгода напряженной работы я помогу вам осознать, что он сделал это вовсе не для того, чтобы вас обидеть, а просто оказался неуклюжим недоумком, и тогда вы снова поверите в искренность окружающих и полюбите этот мир!

— Не смешно! — зло бросила Юлиана.

— Какая же ты скучная и предсказуемая! — вздохнул Карминский. — И эмоционально неустойчивая к тому же! Нормальный инкатор должен быть толерантен к нервно-психическим перенапряжениям и иметь пониженный уровень тревожности. А ты передергиваешься даже от размазанного по земле жука! И совершенно не контролируешь свои эмоции, что тоже в нашем деле никуда не годится! Короче, ты не подходишь для этой работы ни по одному критерию, но, к несчастью, преждевременно заболевшего маразмом Астарота это не волнует! Нам поставлена задача, и как бы нас с тобой друг от друга не тошнило, семь лет ежедневной неприязни и взаимного отвращения нам обеспечены.

Думаю, ты этим скудным списком эмоций не удовлетворишься и добавишь к нему со своей стороны пуд жгучей ненависти. Ну это-то понятно: я мужчина хоть куда, и еще никого не оставлял равнодушным! Хотя, между нами, ненависть — весьма энергозатратное чувство, к тому же активно разрушающее здоровье, так что не перебарщивай с ней! Поверь старику, нервы нужно беречь смолоду! Ну да ладно, что-то я чересчур заболтался! Давай продолжим наше занятие! Сейчас я тебе покажу, что можно сделать с помощью простой сигареты!

Урок продолжался недолго. Через десять минут и ослепленный сигаретой Станг, и Юлиана оказались в глубоком обмороке.

Девочка пришла в себя в медицинском блоке. В голове шумело, а у основания правой ладони ощущалось сильное жжение. Она непроизвольно дернула рукой, потом открыла глаза и увидела добродушного вида пожилого врача, который обрабатывал ей антисептиком свеженную наручником кожу.

— О! — обрадовался откуда-то из-за ее головы Карминский. — Наша соня проснулась! Отдохнула?

Инкатор подошел к Юлиане и дернул ее за только что обработанную руку. Она сжала зубы, чтобы не зашипеть от боли. Врач бросил на Жнеца косой недоброжелательный взгляд, но высказаться не посмел, только быстро обмотал ей запястье бинтом.

— Вставай скорей, а то весь день проспидишь! — оживленно проговорил Эдмунд.

Девочка стиснула челюсти, чтобы сдержать рвущиеся из нее проклятья, и при помощи врача поднялась на ноги.

— Не упадете? — заботливо спросил он.

— Нет, — неуверенно пробормотала она. При воспоминании о предшествовавших обмороку событиях дурнота стала возвращаться.

Карминский подхватил ее под руку и потащил из санчасти прочь.

— Я хоть и не обидчивый, но слегка задет, — уязвленно сказал он. — Неужели мои уроки такие скучные, что от них клонит в сон? Если так, то я исправлюсь и к следующему разу подготовлю что-нибудь более захватывающее, обещаю!

— О, господи... — простонала Юлиана. — Для меня и сегодняшнее зрелище было незабываемым!

— Это что! Пустяк! — заскромничал Карминский. — Я и не такое могу, увидишь!

— Уже страшно! — не стала врать девочка.

Они на минуту задержались возле закрытой на несколько замков двери, дожидаясь пока охранник отперет их, а после прошли в гигантский, высотой в несколько этажей длинный зал, по обе стороны которого располагались камеры. В дальнем углу зала слышались разъяренные вопли и грохот.

— Здесь камеры с заключенными, — пояснил ей Жнец. — Тебе, наверное, интересно, зачем я тебя сюда привел?

Юлиана с тревогой посмотрела в сторону источника шума и кивнула.

— Сейчас объясню! — недобро улыбнулся Карминский. — Помнишь, что в начале урока я велел тебе сидеть рядом со мной и ни в коем случае не вставать?

— Помню, — похолодев, ответила она.

— А ты меня проигнорировала...

Она еще раз кивнула.

— Не то, чтобы я на тебя сильно рассердился, просто терпеть не могу непослушания. Сегодня твое наказание за этот проступок будет мягким, но если это повторится, тогда мы будем говорить с тобой по-другому. Надеюсь, ты поняла, что шутить я не люблю?

— Да.

— Вот и славно! Сегодня ты посидишь в одной из камер и подумаешь над своим поведением. Ты должна уяснить, что нравлюсь я тебе или нет, но я — инкатор и твой педагог, и ты должна уважать и слушать меня.

Он оглядел зал, словно выбирая в какую из камер ее определить, а потом схватил за руку и поволок в другой его конец. По мере их приближения вопли заключенного становились все отчетливей.

— Я убью вас, суки! Всех голыми руками передую, как тех двух крыс, из-за которых я здесь! — колотя в дверь ногами, кричал тот. — Вы все равно когда-нибудь подойдете ко мне, и тогда вам хана!

Остановившись напротив содрогавшейся от мощных ударов двери, Карминский жестом подозвал к себе охранника.

— Ты мне говорила, что с людьми можно договориться и без насилия, — меж тем напомнил он девочке. — У тебя есть прекрасная возможность доказать мне это! Иди и договорись с этим взбесившимся убийцей!

Юлиана оторопела. Добровольно идти на растерзание к бушующему преступнику она не собиралась.

— Вам мало моих нервов? Хотите моей смерти? — враждебно осведомилась она. — Он сейчас не в том состоянии, чтобы вести переговоры! Нужно дать ему время успокоиться!

— Девушка права, милорд! — встрял подбежавший к ним караульный. — Лучше оставить его на время в покое: потом он успеет получить свое!

Жнец с прищуром посмотрел на посмевшегося вклиниться в их разговор служащего.

— Я давал тебе слово? — ледяным тоном поинтересовался он, рассматривая парня, как блоху.

— Нет, но девушке нельзя туда входить! — с горячностью заявил тюремщик. — Линарес силен, как медведь! Он ее двумя пальцами пополам сломает!

— Хм... — инкатор озадаченно почесал затылок. — Да у меня сегодня впервые за много лет день бунтов! Это ты так плохо действуешь на персонал, моя дорогая, или я стал таким мягким, что меня и в грош не ставят? — спросил он Юлиану.

Охранник побледнел и замолчал.

— Твари! Всем кишки на хрен повыпускаю! — орал зэк.

Стук на пару секунд затих, а потом снова возобновился.

Карминский заглянул в крошечное зарешеченное окошко и по его губам растеклась предвкушающая удовольствие улыбка. Первоначально, предлагая Юлиане успокоить арестанта, он и не помышлял о том, чтобы действительно впихнуть навязанную ему студентку в камеру к обезумевшему уголовнику. Он хотел просто немного попугать ее. Но мысль о том, что прямо сейчас он может избавиться от нее раз и навсегда, вдруг стала непреодолимо сладкой. Ведь Астарот ничего не узнает... Запугать охрану так, что они и слова никому не скажут об истинных причинах гибели девчонки — раз плюнуть! А этого заступничка тут же пустить в утиль. Ишь, смелый выискался! А потом списать эту трагедию на непредсказуемый случай. И тогда ему не придется до конца жизни — а вдруг ему осталось жить недолго? — возиться со строптивой пичужкой.

Но силой вталкивать ее к Линаресу нельзя — повсюду стоят камеры наблюдения, и король наверняка просмотрит записи с них. Значит, нужно убедить ее войти к нему самостоятельно.

Эдмунд пробежал с ходу все подмечающим взглядом по видеоглазкам, прикидывая как инцидент будет смотреться со стороны. То, что в камере что-то происходит на записи будет не видно: оборудование в тюрьме настолько старое, что дает только изображение, но не звук.

— У меня к тебе предложение, Юлиана, — вкрадчиво сказал он. — Ты успокаиваешь этого нервного типа, а я на целую неделю отменяю наши занятия. А если ты отказываешься, то я сейчас заменю так растрогавшего тебя Станга на этого крикуна, и мы начнем наш урок сначала! Только теперь я не буду нежничать! Я покажу тебе одну очень старинную, долгую и крайне мучительную пытку. Она так проста, что доступна даже ребенку. От тела жертвы медленно отрезаются небольшие кусочки плоти. Никаких жизненно важных органов при этом не задевается, чтобы агония длилась как можно дольше. Но сначала жертве выкалываются глаза, чтобы она не отвлекалась на посторонние образы и целиком сосредоточилась на терзающей ее тело боли...

Юлиана потрясенно смотрела на него, все еще не веря, что люди бывают настолько жестокими. Но в том, что он сделает все, как обещал, она теперь ни на секунду не усомнилась.

— Вы — сумасшедший садист! — растерянно прошептала она, не зная что ей делать.

— Я инкатор. И через семь лет ты тоже будешь такая! Если не чокнешься или не наложишь на себя руки раньше. Но это уже не моя забота! Твоя жизнь — ты и выбирай что тебе больше нравится! Так что ты надумала? Хочешь спасти этого буяна от трехдневных мучений? Тогда войди и успокой его! Правда, твой мундир едва ли настроит его на дружелюбный лад, но ведь и ты у нас не из пугливых!

Представив, какой кошмар ее ожидает, девочка очень быстро приняла решение.

— Хорошо! Я пойду к нему, — сказала она. — Думаю, он убьет меня куда более быстрым и гуманным способом, чем вы!

Не ожидавший такого выбора, часовой громко охнул.

— Не наговаривай! — притворился обиженным Карминский. — Я ведь тебя и пальцем не тронул! И впредь не собираюсь.

— Да, не тронете, — признала Юлиана. — За вас это сделает Рэндольф! А если не он то вы подождете, пока я умру от сердечного приступа!

Жнец раздумчиво склонил голову набок.

— Ну, это был бы неплохой вариант! — согласился он. — Может, хоть тогда этот осел Оберон поймет, что инкаторский сан не для нежных барышень! Ну все, не тяни! Иди уже внутрь, продемонстрируй старику чудеса дипломатии!

Впившись в лицо девочки умоляющим взглядом, охранник замотал головой, безмолвно упрашивая ее не совершать такого опрометчивого поступка.

— Ай, герой! Ай, мужчина! — одобрительно закивал Карминский. — Открывай давай, не заставляй даму ждать!

Парень трясущимися руками стал открывать замок. Звук заскрежетавшего в замке ключа привлек внимание рвавшегося наружу заключенного, и он перестал молотить в дверь.

— Эй, чудище! С тобой тут кое-кто жаждет поговорить! Передашь нам через нее все свои требования! — крикнул Карминский.

Тюремщик толкнул дверь и, прикрыв девочку своим телом, незаметно для Жнеца сунул ей в руку электрошокер. Она автоматически сжала его в ладони, понятия не имея, что это такое и для чего он ей это дал.

Набрав в грудь побольше воздуха, она перешагнула порог камеры и замерла, уткнувшись взглядом в широченную мужскую грудь с прорисовывающимися под майкой мощными мускулами. Юлиана нерешительно подняла взгляд выше, к лицу обладателя подавляющей ее своими размерами фигуры.

Перед ней был чем-то похожий на медведя немолодой темноволосый мужчина. Его глубоко посаженные карие глаза недобро буравили ее из-под сходящихся угрюмым углом густых бровей. Подбородок заключенного пересекал грубый, уходивший к левому уху шрам, по пути деформирующий губы. Правая бровь была тоже рассечена, и похожий на указатель рубец опускался до самого глаза. Наверное, в другое время он производил весьма грозное впечатление, но только не сейчас. Его глаза, еще пару мгновений назад полыхавшие неумной яростью, теперь растерянно заморгали, разглядывая невесть откуда взявшуюся девочку. Он выглядел настолько озадаченным, что она неожиданно для себя робко улыбнулась. Громила опустил занесенный над ее головой кулак и тоже улыбнулся.

— Как ты здесь очутилась? — мягко спросил он.

Не поворачивая головы, Юлиана мотнула ею в сторону двери.

— Кажется, мы теперь с вами соседи по камере, — ответила она.

Мужчина удивленно посмотрел в узкую прорезь окна, к которой с другой стороны припал сгоравший от любопытства Карминский. Показав ему в окошко средний палец, Линарес схватил висевшее на гвоздике полотенце и сунул его между прутьями прикрывавшей оконце решетки, закрывая обзор тем, кто находился снаружи камеры.

Инкатор разочарованно выругался, но потом рассудил, что главное результат, а не наблюдение за процессом его достижения. Отлипнув от оконца, он стал вышагивать по коридору в ожидании развязки.

В камере послышался грохот, и он с надеждой припал ухом к двери, не обращая внимания на тайком поглядывавших на него часовых. К его великому сожалению то ли дверь была слишком толстой, то ли говорили за ней слишком тихо, но слов он разобрать не мог.

«Ну же! — мысленно стал подбадривать буяна Карминский. — Сверни ей шею, сделай мне одолжение! А я тебя за это казню не больно!»

Голоса в камере выровнялись — похоже, беседа перешла в спокойное русло, что ничуть не порадовало старого инкатора. Откровенно говоря, он уже жалел о своем необдуманном решении отдать ученицу на растерзание заключенному. Он уже лет тридцать не позволял себе действовать под влиянием сиюминутного импульса, но необходимость убить впустую целых семь лет приводила его в такое неистовство, что его выдержка дала сбой. И теперь, если маленькая герцогиня не погибнет от рук сорвавшегося с цепи психа, то ему гарантирован крупный скандал с королем. Ведь она непременно пожалуется на него принцу и его папаше, а тот по какой-то неведомой причине очень ценит эту малышку.

А может и не пожалуется, если зэк изнасилует ее, утешил он себя. Девчонки обычно никому не рассказывают о таких вещах, боясь позора.

Он снова припал ухом к двери, надеясь услышать ее крики или скрип нар, но в камере все было спокойно. Скверно! Похоже, он переоценил свирепость этого типа. А может быть, тот просто зажал ей рот и сейчас молча тискает ее? Хорошо бы!

Инкатор старательно прислушивался, но вместо желанных девичьих воплей услышал звонок телефона. Звонил Оберон.

— Здравствуй, Эдмунт! Я приехал в академию проведать Юлиану, но не нашел ни ее, ни тебя. Где вы?

— В тюрьме, — проклиная так невовремя вспомнившего о них монарха, буркнул Карминский. — Я решил учить ее на живых примерах.

— Ты спятил?! — возмутился король. — Нашел с чего начинать первый учебный день! Хочешь мне ее зайкой сделать?

— Ваше величество, я инкатор, а не педагог! — сварливо ответил ему Эдмунд. — И я понятия не имею, как учат кисейных барышень! Делаю, как могу, как учили меня самого! А если вас это не устраивает, то подберите ей более подходящую няньку!

— Ею останешься ты! — безапелляционно обрубил Оберон. — И в ближайшие два года никакой практики! Только теория, ты понял?! А теперь дай мне поговорить с нею!

— Не могу. Она в обмороке, — соврал Жнец. — Очнется — сама позвонит!

На том конце провода послышались отборные ругательства, больше подходящие матросу, чем коронованной особе. Исчерпав свой запас брани, монарх свистящим полусшепотом предупредил:

— Эдмунд, эта девочка для нас с сыном драгоценна, и не дай Бог ты своими фокусами загубишь ее! Даже если на нее вдруг упадет метеорит, то винить в этом я буду исключительно тебя! Я прекрасно понимаю, зачем ты это делаешь, но помни — вредя ей, ты вредишь себе! Я признаю, что тебе в своем ремесле нет равных, но не думай, что из-за этого тебе можно все!

— Нет, не из-за этого! — ухмыльнулся в трубку Карминский. — А из-за того, что мы с вами совершили четырнадцать лет назад! Наша тайна обоюдоострая!

Король, признавая свое бессилие, сменил тактику и перешел с угроз к уговорам.

— Эдмунд, не будь таким эгоистом! Ты ведь понимаешь, что стар, и тебе скоро понадобится смена. А моему сыну понадобится новый инкатор. Свой инкатор! И ты лучше, чем кто-либо понимаешь, что значит «свой». Юлиана идеально подходит для Энтони! И все многочисленные тесты, которые мы с ней проводили, подтвердили что ее тип мышления как раз тот, что нам нужен. Сделай в своей жизни хоть одно доброе дело — оставь после себя

достойного преемника, которым ты бы мог гордиться! Ты ведь сам хотел ученика...

— Вот именно, ученика! А не четырнадцатилетнюю ученицу, которая...

— Неважно! В общем, я жду ее звонка! — оборвал его недосказанную тираду Оберон и отбилась.

— Чтоб тебя артрит всего скрутил! — злобно пожелал ему инкатор.

Много лет назад он сделал большую ошибку, полностью доверившись молодому наследнику. Мальчишка обожал его больше, чем собственного отца, и советовался с ним по любому поводу. Эдмунд даже привязался к нему. Однажды Оберон попросил его об одной очень опасной услуге. Он согласился ему помочь и, как всегда, виртуозно справился со своей миссией.

Каково же было его изумление, когда наследник, вместо благодарности, предъявил ему скрупулезно записанные доказательства их преступления, в которых он сам выглядел лишь невинной жертвой.

Огласка этого дела грозила самыми неприятными последствиями, и с тех пор Карминский безостановочно платил за свою давнюю неосмотрительность. Утешало его лишь то, что и Оберону придется несладко, если их секрет когда-нибудь выплывет наружу.

— Зови на всякий случай подкрепление, — угрюмо велел он так и отиравшемуся недалеко от дверей сердобольному охраннику. — Будем твою зазнобу вызволять, а то ишь, как засиделась в гостях!

А тем временем хозяин камеры озадаченно обзревал стоявшую напротив него девочку.

— Хм... Это что, новый способ перевоспитания матерых преступников? — высказал он первое пришедшее ему на ум предположение.

Девочка покачала головой.

— Это не вас собираются перевоспитывать, а меня! — ответила она.

— Тюремные власти совсем чокнулись? Чем они думают, помещая к не видевшему два года женщин мужику такое чудо, как ты?

Выросшая в изоляции от мира, Юлиана была настолько неискушенной в вопросах взаимоотношений между мужчинами и женщинами, что не поняла скрытого смысла его фразы. Пока она думала что ответить, его глаза остановились на зажатом в ее ладони предмете.

— Это что? Шокер? — хмуро спросил он.

Девочка посмотрела на серебристый цилиндр и пожалала плечами.

— Не знаю! Может и шокер. А что это такое?

— Ты правда настолько наивна или за дурака меня держишь? — рассердился он, выхватил у нее шокер и грозно спросил: — Зачем ты сюда явилась, ненормальная?! Проваливай немедленно, пока я не набросился на тебя, а то меня от одного вида твоего нежного ротика начинает лихорадить!

Юлиана не уловила при чем здесь ее рот, но вдруг почувствовала себя в большой опасности.

— Я не знаю, чем так рассердила вас, но уйти отсюда не могу, так же, как и вы, — тихо проговорила она. — Меня не выпустят без разрешения моего учителя, а он очень зол на меня и будет только рад, если вы меня убьете... Пожалуйста, не злитесь! Я постараюсь чтобы вы не замечали моего присутствия, пока не закончится срок моего наказания.

Мужчина шумно выпустил из легких воздух и сел на нары, обхватив голову руками.

— Дурдом! Эта гребаная тюрьма превратилась в дурдом! — огорошено пробормотал он.

Просидев в глубоких раздумьях примерно минуту, он приглашающе постучал по кровати ладонью.

— Иди сюда, маленькая! Не бойся, не обижу! Я не вандал, чтобы дитенка мучить! И потом, я еще ни разу не сделал то, что от меня хотели мои тюремщики. Так что если им надо, чтобы я причинил тебе вред, то я с тебя пылинки сдувать буду им назло!

Почувствовав, что гроза миновала, девочка доверчиво подошла к нему и примостилась на другом краю нар.

— Что ж, соседка, давай знакомиться! — предложил арестант. — Я Эктор Линарес сорока двух лет от роду. Осужден на тридцать лет за двойное убийство. Два года назад задушил голыми руками двух продажных полицейских сук, и ни о чем не жалею. Теперь твоя очередь.

— Я Юлиана Делайн. Мне четырнадцать, — рассказала она о себе, и мысленно добавила: «Еще никого не убила, но уже изнываю от желания это сделать.»

— Всего четырнадцать? — удивился Эктор. — Зайка, да ты в школе сейчас должна сидеть и тетрадку чернилами пачкать, а не с зэком на нарах! — Он еще раз оглядел девочку, подмечая то, на что сперва не обратил внимания. — И платьишко у тебя не девчачье! Поярче что-то надо, понарядней! В старости успеешь такие тряпки потаскать, а пока молодая, нужно одеваться ярко!

— Это моя форма... — опасаясь новой вспышки ярости с его стороны, ответила Юлиана.

— Странная у тебя форма, воробышек! На инкаторский мундир сильно смахивает, — нахмурился осужденный.

— Да, смахивает, — робко подтвердила девочка.

Эктор подозрительно прищурился, а оба его шрама налились кровью.

— С чего бы это?

Юлиана совершенно не умела врать, и потому честно призналась:

— Я учусь на инкатора.

— На инкатора? Ты? — обалдело переспросил Линарес. — С чего вдруг ты так странно шутишь со мной?

Она отодвинулась от своего соседа, опасаясь, что он свернет ей голову. Вон какие у него мощные ручищи! Каждая толще ее шеи! Но мужчина, вместо того чтобы обозлиться, громко расхохотался.

— Ну и дела! — смахивая выступившие слезы, пропыхтел Эктор. — Ну ты и фантазерка! Раньше девочки мечтали стать актрисами и моделями, а теперь — инкаторами? Это что, новый тренд такой? Лапуля, а ты ничего не перепутала? Инкаторы — это такие жестокие дядьки, которых все боятся, и единственное что в них есть хорошего, так это их малочисленность!

— Я уже это поняла, — призналась девочка.

Линарес решил помочь ей самой понять насколько абсурдно звучат ее слова.

— Если ты и впрямь учишься на инкатора, то почему твой учитель закрыл тебя со мной? Это просто чудо, что я не убил тебя в первую минуту! Сам не знаю, что меня остановило!

— Потому, что он ненавидит меня! Король заставляет его меня учить, и это доводит его до белого каления. Но так как ни его, ни меня не спрашивают чего мы хотим, то он, по-видимому, решил избавиться от меня с вашей помощью. В первый же день моей учебы.

Эктор измерил взглядом ее узкие поникшие плечики, а потом долго всматривался в

полное тоски личико.

— Эй, ласточка, а ты ведь не шутишь! — вдруг посерьезнел он. — Вот так дела! Неужели за те годы, что я гнию в этой проклятой тюрьме, мир настолько поменялся, что в этот сан стали возводить женщин? Ну-ка, расскажи мне, с чего это нашему доброму монарху вздумалось вырастить из такого милого щенка, как ты, кровожадного цербера?

В эту минуту в дверь камеры затарабанили.

— Юлиана, выходи! — разведывая обстановку, крикнул Карминский. На то, что она и правда так просто выйдет, он сильно не рассчитывал. Скорей, этот зэк попытается выйти на свободу, используя его ученицу в качестве заложницы.

— Поигралась в миротворца и хватит! — напрягая уши, чтобы услышать реакцию на свои слова, сказал он. — Нам пора заниматься дальше!

Девочка обернулась на дверь, потом в смятении уставилась на заключенного.

— Ну что, будем прощаться? — с сожалением спросил он. — У меня уже много лет не было такой приятной компании. Жаль, что все так быстро кончилось...

— Да... Надо идти... — потерянно пробормотала Юлиана, не находя в себе сил встать. — Мне тоже было приятно пообщаться с вами...

— Эй, детка, а ты ведь боишься выходить...

— Очень!

Маленькая герцогиня выглядела такой несчастной, что сердце Эктора дрогнуло. Он с удивлением обнаружил, как в нем пробуждаются по отношению к ней отеческие чувства, а вместе с ними потребность защитить ее.

— Что ж у тебя за учитель такой, что компания убийцы тебе милее?

— Инкатор Карминский...

Линарес сочувственно присвистнул.

— Ух ты ж бедненькая! Он и с тобой ведет себя, как нелюдь?

Она промолчала, но выражение ее лица было красноречивее любых слов.

— Впрочем, что за дурацкие вопросы я задаю? — сам себя обругал он. — Кто еще втолкнет ребенка, к тому же девочку, к бушующему преступнику?

— А почему вы разбушевались?

— Узнал утром, что эти гребаные тюремщики дали забить насмерть моего друга и высказал им все. Вот, теперь сижу в одиночке.

— Хоть не в карцере...

— В карцер они меня сажать опасаются — я тут вроде как на привелигированном положении из-за влиятельных родственников.

— Юлиана, ты сама выйдешь или тебе помочь? — послышался крик Карминского.

Она хотела ответить ему, что уже идет, но заключенный закрыл ей рот ладонью.

— Размечтались! Так я ее и выпустил! — проорал он в ответ. — Кто ж добровольно такой подарочек отдаст? Я им еще не наигрался!

Глаза девочки расширились, но он успокаивающе погладил ее по руке.

— Не нервничай, маленькая! Это я для них! Я тут подумал, что пока не готов с тобой расстаться...

— Линарес, отпусти ее, иначе ты не представляешь, что с тобой будет! — зло предупредил Карминский. — Она ведь сказала тебе, кто я!

— Очень даже хорошо представляю! Поэтому подержу ее у себя подольше! Хочу надыхаться перед смертью! И наестся от пуза! И не вздумайте проверить какие-нибудь

фокусы с усыпляющим газом или еще чем-то подобным! Чуть почую, что что-то не так — размажу эту ляльку по стене! Мне терять нечего! А король после этого размажет вас, не правда ли, господин Карминский?

Инкатор чертыхнулся, ругая себя за глупость. Не дай Бог эта хитрая горилла и впрямь навредит девчонке! А много ли этой похожей на кузнечика шмакодявке надо? Чуть сожми ее, и все кости переломаются. И тогда конфликт с Астаротом будет грандиозным.

Девочка с открытым ртом слушала их разговор, с трепетом представляя, что сделает Карминский с этим безрассудным человеком, когда доберется до него, но Эктор ошеломил ее еще больше.

— Ты что будешь пить? — вполголоса спросил он Юлиану.

— Простите, что? — растерялась она.

Линарес хлопнул себя по лбу.

— Ай! Совсем забыл, что ты еще малолетка, и спиртное тебе нельзя! Колу любишь?

— Люблю...

— А апельсиновый сок?

— Тоже люблю.

— А из еды ты чего бы хотела?

Юлиана захлопала глазами, не понимая зачем он задает ей такие странные вопросы, словно они в ресторане, а не в тюрьме.

— Ну, смелее! — подбодрил ее Эктор. — Какую еду ты любишь?

— Стейки и клубнику, — брякнула она первое, что пришло ей в голову.

Обезображенное шрамами лицо Линареса просияло от удовольствия.

— Отлично! А теперь идем делать заказ! — Он схватил ее за руку, поднимая с места. — Карминский в роли моего официанта — зашибись! Я о таком и мечтать не мог! Да меня в рай автоматом только за это пустят! Ты только ничего не бойся, ладно?

Он подвел заложницу к двери и легонько сжал ей шею локтем.

— Не давит? — озабоченно спросил он.

— Нет...

Эктор вытащил закрывавшее окошко полотенце и заорал:

— Эй вы! Не вздумайте даже подходить к камере без моего разрешения, если она вам хоть чуть дорога! И не нервнируйте меня, а то еще дернусь от испуга, а у нее шея тоньше моего запястья, не дай Бог сломается! Значит так, слушайте мои требования...

Примерно через час охранник внес в камеру корзину с едой и с тревогой оглядел девочку. Она стояла в углу у входа, не поднимая головы, на которой сверху покоилась одна из железных лап Линареса. Второй рукой он пережимал ей шею, готовый в любую секунду свернуть ее.

— Эй! — окликнул тюремщика узник. — Еда не отравлена? Я ведь ее сначала на вашем цыпленке испытывать буду!

— Не переживай, не отравлена!

— Тогда иди отсюда! — нетерпеливо велел ему Эктор. — Не видишь, у меня романтический ужин?

Охранник медлил, выискивая возможность вызволить девочку, но боялся еще больше навредить ей своим вмешательством.

— Топай, топай! — поторопил его заключенный. — Третий тут явно лишний! И

музычку под дверями красивую включи! Только не слишком громко, я с дамой беседовать буду!

— Если ты ее тронешь — я тебя убью! — тихо предупредил его надзиратель. — Помни, через час ты обещал ее отпустить! И лучше тебе сдержать свое слово!

Когда он вышел из камеры, инкатор поманил его к себе.

— Как девчонка? В порядке?

— Живая и одетая, больше ничего сказать не могу!

У Карминского в третий раз за час зазвонил телефон, и он с раздражением выхватил из кармана мобильник.

— Нет, Ваше величество! Она еще не очнулась! Тюремный врач без моего ведома ввел ей успокоительное, и теперь она может проспать до самой ночи! Я пытался разбудить ее, но пока не получается! Нет, не нужно присылать за ней вашего врача! Она и так в полном порядке, только спит! Как только проснется, даже глаз ей протереть не дам, сразу телефон вручу! — пообещал он.

Спрятав мобильник, Эдмунд нахмурился. В его голове один за другим рождались планы по вызволению Юлианы из камеры, и все они были хороши более, чем на 95 %, но везде оставался маленький процент погрешности, который мог стать для девочки, а значит и для него самого роковым, и он все медлил, оттягивая окончательное принятие решения.

Беспокоило его и то, что освободив свою ученицу, он решит не все свои проблемы. Нужно еще, чтобы она не стала на него жаловаться Астароту. Вот только как это сделать? Под трясущейся от страха внешней оболочкой этой малышки оказался крепкий стержень, и это было плохо. Ее не так-то просто будет запугать. А если уговорить? Предложить взаимовыгодный обмен? Пожалуй, это подойдет лучше всего... Он предложит ей то, что для него не имеет никакой ценности — чью-то жизнь, или даже несколько, и она непременно на это купится.

Эдмунд посмотрел на часы. Линарес пообещал отдать Юлиану через час. Ладно, подождем, решил инкатор и отправился выпить чаю, чтобы скоротать это время хоть с каким-то комфортом.

Как только в замке повернулся ключ, полотенце вернулось на окошко, и Эктор стал раскладывать на столе содержимое корзины.

— Сейчас мы отметим наше знакомство по первому разряду! — радостно сказал он девочке. Вытащив пластиковый контейнер с отборной клубникой, понюхал ее и закатил глаза от восторга.

— Фантастика! Я ее сто лет уже не ел! И если бы не твой визит, то вообще бы забыл о ее существовании! Давай, налетай на еду!

— Спасибо, мистер Линарес, но мне не хочется есть! — апатично покачала головой Юлиана.

— Боишься, что скоро придется возвращаться к нему, да, зайка? — понимающе спросил он, выкладывая на стол стопку разнокалиберных консервных баночек.

Маленькая герцогиня так издергалась, что уже не могла сдерживать терзавших ее страхов.

— Он заставит нас очень дорого заплатить за каждую минуту своего ожидания! — горестно проговорила она. — Лучше бы вы позволили мне выйти сразу!

Эктор замотал головой.

— Нет уж! Я все сделал правильно! Нам стоило преподать этому ублюдку урок, чтобы в другой раз он думал перед тем, как запирать тебя в камере с бандитом! Небось, в следующий раз не станет тобой так глупо рисковать! Как я понял, ты — протеже самого короля, поэтому это так просто с рук Карминскому не сойдет. Что-то мне подсказывает, что ты вряд ли пожалуешься своему покровителю на него, поэтому я решил тебе немножко помочь. Ведь чем надольше ты тут застрянешь, тем больше шансов, что король тебя хватится и узнает, что твой учитель тебя едва не убил. А потом варианта два: либо Оберон даст тебе другого наставника, либо так надерет Жнецу задницу, что отобьет у него охоту вредить тебе!

Юлиана сцепила и сильно сжала руки, словно надеясь раздавить в них свою тревогу.

— Спасибо вам за заботу, но лучше бы вы этого не делали! Ничего хорошего из этой затеи не получится!

Эктор весело подмигнул девочке.

— Не переживай, ласточка! Увидишь, все будет отлично! Ешь давай!

Она вновь замотала головой.

— Мне кусок в горло не полезет! И почему вы решили, что хоть что-то будет хорошо?

Он поставил возле нее тарелку со стейком, а потом, как заправский официант, разложил вокруг него щипчиками нарезанные овощи.

— До того как получить свой срок, я был следователем, — поведал он. — Не слишком хорошим и не слишком правильным, но совсем не глупым. Пока мы с тобой знакомились, Карминский тоже говорил по телефону — слух у меня отличный, дай Бог каждому! И разговор у него состоялся очень нервный, на повышенных тонах. А кто бы посмел так разозлить инкатора, кроме короля? Видимо, Астарот интересовался тобой: я слышал, как Жнец упомянул твое имя. А учитывая, что это твой первый день учебы, вполне вероятно, что король хотел бы узнать как он проходит. Логично? Логично! — сам себе ответил он. — Дальше, зная сволочной характер этого старого мерзавца и понимая, что от него можно ждать чего угодно, наш монарх, скорее всего пожелает поговорить с тобой лично. Но не сможет, потому что ты у меня в заложниках! Он начнет нервничать, требовать тебя к телефону, и тогда вероятность того, что правда об отвратительном поступке инкатора выльвет наружу, значительно увеличится. А ведь нам с тобой именно это и нужно!

Умопомрачительная смесь вкусных запахов вызывала у Линареса головокружение, но он не спешил набрасываться на еду. Он вообще не собирался есть ничего, кроме консервов в жестяных банках. Травить их вряд ли станут, а вот усыпить, возможно, попробуют. И если его гостье сон пойдет только на пользу, то для него самого он губителен. Стоит ему заснуть, проснется он уже наедине с жаждущим реванша Карминским, и уже ничем не поможет этой трогательной малышке.

Он снова на пару сантиметров пододвинул тарелку к съежившейся от переживаний девочке, предлагая ей поесть, но она только качнула головой, опасаясь расплакаться. Сейчас она боялась уже не столько за себя, сколько за этого удивительного человека, так близко к сердцу принявшего ее беду. Что с ним станет после того, как она уйдет?

Линарес обнял ее за плечи и притянул к себе, утешая. Рядом с ним девочка не ощущала себя такой бесконечно слабой и одинокой, и потому доверчиво прильнула к нему.

— Ласточка, послушай совет давно ставшего философом человека, — с небывалой для себя теплотой сказал он. — Научись наслаждаться жизнью в любой ее момент! Живи одним мигом и цени каждую выпадающую тебе радость, даже самую маленькую! Отбрось на минутку переживания и опасения и ответь себе на такие вопросы: ты жива? Здорова?

Испытываешь ли боль? И еще один, самый главный вопрос, которым люди почему-то всегда пренебрегают: помогут ли мои переживания что-то изменить в той ситуации, которая меня не устраивает? Что самое интересное, на него невозможно ответить «да» ни в одном случае! Нервотрепка мешает нам думать, принимать правильные решения и портит здоровье, не предлагая взамен ничего хорошего! Так что живи настоящим и не трави себе душу тем, что может никогда и не произойти!

— Но я не могу не думать о будущем! — воскликнула Юлиана. — У меня все мысли только о том, какую месть придумает для вас Карминский! Как можно об этом не переживать?

— Согласен, это трудно! — согласился Эктор. — Для того, чтобы научиться жить здесь и сейчас, нужна долгая практика — у меня на это ушло целых два года. Но она необходима, иначе ты просто сойдешь с ума! Сегодня твой первый день учебы, а ты уже на грани нервного срыва! Такими темпами ты через пару недель либо окажешься в психушке, либо очерствеешь и превратишься в такого же ледяного демона, как все инкаторы: будешь дирижировать палачами и равнодушно взирать на человеческие страдания.

Юлиана сжала руками пухнувшую от множества роившихся в ней ужасов голову.

— Не буду! Я не буду такой, как они! Я вообще не хочу быть инкатором! Я хочу вернуться в свою школу, и все! — всхлипнула она. — Разве это так много?

— Ты снова заглядываешь в будущее, которого еще нет, и цепляешься за прошлое, которое уже ушло! — укоризненно проговорил Линарес. — А это бессмысленно! Вот представь себе широкую реку. Ты стоишь на одном берегу, а нужно переплыть на другой. И для этого у тебя есть комфортная лодка. С той минуты, как ты в нее вошла, твое прошлое осталось на берегу, где ты только что стояла. Там остались все твои тяжелые воспоминания, перенесенные обиды и непонимание. Они были, приносили тебе боль и разочарование, но их больше нет! На этот берег ты больше никогда не вернешься, потому что едва ты вошла в лодку настоящего и оттолкнулась от берега прошлого, как он стал растворяться, превращаясь в пустоту! Ты не сможешь туда вернуться никогда, даже если тебе там было очень хорошо!

Единственное, что осталось от минувшего — так это только твои воспоминания. Они нам нужны для того, чтобы извлекать уроки из прожитого.

Сегодня тебе пришлось нелегко, но сейчас-то все нормально! Мы сидим в тепле и комфорте, философствуем, и у нас есть вкусная еда. Разве этого мало, чтобы почувствовать себя счастливыми, хоть на несколько минут?

— Как я могу быть счастливой, зная что произойдет через эти несколько безоблачных минут? — не согласилась с ним Юлиана.

— А вот и не знаешь! Можешь только предполагать! — возразил Эктор. — Я, например, был уверен, что убью любого, кто зайдет ко мне! Готов поспорить — ты тоже не догадывалась, когда входила сюда, что мы с тобой будем просто мило беседовать!

— Это правда, я боялась вас.

— Вот то-то и оно! Мы не видим будущего! Река жизни затянута густым туманом неопределенности, с миллионами вариантов развития событий, и ты можешь плыть по ней только вслепую, интуитивно выбирая правильный курс. Так что просто держись его и наслаждайся дующим в лицо свежим ветром перемен!

Он говорил, а в голове Юлианы рефреном повторялась последняя угроза Карминского: "Я покажу тебе одну очень старинную, долгую и крайне мучительную пытку. От тела жертвы медленно отрезаются небольшие кусочки плоти... но сначала выкалываются глаза..."

целиком сосредоточиться на терзающей тело боли..."

Девочка вскрикнула и уткнулась лицом в грудь Линареса. Он ласково погладил ее по голове.

— Эй, ну что ты? Пойми, ласточка, лишая себя настоящего, ты лишаешь себя счастья, и тогда жизнь превращается в высасывающую всю радость бытия бездну, — проговорил он. — А когда ты радуешься каждому мигу, то твое счастье нескончаемо! Съела конфетку — класс! Согрелась после холода — восхитительно! Наступил выходной — вообще зашибись! Умей искать зернышки радости во всем. Я, например, радуюсь любой мелочи!

— Чему можно радоваться в тюрьме? — удивилась Юлиана.

— Хотя бы тому, что я не бездомный, и у меня есть какая-никакая еда. Обо мне даже по-своему заботятся.

Он заметил в глазах девочки недоумение и спросил:

— Тебе кажется это странным? Это пока ты хоть день не проведешь на улице, не зная куда тебе податься! Дай Бог тебе никогда этого не узнать, но в жизни всякое бывает. А сейчас я безумно рад, что буду вкусно обедать наедине с прекрасной девушкой, и не просто девушкой, а с будущим инкатором. Неслыханная честь для осужденного на тридцать лет преступника! Я просто в восторге!

— Вашему оптимизму можно только позавидовать! — уныло признала несколько не разделявшая его воодушевления Юлиана.

Линарес взял натертый до зеркального блеска бокал и налил в него воды из-под крана.

— А почему не сок или колу? — удивилась девочка, выразительно глядя на торчавшую из корзинки пузатую бутылку и пачку с соком.

— Потому что туда стопроцентно подмешана какую-нибудь гадость! Скорее всего, снотворное. В еде оно тоже может быть, но это менее вероятно. Во всяком случае, я ни к чему этому не прикоснусь, пока не передам тебя в руки королю.

— Королю? — опешила Юлиана.

— Да, только ему. Когда истечет выторгованный мною час, я объявлю Карминскому о своем новом требовании.

— Не нужно, пожалуйста! — взмолилась девочка. — Я и сама со всем справлюсь! Неужели вы не понимаете на что себя обрекаете, помогая мне?

Эктор ухмыльнулся и, подняв стакан с водой, произнес тост:

— За первого в мире сердобольного инкатора!

Но едва он поднес его ко рту, как в дверь требовательно постучали.

— Мистер Линарес, это король, — послышался в камере приглушенный дверью голос Оберона. — Пожалуйста, позвольте моей воспитаннице выйти в холл.

Девочка охнула от неожиданности. Эктор выглядел еще более ошеломленным, чем она, пытаясь понять, каким непостижимым образом король так быстро оказался возле его камеры.

— Мистер Линарес, вы меня слышите? — повторил Астарот.

— А ты говоришь, что будущее знаешь наперед! — пробормотал заключенный и выдернул из окошка полотенце.

Юлиана подбежала к двери и тоже выглянула через стекло. Сомнений быть не могло — по ту сторону двери собственной персоной стоял Оберон.

— Мне можно выйти? — спросила она у Эктора.

— Конечно, ласточка! — немного грустно ответил он. — Лети! Рад был знакомству с

тобой! — Он на секунду притянул ее к себе, прекрасно зная, что они уже никогда не увидятся, и попросил: — Сделай революцию в вашей чертовой инкаторской системе!

— Я постараюсь! — пообещала она. — Спасибо вам за все!

Эктор сглотнул перекрывший горло ком, отстранил ее от себя и легонько подтолкнул у двери.

— Забирайте свое сокровище! — крикнул он королю.

Дверь открылась, и Юлиана тут же оказалась в отеческих объятиях взволнованного Оберона. Сидя на подоконнике, Карминский с презрительной ухмылкой наблюдал за этой душещипательной сценой и мысленно прикидывал, кого ему следует благодарить за внезапное появление монарха. Долго думать не пришлось — по вызывающему взгляду защищавшего девочку надзирателя было понятно, что это его работа. Вот только было неясно, как ему удалось поговорить с королем напрямую.

— Милая моя! — облегченно выдохнул Астарот, крепко прижимая девочку к себе. — С тобой все хорошо?

Он немного отодвинул ее от себя, заметил ее перемотанную бинтом руку и бросил гневный взгляд на закрывающего своей фигурой весь дверной проем заключенного. — Что ты с ней сделал?

— Ничего! — поспешила успокоить короля Юлиана. — Это не он!

— Это я! — клоунски поклонился Карминский. — За неимением детского креслица с мягкими фиксаторами мне пришлось воспользоваться наручниками, дабы ваше дитя сидело во время урока на месте, а не бегало с воплями по классу!

Оберон скрипнул зубами, сдерживая клочкотавшее внутри бешенство, и потянул герцогиню за руку.

— Идем отсюда! — Объявил он одновременно и ей, и ее учителю. — Поговорим в другом месте!

Карминский невозмутимо поднялся с подоконника и весело подмигнул радовавшемуся, что девочка уцелела, охраннику. Юлиана помрачнела, вдруг осознав, что и он дорого заплатит за свои попытки ее защитить. Не зная его имени, она указала на него рукой.

— Ваше величество, я не уйду без Эктора и этого человека!

— А ты быстро учишься! — одобрительно хмыкнул инкатор.

Астарот нахмурился: ему не терпелось поскандалить со слишком много себе позволявшим Жнецом, и возиться с ничего не значащей мелочью типа этих двоих у него не было ни малейшего желания.

— Почему ты беспокоишься за убийцу, который держал тебя в заложниках? — недовольно поинтересовался он у воспитанницы.

— Потому, что он отнесся ко мне по-человечески! Защищал меня как мог, и я не хочу, чтобы он пострадал за свою доброту!

— Ладно, я позже с ним разберусь! — пообещал король и небрежно бросил сообщившему ему о беспределе Карминского надзирателю: — Подготовьте Линареса к транспортировке. Поедете с ним следом за нами. Так и быть, позабочусь о вас в знак благодарности за оберегание Юлианы! Эдмунд, где здесь можно спокойно поговорить?

Карминский молча пошел вперед, показывая дорогу. Они вошли в ту самую комнату, где не так давно подвергался истязаниям Станг, и Юлиана поежилась от жутких воспоминаний. За то время, что она просидела у Эктора, помещение успели прибрать и в нем ничего более не напоминало о ее недавнем уроке, кроме стен и скудной обстановки.

Король занял единственный оставшийся в комнате стул и сердито посмотрел на безмятежного инкатора.

— А теперь, Эдмунд, я жажду услышать твои объяснения! Зачем ты закрыл Юлиану в камере с убийцей? — сухо спросил он.

Тот недоуменно пожал плечами.

— Ваш информатор вам наврал! Все было несколько иначе: я собирался лично успокоить Линареса, но Юлиана пожелала сделать это сама! У нас с ней состоялся короткий спор, в ходе которого она заявила мне, что мои методы для нее неприемлемы и она предпочитает утихомирить буяна без меня. Разве не так все было? — спросил он у девочки.

Та была вынуждена согласиться с ним.

— Она вообще что угодно была готова сделать, только бы отлынуть от занятий, на которых вы так настаиваете!

— Потому что они невыносимы! — воскликнула Юлиана.

Инкатор вскинул руки, признавая свое полное бессилие.

— Вот! Теперь вы сами видите, Ваше величество, как она относится к нашим урокам! Я ужасен, и то, что я делаю, тоже ужасно! Как же мне обучать ее при таком неуважительном отношении к себе и своей работе?

Раздосадованный монарх издал полурык-полустон и попросил Юлиану ненадолго покинуть их. Когда дверь за герцогиней закрылась, он гневно напустился на Карминского.

— Эдмунд, ты что творишь?! Ей всего четырнадцать! Нельзя было начать с чего-то попроще?

— Зачем? — пожал плечами тот. — Почему я должен ей лгать? Она с самого начала должна знать, что ее ждет! Тогда, возможно, у нее хватит убедительности отговорить вас от несуразного решения! Так что пусть сразу с головой ныряет в зловонную помойку худших проявлений этого мира, в которой я барахтаюсь уже более тридцати лет. Выплывет — хорошо! А утонет — не жалко! Что бы с ней не произошло, это случится по вашей воле, а не по моей. Ибо вы ей выбрали этот путь!

Король насупился и промокнул шею платком.

— Можно подумать твоя работа состоит из одних допросов! — проворчал он.

— О, да! Не только из них! — криво усмехнулся инкатор. — В следующий раз возьму ее с собой подавлять мятеж! Уверен, она будет в восторге!

— Ты можешь не ерничать каждую минуту? — взъелся Оберон. — Я всего лишь прошу тебя учитывать ее возраст! Это так трудно?

Жнец покаянно опустил голову.

— Простите меня, Ваше величество, я и впрямь слегка перегнул палку! Юлиана и правда еще ребенок, а мне кто-то говорил, что детей нужно учить в игровой форме. Поэтому завтра мы с ней устроим занятие на детской площадке! Сложим в песочнице пазл из фрагментов тела Линареса...

— Эдмунд! — взревел король.

— Что, в песочнице нельзя? — расстроился Карминский. — Ах ну да, недобросовестные хозяева там вечно выгуливают своих собак! Негигиенично! Тогда устроим пикник на природе! Посадим какую-нибудь валькинорскую шпионку на муравейник — женщины так умилительно визжат при виде букашек! А для создания радостной атмосферы наденем ей на голову цветной колпачок и привяжем к шее и рукам воздушные шарики. Потом разожжем костер — для уюта, разумеется...

— Заткнись! — злобно процедил король. — С этого дня вы занимаетесь раз в неделю! Будете постепенно привыкать друг к другу. В ближайшие два года никаких практических занятий! Только теория, и только в академии! Тебе все понятно, Эдмунд? И ты ни пальцем, ни словом не тронешь ни Линареса, ни позвонившего мне Диаса! Оставишь их в покое!

— Ни пальцем, ни словом! — поклялся Карминский. — Есть куда более эффективные приемы обеспечить им покой.

Оберон топнул ногой.

— Прекрати фиглярствовать! Ты прекрасно понял, что я имел в виду! И еще. Я тебе это уже говорил однажды, но повторю снова, в последний раз, потому что ты, как мне кажется, в первый раз не расслышал меня. Видимо, виной тому старческая тугоухость.

Глаза инкатора блеснули льдом, но он смолчал. Астарот подошел к нему вплотную и заговорил, чуть ли не по слогам проговаривая каждое свое слово.

— Эта девочка мне гораздо дороже, чем ты, Эдмунд! Она слишком много значит для моего сына, чтобы я позволил тебе избавиться от нее. То, какой будет твоя старость, напрямую зависит от того, насколько хорошим инкатором она станет. Если же она умрет, то ты тут же отправишься вслед за ней. И если она по твоей вине не оправдает моих надежд, то произойдет то же самое!

— Да хоть режьте меня, она их не оправдает! Никогда! — поджав и без того тонкие губы, зловеще предрек Карминский.

Рот Оберона растянулся в неискренней улыбке, в то время как его глаза пылали угрозой.

— А ты постарайся, дорогой! Я в тебя верю! И в средствах особо не ограничиваю. У меня всего три условия: чтобы она была живая, здоровая и пригодная для этой должности. Это совсем не много, Эдмунд. Ты и не с такими поручениями справлялся! Но помни: два года никакой практики!

Он вышел из комнаты, намереваясь как можно скорей увезти Юлиану из этого мрачного места. Карминский проводил его меланхоличным взглядом и тоже направился к выходу.

Для Юлианы потянулись безрадостные дни учебы в академии, где она с первых же дней своего пребывания стала изгоем. Ее близость к Карминскому отпугивала других студентов и они старательно обходили ее стороной, словно она была больна чумой или проказой. Ее очень вежливо приветствовали, так же вежливо отвечали на ее вопросы, а через пару минут очень вежливо извинялись, ссылаясь на неотложные дела и исчезали.

Никто так и не смог понять за какие заслуги Оберон выбрал ее в инкаторы, поэтому все единогласно сошлись на самом простом объяснении и за глаза прозвали Юлиану королевской шлюхой.

Еще никогда в жизни девочка не чувствовала себя такой несчастной. Вопреки глубоко врезавшемуся ей в память совету Линареса жить сегодняшним днем, она с ностальгией вспоминала свою школу и корила себя за то, что не ценила те дни, когда жила в ней. По сравнению с нынешней жизнью школьная казалась ей просто раем. Там она жила в одной комнате с двумя другими девочками. Это не всегда было удобно, зато не приходилось страдать от одиночества. Но здесь ее поселили в отдельный дом. В нем было две комнаты, кухня и ванная. "Герцогиня, а тем более будущая инкаторша не может жить в общежитии! — сказал ей Оберон. — Теперь у тебя всегда и все будет только по высшему разряду!"

Обменять бы это все на возможность избавиться от Карминского!

Каждая встреча с этим страшным человеком опустошала Юлиану на целую неделю морально и физически. Рядом с ним она ощущала себя полной жизненных сил чашей, которую он раз за разом осушал до дна, истощая те немногие запасы счастья и радости, которые она скопила за свою недолгую жизнь.

Она отчаянно уповала на то, что Энтони уговорит отца перевести ее на другой факультет, но эта надежда таяла с каждым днем: за полтора месяца пребывания в академии он ни разу не навестил ее и только дважды позвонил. Да и его звонки были очень странными: минут по десять он не давал ей вставить ни слова, без умолку рассказывая ей всякие пустяки из своей жизни, а потом прощался, ни разу не спросив как ей живется. После этого Астароты снова надолго забывали о ней.

Едва ли их можно было в этом винить: страна была на грани очередного мощного кризиса. Оберон совсем отчаялся и втайне от всех заключил союз с двумя богатейшими людьми из дружественной ему Асакурии: Мортонем Альбиньи и Альфредом Морреем. Что он им наобещал, никто не знал, даже инкаторы, но после подписания соглашения олигархи немедленно принялись за возрождение находившейся в плачевном состоянии промышленности.

А ведь еще пятнадцать лет назад никто и помыслить не мог, что богатейшая в мире страна, всем диктовавшая свои условия, так быстро придет в упадок.

Конец ее рассвета начинался обманчиво радужно, как волшебная сказка: в один прекрасный день на орбите Земли появился невесть откуда взявшийся звездолет. Он был совершенно исправен, но абсолютно пуст. Появление "Мечты" — так был назван звездолет, — настолько воодушевило весь мир, что люди даже изменили свое летоисчисление. Они объявили этот год началом Звездной эры, эры космических путешествий.

Талинальдийцам повезло — они добрались до корабля первыми и тут же объявили его

своей собственностью. Руководители остальных стран дружно ополчились против захватчиков и обрушили на них потоки экономических и политических санкций. Отныне Талинальдии противостояла огромная сила — Объединение Независимых Государств, а коротко — ОНГ.

Предпринятые ОНГ меры довольно ощутимо били по экономике Талинальдии, но та и не подумала уступить хоть часть своих прав на звездолет. А чтобы его не попытались отнять силой, она стала усиленно наращивать военную мощь.

В навигационной системе корабля были вбиты координаты планеты Эллиум. Именно к нему и отправили первую межгалактическую экспедицию, которую возглавил принц Оберон. Талинальдийцы ликовали, считая, что теперь их жизнь в корне изменится, пополнившись множеством иноземных технологий, а космические перелеты станут обычным делом.

Но судьба распорядилась по-другому. В сентябре шестого года "Мечта" благополучно вернулась на Землю, но не привезла ни новых технологий, ни даже стоящих образцов инопланетных минералов. Хмурый молчаливый экипаж сухо поведал прессе о том, что эллианцы приняли их крайне недружелюбно, и им пришлось спасаться бегством.

Несколько дней разочарованные в своих лучших ожиданиях люди приходили в себя, а потом глава ОНГ снова потребовал от отца Оберона передать узурпированный им звездолет во всеобщее владение.

Король был настолько измучен многолетней блокадой, что согласился на это требование. Но его надеждам на спокойную жизнь было не суждено осуществиться. Часть населения категорически запротестовала против утраты прав на звездолет и устроила в столице бунт. Разъяренная подстрекателями толпа ворвалась во дворец и убила короля и большую часть его министров.

Королем стал Оберон, который чудом выжил во время этого страшного мятежа. В своей первой речи он объявил, что будет продолжать политику своего отца и передаст корабль ОНГ. Вскоре после этого пришла весть о том, что экстремисты подорвали "Мечту", чтобы та не досталась никому.

Это акт вандализма потряс весь мир, и Талинальдии объявили всеобщий бойкот.

Унаследовав изнемогающую под грузом санкций страну, Оберон пытался перестроить ее экономику на самообеспечение, но потерпел жестокое фиаско.

Он неоднократно делал попытки примириться со своими ближайшими соседями, но переговоры шли очень туго. За годы своего правления он сумел наладить отношения едва ли с третью ополчившихся на него государств. Да и это, говоря по правде, была заслуга Карминского. Оберон даже не знал, что этот хитрый лис предложил их союзникам. Скорее всего, свои неопределимые услуги, на которые даже за границей был высокий спрос.

После этого стране задышалось чуть легче, но все же королю пришлось идти на поклон к чужеземным олигархам.

Когда весть о его скоропалительном поступке дошла до ушей инкаторов, двое из них потребовали от Оберона аннуляции этого грозившего переделом власти договора, но ничего не добились. В отличие от своих благоразумных предков, всегда доверявших мнению профессионалов, теперешний правитель крайне редко прислушивался к их советам и совершал одно безрассудство за другим, следуя одному ему известной цели.

Карминский же, к огромному удивлению коллег, поддержал его. Сказал, что король имеет право решать ставшие перед ним углом проблемы так, как считает нужным — ведь

это его страна, а дело инкаторов не указывать, а помогать воплощать в жизнь его решения. Оберон так и не понял искренне одобрил Эдмунд его действия или просто хотел расквитаться за навязанную ему ученицу. Как бы то ни было, необходимые для войны деньги в казне появились, а Моррей и Альбиньи стали во дворце частыми гостями.

Юлиана же, напротив, почти перестала появляться в нем. Карминский загрузил ее учебной сверж всякой меры. Она засыпала и просыпалась читая бесчисленные справочники и руководства, но все равно не могла угодить своему строгому учителю.

Каждые несколько дней, а то и ежедневно, он высказывал ей свое недовольство ее знаниями и сетовал на то, что более бездарной ученицы Оберон ему подsunуть не мог. Постепенно она привыкла к мысли, что ничего путного из нее не выйдет. Это не замедлило сказаться на ее характере: она стала еще более замкнутой и стеснительной, а ее и без того невысокая самооценка сильно упала.

Наступил апрель. Солнце, как ответственный дворник, до капли высушило размокшие лужайки и выманило из почек деревьев прятанную там листву. Уставшие от холода и слякоти студенты все охотнее выбирались на улицу, чтобы порадоваться долгожданному теплу.

Прижимая к груди папку с тетрадями, Юлиана брела в академический корпус. Ее то и дело обгоняли весело переговаривающиеся группки учащихся, и она мучительно завидовала им, остро страдая от недостатка общения.

— Так и будешь пялиться на них, — раздался совсем рядом с ней издевательский голос Карминского, — или все-таки попробуешь что-то сделать, чтобы изменить их отношение к тебе?

Юлиана шарахнулась от неожиданности.

— Я тоже не рад тебя видеть! — поравнявшись с ней, хмуро бросил инкатор. — Но, несмотря на это, нам придется терпеть друг друга, пока смерть не разлучит нас. Надеюсь, не моя.

— Почему так долго? — вырвалось у нее. Она прибавила шаг, чтобы не отставать от него.

— Потому что в том невероятном случае, если ты все-таки выучишься, нам придется работать бок о бок в инкатории. Не кривись — я тоже от этого не в восторге! И вообще, потрудись хоть немного контролировать свои эмоции! Мы общаемся уже почти два года, и все это время на твоем лице как на билборде огромными буквами написаны все твои мысли! Смотреть противно! Было бы правильней, если бы Оберон подержал тебя полгода не в академии, а при дворе — это лучшая школа лицемерия из всех возможных!

Они поднялись по ступенькам академии и вошли в холл.

— Зачем мне учиться лицемерить? — не поняла Юлиана.

— Хотя бы затем, чтобы уметь натягивать при виде меня на лицо жизнерадостную улыбку и не портить мне настроение своей унылой физиономией.

— Зачем? Вы ведь прекрасно знаете, как я к вам отношусь! — сворачивая в ведущий к их классу коридор, сказала девушка.

— Конечно, знаю! — согласился Карминский. — Ты относишься ко мне так же, как и все остальные! Но им хватает ума делать вид, что мое общество им по крайней мере не противно, а я от этого размякаю и хочу им делать гадости намного меньше. А еще я люблю, когда меня хвалят и восхищаются мною! Да, да! Я тщеславен! Так что учти это на будущее. И

вообще, учишься пользоваться человеческими слабостями! Не будь ты такой честной и прямолинейной душой, за тобой давно бы таскалась свита почитателей, и ты бы наслаждалась пребыванием здесь. А вместо этого ты день и ночь корпишь над учебниками, с завистью глядя через окно как веселятся другие!

— Они не принимают меня в свое общество, — с горечью призналась Юлиана.

Карминский толкнул дверь в класс и бросил на стол свой объемный портфель.

— Потому что ты глупая! — открывая настежь окно, ответил он. Сквозняк принес с собой свежий запах весеннего утра и затрепыхал висевшие на окне занавески.

— По-другому нужно строить отношения с людьми! Запомни — все мы корыстны! Только одним нужны деньги, другим любовь, третьим признание, а четвертым — казаться лучше, чем они есть на самом деле. И все свои благие поступки люди совершают для того, чтобы получить взамен что-то важное для себя! Арифметика успеха проста: одному студенту помоги сдать зачет, другому — избежать отчисления, третьему — получить больничный лист или поблажку на экзамене, и все — ты университетский авторитет! И делай все это с легкостью и непринужденностью! Не с видом приносящей тапок собаки, а богини, из прихоти снисходящей до простых смертных.

— Но как я могу им в этом помочь? — недоуменно пробормотала Юлиана.

Она взяла из шкафа учебники и аккуратной стопочкой сложила их на парте. Старик беспомощно всплеснул руками и возвел глаза к небу.

— Боже! И из этого Оберон хочет сделать инкатора! — простонал он. — Пойми, недалекая моя, тебе не посмеет отказать ни один из преподавателей этой страны! Даже сейчас, когда ты полное ничтожество, все понимают, кем ты станешь. Знают, что в будущем их судьба будет во многом зависеть от тебя! Попробуй ради интереса потребовать у учителя математики поставить тебе «отлично» за семестр просто так! Увидишь, он даже не пикнет, расписываясь в твоей зачетке!

— Даже если я не знаю ее на «отлично»?

— Даже если ты не появишься ни на одном занятии!

Он подошел к парте, перебрал лежащие на ней книги и пренебрежительно швырнул их обратно на столешницу.

— Хлам! — безапелляционно заключил он. — Пустой, никому не нужный хлам, который ничему путному тебя не научит! Не понимаю, чем думают в министерстве образования, печатая эту глубоко узконаправленную чушь! Настолько забивают детям головы шелухой, что туда больше не может поместиться ни одна умная мысль!

Юлиана внутренне с ним согласилась.

— А чему тогда нужно учиться?

— Жизни, детка! Жизни! Радуйся, тебе очень повезло с учителем! Я научу тебя брать от нее все по максимуму! Научу общаться с людьми, а через них ты получишь все, что тебе нужно! По окончании наших занятий они будут повиноваться одному твоему взгляду и нести тебе желаемое на блюдечке с золотой каемочкой. Если, конечно, у тебя хватит ума применить на практике полученные от меня знания!

Он вытащил из портфеля несколько подготовленных для Юлианы конспектов и бросил их на стол.

— Почитаешь на досуге! Все, на этом теоретическая часть закончилась, а теперь топай в мою машину — поедem заниматься практикой!

При слове «практика» девушка приросла к полу. Ей живо вспомнилось ее первое

выездное занятие, воспоминания о котором не давали ей спокойно спать все эти два года.

— К...куда? — пролепетала она.

Карминский смерил ее полным недовольства взглядом.

— Туда, куда ты не хочешь! Учиться брать на себя ответственность за все, что происходит с тобой, которой ты так упорно избегаешь! И раз ты не отвечаешь даже за собственную жизнь, то мне придется тебя учить на других. — Он закрыл портфель и знаком приказал ей следовать за собой. — Поедем в центральный суд. Сегодня там будет вынесен приговор по делу серийного убийцы. На его счету восемнадцать зверски забытых подростков. Думаю, ты слышала об этом в новостях.

Юлиана покраснела — телевизор она почти не включала и новостями не интересовалась. Ей было некогда.

По дороге Карминский ввел ее в курс дела.

— Убийца — явный психопат, убивал ради удовольствия, причем всячески растягивал его. Вина полностью доказана, улики — выше крыши. Но при этом выглядит как божий агнец. Яркий пример того, что внешность обманчива.

Они приехали в суд как раз перед концом перерыва. К ужасу девушки Карминский поманил ее к судейскому столу и указал на место рядом с председателем.

— Садись! — велел он. — Сегодня ты будешь принимать решение жить подсудимому или умереть.

— Я?! — чуть не задохнулась от такого известия Юлиана. — Почему я?

— Пора учиться выносить приговоры.

Юлиана окинула взглядом гудящую в ожидании развязки толпу и поежилась. Неужели ей придется выступать перед всеми этими людьми? Во рту тут же пересохло от страха. Карминский ухмыльнулся и сел справа от нее.

— И что я должна буду сказать? — пролепетала она.

— Что сочтешь нужным. Я бы отправил его на эшафот, и чем скорее, тем лучше. Таких надо убивать на месте, чтобы не сбежали ненароком.

Девушку забила нервная дрожь. Судья ободряюще сжал под столом ее руку.

— Все мы когда-то начинали, — успокаивающе шепнул он и объявил о начале заседания.

Когда ввели подсудимого, Делайн ждал новый шок. Вместо матерого убийцы, которого она себе представляла, она увидела невысокого веснушчатого парнишку. По-детски трогательные черты лица, растрепанные темно-рыжие кудри и растерянный испуг в широко распахнутых глазах.

Подсудимому дали последнее слово. Слушая его, герцогиня неотрывно смотрела на его мать. Отчаяние этой женщины окатило Юлиану с головы до ног, поглотило все окружающие ее звуки, запахи, образы. На какое-то время она слилась с испуганно боявшейся лишиться своего единственного ребенка матерью, сама стала ею. Ощутила набрякшие, саднящие от непрерывных слез веки, боль в сорванных от криков голосовых связках, обездвиживающее бессилие во всем теле и стиснутое невыносимой болью сердце.

Судья что-то шептал ей, но она его не слышала и не видела: перед ее мысленным взором были лишь полные мольбы глаза ее ребенка. "Мама, спаси меня! Спаси!" — беззвучно заклинал он.

Карминский сильно сдавил ее пальцы и наваждение ушло, оставив после себя тяжелый тошнотворный осадок.

— Милорд, позвольте мне не участвовать в этом! — помертвевшими губами попросила Юлиана.

— Не устраивай сцен! — презрительно скривил губы инкатор. — Тебе нужно сказать лишь несколько слов. Это проще, чем прочесть стишок на детском утреннике!

— Я не смогу!

Судья молча разложил перед ней пачку фотографий изувеченных жертв обвиняемого. Герцогиня в полном шоке уставилась на превращенные в кровавое месиво лица жертв. Кошмар! Они словно в мясорубке побывали!

— Хорошо, — подозрительно быстро согласился Жнец. — Тогда я его объявлю умалишенным и отпущу. Прямо сейчас. Он полежит полгодика в психушке, а потом снова пойдет убивать.

Юлиана ахнула.

— Но почему вы хотите его отпустить?!

— Да потому, что одна истеричная девчонка никак не хочет брать на себя ответственность за принятие решений, и я не знаю, как иначе убедить ее это сделать! — прорычал он. — Поэтому, отпуская его, я надеюсь, что это за меня сделает десяток-другой новых жертв этого конопатого купидончика! Такой вариант тебе по душе?

— Не по душе, — опустила глаза Юлиана.

— Так повесь этого ублюдка, чтобы другим неповадно было!

И она это сделала. Собрала волю в кулак и ни разу не дрогнувшим голосом объявила приговор.

Спустя двадцать минут они уже ехали обратно в академию. Герцогиню всю трясло. Она только что убила одного человека и лишила смысла жизни другого. До вынесения приговора глаза несчастной матери были полны робкой надежды, а потом погасли, словно выключенные лампочки. В них осталась только пустота. Мертвая, безысходная, непоправимая... Но ведь родители убитых маньяком подростков испытывали то же самое! Значит, она сделала все правильно? Господи, неужели, это и есть правосудие?

Карминскому надоело сидеть молча.

— Ну что ж, с почином вас, инкатор Делайн! — сказал он. — До сих пор нервничаешь, да? Брось! В будущем приговоры станут для тебя повседневной рутинной, быстро привыкнешь.

— Помогите мне избежать такого будущего! — попросила Юлиана.

Инкатор ласково похлопал ее по руке.

— С радостью выполню твою просьбу, но сперва сделай для меня сущую безделицу... — Он склонился к уху девочки и доверительно прошептал: — Убей Оберона! Обещаю, я тебя тогда к инкатории на пушечный выстрел не подпущу, и даже шоколадку тебе куплю!

Юлиана молча отвернулась к окну.

— Согласись, — отодвигаясь от нее, продолжил Карминский, — его смерть немедленно решит большинство наших с тобой проблем! Тебе не придется проходить со мной через все круги ада, а мне не придется выдумывать какие бы еще сделать тебе пакости, чтобы ты убедила его выбрать тебе другое занятие!

— Даже вы не можете его в этом убедить, что говорить обо мне?

— Ничего, скоро истекнут два отведенных им на твое взросление года, и тогда наши практические занятия прибавят тебе убедительности! — оптимистично заключил

Карминский. — Хотя до сих пор понять не могу, как можно так отчаянно отбрыкиваться от свалившегося на тебя счастья? У тебя просто мозгов не хватает, чтобы оценить какой потрясающий подарок сделал тебе Оберон, какую честь оказал!

— И что же он подарил мне кроме вашей кабалы? — апатично спросила Юлиана.

— Самый мощный наркотик в мире: право на вседозволенность! Я не променял бы его ни на что другое, даже если бы мне взамен вернули молодость!

Девушка оторвала взгляд от окна и с удивлением посмотрела на Жнеца. Впервые он говорил о чем-то с таким упоением.

— Мы с вами слишком разные! — сказала она. — Мне это не нужно.

По лицу Карминского пробежала странная, но весьма тревожащая улыбка. Такая бывает у мудреца, который наперед знает все поступки человека.

— Ошибаешься, девочка... Мы с тобой из одного теста, и скоро ты это поймешь...

В первую пятницу мая произошло чудо: одиночеству герцогини пришел конец — к ней подселили соседку. В тот вечер, получив от учителя очередную взбучку, Юлиана сидела перед разложенными на кровати справочниками, не зная с какого начать. Каждый из них вызывал у нее стойкое отвращение, а распухший от обилия информации мозг умолял об отдыхе. И тут в ее дверь кто-то постучал. Она слезла с кровати и пошла открывать, гадая, кто это решил заглянуть к ней в такое время. Уборщица приходила к ней по утрам, пока она была на занятиях, а других посетителей у нее не бывало.

Она распахнула дверь и увидела перед входом незнакомую девушку лет восемнадцати-девятнадцати. На ней был темно-розовый костюм, удивительно гармонизировавший с ее длинными русыми локонами, а в руках она держала большой серый чемодан. Незнакомка приветливо улыбнулась ей и поставила вещи возле входа.

— Здравствуй! Я Виктория Блэр, — жизнерадостно представилась она. — Меня сегодня перевели сюда из вейденского университета и сказали, что я буду жить с тобой. Ты позволишь мне пройти?

Юлиана так опешила, что даже не сразу смогла посторониться. Просто стояла и молча любовалась на прилетевшую к ней из Вейдена фею. К ней кого-то подселили? Невероятно! Ей вдруг захотелось запрыгать от счастья и повиснуть на шее своей соседки. Разумеется, она этого не сделала, а просто шагнула вглубь прихожей, открывая проход.

Ее молчание и заминка смутили Викторию. Казалось, что ей здесь не рады, и она расстроено вспомнила свою трехместную комнатку в вейденском общежитии и оставшихся там подружек, с которыми она прекрасно ладила. Она втащила чемодан в комнату и оглядела дорогую, но без излишеств обстановку, совсем не похожую на ту, к которой она привыкла за время учебы.

— У вас тут все живут в таких королевских условиях? — удивилась она.

— Нет, только я, — покраснела хозяйка домика.

— А почему?

Вместо ответа Юлиана извиняюще посмотрела на свой висевший у входа на плечиках мундир.

Виктория растерялась. По одежде и слишком роскошным для студентки условиям проживания она поняла, что ее поселили с ученицей Карминского. Уж о чем, о чем, а об

этой живой достопримечательности академии даже она была наслышана, и жить бок о бок с будущей инкаторшей совсем не хотела.

На ее душе заскреблись кошки, и она подумала, насколько же непредсказуема жизнь. Еще вчера утром она была одной из лучших студенток Вейдена и наслаждалась своим пребыванием в нем, а вечером отец сообщил, что нашел ей бюджетное место в Эстевийском госуниверситете и велел срочно собирать вещи.

Ее робкие просьбы позволить ей окончить второй курс на прежнем месте не были им услышаны, поэтому в полвосьмого утра ей пришлось распрощаться со своими горячо любимыми сокурсницами и учителями и отправиться сюда.

— Наверное, охранник что-то напутал, показывая водителю дорогу, — пробормотала Виктория. — Сейчас схожу к коменданту общежития и попрошу это исправить.

Юлиану охватила паника. Даже если появление Виктории в ее доме и было случайностью, она не хотела, чтобы та переселялась в другое место.

— Пожалуйста, не уходи! — взмолилась она. — Комендантша все равно уже уехала и вернется только в понедельник утром. Остайся здесь! Места в доме более, чем достаточно для двоих, и я не буду тебе сильно мешать!

В голосе юной герцогини было столько отчаянья, что Блэр поставила только что поднятый чемодан обратно на пол.

— Это я буду тебя стеснять, а не ты меня, — возразила она, думая о том, что хозяйка домика права и, по крайней мере до понедельника, другого жилья у нее не будет.

— Не будешь! — покачала головой готовая расплакаться от радости Юлиана. — Честно говоря, я безумно рада, что тебя поселили со мной!

Виктория еще раз осмотрелась. Кровать в комнате была одна, но помимо нее был еще большой раскладной диван, на котором можно было очень даже комфортно выспаться. Если только ей здесь заснет. Но ничего, пару дней можно перетерпеть.

— Куда можно поставить чемодан? — скованно спросила она.

Юлиана тоже завертела головой.

— Сейчас придумаем!

Минут двадцать девушки провели в хлопотах, обустроивая Викторию на новом месте. Когда ее вещи были разложены по шкафам и тумбочкам, они пошли на кухню пить чай. Хозяйка расстаралась, в итоге стол ломился от всевозможного печенья и конфет, а в воздухе витал бодрящий аромат нарезанного кружочками лимона.

Постепенно взаимная неловкость соседок растворилась, и Блэр стала получать удовольствие от общения с герцогиней, которая оказалась совсем не такой, как про нее говорили. Они проболтали полночи, обсуждая все подряд, начиная от учебы и кончая бродячими собаками. Когда тема коснулась кошек, Виктория тут же спрыгнула с дивана и под села на кровать к уже подружке, показывая ей на мобильнике фотографии своего любимого темно-рыжего питомца.

В субботу утром Юлиана проснулась гораздо позже обычного с восхитительнейшим ощущением праздника на душе, который так и остался с ней на все выходные. Впервые за полтора года она позволила себе забыть о несделанных уроках и провела оба дня, наслаждаясь обществом своей общительной соседки.

В понедельник после занятий к ним зашла комендантша общежития. Она извинилась перед Юлианой за доставленные ей временные неудобства и предложила Виктории перебраться в общежитие. Но девушки дружно запротестовали против переезда, и та ушла,

оставив герцогине самой решать, как долго будет жить у нее ее самое дорогое сокровище.

С этого дня Юлиана стала чувствовать себя дома спокойно и уверенно, как приплывший в гавань корабль, хотя раньше она тот же самый дом воспринимала как место своего пятилетнего заточения. Эти благие перемены не замедлили сказаться на ее внешности и поведении: она расцвела, посвежела, стала часто, порой даже без причины улыбаться, и даже учеба стала даваться ей легче.

Их с Викторией взгляды на жизнь сходились почти во всем, они подходили друг другу просто идеально, и за всю следующую неделю у них не появилось ни одного повода хоть в чем-то упрекнуть друг друга.

В воскресенье Тори предложила Юлиане пойти вместе погулять в парке. Та с радостью согласилась, хотя раньше старалась бывать на улице не дольше, чем требовалось для перехода из одного здания в другое. Только так можно было избежать косых взглядов и обсуждений за своей спиной. Но с появлением подруги такие вещи перестали иметь для нее значение, и это приводило герцогиню в восторг. Она даже позволила себе снять ставшую ей уже привычной форму, чтобы быть похожей на боготворимую ею Викторию хотя бы в одежде.

Надев нежно-зеленое атласное платье, она подошла к зеркалу, блаженствуя от прикосновения к коже гладкой прохладной материи, а не жесткого сукна.

— Ух ты! — раздался восхищенный голос ее соседки, давно и так и сяк вертевшейся у него. На ней было лимонное, украшенное белыми вставками платье, и Тори старалась рассмотреть себя в нем во всех ракурсах. — Как это ты посмела снять свой мундир, признавайся? Или у тебя сегодня урок маскировки, и ты решила слиться с парковой зеленью?

— Хоть какая-то гарантия, что меня никто не заметит, — отшутилась Юлиана, отмечая про себя, насколько элегантно смотрится Виктория в любом наряде и с любой прической. Сегодня ее блестящие волосы были распущены и ниспадали с плеч струящимися шелковыми прядями, делая ее похожей на лесную нимфу.

— До чего же ты совершенна! — зачарованно проговорила Делайн, даже не пытаясь скрыть своего преклонения перед подругой. — Прямо хочется создать твой фан-клуб и обклеить всю комнату плакатами с твоим изображением! Ты самое красивое создание из всех, кого я видела! Просто идеал женской красоты!

— Ты серьезно? — растерянно улыбнулась Блэр. — А можно спросить, ты себя когда-нибудь в зеркале видела?

— И сейчас вижу, — ответила ее собеседница, озабоченно вглядываясь в свое отражение. — А что? Что-то не так?

— Вот в том-то вся твоя беда! Ты используешь зеркало только для того, чтобы уложить волосы или убедиться в том, что одежда в порядке. А на себя как на женщину ты хоть раз смотрела?

— Вроде да... — смутилась Юлиана.

— И какой же ты себя там видела? — не отставала от нее подруга.

— Не знаю! Обычной. Не такой, как ты... Я не слишком люблю зеркала: они всякий раз напоминают мне о моих бесчисленных недостатках!

— Воображаемых, между прочим! — строго сказала Виктория.

— Они не воображаемые! — расстроено ответила герцогиня. — Посмотри на себя и на меня! Я уродина по сравнению с тобой!

— Ты?! Ты?

Тори, не выдержав, громко расхохоталась и бухнулась на ее кровать. Юлиана терпеливо ждала, когда она успокоится.

— Ты не уродина! — отсмеявшись, сказала Блэр. — Ты просто безумно закомплексованная дурочка, не осознающая всей уникальности своей внешности!

— Ты издеваешься надо мной, или и правда считаешь, что я не безнадежна?

Прозвучавшая в голосе Юлианы робкая, густо смешанная с озабоченностью надежда, снова рассмешила ее подругу.

— Да ты просто ходячее учебное пособие для меня! — прыснула она. — Теперь я понимаю, почему меня к тебе подселили: чтобы я подняла твою самооценку! Пойми, глупая, сравнивать меня и тебя — это все равно, что сравнивать баобаб с осинкой! У меня красота простушки-крестьянки, а ты — олицетворение женственности и элегантности. Мне не дано и сотой доли твоего пленительного изящества, твоей аристократической недостижимости. Да я бы все на свете отдала, чтобы быть хоть немного похожей на тебя!

Она внимательно всмотрелась в смятенное личико Юлианы и поняла, что та не верит ни единому ее слову.

— А вот тебе нужна помощь квалифицированного психолога, чтобы избавиться от неизвестно кем привитых комплексов, — заключила она. — И так как я на него учусь, то можешь считать, что тебе крупно повезло. Через пару месяцев ты будешь полностью уверена в своей абсолютной неотразимости и безграничном очаровании! Не бойся, дорого за свои уроки я не возьму. Просто будешь решать мне контрольные до самого выпуска!

— Если ты сможешь мне хоть на процент полюбить себя, я буду до конца учебы делать за тебя все твои домашние задания! — торжественно поклялась Делайн.

Она подошла вплотную к зеркалу, намереваясь рассмотреть что такого уникального увидела в ней Тори, но ей в глаза бросились лишь собственные, едва доходившие до скул темные волосы, разительно отличающиеся от волос ее кумира.

— Они ужасны! — проныла она. — Я похожа на ворону!

— Средоточие комплексов! — зевнув, поставила диагноз Тори.

Юлиана отошла от нервировавшего ее зеркала и села на застеленную сиреневым льняным покрывалом кровать.

— Хорошо, допустим у меня действительно комплексы, и я правда так красива, как ты говоришь. Тогда почему на меня никто не смотрит? У всех моих сокурсниц есть, или хотя бы были парни, а у меня — никогда!

Виктория перестала копаться в своей шкатулке с украшениями.

— А вот в этом нет ничего удивительного, — невозмутимо ответила она. — Этому есть несколько простых объяснений. Во-первых — сама себя не полюбишь — никто тебя не полюбит! Во-вторых — тебя попросту боятся. Я сама была в шоке, когда узнала, что буду жить с будущим инкатором. Хотела бежать валяться в ногах у комендантши, умоляя ее подыскать мне другое жилище, несмотря на то, что твои апартаменты здесь самые шикарные. А чего стоил твой первый взгляд, когда я сообщила тебе, что нас решили поселить вместе! Ты обдала меня таким ледяным высокомерием, что мне тут же захотелось сбежать из твоего зимнего царства!

— Серьезно? — изумилась Юлиана.

Подруга защелкнула на руке браслет и кивнула.

— Тогда ты — никудышний психолог, раз не можешь отличить высокомерия от немого

восторга! — фыркнула герцогиня.

— Это я потом научилась различать твои эмоции, а сперва мне было с тобой очень не по себе! — Виктория отложила в сторону коробку с бижутерией и посерьезнела. — Может, я сейчас стану говорить странные вещи, но я так чувствую, поэтому не смейся. От тебя идет какая-то особая аура, очень мощная, — тщательно подбирая слова, медленно проговорила она. — Чем дольше я общаюсь с тобой, тем мне комфортней в твоём присутствии. Это даже не комфорт, а какая-то эйфория, что ли... Но когда ты не испытываешь к человеку симпатии, твой взгляд пронизывает до костей, как холодный порыв ветра. Для инкатора, конечно, самое то, но любой здравомыслящий человек предпочтет держаться от тебя подальше. Ведь он не знает, что все это только маска ранимой одиночки!

— Неужели со стороны я настолько жалкое существо? — ужаснулась Юлиана.

— Со стороны ты кажешься одиноким волком, который слишком хорош для того, чтобы жить в стае, — успокоила ее Тори. — С одной стороны это круто, а с другой сильно отпугивает парней — ведь им нужны слабые беззащитные девочки, рядом с которыми они могут почувствовать себя могучими благородными рыцарями! А кем они могут чувствовать себя рядом с тобой — лучшей ученицей академии, да к тому же без пяти минут инкатором? Ущербными слабаками и неудачниками! Ну, сама подумай, кому это может понравиться?

— И как мне это изменить? — спросила Юлиана. — Или это безнадежно?

— Безвыходных ситуаций не бывает! — уверенно заявила Тори. — У тебя есть целых два варианта. Один из них — опуститься до уровня большинства. Хотя мне весьма сомнительно, что ты сможешь получить удовольствие накачиваясь дешевым пойлом в курящей и матерящейся компании!

— Это да... — признала Юлиана. — А второй вариант какой?

— Натянуть на волка — то есть на тебя — овечью шкуру! Сейчас мы с тобой пойдем в парк проводить наше первое практическое занятие. Сегодня там будет гулять целая уйма учебных пособий! Ты готова?

Герцогиня представила как цепляется к прогуливающимся по аллеям парням и покраснела.

— Не уверена...

Виктория брызнулась пахнувшими акацией духами и потянула за собой в нерешительности топтавшуюся возле выхода подругу.

— Запомни главное — они боятся тебе куда больше, чем ты их! — утешила она ее.

— А вот это вряд ли! — позволила себе не согласиться с ней Юлиана.

Они вышли на улицу. Стоял теплый солнечный денек, какие были не редкостью в конце мая, и подружки пошли по дорожке, наслаждаясь шелестом листвы и видом радующей глаз яркой зелени. Временами налетал ветерок и обдавал их пленительным чувством легкости и свободы.

Облюбовав стоявшую особняком скамейку, девушки устроились на ней и с упоением стали строить планы грядущих совместных развлечений. Их разговор то и дело прерывался взрывами смеха. Еще никогда в жизни Юлиана не чувствовала себя так непринужденно. Наконец-то у нее здесь появился близкий человек, с которым можно было говорить на любую тему, не боясь насмешек и непонимания. Мимо них неторопливо прошли два юноши с дипломатического факультета академии, и Блэр отпустила им вслед очередное уморительное замечание. Девушки расхохотались. Парни притормозили и уставились на них.

Тори легонько подтолкнула подружку локтем в бок.

— Разве этот черноволосый не красавчик? — довольно громко спросила она.

Названный красавчиком парень стал с интересом разглядывать хохотушек. Узнав в одной из них ученицу Карминского, он так удивился, что замер с приоткрытым ртом.

— Смотри, а ты ему понравилась! — шепнула Делайн подруга. — Видишь, как он на тебя пялится? Быстро улыбнись ему!

Юлиана попыталась выдавить из себя улыбку, но только конфузливо хихикнула и быстро отвернулась. Парень тоже смутился и торопливо ушел.

Ни одна из наук не давалась герцогине с таким трудом.

— Я чувствую себя полной дурой! — призналась она.

— Ничего, это скоро пройдет! — заверила ее Блэр. — Ты, конечно, случай тяжелый, к тому же наученный разговаривать с людьми с позиции силы. Но сейчас ты должна забыть о своем командирском будущем и делать все наоборот! Смотри, возле фонтана стоит милый рыжеволосый паренек, похожий на херувимчика... Видишь?

— Да, — с опаской ответила Юлиана.

— Прекрасно! Он учится на юриста, и у вас много предметов пересекается, верно?

— Да.

— Отлично! Сейчас ты подойдешь к нему и попросишь помощи в решении какой-нибудь правовой задачки. Сама легко придумаешь какой. А когда он начнет тебе ее объяснять, то ты, как бы невзначай, начни восхищаться его интеллектом. Можешь немного поругать себя за то, что такое элементарное решение сразу не пришло к тебе в голову. Ясно?

— Я бы с радостью, — со смехом ответила герцогиня, — но он в учебе дуб дубом! Это знают все, кто давно здесь учится. Его здесь держат только из уважения к его занимающему высокий пост отцу.

— Да... Такой вариант нам не подходит! — согласилась Тори, продолжая сосредоточенно осматривать окрестности. Ее взгляд быстро нашел для своей ученицы новый объект, и она сжала ладонь Юлианы, обращая ее внимание на двух сидевших на траве под деревом парней. — Иди к ним и попроси разрешить наш с тобой спор.

— Какой?

— Да какая разница какой? Приведи их к нам, а тему я сама придумаю! Вперед!

— Хорошо! Сейчас приведу! — пытаюсь придать бодрости своему неуверенному голосу отозвалась Делайн и пошла в указанном ей направлении. Но и это задание своей наставницы она провалила: заметив, что юная инкаторша направляется в их сторону, парни встали из-под дерева и спешно удалились. Юлиана только виновато развела руками и пошла обратно.

— Снова неудача! — присаживаясь рядом с Тори, нервно усмехнулась она.

Та поманила ее к себе пальцем и что-то зашептала ей на ухо. Целиком захваченная этой необычной для нее игрой, герцогиня залилась звонким смехом.

Как назло, в это время по параллельной аллее проходил Карминский. Он был не в духе, и чужой смех разозлил его. Он повернулся в сторону его источника, чтобы узнать кому это так весело, и с изумлением узнал в хохочущей девушке свою ученицу, которую никогда даже улыбающейся не видел. Инкатор с неодобрением посмотрел на ее очаровательную соседку.

Ни Юлиана, ни Виктория и понятия не имели, что их поселили вместе не случайно, а по приказу короля, сильно озабоченного душевным надломом своей воспитанницы. По его приказу психологи всех университетов, имеющих те же факультеты, что и Эстевийский, протестировали своих студенток, чтобы подобрать наиболее подходившую ей в наперсницы

кандидатуру. Выбор остановили на активистке Виктории Блэр, которая была душой Вейденского университета.

Глядя на веселившихся девушек, Карминский с досадой признал, что затея Астарота увенчалась успехом, и так планомерно загоняемая в депрессию Юлиана воспряла духом. Он мысленно пожелал своему монарху как можно скорее отправиться в ад и направился к студенткам.

Заметив приближающегося к ним инкатора, Юлиана немедленно согнала с губ улыбку и поспешно встала. Ее охватила сильная неловкость, словно он застал их за чем-то постыдным. Виктория последовала ее примеру и тоже поднялась с места.

Жнец разглядывал их со смесью любопытства и неприятия, словно заспиртованных в банке уродцев. Он царапнул колючим взглядом порозовевшее от свежего воздуха и смеха лицо своей ученицы, ее непривычный наряд, а после перевел внимание на ее подругу. Та встретила его тяжелый взгляд спокойно и уверенно.

— Вижу, у тебя появилась подружка? — без приветствия спросил он Юлиану.

— Да. Нас поселили вместе, — ответила она ему, ощущая как под ложечкой зарождается и ползет по телу волна сильнейшего беспокойства за подругу.

— Что ж, я рад за тебя! А то все одна, да одна! Осталось только познакомиться с твоей новой соседкой. Как вас зовут, юная леди? Сам не представляюсь, так как уверен что мое имя вам и без того известно.

— Меня зовут Виктория Блэр, милорд! — назвала себя Тори. Отсутствие в ее голосе должного почтения к его персоне снова неприятно резануло самолюбие Карминского. Такая дружба вряд ли пойдет на пользу его воспитаннице.

— Что ж, не буду мешать вам наслаждаться выходным днем, — сказал он. — До понедельника, Юлиана!

Едва заметно кивнув им на прощание, Жнец ушел. Когда его сухощавая фигура удалилась на почтительное расстояние, Виктория шумно выдохнула.

— Брр! До чего же неприятный и пугающий тип! — передернулась она. — Это и есть твой учитель?

— К несчастью — да. Я так боюсь его!

— Ничего удивительного! Он на стервятника похож!

Блэр потеряла друг об дружку похолодевшие пальцы и пожаловалась:

— Кажется, теперь я знаю откуда пошло выражение "кровь стынет в жилах"! И понимаю, почему от тебя здесь все шарахаются и почему ты такая мрачная и нелюдимая, — пробормотала она. — Я бы, наверное, с ума сошла, если бы мне пришлось видеться с ним каждый день! Искренне сочувствую: в твоём возрасте нервы и так ни к черту из-за гормональных перестроек, а тут еще это чудовище постоянно на них действует! Я просто обязана взяться за восстановление твоей психики! Поэтому сегодня ты идешь со мной в одно потрясающее, запретное для других место!

— В какое? — сгорая от любопытства, спросила Юлиана.

— Не скажу! — загадочно улыбнулась подруга. — Вечером сама все узнаешь.

Остаток дня Делайн провела как на иголках. Без двадцати восемь они вышли из дома и пошли в старинный трехэтажный корпус студенческого общежития. Спустились в подвал, прошли через длинный обшарпанный коридор до самого конца и остановились у

расписанной баллончиками с краской двери, за которой слышалась живая музыка.

— Тори, что здесь? Какая-то вечеринка? — спросила Юлиана.

— Нет. Гораздо лучше! — ответила та и забарабанила в дверь условленным стуком. — Это местная музыкальная группа. Я неплохо пою и они пригласили меня к себе в качестве новой вокалистки.

Им сразу отворили, впуская в прокуренное и заваленное хламом помещение. Глаза Юлианы с непривычки защипало от табачного дыма. Проморгавшись, она огляделась. По стенам комнаты были развешаны полки с различным инвентарем, на полу стояли ящики с инструментами, металлическими тросами и мотками веревок. В одном из углов торчали разноцветными древками несколько лопат, а рядом с ними стоял небольшой раздолбанный диванчик. На нем в обнимку с девушкой сидел смутно знакомый Юлиане парень. Все свободное от хлама пространство занимали музыкальные инструменты: синтезатор, барабаны и блестящая черным лаком электрогитара, слишком новая и модная для царившей вокруг разрухи. За синтезатором сидела светловолосая девушка с почти мальчишеской стрижкой и что-то наигрывала.

— Привет, Тори, — поздоровалась открывшая им дверь полненькая мулатка, сквозь дым вглядываясь в ее спутницу. — Кого это ты с собой привела? — В следующую секунду ее глаза расширились от негодования. — Ты притащила сюда инкаторшу? — возмутилась она. — Совсем чокнулась? Хочешь, чтобы у всех нас были крупные неприятности? Из-за тебя Майкл враз вылетит с работы, а нас вышвырнут отсюда! Где мы тогда будем репетировать?

Ее громкий голос привлек к себе всеобщее внимание. Юлиана оказалась в перекрестии враждебных взглядов.

— Мне не стоило сюда приходить, — пробормотала она и рванулась, чтоб уйти. Виктория ее удержала.

— Спокойно, Нео! — сказала она мулатке и потащила герцогиню в глубину комнаты. — И вы все тоже успокойтесь. Это моя лучшая подруга, и я головой клянусь, что никаких неприятностей из-за нее у вас не будет!

Нео прилепила на грязный кирпич стены потерявшую вкус жвачку и потребовала.

— Пусть она нам это пообещает, а не ты!

— Да ладно, Нео, что ты завелась? Все будет нормально! — примирительно заговорил парень с дивана, в котором Юлиана только теперь узнала университетского разнорабочего, Майкла Станли.

— Зачем ты ее с собой приволокла, Тори? — поинтересовалась продолжавшая бренчать на синтезаторе девушка. — Не боишься, что мы испортим эту пай-девочку?

— Ее давно пора испортить. Слишком уж она безупречна! — усмехнулась та.

— Это мы можем, это мы запросто! — затягиваясь сигаретой, хмыкнула клавишница.

Она подошла к герцогине и протянула ей руку с длинными ярко-синими ногтями.

— Меня зовут Валерия, — представилась она. — Друзья зовут меня Вал. А ты Юлиана Делайн, да?

Нео одернула топорщившуюся на своей объемной груди ярко-желтую футболку и пробурчала:

— А то не видно! Будто в универе есть еще кто-то похожий на нее!

Блондинка скорчила недовольную гримаску.

— Нео, угомонись! То, что тебе завтра пересдавать зачет, не дает тебе права срывать

на всех подряд. Иди лучше барабаны поколотить!

Сидевшая в объятиях Майкла девушка сняла со своего плеча его руку и тоже подошла к гостям.

— Я Лин, — забрасывая за спину собранные в конский хвост каштановые волосы, сказала она. — А это мой друг Майкл, он работает здесь и дает нам ключи от подвала, чтобы мы могли репетировать. Он же и приволок сюда все эти инструменты.

— Почему вы репетируете здесь? — удивилась Юлиана. — Неужели руководство университета не может выделить вам нормальное помещение?

Ее замечание вызвало всеобщий смех.

— Как нам сказал декан, наша музыка не подходит для элитного учебного заведения, — пояснила ей Лин. — Так что мы не слишком себя афишируем и поем только для друзей. Ты ведь никому не выдашь наш маленький секрет?

— Разумеется, нет! — заверила ее Юлиана. — А мне можно будет послушать ваши песни?

Вал взяла с одной из полок початую банку колы и вернулась к синтезатору.

— Слушай, коли пришла! — разрешила она.

— Она у них вроде главной, — шепнула подруге Виктория, усаживая ее рядом с собой на деревянный ящик. — Если она тебя примет, то все примут.

Юлиане повезло — Вал оказалась к ней благосклонна. Их посиделки затянулись до двух часов ночи, а потом Тори чуть стала разгонять всех спать. Совершенно очарованная этой компанией, Делайн стала упрашивать ее остаться здесь еще хотя бы на полчаса.

— Хочешь, чтобы твой коршун, глядя на твои красные глаза, заинтересовался где ты шастаешь по ночам? — сердито спросила ее Виктория. — Так он сделает эту посиделку первой и последней!

Сраженная этим доводом, ученица инкатора тут же стала прощаться со своими новыми знакомыми. Ее сердце пело, спать не хотелось абсолютно, зато очень хотелось прыгать и радостно вопить. Едва они оказались на улице, Юлиана подняла вверх сияющее блаженством лицо, а потом заключила Блэр в объятия.

— Тори, спасибо что привела меня туда! Я твоя должница навсегда! — с восторгом сказала она. — Ты ангел, посланный с небес для того, чтобы сделать меня счастливой!

— Как же мало тебе надо для счастья, — усмехнулась та. — Кстати, мои родители приглашают тебя провести летние каникулы у нас дома. Как ты, согласна?

Если бы Юлиане сейчас подарили весь мир, то и тогда бы она не испытала такого всепоглощающего счастья, как от этого известия.

— Это лучшее предложение в моей жизни! — очарованно прошептала она. — А я не слишком вас стесню?

— Глупости, чем ты можешь нас стеснить? Дом у нас не слишком большой, но ведь и нам с тобой не привыкать жить в одной комнате, правда? Зато у нас рядом есть кристально чистое озеро и потрясающе красивый лес. А в городе множество клубов и целая толпа моих друзей, с которыми мы там будем тусоваться! Да, чуть не забыла добавить, что никто из них не будет знать о твоей специальности, и ты сможешь делать все, что только пожелаешь!

— Где я должна подписаться кровью? — заулыбалась Юлиана. — Судя по количеству обещаемых удовольствий, я должна тебе как минимум душу!

— Тебе придется выбрать себе псевдоним. Лучше, созвучный с именем. Например, Дамиана.

— Ах, Тори, я согласна на любое имя, какое ты мне выберешь! Только бы король и отец разрешили мне погостить у тебя!

Они медленно пошли к своему дому по залитой лунным светом плиточной дорожке.

— Не думаю, что с этим возникнет проблема, — уверенно проговорила Виктория. — Судя по твоим рассказам, твоему отцу плевать где ты и с кем ты, а король старается свести к минимуму твое общение с влюбившимся в тебя принцем.

— Я не говорила, что Энтони в меня влюблен! — возразила Юлиана. — Он просто, просто... любит бывать в моем обществе, а Его величество почему-то ревнует его ко мне. Во всяком случае, мне так показалось.

— Вот и отлично! Значит, возражать против наших планов он не станет!

Блэр не ошиблась. Король не только не возражал, но даже пообещал перевести отцу Виктории более, чем приличную сумму на содержание своей воспитанницы. С этого дня Юлиана завела себе календарик, в котором зачеркивала оставшиеся до каникул дни.

Трижды в неделю они с Тори ходили в подвал на репетиции. Сначала участницы группы терпели герцогиню как довесок к прекрасно певшей Виктории, но уже через две недели их настороженность к ней сменилось полным доверием. Как ни странно, этому в немалой степени поспособствовала плохая успеваемость Валерии.

В конце марта она имела неосторожность влюбиться в своего одноклассника Дениса. Он ответил ей взаимностью, и оба с головой прыгнули в головокружительный роман. Разумеется, на такую мелочь как учеба, времени ни у нее, ни у него не осталось, поэтому летняя сессия застала Вал врасплох. И если с остальными предметами она худо-бедно справлялась, то финансовый менеджмент был для нее чем-то вроде инопланетной письменности. На уговоры подруг почитать перед экзаменом учебник она беспечно отвечала:

— Миссис Фродерик и так поставит мне тройку. Я ей всегда нравилась. Она говорит, что я очень похожа на ее любимую племянницу Нору, и всегда прощает мне пробелы в знаниях и даже пропуски. Так что волноваться мне совершенно не о чем.

Но поволноваться Валерии все-таки пришлось. За две недели до конца семестра ее снисходительная преподавательница вдруг серьезно заболела и попала в больницу, а на ее место прислали молодого амбициозного учителя, который сразу во всеуслышание заявил всему курсу, что на хорошие оценки за красивые глаза и былые заслуги никто пусть не надеется.

После каждой его новой лекции привыкших к доброй миссис Фродерик студентов охватывала все большая тревога. Но настоящая паника началась после семинара, на котором большинство учащихся получили неуд. И это за неделю до экзамена!

Настроение Валерии было хуже некуда. Конспекты по этому предмету она вела в лучшем случае через предложение, а учебником по нему ни разу не оскверняла руки с того самого часа, как поставила его на книжную полку своей комнаты сразу после получения. Понимая, что экзамена ей не сдать, она впала в отчаяние. Ее отец, человек весьма крутого нрава, предупредил ее, что если она завалит сессию, то на следующий же день пойдет работать официанткой в кафе возле их дома.

Работа официанткой никак не входила в список жизненных приоритетов Вал. Безутешно прорывав два дня, она вместо консультации перед злополучным экзаменом пошла к кастелянше. Та слыла у них в университете гадалкой. Вывернув из карманов потертых джинсов все имеющиеся у нее деньги, Валерия слезно стала умолять спасти ее от

отчисления.

Кастелянша пухлой красной рукой сгребла со стола мятые купюры, брезгливо посчитала их, посетовала, что денег так мало, и стала выталкивать девушку за дверь.

— Но как же так?! — возмутилась Вал. — Вы же обещали помочь мне! Сделать так, чтобы меня не отчислили!

— Не отчислят. Подруга тебе поможет, — толкая ее в спину, пробурчала тетка.

— Но какая? — упираясь руками в дверной пролет, настаивала студентка.

— Та, что учится хорошо!

Дав не желающей уходить девушке несильный, но чувствительный пинок, кастелянша захлопнула за ней дверь.

— Подруга?..

За дверью бельевой комнаты, откуда ее сейчас так бесцеремонно выставили, Валерия уселась на пол и стала перебирать в голове всех мало-мальски соображающих в менеджменте подруг. Но таковых не имелось. Из всех ее подруг хорошо училась только Юлиана, но та вообще не изучала менеджмента. Еще немного помаявшись, Вал решила последовать совету имевшей у студентов большой авторитет предсказательницы и отправилась за помощью к Юджину.

Этот парень был любимцем декана и на протяжении всего семестра помогал ему справляться с разнообразной бумажной рутинной за поблажки в учебе. Расписав ему во всех красках какая печальная судьба ее ожидает после провала сессии, Валерия упростила его на время вклеить в ее зачетку фотографию Делайн. На следующее утро Юджин, сам не свой от страха, вручил ей уже подделанный документ.

Валерии осталось только уговорить Юлиану.

Услышав, что от нее требуется, та просто опешила.

— Это невозможно! Я ведь ни одной лекции по экономике не слушала! — ужаснулась герцогиня.

— Я тоже! — невозмутимо парировала блондинка. — Так что мы с тобой тут в равном положении. Но ты, в отличие от меня, умеешь разговаривать умными словами, а значит, твои шансы получить тройку намного превосходят мои! Идем, экзамен вот-вот начнется! Называется он "Финансовый левверидж".

— Валерия, ты издеваешься надо мной? — заартачилась перепуганная Юлиана. — Как можно сдать экзамен по предмету, названия которого я до сегодняшнего дня даже не слышала? Да я его даже выговорить не смогу с первого раза!

— Нам идти туда несколько минут, так что у тебя есть время попрактиковаться в произношении, — флегматично ответила Вал. — Быстро переодевайся! Ты должна стать мной, а я не ношу мундира.

— Не пойду! Правда, Валерия, не обижайся, но от твоего плана нам всем будет только хуже!

Осознав, что напором и лестью ничего не решишь, двоичница стала давить на жалость.

— Юлиана, если я завалю этот экзамен, то меня отчислят! И тогда мне придется вернуться домой с позором и всю жизнь работать официанткой в том ресторане, в который будут ходить обедать те, кто смог получить диплом. А по вечерам пьяные похотливые мужики будут лапать мою задницу и засовывать свои жалкие чаевые мне в декольте! И на старости лет, когда внуки спросят меня о моем самом большом достижении, я им с гордостью скажу, что за все свои сорок лет работы я разбила всего двенадцать тарелок и

восемнадцать стаканов и ни разу никому не плюнула в еду, хотя мне этого очень хотелось!

— Ладно, уговорила, — сдалась Юлиана. — Я попробую!

— Ты не волнуйся! — воспряла духом Вал. — Хуже меня у тебя при всем желании не получится сдать!

Она отвела подружку к экзаменационной аудитории и всунула ей в руки зачетку. Пересилив страх, Делайн вошла в большую, почти пустую аудиторию. За преподавательским столом сидел мужчина лет тридцати, с копной черных волос и слегка ехидной улыбкой.

— Да вы не стесняйтесь, проходите, — поманил он к себе застывшую у дверей девушку. — Как вас зовут?

— Валерия... Кирк, — глянув на зачетке фамилию подружки, ответила она.

— Валерия, вы билет прямо оттуда будете тянуть или все-таки подойдете ближе? — насмешливо спросил экзаменатор.

Смирившись с неизбежным, девушка подошла к столу и вытащила билет. Билет был под номером двадцать семь и гласил следующее: "Финансовый левэридж и его роль в финансовом менеджменте. Эффект и дифференциал финансового рычага."

Юлиана подняла глаза к выбеленному перед экзаменами потолку, четко осознавая, что не сможет напелсти на эту тему и двух предложений.

— Не будете ли вы так любезны зачитать мне вопросы вашего билета? — попросил наслаждавшийся ее замешательством преподаватель.

— Лучше прочитайте их сами. Боюсь, я даже не выговорю это правильно, — протягивая ему билет, призналась Юлиана. Понимая, что хуже уже не будет, она снова обрела уверенность в себе.

Весело хмыкнув, Джером Палмер посмотрел в билет, а потом перевел смеющийся взгляд на девушку, которая всего минуту назад была близка к обмороку от страха и волнения.

— И что вы можете мне сказать о роли финансового левэриджа в финансовом менеджменте? — вкрадчиво спросил он.

— Зачем мне говорить о левэридже? Вы о нем знаете в сто раз лучше меня! — нахально заявила Юлиана. — Неужели мы не найдем темы поинтересней?

В первое мгновение Палмер оторопел от такой наглости, а потом расхохотался. Это было что-то новенькое.

— Например, о чем? — спросил он.

— Например, о вчерашнем фестивале красок или о том, как получить нормальную оценку, не посетив ни одной лекции.

— У меня вы ее не получите! — отрезал учитель.

— Вообще-то, я так и думала, — печально вздохнула Юлиана. — И это очень меня огорчает, потому что мой отец вчера так же категорично сообщил мне, что если я не сдам эту сессию, то пойду работать официанткой в придорожную забегаловку. И я бы ее сдала, не заболей миссис Фродерик. Она единственная из учителей меня понимала. Знаете, как это бывает — учишься, учишься, а потом раз — и влюбляешься! И все... И уже не до учебы, потому что все твои мысли только о нем. Смотришь в учебник и вместо текста видишь его глаза. Слушаешь лекцию, а в ушах звучат его признания... Только вот родителям и преподавателям это попробуй объясни! Вот почему когда заболеваешь, тебе дают освобождение от лекций, а если влюбляешься, то не дают? — непонимающе спросила она. — Ведь любовь, порой, куда хуже болезни! Обо всем забываешь! Вы когда-нибудь любили?

Глаза Джерома подернулись легкой дымкой грусти: он вспомнил свою первую школьную любовь.

— Еще и как! — сказал он. — Впервые я влюбился в восьмом классе и так съехал по всем предметам, что родители перевели меня в другую школу...

За следующие двадцать минут Юлиана умело вытянула из Джерома множество подробностей его жизни, применив полученные от Карминского знания.

Случайно бросив взгляд на висевшие за ее спиной часы, ненадолго вернувшийся в молодость учитель спохватился, что другие студенты за дверями ждут своей очереди. Он протянул к так увлекшей его собеседнице ладонь.

— Давайте зачетку!

— А что вы мне поставите? — настороженно спросила девушка.

— Тройку, — ошастливил ее Палмер.

— Мне мало тройки! — запротестовала Юлиана. — Я собираюсь летом подтянуть учебу и в будущем получить диплом с отличием. А ваша тройка навсегда поставит крест на моей мечте!

— Вы — просто нечто, Валерия! Я такой наглости в жизни не видел! — поразился экзаменатор, со смехом качая головой. — Хорошо, в виде исключения я поставлю вам четверку. Только не смейте никому рассказывать, что я поставил вам ее просто так!

Снисходительно улыбаясь, он снова протянул руку. Но отдавать ему зачетку девушка не спешила.

— Я слышала, у вас давняя тяжба с застройщиком, — закинула удочку она, мысленно поблагодарив Карминского за требование знать максимум информации об окружающих ее людях. — За пятерку я могла бы подсказать, как вам разрешить ее в свою пользу.

— Да ну? — насмешливо протянул Палмер. — Попробуйте!

И Юлиана попробовала. В некоторых правовых вопросах она уже чувствовала себя, как рыба в воде, и за несколько минут доходчиво разложила Джерому по полочкам как ему следует поступить и проведения каких экспертиз требовать. Ироничное внимание, с которым он слушал начало ее речи, очень быстро сменилось живым интересом, а к концу он уже внимал ей как самому дорогому адвокату.

Молча вырвав у нее из руки зачетку, он поставил ей пятерку и с чувством расписался.

— Более подробной и толковой юридической консультации мне еще никто не давал. Валерия, вы не то образование получаете! Бросайте карьеру экономиста и переходите на юридический факультет! Там от вас будет гораздо больше проку!

— Клянусь, что никогда не буду работать экономистом! — расплываясь в счастливой улыбке, пообещала Юлиана.

Пятерка потрясла Валерию, и она расплакалась от счастья.

— Ты — чудо! — сгребая подругу в охапку, всхлипнула она. — За пятерку родители обещали мне бриллиантовые сережки. Они будут твоими!

От сережек Делайн отказалась. После этого случая новое окружение приняло ее в свои ряды окончательно и бесповоротно. Впереди были каникулы.

Осенью в академию вернулась совсем другая Юлиана. За лето она многому научилась, в том числе танцам и автовождению. Благодаря стараниям подруги и полученным от

Карминского урока, нелюдима герцогиня превратилась в уверенную светскую львицу. Эрудированность и природное обаяние позволяли ей легко поддержать разговор на любую тему и непринужденно разговаривать даже самого зажатого собеседника. Людей подкупала ее искренность, а также то, что она позволяла им чувствовать себя рядом с ней значительней и лучше, чем они были на самом деле. Тех же, кто ей не нравился, она теперь легко могла осадить одним выразительным взглядом.

Теперь уже Виктория чувствовала себя бледной тенью своей подруги. Она была полна гордости за успехи своей ученицы и громогласно превозносила себя как учителя. Хотя больше в шутку, так как понимала, что это не ее заслуга, а Юлиана просто стала собой, попав в благоприятную обстановку.

Ученики и учителя академии незамедлительно подметили произошедшие с ней перемены. От нее перестали шарахаться, а будущий инкаторский сан теперь придавал ей в глазах быстро появившихся у нее почитателей особый шарм. Жизнь для девушки заиграла яркими красками, она ощущала себя нужной и достойной дружбы и любви.

А в конце сентября судьба преподнесла ей новый подарок: ей стал оказывать знаки внимания новенький преподаватель социологии Стивен Вэнс. Ему было двадцати шесть, происходил он из обедневшей, но знатной семьи, и был красив, как бог. Чуть выше среднего роста, тонкокостный, статный, он сознавал свою неотразимость для женщин и держался с уверенностью уставшего от побед сердцеда. Его каштановые, словно отполированные волосы были немного длинней, чем носило большинство мужчин, и он зачесывал их набок. Идеальная линия темных бровей подчеркивала яркую голубизну его глаз. Бедные ученицы не могли думать об учебе, потому что при виде ироничного социолога их фантазии пускались вскачь, и в них его длинным изящным пальцам находилось гораздо лучшее применение, чем мел или указка.

Через три недели занятий успеваемость по его предмету резко упала. Студентки делали все, чтобы оставаться на дополнительные занятия с ним, или хотя бы просто получить нагоняй из уст своего идола, после которого они впадали в эйфорию.

Нео совершенно потеряла от него голову. Во время очередной посиделки в "музыкальном" подвале она с придыханием спросила:

— Вы когда-нибудь видели, как он проверяет тетради? Я бы все на свете отдала, чтобы хоть на один день стать его ручкой! Или лучше клавиатурой его ноутбука. Он так эротично касается ее своими пальчиками, что я вся начинаю гореть!

— Теперь я понимаю, почему он меняет уже третье место работы за два года, — хихикнула Юлиана. — Интересно только — он сам уходит, или его увольняют за резкое падение нравственности его учениц?

— Надеюсь, от нас он не уйдет хотя бы до конца моей учебы! Как думаете, он не против темнокожих? — лежа на диване, озабоченно спросила Нео.

— А я каждый раз прихожу в ужас, когда Лин идет на его занятия, — признался Майкл, выключая забулькавший чайник. — Вдруг его заводят пышечки?

— Что он редкостный бабник и младенцу видно, тем не менее он за месяц не завел здесь ни одного романа. Наоборот, смотрит на нас снисходительно, как на надоедливых первоклашек, — расстроено заметила Нео.

— А чего ты хочешь? — философски изрекла Юлиана. — Мы для него и есть надоедливые первоклашки, и он знает наперед все наши уловки!

— Угу, знает, — с тяжелым вздохом признала мулатка. — Я уже начинаю бояться, что

меня из-за него отчислят — у меня одни двойки по его предмету, а он никак не хочет со мной позаниматься дополнительно! — Мечтательно обняв подушку, она перекадилась на живот. — Черт, мне бы с ним минут на двадцать остаться наедине, больше я ни о чем не мечтаю! Я бы постаралась за это время показать ему какая я классная! Ну почему он меня так упорно игнорирует?

Нео стала биться лбом в подушку, веселя подруг своими картинными страданиями.

— Страсти-то какие! — поддразнила ее Вал. — Я прямо вижу, как от подушки отлетают осколки твоего разбитого сердца!

— Ага, вперемежку с мозгами, — поддакнула ее Линетт. — Хотя последних осталось очень мало. Нео, я бы на твоём месте поэкономней их расходовала. А то вдруг он снизойдет до тебя, а ты испугаешь его своим расплесканным по подушке интеллектом, не сумев связать и пары слов.

Пролетев два метра, подушка с глухим шлепком стукнула смеющуюся Линн. Мулатка гневно села на диване — ей, в отличие от подруг, было невесело.

— Хватит прикалываться! Можно подумать ты, Линнет, не хотела бы встречаться с ним!

— Я — нет! У меня есть Майкл, и он гораздо надежнее, чем этот Нарцисс.

— Не верю, — замотала головой Нео. — Это все равно, что не хотеть дышать! Мне через два дня девятнадцать, подарите мне его на День рождения! — проныла она. — Или меня ему на какой-нибудь праздник упакуйте и подарите...

Блэр посмотрела на часы и стала прощаться. Юлиана ушла вместе с ней.

— С кем ты пойдешь на осенний бал? — по дороге домой спросила она.

Тори подхватила пролетающий мимо пожелтевший листок.

— Наверное, с Юджином. А ты?

— Понятия не имею. Может с Роном, или с Гилбертом. Мне никто из них особо не нравится, но это гораздо лучше, чем уподобляться Нео, — со смехом проговорила Юлиана.

— Эх, мне бы по магазинам пробежаться перед балом — столько всего хотелось бы купить! Как могла администрация придумать такие idiotские правила, по которым нам не позволяют покидать территорию городка без родителей? — посетовала Тори.

— Ты же знаешь, что они это придумали не для того, чтобы нам досадить. В городе орудует банда! Нас просто хотят защитить. Но если тебе так нужно, то я могу попросить у Карминского разрешение сходить по магазинам. Он уже однажды отпускал меня в город под присмотром водителя. Надеюсь, не откажет и в этот раз. Тебе что купить?

— Ух ты, так сразу и не отвечу! — воодушевилась Блэр и стала перебирать в голове варианты покупок. — Можно, я сперва подумаю?

— Да думай сколько угодно! У тебя еще почти две недели. А что будем дарить Нео на День рождения?

— Ума не приложу! А ты?

— Хочу попробовать подарить ей свидание с ее кумиром, — ответила Юлиана. — Конечно, двадцать минут он ее вряд ли выдержит, но я думаю, она и пяти минутам будет рада.

— Ого, у тебя планы! И как ты это собираешься проверить?

— Скорей всего, брошусь ему в ножки и буду умолять позаниматься с Нео, чтобы ее не отчислили. Вэнс, вроде, неплохо ко мне относится. Может, что и получится.

— Это было бы великолепно! — с восторгом воскликнула Виктория. — Все другие

подарки померкут на этом ослепительном фоне! Когда ты планируешь поговорить с ним?

— Наверное, завтра после уроков.

— С тебя рассказ! Во всех подробностях! — потребовала Блэр.

На следующий день Юлиана приступила к воплощению своего плана. Сидя на уроке социологии, она едва сдерживалась, чтобы не расхохотаться при виде гипнотизирующей Вэнса своими огромными глазами Нео. Впрочем, точно с такими же лицами в аудитории сидела еще примерно дюжина девушек.

Никак не реагируя на обожающие взгляды, Стивен спокойно вел урок. В какой-то момент он встретился глазами с Юлианой и надолго задержал на ней вопросительный взгляд. Она поняла, что как и другие, чересчур явно пялится на него, продумывая предстоящий разговор. Пристыженно опустив голову, девушка уткнулась в конспект.

Едва прозвенел звонок, Вэнс вышел из класса и пошел в учительскую, спеша избежать нападения стаи влюбленных в него студенток. Набравшись смелости, Юлиана пошла следом за ним. Она на цыпочках подошла к полуоткрытой двери учительской и осторожно заглянула внутрь. Никого из учителей не было видно. В этот секунду дверь полностью распахнулась, и девушка нос к носу очутилась с насмешливо глядевшим на нее Стивеном.

— Я так и подумал, что вы хотите о чем-то поговорить со мной, — сказал он.

подавив нервный смешок, застуканная на месте преступления ученица вошла внутрь и прикрыла за собой дверь.

— Вы видели, что я слеую за вами? — улыбаясь, чтобы скрыть неловкость, спросила она.

— Нет. Но я надеялся на это.

Его признание в одно мгновение выбило почву из-под ее ног.

— Надеялись? — озадаченно переспросила она.

— Да. Меня преследует большинство студенток, да и преподавательниц этого учебного заведения, а вы меня совершенно игнорируете уже целый месяц. Знаете какой это удар по моему самолюбию? — полушутя, заявил он. — Из-за вас у меня даже начал развиваться комплекс неполноценности!

— Да неужели? — изогнув соболиную бровь, усомнилась в его искренности девушка.

— Да, да! И теперь вы просто обязаны компенсировать мне мои душевные страдания, — с загадочной улыбкой потребовал Стивен.

Юлиана совсем растерялась.

— Какой странный оборот принимает наша беседа! — пробормотала она. — Не знаю, что и сказать...

— Скажите, что глубоко раскаиваетесь в своем бессердечии и согласны пообедать со мной, — смущая ее своим ироничным взглядом, предложил учитель.

— Хорошо! — согласилась она, рассудив, что сейчас самое время выторговать у него подарок для Нео. — А вы взамен выполните мою просьбу.

Стивен почти вплотную подошел к ней.

— Я весь внимание! — бархатно оповестил он.

Его чрезмерная близость заставляла Юлиану чувствовать себя крайне неудобно, а щеки предательски запылали.

— Я, собственно, пришла попросить вас немного позаниматься с моей подругой Нео, — сообщила она. — Она совершенно не разбирается в вашем предмете. Если так пойдет и дальше, то ей грозит отчисление...

— Нео — это та мулатка с коровьими глазами, которая просвечивает меня на каждом занятии как рентген? — и не думая хоть немного отодвинуться от нее, осведомился Вэнс.

— Мне неприятно слушать такие отзывы о близком мне человеке, — нахмурилась Делайн.

— Прошу прощения, леди, вырвалось, — повинился он и присел на край стола напротив нее.

С Юлианы словно сдвинули придавливающую ее бетонную плиту, и она обмякла от облегчения.

— Признаться, я устал, что женщины не дают мне возможности завоевывать их, а это очень скучно! Но перейдем к делу! Если я позанимаюсь с Нео, то вы выполните свою часть нашего договора?

— Разумеется.

— Тогда я жду ее сегодня, после занятий. А вы за это пообедаете в моем обществе, — напомнил Вэнс.

— Я каждый день обедаю с вами, причем безо всяких просьб, — озорно улыбнулась Юлиана. — В нашей столовой.

Лицо Стивена осветила ленивая улыбка, придав ему просто дьявольскую привлекательность.

— Маленькая плутовка! — низким вибрирующим тоном проговорил он.

По позвоночнику девушки прошел озноб возбуждения. Вэнс соскользнул со столешницы и сделал шаг по направлению к ней. Она вся подобралась, готовясь к бегству.

Заметив ее настороженность, социолог вытащил из внутреннего кармана светло-серого пиджака две визитки протянул их Делайн.

— Одну оставьте себе, чтобы мы могли без помех договориться о времени встречи, а другую отдайте вашей подруге. Думаю, она ей пригодится.

— О, как здорово! — переводя дух, восхитилась Юлиана и убрала визитки в карман. — Не сомневаюсь, что она ее заламинирует и повесит в рамочке у себя над кроватью! Спасибо! Ваша карточка прекрасно дополнит приготовленный мною ей на День рождения подарок.

— Хм... Подарок герцогини может быть только шикарным, поэтому я уделю ей целый час вместо двадцати минут, как планировал раньше. Надеюсь, вы оцените всю глубину моего самопожертвования, — гортанно добавил Вэнс, снова вызвав у ученицы страстное желание как можно скорей ретироваться из учительской.

— В данной ситуации мое самопожертвование ничуть не меньше вашего, — легонько сдвигаясь вдоль стола в сторону выхода, заметила Юлиана. — Ведь соглашаясь провести время с вами, я рискую не только потерять подругу, но и лишиться жизни: как только о нашем свидании станет известно, толпа ваших почитательниц меня просто растерзает! И взывать к их милосердию будет совершенно бесполезно!

Ее незаметные, как ей казалось, передвижения, не ускользнули от внимания Вэнса, и он сел за ближайший стол, чтобы не нервировать ее.

— Да, я об этом не подумал, — признал он. — Недооценил всей степени опасности, которой вы подвергнетесь из-за меня. Значит, никаких дополнительных условий. Видите, как я справедлив и великодушен?

— И снова набиваете себе цену, — немного опустила его на землю Делайн.

— Да, есть немного, — согласился Стивен. — Когда ты так неотразимо красив и обаятелен и потерял счет своим победам, а маленькая неопытная школьница соглашается на невинный обед с тобой только ради подруги — это просто удар! Невольно приходится превозносить себя, чтобы она заметила хоть какие-то из моих достоинств.

— Спасибо, что объяснили мне мотивы ваших поступков, мистер Вэнс, — чопорно поблагодарила его Юлиана.

— Зовите меня Стивеном, — предложил он. — Мне так приятней.

— Не припомню, чтобы в нашей сделке был уговор о том, чтобы я хоть в чем-то доставила вам удовольствие, мистер Вэнс, — проигнорировала его предложение девушка. — Наша встреча вряд ли оправдывает ваши ожидания. Только время зря потратите.

Его глаза загорелись тревожащим огнем.

— Бросаете мне вызов? — шагнув к ней, спросил он. — Обожаю преодолевать препятствия! Уверяю, это свидание вам понравится! И не просто понравится, а станет первым в череде других!

Вэнс взял ее руку и поднес к своим губам.

— Чего вы добиваетесь? — с негодованием спросила девушка, вырывая у него ладонь. — Добавить меня к списку ваших побед? А ничего, что я ваша ученица? Благодарю за уделенное мне время, мистер Вэнс! Не трудитесь заниматься с Нео дополнительно. Думаю, я помогу ей гораздо лучше вас!

Уже много лет не получавший от женщин ни одного отказа, Вэнс был обескуражен таким внезапным отпором. В ту же минуту он полностью переменялся. Нагловатая уверенность сменилась искренним раскаянием, и коварный обольститель превратился в смущенного юношу. Он отступил от тяжело дышавшей от гнева ученицы и сокрушенно проговорил:

— Я все испортил, какой же я болван! Ради Бога, простите меня! Я правда не хотел вас ни оскорбить, ни напугать. И ничего не держал на уме, кроме обычного обеда за вполне целомудренной беседой. Забудьте всю ту ерунду, что я вам наговорил. Я здесь пропадаю от скуки, а вы являетесь собой такой резкий контраст с остальными студентками, что я увидел в вас интересную собеседницу, с которой можно поговорить о чем-то, кроме любовных переживаний.

— Не заметила, чтобы вы избегали этой темы. Скорей, наоборот, — с сарказмом бросила герцогиня.

— Вы правы! Но я говорю так по привычке — ведь слабый пол обычно именно этого от меня и ждет. А теперь вы на меня рассердились, и я понимаю, что сам виновен в этом, — окончательно расстроился ловелас. — Простите меня, Юлиана! Мне правда стыдно за свое поведение! А с вашей подругой я буду заниматься столько, сколько потребуеться, но при этом постараюсь ей объяснить, что я — лишь только ее преподаватель, и между нами не может быть ничего большего, чем учеба.

Будет заниматься столько, сколько потребуеться?! Юлиана немедленно оттаяла. Да Нео просто с ума сойдет от радости!

— О большем и просить невозможно, — уже спокойней проговорила она. — Если вы ей это объясните, то я рискну своей безупречной репутацией и выполню свою часть договора.

— Клянусь, более близкое знакомство со мной ничем не повредит вам! — уверил ее Вэнс. — Ничего непристойного у меня и в мыслях не было! И потом, разве я похож на

педофила?

— Не похож. Но и я, к сожалению, тоже уже не ребенок!

Она ушла, а он с улыбкой смотрел ей вслед.

— Еще какой ребенок! — прошептал он. — Пугливый и невинный, но чертовски обольстительный! Надеюсь, ты по достоинству оценишь мои старания, малышка!

До Бала Хризантем — так назывался в университете ежегодный осенний бал — оставалось чуть меньше двух недель. Лишенные возможности выбраться в город, девушки теребили родителей, засыпая их просьбами привезти или прислать им новые платья, духи и украшения. Но далеко не все решались тревожить своих родных. Кто-то не хотел их дергать из-за всяких пустяков, а кому-то были нужны такие вещи, которые родители вряд ли одобрили бы.

Весть о том, что Юлиану могут отпустить в город, взбудоражила ее подруг, и они принялись забрасывать ее заказами. Линетт попросила купить ей косметики. Нео — духи с феромонами, на которые она уповала как на последнее средство обольщения неприступного социолога. Верный данному герцогине слову, он так и продолжал заниматься с ней два раза в неделю.

Последней к ней подошла Валерия и попросила купить ей черное кружевное белье и пару пачек презервативов.

— Зачем тебе это? — спросила Делайн.

— Хочу переспать с Дени после бала, — пряча глаза, пояснила девушка. — Пожалуйста, не пытайся меня отговорить, я все решила. И не задавай вопросов, мне самой неловко.

— Вал, а может не надо?

— Я же попросила — молчи!

Юлиана растерянно посмотрела на всунутые ей блондинкой в руку деньги на покупки и, краснея, сказала:

— Не представляю, как смогу купить это! Я провалюсь сквозь землю от неловкости...

— Тогда я скорей всего забеременею, и меня вышвырнут отсюда! — обозлилась Вал. — Потому что от Дениса я не откажусь ни за что! Если бы я могла, я бы купила их сама. Но не все же у нас на особом положении, как ты!

— Я... я попробую, — поддалась на бессовестный шантаж подруги Юлиана.

В последние два месяца Карминский почти благоволил ей и даже иногда хвалил ее за успехи. Разрешение пройтись по магазинам она получила на удивление легко, ровно за неделю до бала.

Впервые за свою сознательную жизнь Юлиана оказалась в городе без присмотра, да еще и со служебной машиной. Ее карманы были полны чужих денег, а душа пела от восторга и предвкушения праздника.

Попросив водителя остановиться у торгового центра, она выпорхнула на выложенный темно-розовой плиткой тротуар и направилась к магазину. Солнце улыбалось ей с небес, а она улыбалась идущим ей навстречу прохожим.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Юлиана не заметила, как сразу за ее машиной припарковалось такси, из которого вышел Карминский. Впрочем, его было трудно узнать: светлый плащ, шляпа и широкие очки-хамелеоны совершенно преобразили его.

Выждав пару минут, он двинулся за девушкой, не слишком опасаясь упустить ее из виду. Ее длинная форма, хоть и прикрытая пальто, сильно выделялась на фоне обычной одежды.

Минут двадцать Юлиана провела в парфюмерном отделе, где устроила своему носу настоящий праздник. Она перенюхала множество духов и дезодорантов, млея не только от каждого нового запаха, но даже от вида удерживавших их разноцветных флаконов. Своих денег у нее было совсем немного — отец считал, что она и так всем обеспечена, — и поэтому ей пришлось унести с собой из отдела лишь приятные впечатления для себя, упаковку одеколона для Майкла и духи с феромонами для Нео.

Покупка косметики для Линнет доставила ей новое удовольствие. А потом она застряла в кондитерском отделе и накупила подружкам сладостей.

Оставалось приобрести белье и презервативы для Вал. Набираясь смелости, Юлиана несколько раз прошла мимо отдела нижнего белья. Ей самой белье покупала прислуга, и она даже не представляла, как ей будет трудно выполнить в общем-то пустяковую просьбу подружки. Когда продавцы стали косо на нее поглядывать, она зашла в магазин и, дико тушуясь, выбрала для клавишницы атласный с кружевом комплект.

Оставалось сделать самое неприятное — купить презервативы. У порога аптечного киоска Юлиану обдало жаром, словно ее вдруг окунули в кипяток. Колени ослабели, плечи ссутулились, а руки сами собой спрятались в карманы пальто. Жаль, голову некуда спрятать, подумала она, приближаясь к прилавку, щеки того и гляди воспламятся.

Слишком поглощенная своей миссией, девушка совершенно не заметила, как следом за ней в аптеку вошел Карминский и стал спиной к ней у витрины с таблетками.

Она робко огляделась по сторонам. Посетителей было мало: молодая пара, громко обсуждающая памперсы, да сосредоточенно вглядывавшийся в упаковки мужчина в плаще. Казалось, никто не обращал на нее никакого внимания. Наклонившись к окошку, Юлиана вполголоса сделала заказ.

Молоденькую аптекаршу позабавило явное смущение покупательницы, и она решила немного поразвлечься, нарочито громко проговорив:

— Да не тушуйтесь вы так! В покупке презервативов нет ничего постыдного! А студенты у нас вообще основные покупатели.

Услышав, что она собирается покупать, Карминский заскрежетал зубами. Парень с памперсами в руках повернулся и заговорщически подмигнул алой от стыда девушке, а его жена рассмеялась:

— Я тоже раньше стеснялась. Это пройдет.

Юлиана подумала, что сейчас в аптеке произойдет один из редчайших случаев человеческого самовоспламенения.

— Вы какие больше любите? — с притворной заботой продолжала глумиться аптекарша. — С усиками, с пупырышками?

— Давайте любые! — попыталась скорей покончить с неприятным делом покупательница.

— А с каким вкусом? Есть банановые, клубничные, мятные...

— Послушайте, я их не есть собралась, а только купить, — рассвирепела Юлиана.

— Хорошо, дам безвкусные. Но вы забыли сказать какой вам нужен размер, — невинно осведомилась бестия за кассой, явно намереваясь заставить ее испытать чашу унижения до конца.

— Размер?.. — растерялась Делайн. Она впервые слышала о таких тонкостях и не

понимала о чем идет речь: об упаковке, толщине материала, или о чем-то еще. — Размер чего?

— Как чего? Размер полового органа вашего парня, чего же еще?

Юлиана заставила себя не впасть в истерику, вспомнив ради чего она это все терпит. Вал может забеременеть или набраться какой-нибудь нехорошей болезни. О таких вещах она уже слышала от других девочек.

Тем временем парочка отложила памперсы в сторону и с интересом ждала продолжения увлекательного шоу.

— Я не знаю, — честно ответила студентка. — Давайте несколько пачек разных размеров.

— Ого, похоже, вечеринка намечается серьезная! — прокомментировала аптекарша, вызвав гомерический хохот пары. — Желаю вашей компании хорошо провести время! — протягивая сдачу, пожелала она.

Схватив деньги, Юлиана выскочила из аптеки и помчалась к выходу из торгового центра, по пути проклиная мечтающую расстаться с девственностью Валерию и себя, за то что согласилась ей в этом помочь.

Очутившись на улице, она села на скамеечку у фонтана и стала дожидаться, когда с ее лица сойдет краснота. Чтобы отвлечь себя от снова и снова переживаемой позорной сцены в аптеке, она стала думать о том, как обрадуются девочки, когда получат свои заказы.

Ветерок обдувал ее разгоряченное лицо, и девушка стала прислушиваться к звукам города, так отличающимся от царившей в университетском городке чинной тишины. С расположенной неподалеку детской площадки доносились детские крики и смех, с дороги — шум проезжающих машин и возмущенные гудки клаксонов, когда какой-нибудь торопыга-пешеход бросался наперерез транспортному потоку.

Несколько минут созерцания городской суеты привели ее в себя. Юлиана подхватила пакет с покупками и вернулась к машине. Ей хотелось поскорей вернуться в свой тихий домик, в котором не было места презервативам и глумящимся аптекаршам.

Она попросила водителя высадить ее сразу за университетскими воротами — собиралась без промедления занести покупки заказчицам. Но небесам показалось, что она еще недостаточно настрадалась за этот день, и они послали ей навстречу красавца-социолога. Широко улыбаясь, он подошел к ней.

— Добрый день, Юлиана! Позвольте, я помогу вам!

Не дожидаясь ее разрешения, он потянул к себе пакет. Опасаясь, что он может увидеть его содержимое, она резко дернула пакет на себя. Ручка оборвалась, и пакет, выскользнув из ее рук, упал на землю. Покупки рассыпались вокруг. При виде вывалившихся на асфальт презервативов и упаковки с весьма эротичным бельем, Стивен оторопел. Он ожидал увидеть у неприступной красавицы что угодно, только не это.

— Это не мое, клянусь вам! Меня просто попросили их купить. Пожалуйста, поверьте мне, я не вынесу больше этого унижения! — закрывая лицо руками проговорила девушка, и вдруг горько, по-детски, разрыдалась.

При виде ее слез у Вэнса сжалось сердце. Он быстро затолкал вещи обратно в пакет и успокаивающе обнял ее.

— Пойдемте ко мне, это намного ближе, — предложил Стивен. — Успокойтесь, а потом отправитесь к себе. Не нужно, чтобы вас видели заплаканной.

Она кивнула и покорно пошла вслед за ним. На улице было безлюдно, все еще были на

занятиях, и Вэнс привел ее в свой дом никем не замеченную.

Усадив ее на диван в гостиной, он принес ей стакан холодной воды. Девушка благодарно кивнула, но выпить воды не смогла — ее рука предательски дрожала, а стакан стучался о зубы. Поставив его на стол, она снова заплакала. После минутного размышления Вэнс подсел к ней.

— Пожалуйста, не плачьте! Ведь не произошло ровным счетом ничего страшного! Многие девушки в вашем возрасте делают первые шаги в искусстве любви. Я сам таким был, — попытался унять ее слезы учитель.

— Я не лгу вам! — всхлипнула она. — Это правда не мое! Что мне сделать, чтобы вы мне поверили? Не могу понять, как я могла согласиться на этот кошмар! — слезы из глаз девушки хлынули с новой силой, и она сбивчиво стала рассказывать о ему своем злополучном походе в аптеку.

Сначала Стивен не верил ей, но постепенно к нему пришло понимание, что Юлиана не лукавит с ним. Он сам не мог понять, почему подтверждение ее неискренности принесло ему такое облегчение. Когда она, краснея и запинаясь, пересказала ему свой разговор с аптекаршей, он зашелся от смеха. Его веселье слегка расслабило ее, позволило нормально дышать.

— Господи, такое и нарочно не придумаешь, — заливался Вэнс, утирая выступившие слезы. — Представляю, как вы себя чувствовали! Рассказ девушки пробудил в нем сильное желание опекать ее. Он достал из ящика стола пачку влажных салфеток и подал ей. Она стирала с лица слезы, а он мечтал покрыть ее тонкие пальчики легчайшими поцелуями.

— Пообещайте, если вас еще раз попросят о подобной услуге, то вы порекомендуете ее мне. Я буду только рад помочь вам.

В его голосе слышались нежность и забота, в которых Юлиана сейчас так нуждалась.

— Я не осмелюсь, — прошептала она.

— Я предлагаю это вам от чистого сердца. Не хочу, чтобы вы понапрасну страдали из-за своего великодушия. А мне не составит труда выполнить любую вашу просьбу. Любую, — повторил он. В его голосе появились тревожащие нотки, и Юлиана вскинула голову, всматриваясь в его лицо.

Не осознавая что делает, Стивен потянулся к очаровавшей его девушке и осторожно коснулся губами ее губ. Прикосновение к ее влажной от слез коже принесло ему блаженство и пробудило жгучее желание обладать ею. Его руки обвили вокруг ее спины, притягивая к себе. Ее сердце билось так сильно, что он своей грудью ощущал каждый его толчок.

Юлиана замерла в его объятиях, но через несколько мгновений безотчетно ответила на этот ошеломляюще-нежный поцелуй. До этого она не знала, что значит желать мужчину. Новые, мучительно-сладкие ощущения заполнили все ее существо, заставив трепетать. Теперь она не осуждала Валерию. Если та при каждой встрече с Денисом чувствовала то же самое, то удивительно как она не отдалась ему раньше.

Стивен мягко раскрыл ее губы и, когда их языки встретились, Юлиана чуть не лишилась чувств. Тело зажило отдельной, неподвластной ее контролю жизнью. Грудь с затвердевшими сосками жаждала прикосновений. Внизу живота нарастало болезненное томление. Разум отстраненно наблюдал за этими изменениями, не зная, как на них реагировать.

Она опомнилась, когда Вэнс принялся расстегивать пуговицы на ее мундире. Сердце заколотилось еще сильнее, на сей раз от осознания собственного падения. Она оттолкнула

любовника, вскочила с дивана, и в ужасе прошептала:

— Боже, что я наделала?

Видя ее крайнее смятение, Стив отругал себя за поспешность. Он не хотел пугать Юлиану, но ее податливость полностью лишила его контроля над собой.

Он изменил позу, пряча от нее свою эрекцию.

— Вам не за что корить себя, — с раскаянием произнес он. — Это я забыл, что вы невинны, и позволил себя чересчур много... Простите меня!

— Я вела себя как... как куртизанка! — выпалила Юлиана.

— Не пугайтесь своих чувств — вы вели себя совершенно естественно, — успокоил ее Вэнс. — Было бы странно, если бы вы отреагировали по-другому. Наше тело запрограммировано на такую реакцию от рождения. В свое оправдание хочу заверить вас, что не собирался сделать ничего дурного. У меня в отношении вас самые чистые намерения. Не буду лгать, что не хочу видеть вас в своей постели — а с некоторых пор я просто брежу этим, — признался Вэнс, заставив ее почувствовать слабость в ногах, — но не теперь. Через полтора года вы достигнете совершеннолетия, и я попрошу вашей руки. Знаю, у меня немного шансов стать вашим избранником — я всего лишь первый, кто разбудил вашу чувственность, но я сделаю все, чтобы заслужить вашу любовь и доверие.

Юлиана была не в состоянии не то что отвечать, но даже соображать. Замотав головой, она перепуганной птицей вылетела из его дома, совершенно забыв забрать свои вещи.

Несколько минут она неслась вперед через парк, пока не забралась в самую чащу на его окраине. Там она села на пенек и погрузилась в размышления о случившемся. Ей было невыносимо стыдно. Как она теперь сможет смотреть Вэнсу в глаза? Но хуже всего было то, что ее тело все еще горело и жаждало его прикосновений. Вот, значит, какое оно — желание! Теперь страдания Нео предстали перед ней в новом формате, вызвав острое сочувствие, а потом и испуг. Подруга убьет ее, если узнает, что она целовалась с ее божеством. Хоть бы он ничего никому не рассказал!

Она поддела туфелькой толстый зеленый мох и пнула его в сторону. Потом взяла в руки полусгнившую веточку и стала отламывать от нее кусочки, чтоб хоть чем-то занять дрожащие руки. Пахнувший прелой хвоей прохладный воздух постепенно гасил жар в ее крови. Вспомнив, что оставила пакет у Вэнса, Делайн. Вернуться к нему и забрать? Да ни за что на свете! Она просто вернет девочкам деньги когда они у нее появятся.

Просидев в парке еще полчаса, она отряхнула с одежды прилипшие травинки и поплелась домой.

Виктория уже была дома. Слезы на лице Юлианы встревожили ее. Она стала спрашивать ее о случившемся, но так и не добилась вразумительного ответа. Надеясь, что позже подруга расскажет обо всем сама, она оставила ее в покое.

Примерно через час в дверь их домика постучали. Вики открыла дверь и увидела парня с соседнего факультета:

— Посылка для герцогини, — вручая ей запечатанный сверток, пояснил студент.

— А от кого? — поинтересовалась Тори.

— Она знает от кого.

Посыльный ушел, а Блэр положила пакет на стол и вопрошающе уставилась на Юлиану. Та молча вскрыла сверток и порозовела. Она была благодарна пощадившему ее чувства Вэнсу. Как хорошо, что он не принес их сам, а выбрал для этого посредника.

— Я забыла пакет в машине, когда возвращалась из города. Вот водитель мне его и

передал, — пояснила она Виктории.

— А почему ты так покраснела?

— От мысли, что он это видел. — Юлиана продемонстрировала ей упаковку с бельем.

Про более компрометирующие вещи она умолчала.

— Ух, я уж подумала невесть что, — облегченно перевела дыхание Тори. — В том, что девушка покупает себе белье, нет ничего постыдного, так что не комплексуй!

— Даже настолько откровенное?

— Поверь, это — далеко не худший вариант, — усмехнулась Блэр. — Девчонки заждались твоих гостинцев, особенно Вал. Полагаю, это для нее? — кивнула на упаковку она.

— Угу, для нее.

— Думаю, она будет в восторге! Похоже, Дениса можно поздравить с новым этапом отношений, — хихикнула Виктория.

— О боже, не вздумай!

— Да перестань, Юлиана, все вокруг знают, что Вал спит с Денисом, а если не спит, то это произойдет в самом ближайшем будущем. Они зажимаются каждую свободную минутку в любом укромном уголке, который имеет несчастье быть расположенным вблизи их похотливых тел, — поведала Тори. — У нас только ты ничего вокруг не замечаешь. Тебе скоро семнадцать, пора бы не в книжки смотреть, а начинать познавать мир! А то в старости тебе и вспомнить будет нечего, кроме университетских стен и уроков!

— А тебе будет что вспомнить? — осторожно спросила Юлиана.

Тори бухнулась на диван и с удовольствием потянулась.

— Хочешь исповеди? — усмехнулась она. — Тогда ты по адресу. Мне будет что вспомнить. Нет, ты не подумай ничего плохого, я девственна. Все в рамках приличий. Но перецеловалась я уже с кучей мальчишек!

— Правда? И как? Тебе понравилось?

— Когда как, — пожалала плечами собеседница. — От некоторых поцелуев хотелось блевать, некоторые просто смешили. Это умора, когда парень не умеет целоваться и тычется тебе в губы как слепой котенок в кошку, — рассмеялась Виктория. — Но были и другие, от которых кровь превращалась в кипяток, а мозг впадал в анабиоз. Кстати, мой теперешний кавалер отпадно целуется, и я каждый раз радуюсь, что у нас нет подходящего места, чтобы заняться любовью. Иначе бы я давно уступила ему. Между прочим, у него есть очень симпатичный друг, хочешь мы вас познакомим?

— Не хочу! — испугалась Юлиана, которой и Вэнса хватило. Но теперь ей стало легче, а мысли о собственной безнадежной порочности несколько поутихли. Раз это происходит со всеми, то, наверное, не стоит так терзаться.

— А почему тебя вдруг так заинтересовала эта тема? — с подозрением спросила Вики. — Ты что, с кем-то поцеловалась сегодня в городе? А ну, давай признавайся!

— Я ни с кем не целовалась в городе! — выпалила Юлиана. — Прости, мне нужно в душ!

Схватив из шкафа первое попавшееся полотенце, она спряталась в душевой. Тори понимающе улыбнулась.

— Похоже, наша Снежная королева влюбилась, — пробормотала она. — Знать бы только в кого?

Как ни терзало ее любопытство, она не стала мучить свою соседку расспросами. Без

двадцати восемь они вышли из дома и пошли в направлении студенческого общежития, совершенно не замечая, что от стены их домика отделилась чья-то тень и последовала за ними.

Проводив девушек до прокуренного подвала, Карминский приложил ухо к двери, прислушиваясь к шуму возбужденных возгласов. Причем голоса были не только женские, и это наполнило инкатора холодной яростью. Помятуя о том, что Юлиана накупила днем гору презервативов, он сделал совершенно неправильные, но самые очевидные выводы: решил, что сейчас в этой грязной конуре начнется оргия, в которой будет участвовать и его распрекрасная ученица.

Кулаки Карминского сжались от бешенства. Ему хотелось немедленно наказать скрывшихся за дверью тварей, но он заставил себя успокоиться и уйти. Месть — это блюдо, которое надо подавать холодным. Он преподаст Делайн незабываемый урок, который она на всю жизнь запомнит. И поможет ему в этом та, кто втянул эту дурочку в плохую компанию — Виктория Блэр! Ей тоже мало не покажется.

— Порезвитесь напоследок, маленькие сучки! Недолго вам осталось радоваться! — прошипел он и, накинув на голову капюшон плаща, вернулся к себе домой.

Едва Юлиана вошла в подсобку, на нее тут же налетели жаждущие получить свои заказы девочки.

— Давайте по одной, — рассмеялась она, не желая раскрывать чужие тайны.

— Да вываливай все, я им уже рассказала, — безразлично махнула рукой Вал.

— Как скажешь! — Юлиана высыпала на диван содержимое пакета, которое тут же стремительно стало расходиться по рукам.

— Мм... Какой божественный аромат! — промычала Лин, нюхая предназначенную для Майкла туалетную воду. — Я надушу его этим и просто съем!

Валерия вытащила белье из упаковки и приложила к себе бюстгальтер.

— Обалдеть, какая красота! — ахнула она. — Дай я тебя расцелую! И резинок нам с Денисом аж до каникул хватит! Класс!

Нео снисходительно фыркнула, обильно смазывая себе шею духами с феромонами. Завинтив флакончик, она за майку подтащила к себе Юджина, который, как и Юлиана, стал у них в подвале завсегдатаем.

— Понюхай меня! — приказала она, уцепившись за копну его пшеничных волос.

Он послушно ткнулся носом у нее за ухом.

— Ты меня хочешь? — требовательно спросила Нео.

— Нет! — честно признался он.

— Значит, ты плохо меня понюхал! Давай еще! — она за чуб притянула к себе со смехом упирающегося паренька, и подставила ему под нос надушенную кожу.

— Теперь я тебя не просто не хочу, — заявил он, — но и боюсь! Спасите меня!

— Духи не действуют! — расстроилась мулатка.

— Очень даже действуют! Бог социологии точно упадет к твоим ногам от этой вони, правда, девочки? — призвала подруг в свидетели Тори.

— Честно говоря, запах и правда убийственный. Будто потный червь пробирается через кучу гниющих лимонов, — прокомментировала Юлиана. — Но другие запахи были еще хуже, клянусь!

Нео со злостью отшвырнула от себя бесполезный флакон. Потом, подумав, снова подняла его.

— Пойду проводить полевые испытания. Может, это вы дефективные, а не духи! Если что — я в общей комнате.

Когда дверь за ней закрылась, Юджин сказал:

— Я с тобой не согласен, Юлиана! Это не потный червь, это — не мывшаяся две недели баскетбольная команда из тропиков, играющая вместо мячей тухлыми яйцами.

— Мне с ней спать в одной комнате. Брр! — содрогнулась Линнет. — Давайте, что ли чаю попьем с горя? С теми вкусняшками, что принесла наша вольная птичка.

Все дружно согласились. Уходя из гостей, Юлиана снова почувствовала себя окрыленной. Воспоминания о встрече с Вэнсом слегка омрачали ее существование, но уже не доводили до паники. Теперь ее беспокоил не столько их поцелуй, сколько мечта, чтобы он когда-нибудь повторился.

Эта ночь выдалась для герцогини беспокойной. Стоило ей закрыть глаза, как она видела склоняющегося к ее губам Вэнса. Следом за этим приходило мучительное распирающее внизу

живота, постепенно перераставшее в тупую боль. Под воздействием все тех же воспоминаний ее тело обрело такую ненормальную чувствительность, что даже ночная рубашка стала ей мешать.

Ей удалось уснуть только под утро. Звонok будильника вырвал ее из кошмара, в котором аптекарша на всю улицу кричала о ее покупке. По дороге из столовой Юлиана встретила Карминского. Его полный ледяного презрения взгляд обездвижил ее.

— Идем! — бросил он. — Сегодня наше занятие будет проходить в инкатории. Заодно будущее место работы тебе покажу!

Ноги девушки стали ватными. Она давно ждала и боялась этого дня — дня, когда начнется отсроченная Обероном на два года практика.

Ее мозг словно парализовало. Она совершенно не помнила, как они добрались до инкатории, которая находилась на территории дворцового комплекса. Из-за сковавшего ее страха она не смогла оценить по достоинству редкую красоту этого старинного здания. Лишь вскользь отметила про себя мерцавшие на солнце искры его мраморных стен и покатуую крышу такого же цвета, как ее мундир.

Потом в ее памяти отложилась череда просторных коридоров, гулко отражавших каждый их шаг и, наконец, массивная стальная дверь в подвале с цифрой "5", перед которой они остановились.

— Вот она, цитадель истины! — провозгласил Эдмунд, проводя карточкой по прорези замка. — Да, чуть не забыл тебя предупредить — правила поведения те же, что и в прошлый раз. И если вдруг ты их нарушишь, то я накажу за это не тебя, а того, кого ты будешь защищать. Так что если не хочешь доставлять нашему клиенту лишних страданий, то сиди и молчи, чего бы тебе это не стоило. Я понятно изъясняюсь?

— Да, — пролепетала девушка.

Возле двери их встретил Рэндольф. Он поклонился им, запер дверь на замок и вернулся к накрытому белой простыней столу, рядом с которым стояло кресло наподобие стоматологического.

Юлиана несмело оглядела пыточный блок. По виду это была смесь обычного кабинета с больничной палатой. По центру дальней стены стоял стол с тремя стульями, на одном из которых сидел средних лет мужчина в дорогом костюме. Больше в комнате никого не было, и девушка решила, что арестованного еще не привели. Карминский прошел к столу, на ходу кивнув сидевшему за ним человеку.

— Привет, Воган! — присаживаясь, сказал он. — Так и думал, что та наша встреча будет не последняя! — Он повернулся к девушке и поманил ее к себе. — Иди к нам! Познакомлю тебя с редким сказочником, который при каждой нашей встрече кормит меня удивительными байками. Хочу, чтобы и ты их послушала.

Рэндольф чем-то громыхнул, и Воган вздрогнул. Только теперь Юлиана поняла, что сидит он как-то неудобно, с заведенными назад руками, будто на них надеты наручники. Она с тревогой посмотрела на учителя. Тот ударил ее по лицу своим неприязненным взглядом и проговорил:

— Разреши представить тебе Вогана Саута, заместителя начальника нашей паспортно-визовой службы, а по совместительству предателя, свободно пропускающего через границу валькинорских диверсантов.

— Я не предатель, — глухо ответил Саут.

— Ах, да! Плохое слово, слух раздражает, — согласился Карминский. — Я хотел сказать

практичного человека, который решил что за свою работу может получать две зарплаты вместо одной. Одну от нас, другую — от наших врагов. Но сути дела название не меняет. Так что давай лучше перейдем к ней. Я просто хочу знать, участвовали ли в этом безобразии Гест и Торнтон?

Холеное лицо Вогана напряглось, но его ответ прозвучал безо всяких эмоций.

— Я не знаю, кто меня оболгал, но я никогда не предавал свою страну. И уж тем более не шпионил за своими коллегами. Мне даже не известно в чем вы их обвиняете, хотя я догадываюсь, что речь идет о пособничестве валькинорцам.

— Воган, Воган, — вздохнул Карминский, — совсем ты себя не жалеешь! Но это и хорошо — мне нужно показать своей ученице весь процесс получения правдивых показаний. Для начала ответь мне, кто заменил в базах данных отпечатки пальцев и радужной оболочки Дайса, этого серого кардинала валькинорцев, позволив ему беспрепятственно въезжать к нам в страну, когда ему заблагорассудится?

— Понятия не имею, — ровно ответил Саут.

Юлиана застыла, ожидая начала истязаний, но их не последовало. Инкатор просто задавал подозреваемому вопросы, а тот спокойно отвечал на них. Со стороны это походило на обыкновенную беседу двух приятелей. Рэндольф в это время спокойно сидел в противоположном углу комнаты, читая с планшета новости. За десять минут разговора Карминский в разных вариациях раз двенадцать задал Вогану один и тот же вопрос и столько же раз получил на него один и тот же ответ. Это казалось девочке совершенной бессмыслицей, и она недоуменно спросила своего учителя:

— Зачем вы постоянно задаете ему один и тот же вопрос? Ведь он уже ответил вам на него!

— Исключительно ради того, чтобы ты поняла, что он лжет!

— Почему вы так уверены в этом?

— Чуть позже объясню, — пообещал он. — Вот только кофейку сначала схожу выпью. Присмотри пока за ним. Рэндольф, пойдем со мной!

Они ушли, оставив девушку один на один с отрешенно глядевшим в пол Воганом. Просидев в полной тишине минут пять, она заметила на книжной полке несколько книг и решила почитать их, пока Карминский не вернется. Говорить с пленником она боялась. Так прошло еще десять минут.

Наконец в двери скрежетнул замок, впуская ее учителя и палача. Инкатор скользнул по девушке мимолетным взглядом и сел напротив своего пленника.

— Как провели без нас время? — спросил он.

— Никак, — призналась Юлиана. — Просто ждали вас...

— Ай, обманщица! — погрозил ей пальцем Карминский. — Думала, я не узнаю, что ты дала ему позвонить, когда я отлучался из кабинета?

— Я не давала ему звонить! — опешила она.

— Врешь, давала!

— Нет!

— Прекрати отпираться! — грозно гаркнул он. — Просто сознайся, что сделала это!

— Но я этого не делала! За все это время я даже близко к нему не подошла! Просто читала книгу!

— Девочка, не пудри мне мозги, у меня везде есть глаза и уши! Даю тебе последний шанс сделать чистосердечное признание!

Сбитая с толку этим несправедливым обвинением, Юлиана вдруг разозлилась.

— Хорошо, признаюсь! Пока вас не было, я читала, дышала, шевелилась, думала, но телефона ему не давала! — Она вытащила из кармана свой мобильник и протянула его Карминскому. — Не верите мне — поверьте технике! Проверьте исходящие и перестаньте меня голословно обвинять!

Эдмунд вернул ей телефон и ухмыльнулся.

— Да верю, верю я тебе! Успокойся! Просто хотел показать тебе как ведет себя невиновный человек, раз за разом выслушивая незаслуженные обвинения в свой адрес. Он начинает выходить из себя, обижаться, сердиться, как сделала сейчас ты. А вот Воган талдычит одно и то же, вместо того, чтобы попросту распсиховаться!

Его речь прервал звонок Оберона, которому срочно понадобилось поговорить с ним с глазу на глаз. Инкатор озабоченно посмотрел на часы.

— Черт бы его побрал! Через полтора часа у меня важная встреча, а я ни допроса не закончил, ни тебя ничему не научил! — обращаясь к ученице, сердито проворчал он. — Рэндольф, оставляю их обоих на тебя. Ты знаешь что делать. Как закончишь с Воганом, отвезешь герцогиню в академию. Это на случай, если я не вернусь раньше.

Он ушел. Палач в задумчивости навис над столом, думая какой из инструментов ему выбрать, чтобы побольше понервировать девушку — так его просил шеф, — и при этом обойтись без грязи. Свой выбор он остановил на паяльнике — чисто, больно и достаточно зрелищно для впечатлительной девчонки.

Обрадованная уходом Карминского, девочка очень быстро поняла, что ее ликование было преждевременным. Рэндольф включил паяльник греться, потом молча подтащил пленника к пыточному креслу и парой быстрых движений зафиксировал зажимами его руки и ноги. Далее, не задавая побледневшему Вогану никаких вопросов, он приложил к его скуле раскаленное жало. Лицо он выбрал для того, чтобы произвести на Юлиану максимальное впечатление, ведь для любой девушки оно имело архиважное значение.

Раздался полный муки вопль. На щеке допрашиваемого расползся жуткий багровый ожог, а палач все не отнимал от нее паяльника. В комнате отчетливо запахло горелым мясом.

Смотреть на это было непереносимо. Юлиана подбежала к палачу и повисла у него на руке, но добилась лишь того, что металл сместился на шею жертвы, перепаживая ее кровавой бороздой. Плохо соображая от ужаса, она схватилась за раскаленный металл и дернула его на себя. Страшной силы боль пронзила ее ладонь и вырвала из горла громкий вскрик. Она отпустила паяльник и прижала невыносимо горящую руку к груди.

Рэндольф нахмурился. Оставив в покое захлебывающегося криком Вогана, он разжал ладонь Юлианы, разглядывая набухающие на ее коже пузыри. Одарив ее полным осуждения взглядом, он пошел к аптечке за противоожоговым средством.

В эту минуту в блок вернулся Карминский. Ему хватило пары секунд, чтобы понять, что здесь произошло, и его глаза сузились от злости.

Палач взял баллончик с лекарством и подошел к жмурящейся от нестерпимого жжения девушке, чтобы обработать ей ожог, но Карминский знаком остановил его.

— Что с твоей рукой? — спросил он Юлиану. От его похожего на шипение тона она сжалась от страха.

— Я обожглась, — ответила она. Ее голос прозвучал тонко и жалко, но она была рада уже и тому, что ее зубы не стучали.

— Объясни мне, каким образом можно обжечься, сидя с книжкой за столом? — обманчиво мягко поинтересовался он. — Ведь я велел тебе сидеть там, ничего не предпринимая, разве не так?

Он был так похож на готовую к броску кобру, что Юлиана не выдержала и на шаг отступила от него.

— Я не могу спокойно наблюдать, как человеку сжигают лицо! — воинственно заявила она.

— И поэтому ты решила разделить его участь и сжечь себе руку? — насмешливо спросил он. — Как ощущения? Тебе понравилось?

— Это безумно больно! — честно признала она. — Как можно сознательно обрекать человека на такие страдания? Вы когда-нибудь трогали раскаленный металл?

— Слава Создателю, не доводилось!

— Жаль! Если бы вы хоть на несколько секунд оказались на месте этого человека, — она кивнула в сторону всхлипывающего Вогана, — и почувствовали то, что чувствует он, то вряд ли бы стали пользоваться такими изуверскими методами!

Инкатор удивленно покачал головой. Он поверить не мог, что эта дрожащая от страха пичужка смеет его поучать. Думает, если король ей покровительствует, то ей все позволено?

— Ты не о том думаешь, дурочка! — сказал он. — Разве думает пахарь, больно ли земле, которую он рыхлит, разрывая корни опутывающих ее сорняков? Думает ли асфальтоукладчик, что каток причиняет боль гравию? Нет! Как и цветовода не терзают мысли о том, что чувствует цветок, из которого скоро сделают прекрасный букет! Все они просто выполняют то, что должны выполнять. А все остальное — никому не нужная вредная блажь, которая отвлекает от дела!

Твоя задача — наказать виновного или предотвратить еще большее преступление! Получить информацию любой ценой, а не думать о чьих-то там чувствах! Ты будущий инкатор, а не сотрудник приюта для бродячих собак, и я не желаю больше слушать подобных глупостей!

— Это не глупости, а вы бесчеловечней дикого зверя!

Посмотрев на горевшее вызовом лицо Юлианы, Карминский разъярился всерьез.

— Значит, ты считаешь, что хороший инкатор должен знать, что чувствуют допрашиваемые им преступники? — недобро улыбаясь, спросил он.

— Да! — выпалила она.

— Хорошо, сейчас узнаешь! — пообещал он. Схватив девушку за обожженную ладонь, он с силой провел ногтем по красной вспухшей коже, вызвав новый болезненный вскрик. — Я могу продолжить. Например, опустить твою руку в кислоту. Или просто прихлопнуть дверь, и тогда ты услышишь хруст своих костей, раз не хочешь слушать звук чужих. — Жнец с удовольствием отметил мелькнувший в ее глазах испуг, не переставая сдирать ее вздувшуюся кожу.

Юлиана зажала себе рот, чтобы не раскричаться от пронзительной боли. Карминский отшвырнул ее руку и грубо схватил за лицо, приближая к своему.

— И я это сделаю, причем с огромным удовольствием, если ты еще хоть раз повторишь подобную выходку, маленькая сердобольная идиотка!

Девушка с трудом выдержала его долгий разъяренный взгляд, пытаясь не показать, насколько напугана его обещанием.

— Даже если вы это сделаете, я все равно не смогу пообещать, что такого больше не

повторится, — дрожащими губами проговорила она. — Потому что я никогда не смогу спокойно реагировать на чужую боль! И если я все же стану инкатором, то научусь добывать информацию, не причиняя людям страданий! — замирая от страха на каждом слове, проговорила Юлиана.

Она думала, что сейчас гнев Карминского обрушится на нее всей своей силой, но он только рассмеялся.

— Еще как сможешь, милая! Еще как, — отпуская ее, пообещал он. — Научись и причинять боль, и даже убивать. И скоро я тебе это докажу!

Ожог герцогине обработали только на следующий день, в университете. На выходе из медицинского кабинета она встретилась с тем, с кем меньше всего хотела — учителем социологии. Его лицо озарилось радостью.

— Как приятно снова видеть вас, Юлиана! — Взгляд Стивена опустился к ее перевязанной руке. — Вы поранились?

— Да, немного, — преодолевая неловкость, сказала она. — Простите, но я опаздываю на лекцию.

— Врете, — улыбнулся Вэнс. — Я знаю ваше расписание, как свое собственное — у вас сейчас окно. У меня, кстати, тоже. Может, пройдемся?

— Да, я вру. Но никуда с вами не пойду. Мы и так уже стали привлекать излишнее внимание!

Она была права. Все стоявшие в холле студенты оживленно зашущукались, глядя на них. Еще бы! Недосягаемый Аполлон сам заговорил с одной из учениц!

Стивен огляделся, голоса примолкли.

— Тогда я скомпрометирую вас окончательно, увязавшись за вами следом. Покажу всем мое отношение к вам. Вас возненавидит половина академии! Нео будет не исключением, — шутливо пригрозил он.

— Это подлый шантаж! — возмутилась девушка.

Он с усмешкой пожал плечами. Ее гневное восклицание еще больше заинтриговало наблюдателей, а проходившая мимо преподавательница остановилась и стала поправлять застежку туфли, жадно наострив уши. Юлиане хотелось влечь ему пощечину, но она только сжала зубы и еле слышно прорычала:

— Куда идти?

— Приходите через пять минут в учительскую, я буду ждать вас там, — сказал он и ушел.

Она пошла в противоположном направлении. Делая крюк по учебным корпусам, она снова встретилась с ним.

— Я передумал насчет учительской. Мы пойдем в другое место, тут нам могут помешать, — сказал Стивен и повел ее за собой в небольшую подсобку на противоположном конце коридора. Увидев, куда они идут, девушка резко затормозила.

— Я не собираюсь приставать к вам, — пообещал он.

— Вы уже это делаете! Не я ведь вынудила вас идти сюда! — возразила студентка.

— Верно подмечено! Но если мы с вами не обговорим моего вчерашнего поведения, вы будете избегать меня вечно!

— Да! — выпалила она. — И дело не только в вас, но и во мне!

— Клянусь, я не буду распускать руки! Мы просто поговорим. Хотите, можете связать меня!

Представив, как кто-то заходит в подсобку и застаёт ее со связанным красавцем-учителем, Юлиана улыбнулась.

— Воображаю, как бы это смотрелось со стороны!

Он тоже заулыбался и повторил, открывая перед ней дверь:

— Просто поговорим.

Недоверчиво крикнув, девушка переступила порог и ахнула. Перед ней был прекрасно сервированный стол, в центре которого стояла ваза с большим букетом роз.

— Это еще что? — указывая на стол, спросила она.

— Зная, что вашего согласия на обед я не дождусь, я решил взять инициативу в свои руки. Давайте вы мне устроите за это головомойку чуть позже, а то все остынет? — выдвигая для нее стул, попросил Стивен.

Юлиана оценивающе оглядела приготовленные для нее изысканные блюда.

— Вы шантажируете не только меня, но и повара?

— Нет. У нас с ним полное взаимопонимание.

Вэнс поднял прикрывающую одно из блюд крышку, и по комнате поплыл восхитительный запах жареного мяса. Желудок требовательно занял — после допроса девушка уже сутки не могла прикоснуться к еде.

— Рада за вас! — придумывая предлог для побега пробурчала она, с вожделением глядя на сочные стейки, окруженные словно только что сорванной зеленью. — Только я не хочу есть. Завтрак был совсем недавно.

— Который вы пропустили? — не поддался на ее уловку Стивен.

— Вы что, следите за мной? — рассердилась она.

— Просто я наблюдателен, и заметил, что в столовой сегодня утром вас не было, — накладывая ей в тарелку всего понемногу, ответил он.

Словно в подтверждение его слов ее желудок предательски заурчал.

— Изменник! — глядя себе на живот, проворчала Юлиана. В глазах Вэнса зажглись веселые огоньки.

— Видите, даже ваш организм против вас!

— Вы вообще плохо влияете на мое тело, — пожаловалась она. — В вашем присутствии оно перестает мне подчиняться.

Стивен на мгновение замер от вызванного ее признанием удовольствия, а потом отступил от стола. Красиво разложенная еда сводила девушку с ума своими ароматами, и она сдалась.

— Чревоугодие — один из моих главных грехов, — пододвигая к себе тарелку, вздохнула она.

Он достал из навесного шкафчика пузатую бутылку из темного стекла.

— Может, хотите вина?

— Шантаж, попытка совращения несовершеннолетней... Хотите добавить сюда еще и спаивание? — озорно поинтересовалась она.

— Вы не представляете, насколько последний пункт помогает воплощать в жизнь все предыдущие, — рассмеялся Вэнс.

Он сел напротив нее, но ему было не до еды. У него кружилась голова, но совсем не от голода. Он сам не понимал, как за такое короткое время мог вспылать страстью к этой

девочке, в то время как раньше предпочитал опытных, раскрепощенных женщин. Глядя на ее свежие губки, он вспоминал их мягкость и вкус. Сначала он бы поцеловал их, а потом спустился по этой волнующей грациозной шейке ниже. А потом еще ниже... Замечтавшись, он не заметил, как Юлиана, отложив в сторону приборы, осуждающе уставилась на него.

— Вы смотрите на меня так, словно хотели бы съесть вместо стейка. Мне это неприятно! — сухо сказала она и встала.

— Я просто задумался, — соврал Вэнс. — У вас забинтована рука, и я гадал, что же с вами произошло. А теперь еще и обиделся: вы хотите уйти, не пообедав, а я так старался, готовя все это для вас!

Удивление девушки было так велико, что сразу же угасило ее воинственный пыл, и она вернулась за стол.

— Неужели сами? Не верю!

— А вот и зря! — самодовольно заявил он. — Мой отчим держал отличный ресторан. Я обожал крутиться у него на кухне и потихоньку постигал искусство, как из неаппетитно выглядящих туш животных, грязных овощей и бесформенного теста создавать кулинарные шедевры. Готовка — мое хобби.

Юлиана расправила на коленях салфетку.

— Почему же вы не сделали его своей профессией?

— Чтобы потом возненавидеть? — пришел в ужас Вэнс. — Кто же любит свою работу?

— Значит, социологию вы ненавидите?

— А что в ней может быть интересного? Сухие выкладки, цифры, диаграммы — скука. Если бы мне не надо было думать о пропитании, я бы бросил все и подался в космонавты. Покорять новые миры — что может быть прекрасней?

— Да вы романтик! У меня при слове космонавт возникают совсем другие образы: изнурительные тренировки, зубодробительные перегрузки, вечная тьма космоса, еда из пакетов и сильно ограниченный круг общения. Жизнь, как у рыбы в аквариуме — ни шагу в сторону от банки.

— Об этом я не думал, — рассмеялся Вэнс. — В ваших устах это звучит так серо и мрачно! А кем хотите быть вы?

Их разговор затянулся почти на час и доставил им обоим громадное удовольствие. Он продолжался бы и дальше, но Юлиане нужно было идти на лекцию. Церемонно попрощавшись с ней, Стивен выглянул в коридор, убедился, что там никого нет, а потом неохотно выпустил ее из подсобки.

В эту же минуту подслушивавший их разговор через жучок, Карминский снял с себя наушники и процедил сквозь зубы:

— Скоро я отобью у тебя охоту бегать по мужикам, маленькая вертихвостка!

Как Юлиана ни зарекалась не иметь ничего общего с Вэнсом, через четыре дня ей пришлось обратиться к нему с просьбой. У Линнет случилась задержка месячных, и она стала упрашивать Делайн купить ей тест на беременность. Герцогиня попробовала заикнуться Карминскому что ей снова нужно в магазин, но получила от него такую яростную отповедь, что остаток дня боялась даже смотреть на него.

Меж тем, с каждым часом задержки, Линнет все больше и больше впадала в панику, а

через два дня уже просто не просыхала от слез. Больше смотреть на ее мучения Юлиана не могла, поэтому смирила свою гордость и пошла на поклон к Вэнсу. Ее просьба вызвала у него веселую улыбку.

— Вот что значит не уметь выбирать презервативы, — поддел ее он.

— Это здесь при чем? — стала пунцовой девушка. — Я вообще не ей их покупала!

— Да ладно, ладно, я просто пошутил! — примирительно сказал Стивен. — Приходите сегодня в двадцать часов к началу сосновой аллеи, и я принесу вам этот тест. Что-то еще нужно?

— Нет, спасибо. Теста вполне достаточно.

В восемь вечера она пришла в условленное место, но Стивена там не было. Она прислонилась спиной к фонарному столбу и стала его ждать. Моросил мелкий противный дождь. Сначала он не доставлял Юлиане никаких неудобств, но уже через десять минут ее волосы превратились в слипшиеся пучки, по которым на плечи непрерывно стекали холодные ручейки. Тонкое пальто отсырело, стало неприятно-тяжелым.

Дрожа от холода, девушка посмотрела на часы: прошло двадцать минут. Она забеспокоилась: Стивен был пунктуальным человеком. Вдруг с ним что-то случилось? Дозвониться до него тоже не получилось — его телефон был выключен. Немного поколебавшись, Юлиана решила сходить к нему домой.

Она приблизилась к его жилищу и увидела в окне его силуэт. Легкие шторы позволяли довольно хорошо рассмотреть происходящее в комнате. Осторожно подкравшись к окну, Юлиана заглянула в него и отпрянула от неожиданности. На том самом диване, где они с Вэнсом целовались, сидел Карминский.

— Вы хоть представляете себе, где она сейчас и чем занимается?

— сердито спросил он Стивена.

— Примерно — да, — уныло ответил тот, надеясь, что девушка не ждет его до сих пор на продуваемой всеми ветрами аллее, а вернулась к себе. Жнец нагрязнул к нему так неожиданно, что он даже не успел предупредить ее о том, что не придет. А отправлять ей сообщения в присутствии своего грозного гостя он опасался.

— Примерно, говорите? А вот я почти не сомневаюсь, что она на очередной оргии со своими никчемными друзьями!

В голосе Вэнса прозвучало неподдельное изумление.

— Оргии?! Юлиана?

Услышав свое имя, девушка вцепилась руками в шершавый кирпичный подоконник.

— Да вы, верно, шутите? — теперь уже оскорбленно произнес социолог. — С чего вы это взяли?

— Да с того, что она чуть ли не каждый вечер ходит со своей проклятушей Викторией в подвал, где собирается разное отребье!

— Ну и что с того, что она общается с другими студентами? Это ведь не запрещено, и к тому же совершенно нормально! — возразил Стив. — Разве вы во время учебы ни с кем не водились?

— Вы считаете это нормальным? — взорвался Жнец. — Нормально, когда шестнадцатилетняя шлюшка покупает штук сорок презервативов и бежит с ними к своим друзьям? А судя по голосам там было не меньше четырех человек! Угадайте, чем они там занимаются?

От такой трактовки их времяпрепровождения Делайн похолодела. Хотя, что еще он мог

подумать? Любой решил бы то же самое. Но как он узнал про злополучные кондомы? Неужели Стивен рассказал ему?

— Откуда вы знаете про презервативы? — озвучил ее вопрос социолог, словно сосканировав мысли с ее головы.

— Сам видел, как она их покупала! Целый спектакль в аптеке устроила! Позорище!

С губ девушки слетел сдавленный вскрик. Неужели тот мужчина в светлом плаще и был Карминский? То-то его фигура показалась ей знакомой! Но тогда она отмела это предположение как абсолютно нереальное, и зря. К счастью, ее восклицания никто из мужчин не услышал, и она снова прижалась к стене как можно ближе к окну.

Вспомнив перемежаемый рыданиями рассказ Юлианы, теперь подтвержденный Жнецом, Стивен усмехнулся.

— Чего вы ухмыляетесь? — пробурчал инкатор. — Мы с вами упустили доверенную нам королею девчонку, позволили ей превратиться в невесту что! И вам от этого смешно?

Вэнс опустил голову. Длинная черная прядь соскользнула ему на лицо, скрывая его очередную улыбку.

— Эдмунд, а вам не приходит в голову, что ее попросили сделать эту покупку, и лично она не имеет к ним никакого отношения? — спросил он.

— Скажите еще, будто она думала, что это воздушные шарики, и хотела украсить ими зал перед началом бала! — хмыкнул Карминский. — Если она покупала их не для себя, то для кого?

— Для меня, — резко заявил Стивен.

— Для вас? — опешил инкатор. — Вы соображаете, что говорите?

— Да, для меня. У меня в тот вечер намечалась встреча с одной из учительниц, а вырваться в город я не мог. Вот я и попросил Юлиану купить их для меня, а взамен пообещал дополнительно позаниматься с ее подружкой. Вы же ее знаете лучше меня — ради друзей она на все пойдет!

— И вы решили через них купить ее расположение? Вам настолько не терпится насладиться ее прелестями?

"Пожалуйста, скажи ему, что это не так!" — мысленно взмолилась Юлиана.

— Вы прекрасно знаете, что меня прислали сюда именно для того, чтобы я вскружил ей голову! — неприязненно проговорил Вэнс.

Девушке показалось, что она с разбега ударилась о бетонную стену, а теперь падала в пустоту, не зная, за что зацепиться. Этот чужой отстраненный голос принадлежал Стивену, но ведь он не мог произносить такие ужасные слова! Наверное, она просто бредит!

— Да знаю! — неохотно подтвердил Карминский. — И это отвратительно! Ей учиться надо, а не под мужиков ложиться!

— А вот это уже не нам решать! — холодно отозвался Вэнс. — Я лишь выполняю то, за что мне заплатили, и это поручение нравится мне все больше и больше!

В голове Юлианы зашумело. Перед глазами все поплыло. Все ее существо воспротивилось услышанному. Значит, все его нежные слова и чувства обман? И на самом деле он выполняет чье-то поручение переспать с ней? Но кто дал ему такое поручение и, главное, зачем? Она зажала рот руками, душа рвущийся из горла крик, и бегом бросилась прочь от дома.

Звук ее шагов проник сквозь стекло и Вэнс метнулся к окну. Увидев мелькнувшее в темноте светлое пальто, он в отчаянии стукнул кулаком по подоконнику.

— Черт! Она все это слышала!

Губы Карминского растянула змеиная улыбка.

— Тогда я в восторге! Теперь я хоть насчет вас могу быть спокоен — вы больше не помешаете мне лепить из этой малышки совершенную машину правосудия. А она такой станет, будьте уверены, задатков у нее — хоть отбавляй! Вот только дури у нее чуток поубавлю, и все будет превосходно!

— И не мечтайте! — отрубил Стивен. — Сейчас я найду ее, и все ей объясню! Увидите, она простит меня! Я выпрошу у короля разрешение на брак с ней, и через год- другой позову вас на крестины!

— Да ну-у? — с сомнением протянул инкатор. — Что-то плохо представляю Юлиану в виде домашней клушки, квочущей над выводком детишек. Ей суждена более завидная участь. Спорим, что у вас нет ни малейшего шанса вернуть ее? Она на редкость требовательна в вопросах доверия, потому что сама предельно честна с другими. Поверьте, я знаю эту идеалистку гораздо лучше, чем вы. Но можете попытаться, — злорадно ухмыльнулся он. — Вы ведь давно не получали от ворот поворот, мм?

Вэнсу очень хотелось нагрубить ему, но он только махнул рукой и бросился вдогонку за девушкой.

Карминский уселся на диване поудобней, с твердым намерением дожидаться развязки любовной драмы.

— Беги, беги, — пробормотал он себе под нос. — И помни: у поля больше шансов остаться в ливень сухим, чем у тебя выпросить у нее прощения! Герцогиню он хотел заполучить... Хех, мечтатель!

Обо что-то споткнувшись в темноте, Юлиана со всего маху упала на дорожку и заойкала от острой боли в коленке. Некоторое время она не могла даже пошевелить ногой. Так и осталась сидеть на холодной земле, вдобавок к дождю орошая ее слезами. Держать душевную боль в себе не было сил, и она скорчилась, завывала.

Чьи-то сильные руки подхватили ее, подняли, и она увидела искаженное виной лицо Стивена.

— Я услышал твои шаги, когда ты убегала... Пожалуйста, выслушай меня!

Девушка забилась в его руках, вырываясь. Он чуть не упал, пытаясь сохранить равновесие:

— Не вырывайся, я могу уронить тебя, — уговаривал Вэнс, но она удвоила усилия. Сейчас ей было абсолютно все равно с какой высоты она может грохнуться на землю, и чем это может для нее кончиться. Мужчина устал от борьбы и сел на корточки, удерживая ее на коленях.

— Оставьте меня в покое! — отталкивая его, прошипела она. — Уйдите, и дайте мне жить своей жизнью! Или вам перед этим обязательно надо меня обесчестить?

— Юлиана, любовь моя, все совсем не так, — торопился объясниться с ней Стивен, прижимая ее к себе. — Да, меня наняли именно для этого, но потом я понял, что не смогу выполнить этого поручения! Разве ты не заметила, что сначала я вел себя с тобой совсем иначе, гораздо развязней, чем сейчас?

Она промолчала, продолжая вырываться изо всех сил.

— Общаясь с тобой, я понял, что ты — редкое сокровище, и достойна только уважения

и настоящей любви. Прошу, поверь мне!

— Я не могу верить человеку, которому заплатили за то, чтобы он бессовестно лгал мне!

— Я это исправлю, обещаю! Верну полученные за свою подлость деньги, и мы начнем все сначала! Только прости меня!

Юлиана замерла, взглядываясь в темноте в его лицо.

— Исправите, обещаете?

— Клянусь!

— Тогда исчезните отсюда! — потребовала она. — Сделайте так, чтобы я никогда больше вас не видела! Уйдите из университета! Я бы сама ушла, но мне не позволят этого сделать. А у вас есть дом, и работу вы себе тоже найдете!

— Юлиана, прошу, дай мне последний шанс! — взмолился Стивен.

Сердце девушки сжалось от горечи. Ей так хотелось поверить ему, но она понимала, что уже не сможет.

— Уйдите, — прорыдала она. — Умоляю вас! Уйдите!

Вэнсу показалось, что какая-то часть его души умерла.

— Хорошо, — глухо пообещал он, ставя ее на ноги. — Я уйду, чтобы доказать тебе свою любовь. Но если ты передумаешь, то знаешь где меня найти. Я буду ждать тебя. Сколько потребуется.

— Я никогда не передумаю! — перестав плакать, твердо сказала герцогиня. — Наверное, я просто не умею прощать!

Отвернувшись от него, она сделала шаг и вскрикнула от резкого прострела в колене. Вэнс тут же подскочи к ней.

— Милая, что с тобой? Тебе плохо? Давай я отнесу тебя к врачу? — встревоженно предложил он.

Юлиана принудила идти себя ровно, до крови закусывая губу при каждом шаге.

— Со мной все в порядке! Уходите, ведь вы пообещали мне это!

Понуро опустив голову, Стивен заставил себя стоять на месте, хотя ему непреодолимо хотелось броситься вслед за ней.

Кое-как доковыляв домой, девушка стала стаскивать с себя испачкавшуюся одежду. Увидев ее, мокрую, грязную и заплаканную, Виктория в ужасе всплеснула руками.

— Что с тобой произошло?

— Ничего, просто упала, — соврала Юлиана.

— Это называется — просто упала?! — воскликнула подруга. — Не обманывай меня! Я ведь не дура, и не слепая — ты собиралась на свидание! Что он с тобой сделал? Быстро говори! Не то я вызову полицию и заявлю, что на тебя напали!

Ответ герцогини неприятно резанул Блэр.

— Тори, не лезь не в свое дело! Если я говорю, что упала, значит, так и есть! И нечего делать из этого трагедию!

— Но это неправда!

В голосе юной инкаторши появились до этого ни разу не проскальзывавшие в нем властные жесткие нотки.

— Мое дело поставить тебя в известность, а не доказывать тебе это!

На глазах потрясенной Виктории показались обиженные слезы.

— Юлиана, зачем ты так со мной? — спросила она. — Я понимаю, что кто-то

причинил тебе боль, но это была не я! Зачем ты говоришь со мной таким тоном, будто я твой враг? Я вовсе не собираюсь лезть тебе в душу, я просто хочу помочь тебе!

Холодные мокрые руки герцогини обвили подругу, и та заплакала еще сильнее.

— Тори, любимая моя Тори, извини меня! — испытывая к себе отвращение за эту вспышку, всхлипнула Юлиана. — Ты — самый дорогой для меня человек! Я лучше дам отрубить себе руку, чем еще раз обижу тебя! Прости, я сейчас сама не своя, не понимаю что говорю! Ты ведь простишь меня, правда?

— Конечно, прощу! Не плачь, глупенькая! Я не знаю, что за беда с тобой приключилась, но она пройдет. Знаю, сейчас ты не веришь мне, но все проходит, — укачивая ее, как ребенка, прошептала Тори. — Представь, что прошел год, тебя это будет волновать так же, как сейчас?

— Да.

— А через три?

Юлиане показалось, что она стала старше лет на двадцать.

— Это будет приносить мне боль до конца моей жизни, Виктория, сказала она. — Есть вещи, которые мы никогда не сможем забыть. С ними просто надо научиться жить. Я скоро научусь. Прости, что сорвалась на тебя! Этого никогда не повторится!

Безжизненный, какой-то механический голос подруги, как мантру повторявший слова извинения, напугал Блэр еще больше. Она с трудом взяла себя в руки и помогла Юлиане добрести до кровати.

— Господи, у тебя колено сильно распухло, — не на шутку испугалась она. — Я сейчас приведу врача! Надеюсь, ты ничего с собой за это время не сделаешь?

— Нет, конечно! — отмахнулась от такого допущения Делайн. — К счастью или к сожалению, я устроена так, что хочу жить при любых обстоятельствах.

— Вот и замечательно! Полежи немножко, я мигом вернусь!

Укутав ее одеялом, Виктория помчалась за врачом. Тот осмотрел колено Юлианы и объявил, что это просто сильный ушиб. Потом смазал больное место мазью и велел полежать несколько дней.

— Вот ведь некстати, — сокрушалась Блэр, когда он ушел. — Как думаешь, до бала успеет пройти?

Герцогиня скривилась. Сейчас ей было противно даже думать о развлечениях.

— Я никуда не пойду, даже если нога перестанет болеть.

— Ты бы предпочла, чтобы перестало болеть сердце, да? — грустно спросила подруга.

— Ты — непревзойденный диагност! — усмехнулась Юлиана. — А теперь, если не возражаешь, я посплю.

Тори немедленно оставила ее и выключила свет. Несмотря на свое заявление, ее соседка еще долго лежала без сна, терзаемая мучительными воспоминаниями. И чем больше она горевала, тем мрачнее становились ее мысли.

"Меня никто не любит, — в отчаянии думала она. — Вот Майкл любит Лин, всегда смотрит на нее с такой нежностью. Денис никого не замечает, кроме Вал. А я — просто престижный приз. Герцогиня и инкаторша в одном лице. Может, я в чем-то ущербна, как женщина? Или просто недостойна искренних чувств, если даже такой бабник как Стивен, встречался со мной за деньги?"

Только под утро, совершенно измотанная переживаниями, Юлиана провалилась в липкий вязкий сон. В нем все близкие ей люди начинали таять в тумане и окончательно

исчезали в нем, стоило ей приблизиться к ним. Последней приснилась Виктория, почему-то совершенно обнаженная и израненная. Она обвиняюще указала на нее пальцем и глухим потусторонним голосом проговорила:

— Все из-за тебя! Ты всем приносишь несчастье! Лучше бы ты умерла!

Ее лицо вдруг посинело и распухло. Юлиана завизжала от ужаса и проснулась.

За окнами еще только забрезжил рассвет. Сон был настолько тяжел и реален, что чувство глубокой потери не отпустило девушку даже после пробуждения. Она резко села на постели, отыскивая глазами Викторию. Та мирно сопела в обнимку с подушкой.

— Это всего лишь кошмар, — стуча зубами, убеждала себя Юлиана. — Всем они иногда снятся. Просто я вчера переволновалась.

Но страх упорно не отступал, словно должно было произойти что-то ужасное. Чтобы избавиться от него, она похромала в душ — вода была ее любимым антистрессом.

Следующие несколько дней Юлиана провалялась в постели. Друзья и сокурсники приходили навещать ее целыми толпами, устраивая шумные, правда, недолгие посиделки. Темой для их обсуждений чаще всего служил внезапно написавший заявление об уходе социолог. Никто не знал, что побудило его сделать этот шаг, и предположения высказывались самые разные. Кто-то пустил слух, что Вэнса уволили за связь со студенткой. Говорили, что девице спешно сделали аборт, и ее отец собирается подать на университет в суд. Поклонницы красавца-учителя были безутешны, но вскоре разговоры о нем стали реже, сменившись более интересной и животрепещущей темой приближающегося бала.

Всеобщее оживление не действовало только на Юлиану. Она без интереса слушала чужие разговоры и очень редко участвовала в них. Любое упоминание о Вэнсе напоминало ей о его подлости, а гнетущее душу предчувствие только усиливалось, не оставляя ее ни днем, ни ночью. Она так и не смогла понять, кто и почему нанял Стивена на роль ее кавалера, и очень смущало то, Карминский, зная о его планах, не мог им воспрепятствовать. Единственным человеком, волю которого он худо-бедно выполнял, был король, а значит, напрашивался вывод, что заказчиком был именно он. Но зачем ему могло понадобиться такое, Юлиана не могла представить.

Еще больше мучений ей доставляла мысль об инкаторе. Со дня травмы он упорно игнорировал ее и даже по телефону не передал ей формальных пожеланий выздоровления. Девушку сводила с ума мысль о том, что он считал ее грязной шлюхой, направо и налево отдающей свое тело.

— Да что с тобой творится последнее время? Ты на тень похожа! — не понимая причин ее депрессии, волновалась Виктория. — Давай, встряхнись! Скоро праздник, да и твоя нога уже выглядит гораздо лучше. В крайнем случае напьешься обезболивающего, чтобы потанцевать. Даром мы, что ли, все лето провели в танцевальном классе? Ты просто обязана всех сразить своими умениями! Да, кстати, твои кавалеры чуть горло друг другу не перегрызают, споря о том, с кем ты пойдешь. И если ты в ближайшие пару дней сама не сделаешь выбор, то боюсь, дело окончится дуэлью на кулаках по причине отсутствия более серьезного оружия.

— Я не пойду на бал, так им и передай, — вяло возразила Юлиана.

— Ты представляешь, что после этого начнется? — ужаснулась Тори. — Хочешь

привлечь всеобщее внимание своей показной грустью?

— Как раз этого я хочу меньше всего!

— Тогда лучше не упрямясь. Гилберт — настоящая ищейка. Если ты не придешь, он сразу начнет докапываться до причин, и не удивлюсь, если что-то раскопает!

Аргумент Виктории был достаточно веским, чтобы встревожить Юлиану. Учившийся на четвертом курсе инкаторской академии Гилберт и впрямь был детективом от Бога.

— Хотя я не против этого, — мстительно добавила Блэр, — ты ведь сама не хочешь ничего рассказывать! Так что мне передать твоим воздыхателям?

— Сама выбери для меня любого. Мне все равно с кем убивать время, — услышала она безучастный ответ.

Подруга сокрушенно покачала головой и занялась подгонкой своего нового платья.

Наступил день бала. Весь университетский городок был украшен фонариками и гирляндами из осенних цветов, листьев и рябины. Служащие натирали до блеска пол актового зала, повара готовили праздничный ужин, а студенты скрупулезно готовились к вечернему действу.

В домике герцогини приготовления затянулись допоздна. Издергавшаяся Виктория делала последние стежки, подшивая бирюзовое платье из струящегося шелка. Тот наряд, что прислала ей мама, она умудрилась испортить чересчур горячим утюгом и теперь спешно готовила себе новый взамен испорченного.

— Ты на меня не злишься? — виновато спросила она Юлиану. — Бал начался больше часа назад, а мы до сих пор дома...

Та сидела на кровати, одетая в платье из серебристого шелка с воротником-лодочкой и длинными рукавами, и апатично разглядывала носки своих серебряных туфель. Спешить ей было не к кому.

— Успеем! — ответила она. — Уверена, он до утра затянется!

Тори закончила подгонку, спешно натянула платье на себя и вставила в прическу сверкающие заколки.

— Все, я готова! Идем?

В танцевальном зале была уже уйма народа. Вдоль стен стояли столы с прохладительными напитками и легкими закусками. Увидев Викторию, Юджин, немедленно устремился к ней, а к Юлиане с разных сторон двинулись Гилберт и Рон. Она запаниковала и схватила Тори за руку.

— Постой минутку! Кому из этих двоих я обещала вечер? — шепотом спросила она.

Заиграла музыка. Юджин чмокнул Блэр за ухом и потянул ее на танцпол.

— По-моему, Рону. Или Гилберту... Точно не помню, извини! — замотала головой порозовевшая от удовольствия Виктория и убежала танцевать.

— Кошмар! — пискнула Юлиана, понятия не имея, как выбираться из этой неловкой ситуации.

Оба парня подошли к ней, ревниво поглядывая друг на друга.

— Мальчики! Как вы прекрасно выглядите! — громко восхитилась она, хватая их обоих под руки. — Смотрите, там Нео с Вал! Пойдемте поздороваемся!

Они подошли к стоявшей возле стола с пуншем молодежи и влились в общий разговор. Скоро к ним присоединились Виктория с Юджином, который тут же принялся в лицах рассказывать насмешившую всех до слез историю.

— Я больше не могу, сейчас просто лопну от смеха, — отдуваясь, пробормотала Тори.

Какой-то парень тронул ее за локоть:

— Простите, вы Виктория Блэр?

— Да. А что вам от меня нужно?

— Инкатор Карминский желает немедленно переговорить с вами и мисс Делайн. Он ожидает вас у себя дома, — доложил парень и тут же растворился в толпе.

Ледяное предчувствие сковало сердце Юлианы страхом.

— Эй, подружка, ты выглядишь так, словно узнала, что кто-то уничтожил все твои конспекты! — тряхнула ее Нео. — Да что с тобой? Так испугалась, словно до этого с Карминским ни разу не общалась!

— Разве он не в отъезде? — удивился Юджин. — Я слышал, он уехал в Эльт.

— Наверное, уже вернулся! — предположила Нео.

— Не могу взять в толк, зачем мы ему понадобились посреди бала... — в смятении произнесла Тори. — Особенно я. Я ведь всего раз в жизни с ним говорила!

— Ой, подумаешь! Ну поговоришь второй раз с умным собеседником, — пожалала округлыми плечами Нео, — что тут страшного?

— Ага, второй и последний, — засмеялся Юджин. — Потому что злой серый волк Карминский сейчас съест непослушных девочек! Ну-ка, признавайтесь, что вы натворили? Плохо убрали в комнате? Или не помыли руки перед едой? А может, — он сделал потешно круглые глаза, — вы лесбиянки и он вас застукал?

— Очень смешно! — сухо сказала Виктория и посмотрела на стоявшую без кровинки в лице Юлиану. — Идем?

Та молча кивнула и на подкашивающихся ногах пошла за ней. Когда они вышли на безлюдную улицу, Тори требовательно спросила:

— Судя по выражению твоего лица, ты просто в ужасе и, скорее всего, знаешь зачем он нас вызвал!

— Я могу понять зачем он вызвал меня, но ты не имеешь к этому ни малейшего отношения, поэтому не знаю, — потерянно проговорила Юлиана.

— А ты чем его прогневала?

— Он видел, как я покупала презервативы для Вал. А потом проследил за нами до подвала и решил, что мы там устраиваем сексуальные оргии, — призналась Юлиана.

— Мерзость-то какая! — передернулась Блэр, но тут же повеселела: — Ничего страшного — пусть ответит нас к врачу и убедится что это — лишь плод его фантазии. Не бойся! Ну не убьет же он нас за это!

— По идее, не должен, — согласилась подруга и уже чуть смелее зашагала к Жнецу.

Его дом стоял уединенно, в глубине парка, на самой окраине студенческого городка. Он открыл дверь сразу, после первого же стука. От его наигранно приветливой улыбки герцогине стало совсем не по себе.

— А вот и вы! — обрадовался он. — Входите, девочки, входите! Сегодня такой знаменательный день! — Он провел их в комнату и жестом обвел трех сидящих на большом угловом диване парней. — Смотрите, я подобрал вам прекрасную компанию!

При виде встретивших их гробовым молчанием студентов, девушки растерянно переглянулись. В голове Юлианы четко зазвучал сигнал тревоги.

— Тори, беги! — шепнула она подруге, но та и не подумала ее послушаться. Гордо вскинув голову, она вызывающе смотрела на ухмыляющегося Карминского.

Схватив ее за руку, Юлиана рванулась к двери. Дернув за ручку, она услышала негромкий стук металла о металл, а потом пронзительный смех инкатора за своей спиной.

— Ключ-то у меня! — хлопая себя по карману мундира, сказал он. — Куда вы собрались, красавицы? Я ведь даже не успел вас познакомить с этими милыми молодыми людьми!

Он встал и неспешно прошелся по комнате в сторону парней.

— Знакомьтесь: Дмитрий, Кэйн, а это — Тим, — называл он имена, приближаясь к каждому из них. Ну что же вы, девочки? Подходите к ним, смелее! Или парни недостаточно хороши для вас?

Ни Юлиана, ни Виктория не сдвинулись с места. Блэр лезли в голову очень неприятные догадки насчет того, для чего Жнец позвал их к себе, но она упорно гнала их от себя: инкатор не может учинить такое беззаконие. Гораздо более знакомая с ним, Делайн понимала, что от Карминского можно ожидать чего угодно.

— Не знал, что вы такие переборчивые, — с поддельным сожалением развел руками он. — Я тут стараюсь, праздник вам устраиваю, а вы даже присесть не хотите!

— Пожалуйста, отпустите Викторию, — безумно нервничая, попросила Юлиана, бросая по сторонам быстрые взгляды в поисках средств для спасения. — Ведь вы хотите наказать меня, я знаю это. Только Тори здесь абсолютно ни при чем, разрешите ей уйти!

— Детка, я позвал вас вовсе не для того, чтобы кого-то наказывать, — добродушно возразил Жнец. — Я лишь хочу преподать тебе несколько совершенно необходимых жизненных уроков, чтобы ты знала, чего наверняка не стоит делать.

— Это необходимо сделать именно сегодня? Сейчас? — попыталась выторговать у него отсрочку Юлиана.

— Именно сегодня, моя дорогая. Ведь сегодня праздник, бал! Считаю это моим подарком для тебя к нему. Я ведь торчу в академии только чтобы учить тебя и заботиться о тебе, — тоном радетельного папаши сказал Карминский. — Иди, присаживайся к ребятам! Ты же любишь забавляться с мальчиками, а здесь их целых трое!

Поблуднев, девушка опустила голову, но тут же резко вздернула ее вверх:

— Не говорите так, потому что это неправда! Ни я, ни Виктория никогда не имели близости с мужчинами! И если вы не верите нам, то это легко можно проверить!

— Замечательная мысль! — обрадовался Эдмунд. — Кэйн, пойдешь проверить девушек, как это делают мужчины!

Теперь побелела и Виктория, до последней минуты не верившая в то, что такое возможно. Ведь перед ней был инкатор — человек, олицетворяющий собой закон и справедливость этой страны!

Названный Жнецом студент встал и как робот двинулся к девушкам.

— Вы не имеете права! — гневно воскликнула Блэр, вырываясь от схватившего ее за руку парня. — Я пожалуюсь на вас руководству академии, а мои родители подадут на вас в суд!

— Надо же, я об этом как-то не подумал! — озабоченно нахмурился Карминский. — Ну, раз такое дело, то это все меняет! Кэйн, оставь девушку в покое!

Парень послушно застыл на месте.

Возможно, Карминский просто хочет нагнать на них страху, чтобы проучить их за походы в подвал, подумала Юлиана. Про эффективность запугиваний ей рассказывать было не нужно, она и сама уже неплохо владела этой техникой. Не будет же он и впрямь

приводить настолько чудовищные угрозы в исполнение! Это противоречит не просто законам, но и здравому смыслу. В самом деле, бороться за нравственность с помощью сексуального насилия просто нелепо!

— Милорд, Виктория погорячилась. Прошу, отпустите нас, мы никому ничего не скажем! — выдавила из себя она. — Я отвечу на любые ваши вопросы и объясню все свои поступки. Вы сами убедитесь, что ни я, ни моя подруга не совершили ничего настолько предосудительного, чтобы вы поступали с нами подобным образом!

— Конечно, ты мне все объяснишь, — зловеще сказал Жнец. Он натянул на руки перчатки, потом достал из кармана пакетик с белым порошком и небрежным жестом бросил его на стол возле дивана. — И, разумеется, ответишь.

Он вытащил из ящика письменного стола канцелярский нож и резанул пакет. От его взмаха белая пыль разлетелась в стороны, оседая на поверхности легким снегом.

— На все, и за все, — отряхивая руки, добавил он. — За то что я, величайший инкатор Талинальдии, теряю драгоценные годы своей жизни на обучение капризной похотливой сучки. За то, что бьюсь с тобой, как рыба об лед, пытаюсь приучить тебя делать совершенно необходимые для инкатора вещи, а ты на каждом занятии брыкаешься, как пугливая лошадь. За то, что я стремлюсь сделать из тебя человека, а ты думаешь совершенно не о тех вещах, о которых должна! — Его презрительные слова словно кнутами били не на шутку испуганную девушку. — Секса тебе захотелось? — прошипел инкатор, пересекая комнату. — Или ты будешь отрицать, что купила тонну резины, которой хватило бы на дюжину озабоченных мужиков? — Он схватил ее за плечи и сильно встряхнул.

Юлиана вдруг совершенно явно осознала тот факт, что их с Тори пригласили сюда не для того, чтобы потребовать объяснений или напугать их, но для самой настоящей расправы. Маниакальный блеск в водянистых глазах Карминского красноречиво подтверждал это. До сегодняшнего дня она даже не подозревала, сколь на многое готов ее учитель, когда что-то или кто-то идет вразрез с его желаниями и представлениями о правильности.

— Я выполнила чужую просьбу, — дрогнувшим голосом ответила она. — Помогла дорогому мне человеку. Да, возможно, мне не следовало этого делать, но уже ничего не вернешь. Но разве мое преступление настолько велико, что достойно такой жестокой и унижительной кары? Из-за такой мелочи вы готовы поломать жизни нам с Викторией и заставить этих ребят взять на душу страшный грех?

Юлиана изо всех сил старалась говорить спокойно, но ее голос то и дело срывался, выдавая охвативший ее ужас. Дмитрий и Тим старательно избегали ее взгляда. Было видно, что они и сами не в восторге от происходящего.

— Глупышка, — ласково улыбнулся ей Жнец. — Ну что ты так разволновалась? Ведь тебе совершенно ничего не грозит! Ты под опекой самого короля! Я не могу сделать ничего такого, что угрожало бы твоей жизни. Кстати, к великому моему сожалению! Потому что ты бесишь меня! Вы обе бесите меня! — злоба исказила его и без того не слишком приятное лицо, заставив Викторину отшатнуться. Теперь она уже не сомневалась, что надеяться на конструктивный разговор с ним бесполезно. Внезапно ей стало до одури страшно, и она стиснула руку подруги оледеневшими пальцами.

Вдруг в дом кто-то постучал. Блэр вскрикнула от облегчения и с надеждой посмотрела на дверь. Карминский нахмурился: он не ожидал, что кто-то посмеет явиться к нему домой без приглашения. Вытащив из ящика стола пистолет, он взвел курок и приказал переполошившимся студентам:

— Марш в другую комнату! Только тихо! Тим, а ты иди сюда!

Парни быстро соскочили со своих мест и скрылись. Девушки, не шевелясь, смотрели в дуло направленного на них оружия.

Стук повторился, и взволнованный голос Юджина проговорил:

— Откройте мне! Я слышал голоса! Тори, Юлиана, вы здесь?

Виктория дернулась и открыла рот, чтобы крикнуть ему в ответ, но инкатор быстро зажал ей его и прошептал на ухо:

— Только пикни, милая, и этому юнцу конец! Неужели твоя честь, которую никто и не собирался трогать, стоит больше его жизни? Я сейчас очень сердит, и с удовольствием помучаю этого вихрастого малыша, чтобы снять стресс. Сначала я зашью ему рот, а после начну отстреливать конечности.

В глазах девушки плескался смешанный с недоверием ужас и Карминский добавил:

— Если ты думаешь, что я на это не способен, то спроси об этом свою подружку. Она хорошо знает, через какие круги ада я могу провести человека, особенно нарушившего мой запрет! Так что давай без глупостей! Хотите чтобы никто не пострадал — делайте, как я вам говорю!

Еле дышавшая от мешавшей ей руки и волнения, Виктория посмотрела на подругу, ожидая ее ответа, и поразились насколько та побледнела. Ее осунувшееся лицо лучше всяких слов подтверждало слова Жнеца, и девушка кивнула, принимая его условия.

Карминский поднял опущенный подбородок Юлианы и ласково произнес:

— Девочка моя, как я уже тебе и говорил, все решения в жизни ты будешь принимать только сама, и только тебе выбирать, как закончится этот день. Я знаю, что ты готова на все ради своих друзей, но прежде чем сделать какой-нибудь шаг, вспомни, что в твоих руках находятся жизни Тори и Юджина. Хорошо? — Он потрепал девушку по щеке, выдернул из штанов Тима рубашку и толкнул его к двери:

— Открой и скажи этому сопляку, что вы с Юлианой решили уединиться здесь, а Виктория вернулась в главное здание!

— Да, милорд, — заикаясь от страха, ответил тот.

Инкатор вместе с Блэр отступил вглубь комнаты, оставив свою ученицу рядом с Тимом. С опаской косясь на пистолет, студент щелкнул замком двери и дрожащей рукой открыл ее. Перед глазами Юджина предстал его сокурсник, из-за плеча которого выглядывала Делайн.

— Ну, наконец-то! — облегченно воскликнул он. — Я уж думал, беда какая приключилась!

— Друг, ты как бы не вовремя, — с трудом выговорил Тим, выразительно кивая в сторону герцогини. — Шел бы ты на бал...

Только теперь Юджин заметил, что одежда его собеседника не в порядке, а Юлиана очень скована и прячет глаза.

— Я иска... искал Викторию, — пунцовея, пробормотал он.

— Ее здесь нет, — отрубил Тим и захлопнул перед ним дверь.

— Вот черт! Ну и дела... — пробурчал себе под нос паренек и отправился на поиски Виктории.

Тим с облегчением вздохнул. Карминский опустил девушку и подтолкнул ее к безжизненно глядевшей в пол Юлиане. Тори повернулась к окну и со слезами на глазах стала смотреть, как Юджин уходит от дома все дальше и дальше.

— Молодцы, — похвалил всех инкатор. — А теперь продолжим наше развлечение!

Он подошел к столу и ткнул худым длинным пальцем в разрезанный пакет с порошком.

— Это пентакрин. Мощный наркотик, который дает ощущение счастья и вседозволенности, а также до предела усиливает ощущения! Быстро все приняли по дозе!

Опешив от такого распоряжения, парни стали нерешительно переглядываться. Жнец направил пистолет на них.

— Быстро, я сказал! — прикрикнул он.

— Но мы никогда прежде не употребляли наркотики и понятия не имеем, как это делается! — заволновался один из ребят.

— Ах, молодость, молодость! — умилился Карминский. — Не знать таких элементарных вещей! Просто положите по горсти под язык, вот и все!

Юноши выполнили его требование, и он развалился в кресле, ожидая, когда наркотик подействует на них.

— Гадаете, зачем им наркотик? — благодушно спросил он молчаливо наблюдавших за происходящим девушек. — Ну сами посмотрите, как они зажаты! Сидят, словно на смотринах. Так от них никакого толка. Того и гляди нарушат мои планы, как это сделали вы, любезная Виктория!

— Каким образом я могла нарушить ваши планы, милорд? — удивилась та. — Мы ведь даже не общались с вами!

— Со мной нет, — согласился он, — а вот с моей подопечной очень даже общались! И втянули ее в дурную компанию. Собственно, поэтому вы сейчас находитесь здесь, а не на балу.

Его объяснение взорвалось в голове Юлианы оглушающей гранатой: неужели Тори пострадает только из-за того, что имела неосторожность подружиться с ней? Ее мозг бился в поисках выхода, но никак не находил его. Косого взгляда на прибалдевших парней ей хватило, чтобы запаниковать еще больше.

— Наша компания вовсе не дурная! Мы просто занимались музыкой! — попробовала оправдаться перед Жнецом Виктория.

Ужас все больше охватывал все ее естество, и она заговорила в надежде, что все это дурной сон, и при звуках ее голоса он развеется.

Юлиана стряхнула с себя оцепенение и стала медленными шагами приближаться к инкатору.

— Милорд, я сделаю все, что вы от меня потребуете! — умоляюще сказала она. — Я больше не буду общаться ни с кем, кроме тех людей, которых вы сами выберете для меня. Я буду самой прилежной ученицей! Вы мне верите? Только пожалейте Тори, позвольте ей уйти! Клянусь, она ни словом не обмолвится ни о чем!

Девушка остановилась в шаге от Карминского, ожидая его ответа. По его лицу, обнажая зубы, расползлась гадкая улыбка, напоминающая оскал хищного зверя.

— Конечно, не обмолвится! — согласился он. — Потому что она никогда не выйдет отсюда. По крайней мере, живой!

Юлиану словно ударили под дых. Она ожидала чего угодно: издевок, избиения, насилия, но не убийства! В эту минуту она отчетливо поняла, что вынесенный ее подруге Жнецом приговор неотвратим, и если она ничего не сделает, то Тори обречена. Собрав все силы, она всем телом наваливаясь на державшую пистолет жилистую руку Карминского и попыталась вырвать оружие из его пальцев. Он на удивление легко отшвырнул ее от себя, и в следующее мгновение слепящая боль от тяжелого удара по голове заставила ее на несколько мгновений

потеряться во времени и пространстве.

Когда она снова обрела способность соображать, то поняла, что лежит щекой на покрытом ковровом полу, а ее руки чем-то крепко перетянуты. Она подняла голову и увидела, что к ней направляется светившийся блаженной улыбкой Дмитрий. Тори пятилась от двух других наступающих на нее парней.

Юлиана неловко поднялась с пола, с испугом глядя на подходившего к ней студента.

— Ты спрашивала, верю ли я тебе, — услышала она позади себя голос Жнеца, — и я отвечу — да! Верю на все сто процентов! Потому что после сегодняшнего вечера ты сама не захочешь ни любовных отношений, ни дружбы — ничего! Надеюсь, что жить ты тоже не захочешь, и я наконец избавлюсь от тебя. А если захочешь — тоже не беда! Тогда я сделаю из тебя идеального инкатора. Это для меня вопрос чести. Итак, все действующие лица готовы, переходим непосредственно к действию!

Он вышел на середину комнаты и, словно дирижер, взмахнул руками.

— Коротко расскажу сюжет нашей пьесы. Вам, леди, — обратился он к плачущей от безысходности Блэр, — в ней отводится главная роль. Эти не слишком порядочные и еще менее человечные молодые люди будут помогать вам. Что касается вас, моя будущая коллега, то вам, учитывая ваше привилегированное положение, достается роль наблюдателя. Впрочем, как и мне. Надеюсь, вам доставит удовольствие моя маленькая постановка. Сразу предупреждаю всех участников этой драмы — не вздумайте дурить! Стрелять буду без предупреждения. — Он обвел всех тяжелым взглядом и продолжил: — А теперь я, как хороший режиссер, объясню вам ваши роли. Но сначала хочу сделать небольшой экскурс в прошлое наших милых мальчиков. Этим летом они, допившись до беспамятства, возвращались с вечеринки на автомобиле мистера Кэйна и по дороге сбили девушку. Они нашли ее весьма миловидной и, вместо того, чтобы доставить ее в больницу, решили немного позабавиться с ней. Но слегка перестарались, и бедняжка умерла. Ну что поделаешь, бывает! Человеческий организм не все может выдержать, правда, парни?

Кэйн хихикнул и облизнул испачканный в порошке палец.

— Совершенно случайно мне стали известны обстоятельства гибели бедной девушки — а она и правда была бедна, к тому же сирота. До нее никому не было дела, поэтому полиция не слишком старалась найти виновников этого происшествия. Так получилось, что я стал единственным хранителем тайны этих повес.

Карминский подошел к боявшейся пошевелиться Виктории и заправил ей за ухо выбившуюся из прически прядь.

— Я передаю вас в опытные руки, мисс Блэр! Вы должны ценить это. И так как я не могу причинить вреда нашей маленькой герцогине, то предназначенную ей долю мучений тоже перенесете вы, — потрепав девушку по плечу, оповестил он. — Это же так подружески — делить на двоих радости и горести!

Из широко раскрытых от страха глаз Виктории покатались крупные слезы.

— Ну, не плачьте! — нежно вытирая слезы с ее лица шелковым платком, проворковал инкатор и кивнул на нетерпеливо переминающихся в ожидании его приказов студентов. — Приберегите свои слезы для них! Ребятки, она ваша! Можете делать с ней все, что только захотите!

Несмотря на разрешение Карминского, парни все же не решались начинать.

— Эх, да что ж за поколение? — с досадой вздохнул он. — Разве так должны вести себя мужчины в присутствии красивых девушек? Идите и воплотите в жизнь свои самые

извращенные фантазии!

Повторять команду ему не пришлось: в следующую минуту разгоряченные пентакрином студенты сорвали с закричавшей Виктории одежду и отволокли ее на диван. Юлиана рванулась к отчаянно отбивавшейся от насильников подруге, но Жнец удержал ее. Он оказался поразительно сильным для человека своего возраста и телосложения. Извернувшись, девушка изо всех сил укусила его за плечо. Ответная увесистая оплеуха чуть не свернула ей шею.

— Пожалуйста, смилуйтесь, — рыдая, взмолилась она. — Отпустите Вики! Она ведь совершенно ни в чем не виновата! Терзайте меня, убейте меня — все равно никто об этом не узнает, даже король! Вы ведь ненавидите меня, а не ее, на мне и вымещайте свою ненависть!

Крик Тори нарастал, сводя Юлиану с ума.

— Боже, как можно быть таким жестоким? — пытаюсь вырваться, в отчаянии прокричала она. — Отпустите ее! Отпустите!!!

В эту минуту в дверь дома снова требовательно забарабанили.

— Да что ж за день такой?! — возмутился раздосадованный очередным вторжением Жнец.

— Немедленно открывайте, или я сейчас выломаю дверь! — прокричал с улицы взрослый мужской голос.

— Хорошо, мы тебе откроем! — сквозь зубы процедил инкатор и резко разжал удерживающие Юлиану руки. Не удержав равновесия, она упала на пол и стала громко звать на помощь.

Жнец подошел к одному из насильников и, отвесив ему звонкую оплеуху, оторвал от распластанной на диване жертвы.

— Иди открой!

— Отстань! — оттолкнул его плохо соображающий от дурмана Тим и снова потянулся к Тори.

Чтобы привести его в чувство, инкатор несколько раз ударил его по лицу, а потом брызнул ему в нос каким-то спреем.

Раздался мощный удар в дверь. По-видимому, ее пытались выломать.

— Живо к двери! — ткнув студенту в лицо пистолетом, приказал Карминский.

— Я?.. Почему я? — растерянно спросил толком не соображающий Тим. — Зачем нам кому-то открывать дверь? И почему вы сами не можете открыть?

— Потому что я не знаю, сколько человек меня могут увидеть, болван! Иди и пригласи его в дом!

Тим сделал шаг к двери, но потом вспомнил, что он совсем голый, и стал подбирать с пола разбросанную одежду.

— Можешь не одеваться — нет разницы в каком виде он тебя увидит! — пробурчал Жнец.

Дверь дрогнула еще от одного мощного удара, и он швырнул парня к ней. Тот без препирательств отпер замок и лицом к лицу оказался с приготовившимся к новому разбегу университетским охранником Мэттом Сайленсом.

Увидев голого юношу, Мэтт остановился, как вкопанный. Его глаза медленно прошли по обнаженным гениталиям студента, ненадолго замерли на его сильно расширенных зрачках, а потом переместились к нему за плечо, где два смутно знакомых ему парня с упоением насиловали девушку. На несколько мгновений взгляд охранника словно примерз к

искаженному страданием лицу красавицы, а потом его ноздри раздулись от гнева.

— Что у вас тут происходит? — заорал он. — Немедленно отпустите ее, ублюдки!

Одурманенные наркотиком и похотью насильники даже не повернули к нему голов, продолжая терзать свою несчастную жертву.

— Помогите! Пожалуйста, помогите нам! — бросаясь к нему, закричала Юлиана. — Ради Бога, спасите нас!

Узнав протеже короля, охранник открыл от изумления рот.

— Герцогиня?.. Вы тоже здесь?..

Его взгляд опустился к ее связанным скотчем рукам, и он охнул.

— Сейчас я вам помогу!

Он выхватил из-за пояса рацию и быстро проговорил в нее:

— Это Сайленс! Срочно! Нужна помощь у дома Карминского!

Почувствовав скорое освобождение себя и своей несчастной подруги, Юлиана упала на колени и зарыдала от облегчения. Похожий на зомби Тим тупо стоял у двери, бессмысленно глядя в стену.

Сайленс вбежал в дом, чтобы прекратить мучения Виктории, но тут его ожидало новое потрясение: прямо перед ним стоял якобы находившийся в отъезде инкатор.

— Впечатляющее зрелище, правда? — ухмыльнулся тот. — А представьте на месте мисс Блэр двух ваших сестричек-близняшек. Им пришлось бы здесь куда хуже, чем взрослой девушке!

В голове Мэтта зашумело.

— Откуда вы знаете, что у меня есть сестры? — только и сумел выговорить он.

Карминский растянул губы в кривой усмешке:

— Милый вы мой! Я знаю все и про всех: работа у меня такая! Я знаю не только про ваших сестреноч, но и про то, что ваша мать надыхаться на них не может. А еще, что у нее слабое сердце... Как думаете, она выдержит, увидев изуродованные трупки своих дочерей?

Сайленс попытался что-то сказать, но из его горла вылетали только нечленораздельные звуки.

— Что вы так разволновались? — с фальшивой заботой спросил Жнец. — Это всего лишь предположение, а в реальности ничего подобного с ними не случится! Забудьте все, что сейчас видели, а я забуду о ваших сестрах...

Мэтт еще раз глянул в урчащих от удовольствия живодеров, потом сжал зубы и кивнул.

— Своим друзьям скажете, что в мой дом пыталась вломиться кучка пьяных подростков, — подсказал ему Карминский, — но вы прогнали их.

— Да, милорд... Я видел здесь кучку пьяных подростков и прогнал их... — глотая слезы, повторил его слова Сайленс.

Юлиане показалось, что земля сейчас разверзнется и поглотит этого малодушного человека, на заступничество которого она так надеялась.

— Нет! Вы не можете с нами так поступить! — выкрикнула она. — Посмотрите, что эти звери творят с моей подругой! Посмотрите, как ей больно! Вы хотите, чтобы они совсем растерзали ее? Разве вы сможете спокойно после этого жить?! Разве в ваших ушах не будут вечно раздаваться крики истязаемой девушки?!

Угол глаза Мэтта задергался. Он уткнулся глазами в пол, не находя в себе смелости посмотреть Юлиане в глаза.

— Простите меня, госпожа Делайн, но я не могу ее спасти! Моя мама не вынесет, если с

моими сестренками произойдет беда, а я не вынесу ее смерти. Я не хочу, чтобы вся моя семья погибла, миледи! Простите! Простите меня, если сможете, но я не могу помочь вам и мисс Блэр!

Путаясь в складках платья, она бросилась перед ним на колени:

— Умоляю, не лгите тем, кто идет вам на подмогу! Жизнь Тори в ваших руках! Сохраните ее, ведь вы можете это сделать!

— Может, — согласился с ней инкатор, — но не станет. Потому что своя рубашка ближе к телу. Не стоит его за это осуждать! Каждый вправе защищать своих близких всеми доступными ему способами! Почему же он должен жертвовать своей семьей ради малознакомой ему студентки?

Девушка не знала, что ему ответить. Бездна надежды сковала ее тело, а ум был готов погрузиться во мрак. Несчастливая Тори потеряла сознание и пока не чувствовала ни боли, ни страха.

Инкатор кивнул на ссутулившегося под грузом вины охранника.

— Он привязан к своим родным, Юлиана, а значит, беспомощен. Увы, в нашем мире нет ничего ужасней и разрушительней привязанностей. Они лишают нас сил к сопротивлению, заставляют идти на сделки с совестью, ведут к самопожертвованию. Смотри — под их грузом сильный мужчина, который всем сердцем хочет помочь вам, не смеет сделать этого! Он готов допустить любое беззаконие, только бы уберечь свою семью от беды!

Рация Сайленса захрипела, а потом раздался прерываемый помехами взволнованный голос его напарника.

— Мэтт! Мэтт, ты меня слышишь? Мы скоро будем у тебя. Мэтт, чего молчишь? С тобой все в порядке?

— Не молчите, ответьте им! — посоветовал Карминский. — Не стоит заставлять своих друзей волноваться!

Проглотив комок, Сайленс потянулся к рации и ответил:

— Все хорошо. Несколько студентов укурились и пытались взломать замок. Я прогнал их.

— Совсем детки оборзели! — поразился его собеседник. — Подожди, сейчас подойдем к дому.

Юлиана снова воспряла духом: своими угрозами Карминскому удалось запугать Мэтта, но не сможет же он закрыть рот одновременно всем охранникам! Как бы могуществен он ни был, не все люди идут на сделки с совестью даже перед лицом опасности. Нужно упираться на то, что Карминский идет наперекор королю, может хоть это сработает!

За неплотно закрытой дверью раздался шум шагов и возбужденные голоса приближающихся к дому мужчин.

— Иди и уведи их подальше отсюда! — приказал Сайленсу инкатор. — И если мне еще хоть кто-нибудь помешает, то можешь попрощаться со своими сестричками!

Понимая, что Мэтт безоговорочно выполнит его наставления, и малейшее промедление с ее стороны закончится гибелью Виктории, Юлиана бросилась на улицу — звать на помощь всех, кого встретит на своем пути. Но выбежать из дома она не успела: Карминский втащил ее обратно и сильно передавил ей горло, не давая возможности дышать. Она задергалась в его руках, борясь с ним хоть за крошечный глоточек воздуха, но силы были слишком неравными. В ее грудной клетке разливалась жгучая боль, перед глазами плыли красные

круги. Теряя сознание, она слышала, как Сайленс рассказывает подошедшим охранникам придуманную Карминским версию происшествия.

Очнулась она от душераздирающего крика Виктории. Его тут же оборвали, зажав девушке рот, и он перешел в полный безумной муки стон.

Юлиана с трудом повернулась на полу. Ее плечи и обмотанные скотчем запястья ломило, все тело сотрясала крупная, походившая на судороги дрожь. Душевная боль, и без того абсолютно непереносимая, нарастала с каждым новым стоном Тори. Разум грозил вот-вот перешагнуть грань безумия. Подняв голову как можно выше, девушка обрушила ее на пол. Потом еще и еще раз.

— На колени, — издевательски спокойно проговорил над ней Жнец. — Умоляй меня и, может быть, я сохраню ей жизнь.

В сердце девушки затеплился робкий лучик надежды. Она встала на колени и с жаром стала заклинать его пощадить Викторию, давая ему все мыслимые и немыслимые обещания. Некоторое время он наслаждался ее унижением, а потом сухим неприятным голосом прокаркал:

— Вот и пришла пора для первого урока, который ты сегодня должна усвоить, Юлиана. Помнишь, ты как-то говорила мне, что никогда не станешь передо мной унижаться и умолять меня о чем-то? Вижу, помнишь! И что теперь? Ты сломлена, как и Сайленс, и коленопреклоненно пресмыкаешься, упрашивая меня оставить жизнь этой никчемной вертихвостке! А знаешь, почему так происходит? Потому что ты привязалась к этой девчонке, прикипела к ней всей душой! А зря. Этого нельзя допускать ни в коем случае! Ведь привязанности делают нас такими уязвимыми, Юлиана... — Он сел возле нее на корточки и с издевательской лаской провел по ее слипшимся от слез волосам. — Если у тебя нет друзей или близких, то на тебя очень трудно воздействовать. Если ты никого не любишь, то ты практически неуязвима. Да, тебя могут убить, похитить, причинить тебе боль. Но это ничто в сравнении с тем, когда причиняют боль тем, кто тебе очень дорог. Поэтому никогда, слышишь, никогда не подвергай себя опасности, отдавая кому-то свое сердце! Иначе тобой будет очень легко манипулировать, угрожая предмету твоего обожания. Ты и так счастливица — у тебя нет любящей семьи. Радуйся этому и никогда не создавай собственную! Не заводи друзей. Людей надо использовать в своих целях, но ни в коем случае не любить их! — Он насильно повернул голову девушки, заставляя ее смотреть, как насиляют ее истекающую кровью от разрывов наперсницу. — Смотри, как эти подонки используют твою подружку! Они не любят ее. Но разве они не получают при этом удовольствия? Получают, да еще какое! Она беспомощна и подчинена им, и это их безумно заводит! Посмотри, они похожи на зверей! Думаешь, из-за пентакрина? Они приняли его совсем немного. Так, расслабиться... Их опьяняет осознание своего превосходства, возможность распоряжаться чужой жизнью. Власть над другими дает неопишное, ни с чем не сравнимое чувство блаженства! Это самый сильный наркотик, поверь мне на слово, Юлиана! А власти у тебя будет много, очень много! И дружба в сравнении с ней — ничто!

— Будьте вы прокляты со своей властью! — прокричала она, изнемогая от невозможности помочь гибнущей Тори и страшнейшего чувства вины перед ней.

У нее вдруг началась кошмарная истерика, и она стала выкрикивать проклятья в адрес ее палача и Бога, допустившего такой беспредел. Так продолжалось, пока она не сорвала голос, а Карминский все удерживал ее, заставляя смотреть на происходящее зверство. Наконец судьба ненадолго сжалилась над ней, и девушка лишилась чувств.

Она пришла в себя от льющей ей на лицо холодной воды. Голова раскалывалась от боли, горло сильно саднило. С трудом опираясь на связанные руки, Юлиана села на пол. В полной густых животных запахах комнате было почти тихо, криков больше не было. Слышалось только сопение и глупое мужское хихиканье. Она не сразу заметила валяющееся на полу истерзанное тело Виктории, выглядевшее точь-в-точь, как в ее ставшим явью кошмаре.

— Это было круто! — заявил Карминскому Кэйн. — Гораздо лучше, чем в первый раз! У вас еще есть кто-нибудь на примете, милорд?

— Тебе понравился секс, дорогая? — игнорируя его вопрос, спросил ученицу инкатор, снова убирая прилипшие к ее глазам мокрые прядки. — Хочешь в нем поучаствовать? Мальчики еще не насытились.

Юлиана отдернулась от него и затравленно посмотрела на раздевавшего ее глазами Кэйна.

— Нет? — деланно изумился Жнец. — Странно! Ты ведь раньше этого хотела! Например, когда встречалась с Вэнсом! Ты ведь не будешь отрицать, что позволяла ему целовать себя? Не нужно, ведь я прекрасно знаю подробности каждой вашей встречи — у него от меня секретов никогда не было! — Он усмехнулся, увидев как она зажмурилась от снова обжегшей ее боли предательства. — Обычно подростки мечтают испробовать запретный плод, и я тебе сам его предлагаю! Ну же, смотри сколько парней тебя хочет! Пользуйся возможностью, пока даю!

Он потянул ее вверх, но она забилась в его руках, как пойманная в силки птица.

— Ну не хочешь — не надо, — миролюбиво согласился Карминский. — Подожди немножко, сейчас я рассчитаюсь со своими помощниками за услугу и отпущу тебя домой. Там сейчас хорошо, да и спать никто не будет мешать. Ты теперь снова будешь жить в своих апартаментах одна, как королева!

Тело измученной девушки затряслось от беззвучных рыданий.

— Бедненькая моя, настрадалась, — поцеловал ее в макушку Жнец. — Потерпи еще минутку, ведь у нас пришло время для следующего урока!

Он с удовлетворением отметил мелькнувшую в ее глазах панику. Оставив ее сидеть на полу, он подошел к телу Виктории и поддел ее безжизненную руку носком туфли. Рука с глухим стуком ударилась об пол.

— Безобразие какое! Вы ее что, до смерти затрахали? — напустился он на насильников.

— Кэйн слишком задержался в ее горле, — с глупым смешком ответил ему Дмитрий.

— Свинство какое! Что я теперь скажу ее родителям и ректору? Кто-то из вас должен за это ответить!

— Но ведь вы сами нам велели это сделать! — непонимающе воскликнул Тим.

Карминский всем телом развернулся к наглецу:

— Я?! — выпучив глаза, воскликнул он. — Да ты спятил, милейший! Я только что вернулся из поездки и увидел в своем доме следы студенческой оргии со смертельным исходом! А это что? — он с деланным ужасом поддел кончиком пальца пакет с наркотиками. — Да вы еще и наркоманы?! Теперь мне все ясно: вы каким-то образом пробрались в мой дом... Ах, вы разбили стекло? Теперь понятно, как вы сюда забрались! Конечно, мой дом на отшибе, я сам в отъезде. Решили, что здесь можно безнаказанно творить что угодно? Нет, голубчики, ошибаетесь! Я сейчас же вызову полицию, а Юлиана подтвердит каждое мое слово. Правда, детка? — держа заволновавшихся парней под

прицелом, спросил Карминский.

— Ни за что! — прохрипела девушка.

— Никогда не говори никогда, — хмыкнул Жнец. — И не играй больше со мной в такие игры — все равно проиграешь. Подтвердишь, как миленькая.

Трепеща, она стала гадать, что же за карту он разыграет на этот раз. Она даже не сомневалась, что его способ убедить ее дать полиции ложные показания может оказаться весьма действенным. Так и оказалось.

— Ты не забыла, моя строптивица, что у Блэр, так бессовестно бросившую тебя на этом свете терзаться муками совести — а умерла она в страданиях именно из-за тебя! — остались родители и маленький братик. Им еще Тори оплакивать, а ты хочешь лишить их еще и сына? Ты ведь умная девочка. Все схватываешь на лету, и уже поняла, что я смету на своем пути всех. А если тебе будет мало братика, то ее мамочка и папочка отправятся туда же следом за детками. А ведь есть еще Линетт, Майкл, Нео, и... как ее там... а, Вал, за которую ты сдавала экзамен. Да при желании еще дюжину приятелей можно будет наскрести! Или ты полагаешь, что сможешь уберечь их от меня? — весело спросил он. — Хотя, почему бы и нет? Попробуй! Возьми еще один — или не один, — грех убийства на свою неокрепшую душу. Меня это только развлечет. Ну что, подтвердишь мою версию этого происшествия?

Юлиана бессильно опустила голову.

— Молчание — знак согласия, — решил инкатор, ни на секунду не спуская глаз с настороженно наблюдавших за оружием в его руках студентов. — Будем считать, что договорились. А вот вас, малолетние преступники, я всех на эшафот отправлю! Это же надо: воспользоваться моим именем и заманить бедных девочек ко мне в дом! Да я чуть инфаркт не получил, обнаружив у себя в доме труп одной из них и связанную другую! Признавайтесь, как все было, живо! — тыча пистолетом Тиму в висок, прикрикнул он.

Тот ошалело захлопал глазами, не зная, что на это можно сказать.

— Что молчишь? Наркотики совсем мозг затуманили? — грозно рыкнул Карминский. Он мотнул дулом в сторону голых парней, и те испуганно вжались в диван.

— Ужас! Куда катится этот мир, если невинных девочек насилуют и убивают их же соученики прямо на территории университета! — сокрушенно проговорил Жнец. — Чертовы наркоманы! Кто вам принес дурь, у?

Его свирепый взгляд заставил насильников задрожать.

— Молчите? Ладно, сам догадаюсь! Сегодня ко многим из вас приезжали родители. Значит, это сделал кто-то из них. Кэйн, это был твой отец? Ты знаешь, что за такой страшный проступок его посадят в тюрьму?

— Нет, мой папа ни при чем! — проныл тот.

— Я не верю тебе, Кэйн! Ведь кто-то принес эти наркотики, а из вас троих родители навещали сегодня только тебя! Или это была твоя мать?

— Нет! — воскликнул студент. — Маму не трогайте!

— Почему? Ведь мой долг найти виновника этого чудовищного преступления! — пнув ногой труп Виктории, сказал инкатор. — Хотя ладно, пристрели кого-нибудь из своих дружков, и мы все свалим на него. Согласен? Ведь родители тебе дороже этих обкумаренных ублюдков, которые к тому же слишком много знают о тебе. Ну?

Бросая на приятелей опасливые взгляды, Кэйн быстро соскочил с дивана, подбежал к ставившему этот кошмарный спектакль режиссеру и протянул руку за пистолетом. Насильники побледнели. Юлиана обвела равнодушным взглядом их перекошенные от страха

лица и опустила его на поруганное тело задохнувшейся Виктории.

— Хороший мальчик, — похвалил Кэйна Карминский и приставил пистолет к его голове. — Да ты не дергайся, я тебя не обижу! Просто подстраховываюсь, чтобы ты глупостей не наделал. — Он достал из кармана второй пистолет и протянул его парню. — Держи пушку. Кого будем убивать?

Студент облизнул пересохшие губы и замер в нерешительности, не зная кого выбрать. Сперва он прицелился в Тима. Даже с расстояния двух метров ему было отчетливо видно, как вздыбился каждый волосок на его голом теле, а рот приоткрылся в невыплеснутом крике. Он перевел ствол на Дмитрия и нервно хихикнул, глядя насколько сжалась у него мошонка.

— А давай, ты убьешь их обоих? — предложил ему Жнец. — Хотя нет, так будет неинтересно!

Подтащив парня к батарее, он забрал у него пистолет и защелкнул на его руке закрепленные на трубе наручники. Кэйн истерично запротестовал, и инкатор успокаивающе похлопал его по плечу.

— Тихо, тихо! Чего ты разорался? Все ведь хорошо! Просто посиди минутку, я сейчас вернусь!

Карминский озорно подмигнул отупевшей до безразличия девушке.

— Юлиана, ты еще не передумала насчет развлечься, пока они живые? — снова предложил он. — Глянь, какие они смазливенькие! А может, ты хочешь сама вышибить им мозги за убийство своей подружки? Давай, отведи душу!

Ее пустой взгляд разочаровал его, и он снова переключился на парней. Не опуская своего оружия, он бросил на диван второй пистолет.

— Тут одна пуля, — сообщил он, с презрением глядя на всхлипывающего Тима. — Кто из вас первый прикончит другого, тот выживет и вернется домой. Если на счет три не услышу выстрела — вышибу мозги обоим! Раз, — начался отсчет, — два, три!

На счет два Дмитрий схватил пистолет и выстрелил, попав Тиму в глаз. Заорав от содеянного, он отшвырнул оружие и спрыгнул с дивана, выпученными глазами глядя на медленно заваливающееся на бок тело.

Перемешанная с мозгами кровь забрызгала диван. Кэйн заскулил, пытаясь освободиться от удерживающего его наручника.

— Теперь этого! — махнул дулом в его сторону Карминский. — Быстро! Нам не нужны свидетели!

— Вы же сказали, что пуля одна!

— Ну, оговорился! В моем возрасте и не такое бывает!

— Я не могу! — отшвыривая от себя пистолет, завопил парень, а затем обессиленно рухнул на колени. — Не могу! — завыл он. — Они мои друзья!

Прогревший рядом с ним выстрел выбил кусок деревянной обшивки стены и привел парня в чувство. Теперь Юлиане было почти жаль насильников. И она, и они были просто беспомощными марионетками в руках Жнеца, и послушно исполняли свои роли, стоило ему потянуть за ниточку.

— Или ты, или тебя!

От их кукловода повеяло такой угрозой, что Дмитрий быстро кивнул. Не в состоянии встать на ноги, он, не переставая подвывать, пополз к пистолету на четвереньках. Карминский стал у него за спиной, целясь ему в затылок.

Понимая, что пришло его время умирать, Кэйн заверещал и свободной рукой подтащил

к себе стоявший неподалеку стеклянный столик, пытаюсь спрятаться за ним.

— Ты же не убьешь меня, брат? — голосил он, скрючиваясь за ненадежной преградой из стекла. — Вспомни, как мы клялись защищать друг друга! Мы ведь росли вместе почти с пеленок! Ты ведь не станешь этого делать, правда? Я же твой друг! Помнишь — друг! А- а...!!!

Инкатор присел на корточки рядом Дмитрием и приторно мягким голосом повторил:

— Или убьешь ты, или убьют тебя! Третьего не дано.

Он взял его трясущуюся руку с револьвером в свою и направил ствол на корчившегося от страха Кэйна. Но и через полминуты выстрел не раздался. Карминский разочарованно вздохнул:

— Слабак! Кэйн, он мне не нравится, — обратился он к прикованному. — Купи себе жизнь, убив его!

В глазах насильника мелькнул проблеск надежды.

— А вы не обманете меня? — громко шмурыгая носом, спросил он.

— Не попробуешь — не узнаешь. Зато у тебя будет какой-никакой, но все же шанс спастись!

Кэйн решительно откинул стол и протянул к Карминскому руку.

— Давайте пистолет!

— Предатель! — взвыл Дмитрий и в ту же секунду и разрядил в него всю обойму. Он нажимал на курок снова и снова, пока инкатор не вырвал оружие из его одеревеневших пальцев.

Уже ничего не соображающий, убийца застыл как кукла, тупо таращась на мертвого друга. Жнец перезарядил оружие и снова вложил ему в руку пистолет. Прижав его к виску парня, он нажал его пальцами на спусковой крючок. Последний из находившихся в комнате насильников окончил свое земное существование.

— Вот и все, а ты боялась! — отталкивая от себя его тело, заулыбался Карминский. Он поднял податливую как пластилин Юлиану с пола и усадил к себе на колени. — Ублюдки перестреляли друг друга. Как думаешь, из-за чего они это сделали? — словно размышляя вслух, спросил он. — Может, их замучила совесть, или они что-то не поделили? А может, просто ничего не соображали от наркотиков? Как думаете, коллега, какой вариант выберет полиция? — Он повернул лицо девушки к себе, желая убедиться, что она еще в своем уме и слушает его. — Все молчишь? Нудно с тобой, безотраднo! — посетовал он и пересадил ее на другое кресло.

— Вот так получше будет. Негоже учителю держать ученицу на руках во время урока. Я думаю, ты уже поняла, в чем он заключался: когда происходит столкновение интересов, жертвы неизбежны. Видела, как вели себя в этой ситуации сопляки? Они были готовы пойти по трупам — причем в буквальном смысле, — чтобы остаться жить. И это совершенно правильная, рациональная реакция. Никакого дурацкого самопожертвования, никаких соплей. Бац, — он щелкнул пальцами, — и тот, кто угрожает тебе — бездыханное тело! Ну под конец, признаться, Дмитрий разочаровал меня своими братскими чувствами. Впрочем, он еще совсем зеленый, что с него возьмешь? Зато с Тимом порадовал. Эти трое уже усвоили мой урок, правда, посмертно. Теперь его должна усвоить ты. Крепко усвоить: либо ты, либо тебя. А если противник могущественнее, то ты должна приложить в десять раз больше усилий, чтобы уничтожить его первой. Запомнила?

Она по-прежнему молчала. Инкатор подошел к креслу и сильно встряхнул ее, возвращая

осмысленность ее блуждающему по четырем трупам взгляду.

— Я спрашиваю: ты запомнила? — повысил голос он.

Юлиана оторвалась от созерцания медленно соскальзывающих по обивке мозгов.

— Не сомневайтесь, — подтвердила она. — Как и ваш третий урок — лицемерие. Я даже не догадывалась, что вы настолько мастерски владеете им.

— О! Это настоящее искусство, без которого в жизни никак! — заулыбался инкатор. — Люди глупы, грубы, жестоки и думают только о себе. Если ты хочешь чего-нибудь добиться от человека и не можешь применить к нему силу — стань для него на время хорошей. Дай ему то, что он хочет! А потом раздави его!

Такая жизненная философия была чужда Юлиане. Она с содроганием подумала во что превратится ее учеба теперь, когда все маски сброшены? Ее взгляд был так красноречив, что тот, кому он был адресован, зашелся в приступе отвратительного скрипучего смеха:

— Представлю, как ты сейчас мечтаешь меня убить. Но нет, такого счастья тебе не светит.

— Почему вы так уверены в этом?

— Я предвидел, что ты захочешь мне отомстить, и подготовился. Видишь, я не склонен считать тебя безобидной, можешь этим гордиться! Пока ты болела своим сердечно-коленным синдромом, я вырыл ямы каждому из небезразличных тебе людей. И они в них упадут, как только ты пойдешь мне наперекор. Например, наябедничаешь на меня королю. Про семью Блэр я тебе уже говорил, не буду повторяться. Валерия упадет с лестницы и сломает себе шею, из-за чего всю жизнь будет обузой для себя и других, не имея возможности даже пошевелиться. Может быть, в конце концов кто-то из родственников не выдержит и придавит ее подушкой, освобождая от страданий. Майкл сядет в тюрьму за организацию в университете притона, а Линнет, скорее всего, падет жертвой криминального аборта. Нео станет наркоманкой. Продолжать? Я тут составил списочек твоих знакомых. Небольшой, человек на тридцать... Даже если я вдруг умру, мои подручные доведут дело до конца.

Юлиана резко оборвала его:

— Хватит! Достаточно! Я все поняла! Я не буду ничего предпринимать! До тех пор, пока не придумаю, как мне обезопасить своих друзей. Я усвоила ваши уроки, усвойте и вы мой: зло должно быть наказано, а вы — зло во плоти! Я отомщу за Тори, чего бы это мне не стоило! Не знаю когда и как, но я это сделаю!

— Здорово! — обрадовался Карминский. — Ничего другого я и не ожидал! Ничто так не стимулирует ум и изобретательность, как лютая ненависть! Мне нравится твоя решимость! Это придаст моей жизни пикантность, которой мне так не хватает после того, как я стал твоей нянькой. Опасность чертовски заводит меня!

— Я подметила это, когда вы бросили на диван заряженный пистолет. А если бы Дмитрий не сглупил и убил бы вас, а не друга? Я бы на его месте поступила именно так!

— Нет, — категорически отмел такой вариант Карминский, — он бы не посмел! К тому же он тогда и думать-то не мог. Мало того, что мозгами не вышел, да еще и труслив был, как мышь. Такие слюнтяи способны набрасываться только на беззащитных. В любом случае, я был готов рискнуть. Иначе ты бы не получила такой наглядной демонстрации моего второго постулата. Я самоотверженный учитель, правда? К сожалению, недостаточно хороший. Ведь первый мой урок ты так и не усвоила, — пожурил он девушку. — Отказываешь себе в удовольствии расквитаться со мной опять-таки из-за своих чертовых привязанностей!

Наплюй на них!

Он протянул ей ствол.

— Возьми пистолет и пристрели меня! Одним выстрелом ты отомстишь за свою никчемную подружку и избавишься от меня. Да не глупи! Сделай, что хочется!

Девушка как зачарованная смотрела на револьвер, а он терпеливо ждал. Близость оружия будила самые жестокие ее инстинкты, опьяняла возможностью убить того, кого ненавидела сверх всякой меры. Руки умоляли мозг позволить им взять оружие, но тот понимал, что он не вправе рисковать чужими судьбами.

— Какая же ты слабачка! Что такое несколько десятков человек в сравнении с возможностью расквитаться со своим врагом за все? — искушал ее инкатор. — Я избавляюсь от неудобных мне людей не то что десятками — сотнями. И меня не мучают сожаления и угрызения совести. И тебя они тоже скоро не будут мучить, увидишь!

Девушка с негодованием оттолкнула от себя ствол.

— Уберите его, он мне не нужен! — просипела она. — Вы обещали отпустить меня домой. Или это была шутка?

— Ну что ты, горе мое! Чистая правда! Сейчас вызовем полицию, ты ей подтвердишь мой рассказ и уйдешь домой. Да, если не будешь знать что отвечать, всегда можешь сослаться на то, что впала в беспамятство, ясно? Девушкам это даже к лицу. Ты готова?

Сжав зубы, Юлиана кивнула.

Жнец вызвал полицию, вкратце обрисовав случившуюся у него дома трагедию. После этого он переобулся в ботинки одного из убитых и вышел на улицу. Буквально через минуту Делайн дернулась от резкого звука выбитого им снаружи стекла. Тщательно сбив ботинком торчащие края, Жнец вернулся в дом. Поочередно подтащив трупы к окну, он оставил их отпечатки пальцев на подоконнике и шпингалетах. Потом небольшим топориком сломал верхний ящик своего стола, не забыв после этого приложить к топорищу пальцы Тима. Открыв несколько шкафчиков, он расшвырял их содержимое, будто кто-то рылся в них.

— Это так, на всякий случай, — прокомментировал он. — Докапываться до мелочей все равно никто не будет. Скорей всего, нам просто поверят на слово. Не самоубийцы же они связываться со мной! А теперь давай я освобожу твои ручки, куколка.

Взяв нож, Карминский резанул по пластику. Девушка пошевелила затекшими кистями, разгоняя кровь.

Он достал из шкафа бутылку вермута и предложил ей.

— Хочешь? — спросил он. Она мотнула головой. — Зря, расслабляет. И никто тебя за это не пожурит. Ну ладно, давай тогда я приготовлю тебе чай? Согласись, будет странно, что обнаружив у себя дома напуганную до смерти девушку, я не сделал ровным счетом ничего, чтобы привести ее в нормальное состояние. Не выставляй меня перед людьми нерадушным хозяином! — пробурчал Жнец, добавляя последние штрихи в подготовленные для полиции декорации.

От чая Юлиана тоже отказалась и до приезда полицейских пребывала в полузабытьи, невидящим взглядом уткнувшись в засыпанный пентакрином стол.

Служители правопорядка были шокированы увиденной бойней. Люди вокруг нее суетились, что-то измеряли и много-много фотографировали. Краем уха девушка слышала, как Карминский сокрушается из-за того, что его оружие было заперто не в сейфе, а всего лишь в ящичке стола. Один из следователей стал задавать ей вопросы, но она не реагировала на них. Вернее, отвечала мысленно, но слова не срывались с ее губ, и взгляд тоже не менял

своего положения.

Человек в белом халате посветил ей в глаза небольшим фонариком, заставив вяло моргнуть, потом чьи-то руки подхватили ее и отнесли в машину скорой помощи. По пути в больницу ей что-то вкололи в плечо, и забвение по-матерински распахнуло ей свои умиротворяющие объятия. Но пробуждение оказалось не таким приятным. Первым, что она увидела, открыв глаза, было лицо ее мучителя. Он сидел на ее кровати и с хрустом грыз сочное зеленое яблоко.

— О, наша неженка очнулась! Вставай, давай! А то уже сутки валяешься без дела, — попенял ей он. — То ножку подвернешь, то к наркоманам-насильникам попадешь. Тебе лишь бы не учиться, лентяйка! Вставай уже, я тебя забираю отсюда! Ты меня слышишь?

— Да, — с трудом выговорила Юлиана. В горле было сухо и шершаво и сильно хотелось пить.

— Прекрасно! И будь добра отвечать мне с первого раза, а то я начинаю сердиться! Если врачи скажут, что тебе рано выписываться, объясни им что хочешь домой, понятно? Если что, устрой им истерику, но убедил их, что в академии тебе будет лучше, чем здесь.

Карминский ушел за доктором, а она села на постели. Так отвратительно она себя еще не чувствовала. Голова гудела, горло и запястья саднили, а каждое движение давалось с трудом из-за невероятной слабости. Но ее душевные муки были неизмеримо страшнее. Память прорезал полный муки вопль Виктории, и она зажала себе уши.

— Нет! Не надо больше этого кошмара! Вики, родная, прости меня! — шепотом взмолилась она. — Как же мне теперь жить, когда я тебя убила?..

Входивший в палату врач заметил ее искаженное страданием лицо и прижатые к голове руки и стал яростно спорить со Жнецом, убеждая его не забирать девушку из больницы. Юлиана слушала их спор и едва сдерживала себя от униженной мольбы оставить ее здесь.

Эта уютная маленькая палата, с мягкой кроватью и спрятанными за матовыми плафонами лампочками, казалась ей самым лучшим местом на земле. Возвращаться в свой дом она панически боялась, словно там, в темноте и одиночестве, ее поджидал призрак Виктории.

Врач подсел к ней на кровать и взволнованно сказал:

— Миледи, вам ни в коем случае нельзя уезжать отсюда! Вы еще не оправились от потрясения, вам нужно стационарное лечение!

— Со мной все в порядке, — неуверенно заверила его Юлиана. Ее скрипучий, то грубый, то срывающийся на неприятный писк голос поверг врача в шок. Он обернулся к Жнецу.

— Милорд, вы слышите, как она говорит? — гневно спросил он. — У нее сорваны голосовые связки!

— А что вы хотите? — огрызнулся тот. — Над ними с подругой издевалась целая банда ублюдков! Естественно, она кричала!

— Ей нужна помощь фониатра, иначе она может навсегда потерять голос!

Девушка замерла от затеплившейся в ней надежды хоть ненадолго задержаться в больнице.

— Но ведь ее связками можно заняться и амбулаторно! — возразил врачу Жнец. — А если нужны какие-то процедуры, то я буду ежедневно привозить ее к вам. Или пусть врач приезжает к нам в академию — я оплачу вам все неудобства. Поймите, эта бедная девочка пережила жутчайшее потрясение, и если она считает, что ей будет лучше дома, то давайте

прислушаемся к ней! Там у нее много друзей, которые поддержат и отвлекут ее от тягостных мыслей, а здесь она будет совсем одна наедине со своими страхами!

Речь Карминского была пронизана такой заботой, что врач засомневался в правильности своей позиции.

— Доктор, скажу вам по секрету: я головой отвечаю королю за Юлиану. Неужели вы думаете, что я бы хоть чем-то рискнул навредить ей?

Слушая его, герцогиня поражалась, насколько мастерски он лжет. Прямо само участие и забота! И ведь внимающему ему доктору и в голову не приходит, что все это — чистой воды лицемерие.

Врач опустил голову, раздумывая как быть, и Юлиана съежилась от ясно читавшейся во взгляде инкатора молчаливой угрозы.

— Пожалуйста, доктор, здесь я чувствую себя совершенно несчастной и одинокой. А там мои друзья, мне с ними будет гораздо легче прийти в себя! — еле просипела она.

— Хорошо, как знаете! — сдался врач. — Это не тюрьма, и я не имею права удерживать вас, как бы мне этого ни хотелось!

Он подошел к шкафчику с лекарствами, отпер его и дал девушке пачку ампул.

— Это транквилизаторы. Передайте их вашему университетскому медработнику. Две инъекции в день. Одна утром, другая вечером. Сейчас это совершенно необходимо для восстановления вашей нервной системы.

Жнец подошел к Юлиане и прижал ее голову к своей груди.

— Не волнуйтесь, я лично это проконтролирую! — заверил он врача, а потом обратился к девушке. — Вот видишь, моя хорошая, а ты не верила, что доктор пойдет нам навстречу! Успокойся! Самое страшное уже позади. Ты выжила и сохранила рассудок, а это главное! Сейчас тебе все кажется черным, но поверь — душевные раны со временем затягиваются, и скоро у тебя все будет просто отлично! Ну что, милая, идем?

Юлиана краем глаза смотрела на белый халат доктора, мечтая в него вцепиться как в спасательный круг. Но возвращенная внутри нее инкатором марионетка снова послушно исполнила свою роль.

— С удовольствием!

Прощаясь с врачом, ей даже удалось выдавить из себя некое подобие улыбки. Потревоженные таким насилием мышцы лица свело, и ей стоило большого труда снова расслабить их, убирая похожую на оскал гримасу.

Без десяти девять вечера они вышли на холодную темную улицу. Шквальный ветер сбивал их с ног. За считанные секунды Юлиана продрогла. На ней все еще было то самое шелковое платье, что она надела на бал, а верхней одежды Карминский ей прихватить не удосужился. Следуя за своим кукловодом к машине, она спросила:

— Почему нельзя было оставить меня там хотя бы до утра?

— Потому что ты в бреду молола то, что никому нельзя было слышать! Я просидел с тобой как нянька целые сутки! И я чертовски устал отгонять персонал от тебя и твоих откровений!

Они подошли к автомобилю, и девушка быстро нырнула в теплый салон. Платье миглом отсырело и вместо того, чтобы согреть, холодно облипало кожу.

Едва машина выехала с территории больницы, инкатор забрал у Юлианы ампулы.

— И без них обойдешься! — уведомил он, вышвыривая их из окна в кусты на обочине дороги.

Герцогиня проводила их тоскливым взглядом, но смолчала.

— В универе не болтай о случившемся — тебе нужно беречь свою репутацию. О твоём участии в этом происшествии знает только полиция и несколько охранников, но они будут молчать.

Юлиана молча кивнула. В полной тишине они доехали до университетского городка. Высадив ее у дома, Карминский вручил ей ключ и поехал к себе. Машина давно скрылась из вида, а девушка все стояла у входа на пронизывающем ветру, не решаясь зайти внутрь. Когда холод стал совсем невыносимым, она трясущимися пальцами отомкнула входную дверь и вошла в дом. Внутри было сухо и тепло, но безумно страшно. Быстро нащупав выключатель, она зажгла свет и с дрожью огляделась. Никаких призраков в доме не оказалось. Все вокруг осталось так, как было накануне. Повсюду лежали вещи Виктории, которые никто не позаботился собрать и отправить ее родным. Горе навалилось на маленькую герцогиню с новой силой, и она, захлебываясь от жгучих слез, стала собирать в шкатулку рассыпанные подругой в спешке украшения.

Дом будил в ней столько болезненных воспоминаний, что она решила не оставаться в нем на ночь. Натянув плащ, вышла на улицу.

Обхватив себя руками, чтобы хоть немного унять дрожь, Юлиана медленно брела по усыпанным осенним золотом дорожкам и думала, куда ей податься. Можно было бы попроситься переночевать у девочек, но теперь она панически боялась приближаться хоть к кому-то из них. Дружбу с ними, да и со всеми остальными, ей придется прекратить, чтобы не подвергать их опасности.

При мысли о том, какая безрадостная жизнь теперь ее ждет, Юлиана болезненно содрогнулась. Проходя мимо студенческого общежития, она подумала о том, что до утра можно было бы посидеть в общей гостиной, а потом она уприсит комендантшу куда-нибудь ее переселить.

К сожалению, было еще не настолько поздно, чтобы все разошлись отдыхать, а подвергаться расспросам ей не хотелось. Но не бродить же по парку всю ночь! Так она просто околеет от холода и сырости!

Немного подумав, она пошла к учебному корпусу. Возле входа стоял охранник — добродушного вида крепкий мужчина с круглым лицом. Она наврала ему, что забыла в аудитории важные конспекты, необходимые ей для завтрашнего семинара. Одарив ее полным сочувствия взглядом, он, не задавая лишних вопросов, позволил ей пройти внутрь.

Юлиана побрела по коридорам, дергая дверные ручки, чтобы найти себе приют в каком-то из классов. Но все они были заперты. Присев на подоконник, она обхватила замерзшими ладонями трубу центрального отопления и стала размышлять, как жить дальше. Минут через десять послышались приближающиеся шаги, и она быстро соскользнула с подоконника, надеясь спрятаться. Но прятаться было некуда. Девушка смирилась с неизбежностью, ожидая что сейчас охранник прогонит ее отсюда. Но этого не произошло.

— Вы боитесь ночевать дома, мисс Делайн? — участливо спросил он.

Она не удивилась, что он ее узнал. Ввиду ее особого положения, ее знали все как в академии, так и во всем студенческом городке.

— Безумно, — честно призналась ему она.

— Вам нужно было сразу сказать мне об этом, — с мягким укором сказал он. — Тогда вы бы уже не тряслись от холода, а были закутаны теплыми одеялами и пили горячий чай. Пойдемте со мной!

Юлиана с благодарностью пошла вслед за ним. Он привел ее в небольшую каморку неподалеку от входа в здание. Из обстановки там был стол с двумя стульями, шкаф, где дежурные хранили форму, небольшая плита, встроенный в кухонный стол холодильник и узкая кровать. Дверь справа от кровати вела в душевую.

Достав с антресолей шкафа теплый плед, мужчина укутал ее как ребенка и усадил на стул, а сам занялся приготовлением чая с бутербродами.

— Вы так добры ко мне, а я даже не знаю, как вас зовут, — просипела Юлиана.

— Меня зовут Эндрю Нортон, миледи, — представился он и поставил перед ней кружку пахнущего травами чая. Почти сразу рядом с ней появилась тарелка с бутербродами.

— Я заварил вам чай от простуды. Мама присылает мне его тоннами, боясь, что я перемерзну на одной из вахт и заболею, — с улыбкой пояснил он. — Вам такая перестраховка сейчас будет очень кстати. Поешьте и ложитесь отдыхать. Если надо принять душ, то чистое полотенце возьмете в шкафу.

— Отдыхать? А как же вы?

— Я сегодня дежурю один, и спать мне не положено. Так что не бойтесь стеснить меня, — успокоил ее Нортон. — А теперь извините, мне пора идти. Если кто-то решит разрисовать краской стены или разобьет стекло, меня самого размажут по стене.

— Спокойного дежурства, — пожелала Юлиана, сомневаясь, что после вчерашнего кошмара у кого-то возникнет желание озорничать. — И передайте при возможности мою благодарность вашей маме за чай и за замечательного сына, — с улыбкой попросила она.

— Спасибо! Она будет в восторге, когда узнает, что я угощал ее чаем будущего инкатора! — до ушей расплылся Эндрю.

Он ушел. Допив чай, Юлиана пошла в душ. Стоя под тугими жаркими струями воды, она безрадостно думала о том, почему кошмарные воспоминания с души нельзя смыть так же легко, как грязь с тела. Она бы полжизни отдала сейчас за средство, которое бы вызвало у нее амнезию. Но такого не существовало. Ей придется до конца жизни нести в себе этот ад.

Снова натянув на себя свое сырое платье, она легла в постель, на которую Эндрю положил сразу два одеяла, и почти сразу уснула. К несчастью, сон не принес ей желанного забвения, а наоборот, в малейших деталях воспроизвел все подробности убийства Виктории и ее насильников. В кошмаре обнаженный труп подруги поднялся с пола и двинулся на нее.

— Это ты убила меня! — указывая на нее бледной рукой с посиневшими ногтями, обвиняюще сказала Блэр. — Ты виновата во всем!

Следом за ней встали пробитые пулями трупы подростков и тоже пошли потянулись к Юлиане, эхом повторяя:

— Ты убила нас! Ты виновата во всем!

В тот момент, когда обезображенный выстрелом в лицо Тим добрался до нее, девушка пронзительно закричала. Мертвец вцепился в нее и стал трясти ее за плечи, а потом сильно ударил ее по лицу.

Боль от хлесткого удара пробудила Юлиану. Хватая ртом воздух, она открыла глаза и увидела, что яростно отбивается от склонившегося над ней Нортон. Он заметил, что она снова в сознании, и отпустил ее.

— Простите меня, миледи! — с раскаянием забормотал он. — Я никогда в жизни не поднимал руку на женщину. Просто не знал, как помочь вам! Вы так кричали... Я так испугался за вас! Ради Бога, извините меня!

Она глубоко вздохнула и села на кровати.

— Благодарю вас, Эндрю. Если бы не вы, я, наверное, сошла бы с ума!

— Вам бы в больницу вернуться, — с беспокойством сказал Нортон. — Там врачи, уколы успокаивающие... Шутка ли — пережить такой кошмар! Ребята, которые выносили из дома трупы, напились после этого вдрызг. А вы видели, как это все происходит, да и сами едва не стали жертвой. Уж и не знаю, что хуже! Они-то хоть отмучились, а вам с этим жить и жить...

— Сколько времени? — глядя на темное окно, спросила Юлиана.

— Четыре утра. Может, еще попробуете заснуть?

— Нет! — содрогнулась она.

— Так я и думал. Не против, если я посижу с вами?

Она была совершенно не против, но не хотела, чтобы у этого милого человека были из-за нее неприятности.

— У вас ведь дежурство...

— Ничего не случится. А хоть бы сейчас университет растаскивали по кусочкам! Все равно! Когда мне еще предоставится возможность побыть в обществе самой герцогини? — улыбнулся он. — Я знаю, что вам нужно! Крепкий сладкий чай и шоколад для подъема настроения. Сейчас я вам его приготовлю!

Он стал готовить чай, непрерывно рассказывая ей о своей семье, о детстве — все, что только приходило ему в голову. Она понимала, что он хочет отвлечь ее от невеселых дум, и умилялась при виде его искренней улыбки. Ей даже нравилось, как бледнеет при смехе малюсенький шрам над его левой бровью.

"Какие разные, все-таки, люди", — думала она, отогреваясь душой в обществе этого уже немолодого мужчины. В его присутствии ее нынешняя жизнь скинула свое траурное одеяние и стала казаться ей уже не такой беспросветной, как до этой встречи. Они проболтали до самого утра. Вернее, она все больше молчала, а он говорил за двоих, щадя ее сорванные связки. Наконец совсем рассвело, на улице показались первые прохожие, и Юлиана с Эндрю стали прощаться.

— Не представляю, как мне отблагодарить вас! — пожимая ему руку, прошептала девушка. — Этой ночью вы не просто приютили меня — вы вернули мне веру в людей! Спасибо вам огромное, я навсегда запомню это!

— Не за что, миледи, — смутился охранник. — Это вы оказали мне честь своим обществом. Заходите поболтать, если захотите, я буду очень рад вас видеть!

Обещать снова нанести ему визит Юлиана не стала. Ведь теперь она знала, что каждый человек, с которым она проведет времени хоть чуть больше необходимого, подвергнется опасности. Распростившись с ним, герцогиня заставила себя пойти домой переодеться. Но ее удача, похоже, умерла вместе с Викторией — навстречу ей шел злощый, как черт, Карминский.

— Мне сказали, что ты не ночевала дома, — прошипел инкатор. — Где ты шлялась всю ночь? Опять была в том притоне?

— Нет... — пролепетала она.

— Узнаю с кем ты была — не поздоровится обоим! — пригрозил он. — Идем, ты должна дать показания полиции!

При мысли о том, что сейчас ей придется отчаянно врать, отвечая на вопросы полицейских, Делайн стало дурно, но иного способа спасти своих уцелевших друзей у нее не было.

— А если мне не поверят? — встревоженно заглянула она в суженные от гнева глаза Карминского.

— Сделай так, чтобы поверили! Больше молчи, и где можно отвечай знаками — у тебя ведь проблемы с голосом.

Она сделала все, что он ей велел. Подтверждая показания Жнеца, она была убедительна настолько, что полиция ей поверила. Ей хотелось как можно скорей оказаться одной, но инкатор и не думал прощаться с ней.

— Сейчас мы кое-куда съездим, — по дороге к ее дому объявил он и притормозил, бесцеремонно разглядывая ее. — Дай-ка посмотрю, как ты выглядишь. Бледная, осунулась, черные круги под глазами. Весьма неплохо. Но должно быть хуже. Ты сильнее, чем я ожидал. Но ничего, это поправимо, ведь я еще не закончил. — Он с издевательской лаской провел шершавым пальцем по ее щеке и перевел взгляд на ее наряд: — Вижу, тебя нравится это платье, раз ты не хочешь его снимать. Сколько волнующих воспоминаний с ним связано, да Юлиана? И исходящая от него аура смерти как нельзя лучше бы подошла для нашего сегодняшнего занятия, но тебе все же придется переодеться в мундир.

От этого анонса по коже девушки прошел мороз, а инкатор продолжал "радовать" ее.

— А у меня для тебя есть сюрприз — все твои дружки отчислены из университета за аморальное поведение и прием наркотиков, без права восстановиться в другом учебном заведении. И каждому из них я намекнул, что сделал это по твоей просьбе. Сказал, будто ты осознала, что в будущем такие знакомства могут скомпроментировать тебя. А этот мерзавец Майкл, который создал притон для сдачи студенток в аренду, сейчас кукует в следственном изоляторе. Его прямо на костылях туда притащили. Но это не мешает ему ответить за свое преступление по всей строгости закона!

В голове Юлианы зашумело. Мир вокруг нее продолжал крошиться, обращая в тлен все, чего она касалась. Мысль о том, как, должно быть, возненавидели ее друзья, просто убивала ее.

— Вижу, ты впечатлена! — сказал Карминский. — Подскажи старику, чем еще я могу тебе досадить, а то моя фантазия временно иссякла.

— Зачем вы сделали это?! Ведь я делаю все, как вы мне говорите! Мы договаривались, что если я буду вас слушать, то вы не тронете моих друзей!

— Да я их и не трогал! — обиженно всплеснул руками Карминский. — Просто убрал их с твоих глаз долой!

— А Майкл? За что вы посадили Майкла?

— Чтобы продемонстрировать тебе серьезность своих намерений.

— Мне и демонстрации с Тори было достаточно! — с отчаянием воскликнула она.

— Не ори! — шикнул на нее Карминский. — Бегом в дом, и чтобы через пять минут была у меня в машине!

Она ушла переодеваться. Внутри нее в муках умирало что-то очень важное, то, что позволяло ей любить этот мир. Выгорало, оставляя нетленной одну лишь внешнюю оболочку.

Инкатор подждал ее возле автомобиля и даже сам придержал для нее дверцу.

— В городскую тюрьму, — велел он водителю.

Бронированный "Кольбер" мягко тронулся с места. Юлиана глядела в окно и гадала о том, какую же гадость приготовил Карминский ей сегодня. Вчерашний ураган в одночасье сорвал с деревьев всю листву, превратив сияющий осенним золотом пригород в голую и неприветливую пустыню. Девушке казалось, что умирая, Виктория забрала с собой всю жизнерадостность и тепло этого мира, и теперь так будет всегда.

Мрачное здание тюрьмы с первого же взгляда придавило Юлиану тяжестью безнадежной обреченности. Пропитанные людскими страданиями своды будто душили ее. Еще хуже были провожающие Карминского боязливые взгляды тюремщиков. Видимо, здесь все хорошо были знакомы с ним.

Приказав двум надзирателям идти за ним, он уверенным шагом двинулся по знакомому маршруту. Их шаги гулко раздавались под высоким потолком каземата старой постройки. У запертой на два замка железной двери они остановились. В зарешеченное окошко Юлиана увидела мускулистого, наголо обритого мужчину в красной робе смертника, дремавшего на узкой койке с тонким матрасом. Замки заскрипели, открываясь. Заключение демонстративно отвернулся к стене.

— Познакомься, это твое новое учебное пособие, — бросил ученице инкатор, давая охранникам знак поднять узника с постели. Те стащили его с койки и поставили на ноги, сопроводив свои действия парой увесистых тычков. Морщась от ударов, он выпрямился, исподлобья глядя на вошедших. При виде девушки он немного оживился.

— Ух ты! Неужели Бог услышал мои молитвы и послал мне ангела? Только почему в сопровождении дьявола?

— Потому что это ангел смерти, — криво усмехнулся Карминский. — А я помогу ему отправить тебя в ад!

Девушка покрылась мурашками, уже догадываясь, какую роль он ей отвел на сегодня. В ее устремленном на смертника взгляде отразился такой ужас, что тот неожиданно мягко сказал:

— Не переживай, ангелочек. Меня все равно скоро отправят на тот свет. Так какая разница кто это сделает?

— Тебе-то все равно, — хохотнул Жнец, — а вот ей — нет. Правда, Юлиана?

Она зажмурилась, сдерживая накатившие слезы. Похоже, Карминский всерьез вознамерился довести ее до самоубийства. Заключение с сочувствием проводил взглядом скатившуюся по ее щеке капельку.

— Кто эта девушка? — спросил он.

— Охотно объясню, — любезно отозвался Карминский. — Это моя ученица, будущий инкатор. Сегодня мы с ней проходим казнь на электрическом стуле.

Дыхание Юлианы сбилось. Она как-то видела по телевизору фильм, где человека умерщвляли таким образом, но не предполагала, что когда-нибудь будет в этом участвовать.

Сочувствие в глазах мужчины сменилось отвращением.

— Приучаете девчонку к вкусу крови? Тогда вопросов больше нет!

На его руках защелкнули браслеты и повели в помещение для казни. Прижавшись к стене, девушка наблюдала, как его усаживают на электрический стул. Когда все приготовления были закончены, Карминский жестом прогнал охрану, прошелся по комнате и объявил:

— Люк Крайтон. Ограбил четырнадцать банков, при этом убил шесть человек из банковской охраны. Как видишь, закоренелый преступник, не достойный сочувствия. Правда, мы с ним чем-то похожи? — ухмыльнулся он.

— Вы в разы хуже! — огрызнулся Крайтон. — Вы сделали убийство своей профессией! Я, по крайней мере, убивал вооруженных людей, а не беспомощных, как вы!

— Верно. Зато я, в отличие от тебя, могу убивать безнаказанно, любым способом, да еще и получать за это авторитет и деньги, — ничуть не обиделся на его выпад инкатор. — Итак, начнем наш урок! Юлиана, помнишь, я недавно обещал тебе, что научу тебя и пытаться, и убивать? Я свое слово всегда держу! Поэтому сегодняшняя твоя задача — отправить этого дерзкого любителя легкой наживы к праотцам. И чем скорее ты это сделаешь, тем быстрее избавишься на сегодня от моего общества.

— Вы хотите, чтобы его убила я? — все еще не хотела верить в худшее ученица.

— Конечно ты! Ты же почти инкатор! Распоряжаться чужой жизнью — твое святое право! Нет, я бы даже сказал обязанность!

— Я не сделаю этого! — прохрипела Делайн, сильно опасаясь, что он все равно найдет способ заставить ее через это пройти.

— Отлично! — обрадовался Жнец. — Я надеялся, что ты именно так и скажешь!

— Снова будете меня шантажировать, угрожая друзьям? — с ненавистью спросила герцогиня.

— Обижаешь! Я не люблю повторяться! Всегда можно найти что-то новое и интересное, — придвигая стул к узнику, сообщил Карминский. — Иди сюда, тут тебе лучше будет видно.

Крайтон насторожился. Юлиана остановившись в двух шагах от него. Ее мучитель достал из кармана мундира пачку обыкновенных швейных игл и положил их себе на колени. Глаза узника широко раскрылись.

— Понятливый мальчик! — оценил его сообразительность инкатор. Размяв пальцы, он вытащил из пачки самую длинную иглу и глубоко воткнул ее узнику под ноготь. Тот громко вскрикнул. Игла медленно вонзалась все глубже и глубже в его ткани, и он зашипел от боли.

— Черт, меня должны казнить, а не пытаться! — выкрикнул он, когда Карминский сделал паузу.

— Полностью с тобой согласен, — участливо кивнул ему палач. — Но эта малышка не хочет нажать на рубильник. Не могу же я применять насилие к слабой девочке! Поэтому я хочу, чтобы ты сам попросил ее об этом, — втыкая вторую иглу, уведомил Карминский.

Жуткая боль заставила мужчину взвыть от боли. Из глубин измученной души Юлианы засочился уже хорошо знакомый ей ужас бессилия. Ноги ослабели, мозг превратился в ледяной булыжник.

— Как мягко входят! — восхитился Жнец, вгоняя третью иглу. — Лучше, чем спички в каштан! Хочешь попробовать? — предложил он девушке.

Она издала нечленораздельный звук. Инкатор на минутку оставил свое занятие, любуясь

работой, потом перевел взгляд на стоявшую без кровинки в лице Юлиану.

— Ну что, продолжим? Или ты избавишь этого несчастного от мучений? — надавливая сразу на все иглы ладонью, спросил он.

— Мать твою, сучка, жми на этот чертов рубильник! — выкрикнул Крайтон и снова захлебнулся криком.

— Видишь, неубедительно, — пожурил его инкатор. — Грубо к тому же. Разве так говорят с девушками? Тебя следует научить хорошим манерам! — сжимая кисть смертника в кулак, сказал он.

Пронзительный, рвущий перепонки крик, заставил Юлиану подбежать к рубильнику. Карминский сразу убрал свою руку, но она никак не могла решиться на последний шаг.

— Ну же, детка, тебя просят сразу два мужчины! Или тебе нравится, чтобы тебя долго уговаривали?

— Пожалуйста, пожалуйста, убейте меня, — рыдал узник.

Карминский взял лежащую на столе резиновую дубинку и со всего маху ударил по израненным пальцам Люка. Очередной истошный вопль заставил девушку дернуть рычаг вниз, пуская по телу грабителя колоссальной силы разряд.

Ее тиран тут же оказался рядом и развернул ее лицом к жертве, заставляя смотреть на трясущегося в конвульсиях Крайтона. Когда все кончилось, он отпустил Юлиану, и она в изнеможении рухнула на пол, содрогаясь в рыданиях:

— Ненавижу вас! Господи, до чего же я вас ненавижу! Будьте вы прокляты!

— Меня? За что же? — удивился он. — Разве я убил этого бедолагу? Это сделала ты! — Он втянул носом запах горелой кожи. — Посмотри во что ты его превратила — это же груды горелого мяса, а не человек!

— Я так больше не могу, — пряча лицо в руках и раскачиваясь как безумная, прошептала Юлиана. — Просто не могу...

— Так убей себя! Я буду только рад! Пистолет, правда, предложить не могу — не хочу из-за тебя конфликтовать с Обероном. Зато ты всегда можешь повеситься, утопиться в ванне, порезать себе вены. Представь, что убивая себя, ты убиваешь меня. Легче будет. Только не смей ныть! — Он дернул ее за руку. — Вставай! Пора возвращаться в академию. А хочешь, зайдем к Майклу? Думаю, он будет рад тебя видеть!

— Идите в преисподнюю! — разозлилась Юлиана. — Вам там самое место!

Ее выпад только развеселил Жнеца. Всю дорогу до академии он подтрунивал над ней, придумывая все новые и новые способы причинить ей боль.

— До завтра ты свободна, — напутствовал он ее перед прощанием. — Надеюсь, ты распорядишься этим временем правильно, и к вечеру — ну в крайнем случае завтра утром, — мне принесут сладкую весть о твоём самоубийстве. А если я еще недостаточно подвел тебя к этой черте, то милости просим завтра к восьми в наш класс, продолжим.

Он уехал, а девушка прислонилась к холодной кирпичной стене, всерьез перебирая варианты ухода из жизни. Но как бы ей ни было тошно, одна мысль о смерти заставляла все ее существо бунтовать.

А может, попытаться сбежать? Да, у нее почти нет средств, но на билет ведь хватит! А если не хватит, то можно будет продать цепочку и сапфировые сережки.

Приняв это решение, она впервые со дня трагедии вздохнула полной грудью. Побег! Как здорово! Почему раньше она не думала о нем? Интересно, станет Карминский ее разыскивать или обрадуется, что избавился от бывшей для него костью в горле ученицы?

Собирать вещи Юлиана не стала — налегке она будет незаметней. Нужно взять только деньги и документы. Переодевшись в удобное платье из трикотажа, она накинула приталенное черное пальто и пошла к "дремучему лесу" — так называли запущенный уголок университетского парка.

Отыскав выломанную студентами в ограде дырку, она выбралась за пределы учебного городка и быстро пошла к автобусной остановке, надеясь, что ее не хватятся раньше завтрашнего утра.

Ежась под порывами пронизывающего ветра, она думала куда и на чем ей отправиться дальше. Самолет, как вид транспорта, отпадал по той простой причине, что билеты на него можно было купить только по документам, а в этом случае ее будет очень просто отследить. Поэтому покинуть столицу Юлиана решила поездом. Она понимала, что в этом государстве ей спрятаться будет очень трудно, и поэтому решила попробовать тайком пересечь границу. Однажды ей довелось присутствовать на допросе одного контрабандиста. От него она узнала, что в Тихой заводи близ мендинской границы всюду процветает перевозка нелегальных товаров и людей — уж больно удобным был этот участок реки для обтяпывания незаконных делишек. Поросшие густыми зарослями изрезанные берега идеально подходили для маскировки небольших суденышек, а пограничники не очень-то желали рисковать собой, преследуя отчаянных контрабандистов. Куда проще было брать с них откупы и время от времени сдавать властям ту мелочь, которую преступный синдикат считал не нужной.

К трем часам дня она добралась до железнодорожного вокзала и купила билет на ближайший поезд до конечной станции. Ей неважно было, куда ехать сначала. Чтобы запутать следы, она собиралась сойти с поезда в каком-нибудь большом городе. Именно в большом, потому что в маленьких городишках, где все всех знают, незнакомый человек на станции, да еще и без багажа, непременно привлечет к себе внимание.

Диктор громко объявил посадку на 128 поезд, следующий до Сиетты.

"Это мой..." — встрепенулась Юлиана и пошла искать нужную платформу.

— Эй, красавица, давай подвезу! — крикнул ей выскивающий себе на перроне клиентов таксист.

Сделав вид, что не расслышала его, она прошла мимо и зашла в свой вагон. Заняла место у окна.

Ее внимание привлек бредущий вдоль вагонов оборванный попрошайка, звучным голосом призывавший всех подать кто сколько сможет. Но как он ни надрывался, вместо денег чаще всего получал гневные отповеди, а то и пинки.

Возле входа в вагон стояла куча сумок и чемоданов, и хозяева — пожилая супружеская пара — поочередно заносили их в вагон. Воровато озираясь, бомж схватил одну из сумок и, перемахивая через пути, бросился наутек. Метров через десять его сбили с ног бросившиеся в погоню мужчины. Хорошенько отпинав воришку, они забрали у него украденную сумку и ушли, бросив его на рельсах. Бомж лежал на боку, корчась от боли, и периодически смахивал грязной рукой заливающую губы кровь.

"Как это жестоко! Неужели это и моя судьба?" — холодея от страха перед будущим, подумала Юлиана. — "Неужели и я в поисках куска хлеба стану такой же, как этот несчастный?.."

Каково быть бездомной привыкшая к комфорту герцогиня представляла себе очень плохо. Знала только, что ей нужно будет где-то жить и чем-то питаться. Удастся ли ей найти работу, или она тоже станет нищенкой?

Она затрясла головой, отгоняя парализующий каждую клеточку ее тела страх. За время учебы она видела жестокость бесчисленное количество раз, но то была юдоль преступников и законников. Теперь она поняла, что и в свободном мире зла не меньше, а бессердечие является настолько привычным и обыденным, что на него никто не обращает внимания.

Увидев изнанку жизни, Юлиана крепко задумалась, готова ли она вступить в этот беспощадный мир? Как такое возможно — на рельсах валяется окровавленный человек, а до него никому нет дела! А вдруг сейчас подъедет поезд и задавит его? Не в состоянии спокойно на это смотреть, она выскочила из вагона и побежала к нищему.

— Пожалуйста, помогите мне выгнать его отсюда! — закричала она стоящим на перроне людям. Те смеялись, глядя на нее, как на сумасшедшую. Однако помощник у нее все же нашелся. Это был недавно окликавший ее таксист.

— Смешная ты, красавица! Эх, чего только ради такой крали не сделаешь!

Подхватив бомжа подмышки, он оттащил его на перрон.

— Отвезите его в больницу, — протягивая ему деньги, попросила Юлиана.

— Да успокойся ты, чудная! И так оклемается, — отводя ее руку сказал парень. — Для него это привычно. А вот ты откуда такая сердобольная взялась? Бомжей что ли раньше не видела?

Поезд дернулся и издал шипящий звук. Таксист легонько подтолкнул девушку к нему.

— Беги, а то опоздаешь! Без тебя сейчас уедут!

Она бросилась к отправляющемуся составу и заняла свое прежнее место. Теперь побег не казался ей такой уж хорошей идеей. Мало-помалу дающий о себе знать голод прибавлял темные мазки к и так безрадостным картинам будущего.

За окном стало смеркаться. Она подошла к вывешенному возле тамбура расписанию стоянок. Больших городов по пути следования поезда было всего два. К первому они должны были подъехать в полдвенадцатого ночи, ко второму — в восемь утра. Хорошо бы провести ночь в поезде, а не на вокзале, но вдруг Карминский разошлет ориентировки и обнаружит ее раньше, чем она выйдет из вагона? А он может...

Хорошо бы изменить внешность, подумала Юлиана. Но с этим придется потерпеть до завтра. Вернувшись в купе, она снова стала смотреть на мелькающие за окном бескрайние степи.

Сидящая напротив нее полная женщина с румяным лицом достала из дорожной сумки термос и бутерброды, один из которых протянула девушке.

— Ешь! — велела она.

— Благодарю, мне не хочется, — отказалась Делайн.

— Не ври, в твоём возрасте постоянно хочется есть! — не дала себя обмануть попутчица. — Бери! — она чуть не силой вложила в руки девушки бутерброд. Тот умопомрачительно пах свежими овощами и курицей, и рот Юлианы тут же наполнился слюной.

— Спасибо! — испытывая огромную благодарность к женщине, прошептала она.

— Девонька, а почему ты одна? Да еще и без вещей? Из дому, что ли, сбежала?

— Ну что вы! — ужаснулась беглянка, с удовольствием утоляя голод. — Меня из университета на несколько дней отпустили проведать заболевшую маму. А вещи у меня дома все есть, зачем же их с собой туда-сюда таскать? К тому же меня папа на вокзале встретит.

— А с мамой-то что приключилось?

— Еще толком не знаю, — грустно ответила Юлиана. — С сердцем что-то. Папа не

хочет мне прямо говорить.

Постепенно сведя разговор на нет, девушка прилегла отдохнуть. Кто знает, когда ей следующий раз придется спать в нормальной постели? Глупо будет не понежиться хотя бы пару часиков.

В полночь немного отстающий от графика поезд подъехал к вокзалу Тенвуда. Не собирая постель, чтобы не привлекать чужого внимания, девушка выскользнула из купе.

В Тенвуде выходило довольно много народа, и она без труда затерялась в толпе. Просидев в зале ожидания вокзала до утра, Юлиана отправилась покупать себе маскировку. По подсказкам прохожих она без труда добралась до ломбарда, куда сдала свои драгоценности. Заметив рядом с ним женский магазин, она приобрела себе парик из средней длины русых волос, потом в ближайшем секонд-хэнде купила себе другое пальто.

Решив, что в таком виде ее не узнать, девушка снова отправилась в путь. Через полтора дня она добралась до Тихой заводи.

После недолгих расспросов она нашла того, кого искала. Фентон, владелец небольшого баркаса, был дюжим мужиком с выдубленной ветром кожей и носом заядлого алкоголика. Он сидел на палубе и чинил рыболовные снасти.

— Чего тебе надо, малолетка? — не приветливо поинтересовался он.

— Здравствуйте, мистер Фентон! Мне рекомендовал вас Олсон, — назвала ему имя заключенного контрабандиста Юлиана.

— Да ну! Что-то не припомню такого! — нахмурился мужчина.

— Он сказал, что если вы его не припомните, то он припомнит это вам и даст против вас показания, — отчаянно соврала герцогиня.

Видимо, это вышло у нее убедительно. После минутного раздумья лодочник протянул ей руку.

— Поднимайся на борт, потолкуем.

Схватив девушку за запястье, Фентон помог ей взобраться по шаткой лесенке на скрипучую, изъеденную шашелем палубу.

— С чего это вдруг Олсон прислал тебя ко мне? — с подозрением спросил он.

— Я его дальняя родственница. Мне нужно срочно попасть на тот берег! Я вам заплачу.

— Родственница, говоришь? — криво ухмыльнулся мужчина. — Ну что ж, грех не помочь родне старого друга!

Его ухмылка очень не понравилась Юлиане, и она сделала пару шагов назад, намереваясь сбежать.

Лодочник быстро оглянулся по сторонам, зажал ей рот неприятно пахнущей рукой и потащил в трюм. Когда первый шок прошел, девушка начала отчаянно брыкаться и упираться на каждом шагу, но он волок ее с легкостью урагана, несущего соломинку. Изловчившись, она как можно сильнее укусила его за руку. Грязно выругавшись, он наотмашь ударил ее по лицу, а потом запихнул ей в рот полотенце. Скрутив ее руки за спиной, бандит стянул их обрывком валявшейся в куче хлама веревки.

— У Олсона нет никакой родни, куколка! Он детдомовский, — обдав ее зловонным дыханием, сказал Фентон. — Но то, что ты знаешь про меня — очень плохо. Кто тебя послал? Легавые?

Юлиана отчаянно замотала головой, от чего ее парик сдвинулся.

— О, да ты у нас еще и в парике! Для чего этот маскарад?

Услышав в ответ невнятное мычание, он предупредил:

— Сейчас я вытащу кляп, но если вздумаешь орать, то сильно об этом пожалеешь, поняла?

Дождавшись кивка, он выдернул у нее изо рта полотенце.

— Говори, кто тебя прислал! — грозно потребовал он.

— Никто! Никто меня не прислал! Мой приемный отец недавно вышел из тюрьмы. Он сидел в одной камере с Олсоном, и тот жаловался ему на своих дружков, которые бросили его гнить в тюрьме, хотя обещали раскошелиться на хорошего адвоката, — передала она Фентону почерпнутые от контрабандиста сведения.

Разволновавшийся лодочник рванул девушку на себя.

— Что ты еще от него слышала?

— Олсон просил моего отца найти предателей и убить их, а взамен пообещал рассказать ему, где он спрятал вещь, полученную три года назад при дележе у Винки, — на ходу смешивая правду с ложью, оттарабанила Юлиана.

В порыве досады Фентон оттолкнул девушку от себя так, что она ударилась спиной о стену крошечного трюма.

— Черт! Надо сматываться... — прорычал он. — Но ты-то зачем сюда явилась? Уж не предупредить ли меня? — издевательски предположил он.

— Нет, — выдавливая из себя слезы, что в данной ситуации было не так уж сложно сделать, всхлипнула девушка. — Я сбежать хотела!

— Зачем?

— Родители били меня! Олсон рассказывал отчиму, что вы иногда переправляете людей за границу, вот я и подумала что меня тоже переправить сможете.

— Так вот в чем все дело! — облегченно рассмеялся лодочник. — На тот берег захотела, куколка? Я тебе это устрою! Там любят девочек вроде тебя!

— Что вы хотите этим сказать? — похолодела Делайн.

— Что в тамошних борделях такие белокожие цыпочки, как ты, нарасхват! А вот насколько ты сладенькая, я испробую сначала сам!

Ни секунды не медля, Фентон стал дрожащими от возбуждения пальцами расстегивать себе ширинку.

— У меня давно такой свеженькой бабенки не было!

— Не-е-ет! — пронзительно закричала Юлиана, на которую снова накатил весь пережитый во время изнасилования Виктории ужас. — Не трогайте меня!

— Брось, тебе понравится! — заявил он, впиваясь толстыми губами в ее рот. Она отчаянно задергалась и он сердито проворчал: — Да что ты кочевряжишься? Как девственница, в самом деле!

— Я и есть девственница! — выкрикнула девушка, вдруг ощутив, что это имеет для насильника какое-то значение.

— Серьезно?

Фентон отстранился и заглянул в ее широко распахнутые от ужаса глаза.

— Да!

Недовольно крикнув, он стал застегивать штаны.

— Не врешь? — угрожающе зыркнув на нее, осведомился он. — Убью ведь!

— Я не вру! — крикнула Юлиана. — Клянусь!

— Да не ори ты, дура! Хорошо, я тебя не трону. За девственниц вдвое больше монет дают. А я и вторым могу быть или даже третьим, я не гордый, — загоготал лодочник, снова

запихивая ей в рот поднятый с пола засаленный кляп.

К горлу беглянки подступила резкая тошнота и она стала глубоко дышать носом, чтобы не захлебнуться собственной рвотой.

— Надо тебя к чему-нибудь привязать, а то прыткая ты больно... — оглядываясь по сторонам, пробормотал он.

Выудив из кучи мусора еще кусок веревки, он примотал девушку к прикрепленному к стене поручню.

— Ну вот, так-то лучше! А ты пока морально готовься, девственница, завтра тебя на торги выставим!

Скабречно смеясь, Фентон поднялся по трапу и закрыл трюм на засов.

Из глаз ее пленницы полились горячие слезы.

"Надо же было так глупо проколоться! — корила она себя. — Хотя нет, глупо было вообще сбегать! Свободы захотелось, так вот она!"

От слез нос совсем забился, и ей стало нечем дышать. Она испугалась, что сейчас задохнется и заставила себя успокоиться. Потянулись бесконечные часы ожидания. Тело затекло и замерзло, глаза болели от долгого отсутствия сна, но она боялась сомкнуть их хоть ненадолго.

Сквозь щели в досках наверху проник утренний свет, а еще примерно через полчаса Юлиана услышала звук шагов. Неужели их путешествие подошло к концу? Она тихонько заскулила от страха.

В какой-то момент она поняла, что на палубе находится не один, а несколько человек. Послышался быстрый топот, крики, а потом звуки выстрелов. Девушка с волнением гадала — паниковать ей или радоваться?

Наконец дверь в трюм отворилась и свет резанул по ее привыкшим к темноте глазам. В проеме вырисовывался чей-то силуэт, но кто это был, она пока не могла рассмотреть.

— Девчонка здесь! — крикнул незнакомый ей молодой мужчина и стал спускаться вниз. Присев на корточки возле Юлианы, он вытащил у нее изо рта кляп и перерезал связывающие ее руки путы. Она с опаской смотрела на него, не зная, что последует дальше.

Льющийся в трюм свет снова померк — дверной проем загородила чья-то фигура.

— Так, так, — раздался полный яда голос Карминского. — Вот ты где, маленькая шлюшка! В бордель собралась, да?

Юлиана едва не расплакалась от облегчения. Она и подумать не могла, что будет настолько рада слышать его.

— Вставай, жалкое создание, не вечно же мне тут торчать из-за тебя! — приказал он Юлиане.

Растиравший ей руки полицейский удивленно вскинул голову.

— Милорд, почему вы так суровы с ней? Она ведь не виновата, что ее похитили!

— Виновата! Да еще и как! Вечно вляпывается во всякие неприятности, а вызволять ее должен я!

Девушка попробовала встать, но долго находившиеся в одном положении ноги так замлели, что с первого раза это у нее не получилось. Вторая попытка оказалась успешней: стоявший рядом с ней парень поддержал ее, пока она ожидала, когда по ее ногам перестанут бегать неприятно щекочущие их мурашки.

— Не представляешь, насколько бы я хотел позволить этому Фентону отвезти тебя в пункт назначения! И как хотел бы полюбоваться на то, как потенциальные покупатели твоей

девственности будут тебя щупать и рассматривать, но, черт возьми, нельзя!

От ненависти к нему глаза девушки превратились в узкие щелочки.

— Почему же нельзя? Вы ведь мечтали от меня избавиться, так доставьте себе это удовольствие! Продайте меня сами или утопите прямо здесь!

— Хотелось бы, но не могу! — развел руками Жнец. — Если с тобой что-то случится, значит это мой недосмотр, а у Карминского просчетов не бывает! Репутация превыше всего!

Обалдевший от их разговора полицейский растерянно переводил взгляд то на инкатора, то на девушку.

— А вот этого тебе, парень, слышать не следовало! — пробурчал Жнец. Вытащив из кармана плаща пистолет, он со всего размаха ударил рукояткой в висок не успевшего ничего понять полицейского, а потом выстрелил ему в голову. Его тело еще не успело осесть, а инкатор уже заткнул Юлиане рот рукой. Потом подобрал кляп и быстро затолкал его ей в рот. Сняв с пояса мертвого полицейского наручники, он снова приковал ошеломленную ученицу к поручню.

— Посиди минутку, малютка, я скоро вернусь! Помогите! — выкрикнул он и стал бегом подниматься по трапу.

Услышав крик начальника, оставшиеся на палубе полицейские бросились ему на выручку.

— Что случилось, милорд? — обеспокоенно спросил юный сержант Бёрнс.

— Там! — Карминский направил свой костлявый палец на трюм. — Там засел еще один бандит! Он убил того парня, что спустился передо мной! Петерса!

Лицо никогда прежде не сталкивающего со смертью сержанта побелело. Он неуверенно взглянул на стоявшего рядом с ним лейтенанта Фишера, который до этого служил в армии и не раз бывал в бою.

— Прикрой меня на всякий случай! — бросил тот. — Неизвестно сколько их тут попряталось.

Бернс кивнул и стал справа от трапа. Как только оба полицейских повернулись к нему спиной, Карминский быстро сделал три выстрела: сначала два в лейтенанта, а потом один, почти в упор, в лоб едва успевшего развернуться к нему сержанта.

Вернувшись вниз, Карминский неторопливо расковал свою ученицу.

— Какая все-таки удобная вещь — пистолет! — восхитился он. — И, главное, сколько проблем решает одним махом!

— Зачем вы убили полицейских? — не понимая его мотивов, спросила Юлиана.

— Как зачем? Они же были свидетелями!

— Свидетелями чего?

— Свидетелями твоего позора, дурочка! Ты же будущий инкатор, никто не должен видеть тебя слабой и жалкой! Разумеется, кроме меня! Представь, как они бы стали всем по секрету рассказывать о том, как тебя везли продавать в бордель! В загаженном трюме, связанную как овцу, да еще и с грязной тряпкой во рту!

— Невозможно всегда быть на высоте! — покачала головой Юлиана. — Во всяком случае, мне это не под силу!

— Я ведь не сказал, что тебе нельзя быть слабой, — возразил Жнец. — Я сказал что те, кто были свидетелями твоей слабости, должны уйти в лучший мир.

— И часто вас видели слабым?

— Да раз пятьдесят, я же тоже человек!

— Из них кто-то остался в живых?

— погоди, дай-ка я припомню, — сосредоточенно нахмурил брови инкатор. — вспомнил! Конечно! Остался один, только он теперь полностью парализован и совсем не говорит. А я же не зверь, чтобы калеку добивать!

Кровавая дорожка из головы убитого парня подобралась к его ботинку. Он брезгливо отступил и потянул Юлиану на палубу.

— Выходит, все эти люди погибли только из-за того, что увидели то, чего не должны были видеть? — не унималась она.

— Разумеется! Ты ведь их не предупредила об опасности!

— Но я не успела! — обомлела она.

— Я же не виноват, что у тебя такая замедленная реакция! А вот за то, что у тебя было такое желание — будешь наказана.

— А что, если Его величество узнает, какой ценой вы оберегаете мою репутацию?

— Не знаю, — пожал плечами Жнец. — Наверное, подарит что-нибудь ценное. Или ты думала, глупая, что он обрушит на меня свой гнев? — скрипуче рассмеялся он и посмотрел на наручные часы. — Ой, уже полдевятого! У нас с тобой в полдень самолет, а до аэропорта еще черт знает сколько добираться! Потом поболтаем. Иди что-нибудь с собой сделай, а то на кикимору похожа!

Он подошел к двигателю баркаса и стал его запускать.

Стараясь не показать ему насколько она напугана угрозой наказания, девушка пошла приводить себя в порядок. Что же он придумает на этот раз? От страха у нее засосало под ложечкой. Избегая смотреть на себя в зеркало, Юлиана склонилась над умывальником и стала энергично прополаскивать рот, в котором до сих пор стоял тошнотворный вкус тряпки.

Волосы тоже были в ужасном состоянии. На них нацеплялись кусочки грязи, щепок и соринки в изобилии устилавших пол трюма, и она принялась их вычищать и отмывать. Через несколько минут ее голова стала выглядеть более-менее прилично, чего нельзя было сказать об одежде: та была не только безнадежно измята, но и запачкана так, словно по ней прошла стая заляпанных в грязи собак. Пришлось возвращаться на палубу как есть.

Бегло оглядев ее, Карминский скривился.

— Мне не во что переодется...

— Когда доплывем до берега, я куплю тебе другую одежду. Какой у тебя размер, S?

— Да.

— Минут через сорок приплывем, — вглядываясь вдаль, сообщил ей инкатор. — Только не вздумай высовываться пока меня не будет, если, конечно, не захочешь служить местным подстилкой.

Юлиана залилась краской и кивнула.

— Никто не должен знать, что с тобой произошло, понятно? — с нажимом повторил он. — Ни здесь, ни дома! Репутация, знания и умения — это все, что у тебя есть. Имея это, ты всегда добьешься остального: власти, богатства, уважения, даже любви, с которой вы, девчонки, так носитесь.

— Как можно добиться любви с помощью этого? — удивилась девушка. — Я же не колдовство изучаю!

— Ты изучаешь то, что сильнее любого колдовства: ты учишься управлять людьми, делать из них безвольных кукол, следующих малейшим мановениям твоей руки!

— Если это так, то почему же вы до сих пор подчиняетесь королю? Почему не сделаете

его своей куклой?

Жнец смущенно крякнул.

— Ишь, какая! Бьет сразу не в бровь, а в глаз! В свое время я сделал крупную ошибку, недооценив Астарота. Думал, что я на голову выше его, в разы умнее, и ему никогда меня не переиграть. Я ошибся. Поэтому послушай дружеский совет старого интригана: никогда не стоит недооценивать своего врага, каким бы ничтожным он тебе ни казался. Лучше тысячу раз перестраховаться, чем один раз проиграть.

Приступы откровенности у Карминского случались крайне редко, и сейчас девушка сосредоточенно впитывала в себя каждое его слово.

— Мне в некотором роде проще, чем тебе, Юлиана, — легко касаясь штурвала, проговорил он. — Я не так честолюбив, как ты. Да, да, не удивляйся! Говорю, что вижу! Мне хватает того, что у меня есть. Но ты — совсем другое дело! Чем больше я тебя узнаю, тем больше не понимаю, почему король так настойчиво выводит тебя к вершинам власти. Неужели он настолько слеп, что не видит того, насколько ты опасна для него и его династии?

Юлиана изумленно заморгала. О чем он говорит? Чем она может быть опасна для короля? Абсурд какой-то!

— А знаешь, малютка, это будет даже весело, если ты вдруг выживешь и задвинешь Оберона на второй план! — вдруг лукаво подмигнул ей Карминский. — Только ты не выживешь, не надейся. Я очень постараюсь, чтобы этого не произошло!

Подтвердив свои заверения почти отеческой улыбкой, он снова сосредоточился на управлении баркасом.

Его странная речь вызвала у Юлианы уйму вопросов, ответы на которые она не могла найти самостоятельно.

— Я не понимаю вас... — призналась она.

— Придет время — поймешь.

Она подошла к поручням и облокотилась на них спиной.

— Как вам удалось так быстро разыскать меня?

— Что уж проще? — хмыкнул Карминский. — Сначала ты устроила представление на вокзале, потом перепугала своим бегством тетку из вагона, а после... Ты слишком приметная для наших вокзалов, детка. Слишком утонченная и аристократичная. Стоило показать твое фото сотрудникам вокзалов и автостанций, как многие тебя тут же узнавали, несмотря на твой маскарад. В следующий раз, если захочешь сбежать, думай не столько о маскировке внешности, сколько о своих манерах, ведь они выдадут тебя в первую очередь!

— В следующий раз я непременно это учту, милорд.

Минут через сорок инкатор, как заправский моряк, загнал баркас в узенькую бухточку недалеко от спрятанного за высоким тростником поселения.

— Давай, спускайся, — нетерпеливо сказал он Юлиане, показывая на качающуюся за бортом веревочную лестницу.

— Куда? Прямо в воду? Она же грязная... — опешила та, с отвращением глядя на коричневую, непрозрачную от прибрежной грязи и ила жижу.

— Да, прямо в воду, — передразнил ее учитель, протягивая ей пакет. — Она ничуть не грязнее той тряпки, что ты сосала всю ночь! Или ты думаешь, я тебя на руках носить буду? Держи пакет.

Юлиана смутилась и стала стаскивать с себя сапоги и пальто. Спустившись в трюм,

сняла колготки. Уложив вещи в пакет, она повесила его себе на плечо и стала спускаться с баркаса. Ее ноги коснулись дна и сразу же увязли в вызывавшем омерзение, скверно пахнущей иле. Еле выдирая их из него, она добрела до берега. Карминский хлюпал следом за ней.

Кое-как отмыв ноги от грязи, Юлиана спряталась затростником и стала вытирать задубевшие от ледяной воды ступни своим колючим пальто. К тому моменту как она оделась, у нее уже зуб на зуб не попадал от холода. Закончив туалет, она подошла к поджидавшему ее инкатору.

— Наконец-то! — буркнул он. — Идем, мы опаздываем на самолет!

На трассе Жнец быстро поймал попутную машину, водитель которой согласился их подкинуть в аэропорт.

По дороге в академию девушка испытывала двойственные чувства: с одной стороны это была радость, почти ликование от возвращения домой, а с другой она понимала, что Карминский заставит ее жестоко заплатить за этот побег.

Подъехав к своему домику, Юлиана уже не нашла его таким ужасным, как в день возвращения из больницы. Во всяком случае, он был куда лучше трюма или борделя. К ее удивлению, Карминский в машине не остался, а вышел следом за ней.

— Что уставилась? — спросил он, протягивая ей ключ. — Хочу проводить тебя. Ты ведь не против?

Она была против. Чувствовала, что добром его визит не кончится. Читала это в его обещающих расправу глазах. Но понимала также, что его вопрос был чисто риторическим.

— Между прочим, если бы не я, то ты бы сейчас ублажала грязных потных мужиков, — напомнил ей он. — Могла бы в благодарность за спасение хотя бы чаю предложить старику!

— Да, милорд, — покорно ответила Юлиана, пытаясь открыть замок.

Присутствие врага давило на нее, действовало на нервы, и от этого ее рука предательски дрожала, мешая ключу попасть в скважину.

— Тебе помочь? — насмешливо поинтересовался он.

От испуга ее пальцы сразу нащупали вход в отверстие, и она два раза провернула ключ. Толкнув дверь, она как сомнамбула сняла верхнюю одежду, переобулась в домашнюю обувь и отправилась на кухню готовить чай.

Ее измученные испытаниями тело и душа жаждали покоя, глаза слипались. За последние трое суток она проспала от силы пять часов, и давно не получавший отдыха мозг мстил ей слабостью и ужасной нервозностью. Хотелось лечь прямо на пол кухни и забыться, и она бы, наверное, так и сделала, если бы в ее маленькую обитель не вторгся Карминский.

Всю ночь передавленные веревками руки плохо слушались и, наливая кипятка в заварной чайник, она обварилась. Сунув под холодную воду пылающую ладонь, девушка сквозь зубы простонала от досады. Она почти слышала как звенят ее туго натянутые нервы. Когда же он уйдет?

Стиснув зубы, чтобы не расплакаться, она поставила на поднос чашку, сахарницу, пересыпала в вазочку найденное в шкафу печенье и понесла все это в комнату. Поставив перед Карминским поднос, она присела на краешек дивана.

— Ты что же, не составишь мне компанию? — оскорбился Жнец. — Ну-ка, быстро неси себе чашку!

Безропотно встав, Юлиана налила себе чай, хотя пить его ей совсем не хотелось.

— М-м-м, какой вкусный чай! — замычал от удовольствия гость, дегустируя

напиток. — Где ты его берешь?

— Энтони прислал.

— Надо почаще к тебе на чай заглядывать! Интересно, что входит в его состав? — причмокнул губами Карминский, пытаясь разобраться в смеси вкусов и запахов.

Юлиана безразлично пожала плечами.

— Не имею представления.

— Я всегда тебе говорил, что ты невнимательная! — осуждающе сказал он. — Держишь пачку перед носом и даже не удосужишься посмотреть, что на ней написано! Чего сидишь как на похоронах? Пей!

— Я не хочу.

Он отставил свою чашку.

— Тогда я тоже не хочу. Давай лучше поболтаем!

Рука Юлианы сама собой потянулась за чашкой.

— Так-то лучше!

Инкатор стал рыться в вазочке, выбирая себе печенье.

— Это что за гадость? Из столовки, что ли?

— Не знаю. Мне девочки приносили, когда я с больной ногой лежала.

— Выкинь это! — передернулся он. — Если бы мне такое принесли, я бы посчитал это попыткой отравить меня! Больше ничего вкусенького нет?

Девушка отрицательно покачала головой.

— Ладно, перебьюсь одним чаем. Да ты пей, пей!

Юлиана залпом допила свою чашку и выжидающе посмотрела на гостя.

— Не можешь дождаться, пока я уйду?

Последовавшее за вопросом молчание несколько не смутило его.

— Да не переживай, скоро уйду, вот только выпьем еще по чашечке! Сама еще мечтать будешь, чтобы я поскорей вернулся!

"А вот это вряд ли!" — усомнилась Делайн, повторно наполняя чашки.

— А давай выпьем за твое счастливое возвращение? — предложил Жнец. — Ну, не тормози, поднимай чашку!

Готовая сделать что угодно, лишь бы он поскорей убрался из ее жилища, она выпила свой чай. Старик удовлетворенно кивнул.

— Да, умеешь ты показать гостям, что они засиделись! — Он поднялся с кресла, сладко зевнул и потянулся. — Все, ухожу! Проводи меня до двери!

Юлиана встала, готовясь закрыть дверь за своим неприятным гостем. Он протянул ей руку для прощания и она неуверенно сжала его ладонь. То, что произошло дальше, ошеломило ее: Карминский защелкнул у нее на запястье прихваченный с баркаса наручник.

— Зачем это? — ахнула она.

— Сейчас поймешь! — ответил он, подтаскивая ее к проходящей почти под потолком трубе отопительной батареи. — Стой смирно!

Пододвинув к батарее стул, он стал обматывать трубу цепочкой от наручников, пока та не натянулась настолько, что девушка вынуждена была привстать на носочки, чтобы рука не оторвалась под тяжестью ее собственного веса.

— Что вы делаете?! — испугалась она.

— Помнишь, на барке я обещал тебя наказать? Вот это я и делаю. Ты ведь не думала, что я просто прощу тебе эту выходку? По лицу вижу, что не думала. Постоишь так до утра, а

потом я отпущу тебя.

— Но я не смогу так продержаться до утра! — пришла в отчаяние его ученица. — У меня рука оторвется!

— Не оторвется, я такие шутки уже сто раз проделывал, — заверил ее мучитель. — Максимум из сустава вырвется! А это мало того, что чертовски больно, но еще и практически необратимо! Так что если не хочешь остаться калекой, береги руку, детка. Тем более, что она правая!

Он ласково потрепал ее по щеке и отошел.

— Как я могу ее уберечь, если не могу даже нормально стать на ноги? — с ужасом пролепетала Юлиана.

— Что, правда? Даже на ножки не можешь стать? — громко рассмеялся Карминский. — В этом-то и прелесть этой утонченной пытки, малютка. Король разрешил мне делать с тобой что угодно, только без телесных наказаний. А разве я тебя жгу или избиваю? Нет! Я вообще в метре от тебя стою! Никто не сможет меня обвинить, что я тебя хоть пальцем тронул! Просто поставил в угол строптивную девчонку и все, что же тут такого?

— А если связки порвутся, как вы объясните это королю? — решила побороться за свою свободу Юлиана.

— Да очень просто! Расскажу ему, то ты попала в плохую компанию. А когда я выгнал из университета твоих дружков-наркоманов, ты сбежала и попала в бордель, где тебя таким образом учили послушанию. Выйдет очень правдоподобно, ведь шлюшкам руки ни к чему, как ты догадываешься. Они другими местами работают. Хочешь опозориться перед королем — попробуй Расскажи ему свою версию. Только он поверит мне, а не тебе. И Энтони после этого к тебе не подпустит, чтобы ты не сбила с пути истинного его единственного ребенка. Ну и я со своей стороны в долгу не останусь. Весь городок узнает, где ты побывала. Сможешь потом им в глаза смотреть, а?

Юлиана задохнулась от ненависти, страстно призывая в душе на голову Карминского все возможные кары.

— Рот, пожалуй, затыкать тебе не буду, — задвигая шторы, рассуждал Жнец. — Ты девочка не глупая, сама знаешь, пикнешь — твоим дружкам конец. Так что лучше не ори. Или все же лучше заткнуть?

— Не нужно, — пробормотала она, стараясь не разреветься у него на глазах.

— Вот и славно! Значит, обо всем договорились! Ну, я пошел?

Возле порога он обернулся и с деланной сердечностью добавил:

— Ты это... Ручку береги! Или я это уже говорил? Ах, да, говорил! Старость — не радость... Да ты не расстраивайся! — Он посмотрел на циферблат настенных часов. — Тебе простоять-то всего... Так, сейчас пять минут пятого... Всего шестнадцать часов! В восемь я у тебя как штык! Максимум в полдевятого! Ну, до завтра!

Дверь за ним захлопнулась, и Юлиана осталась одна наедине с болью. Рука, еще не пришедшая в норму после вчерашнего злключения, немилосердно ныла. Простояв минут двадцать на носочках и чувствуя, как ступни от напряжения начинают сводить судороги, она попыталась стать на всю подошву, но тут же вскрикнула от боли в плече.

"Господи, еще и часа не прошло, а мне уже на стенку лезть хочется! — в смятении подумала она. — Как мне простоять до самого утра?!"

"Сама еще мечтать будешь, чтобы я поскорей вернулся!" — вспомнилась ей сказанная Жнецом передухомом фраза. Тогда она не поверила ему, но сейчас его возвращение было

единственным, о чем она мечтала. Даже переживания о Тори ушли на второй план.

— Если я подложу себе что-нибудь под ноги, то стоять станет легче! — решила она.

По одной сняв с себя комнатные туфли, она попыталась ногами положить их одну на другую. Ей это удалось, и на получившемся возвышении стоять стало чуточку легче. Оглядевшись вокруг, она обратила внимание на стоявшую где-то в метре справа от нее пальмочку в плоской напольной вазе, высота которой была примерно тридцать сантиметров. Осторожно сойдя со своего хлипкого возвышения, Юлиана попыталась ногой дотянуться до цветка.

При каждой ее попытке наручник немилосердно впивался в запястье, ранив нежную кожу, но другого шанса дотерпеть до утра она не видела. С двенадцатого раза ей удалось пальцами ноги дернуть на себя цветок. От сильного рывка в руке полыхнула пульсирующая боль, и горькие слезы сами брызнули из глаз, а по запястью в рукав заструилась теплая липкая кровь.

При мысли о том, что порвались связки сустава, девушка заскулила и максимально высоко встала на носочки, чтобы разгрузить руку. Переждав вспышку боли, она левой рукой стала ощупывать напряженный сустав. Вроде бы все на месте, а значит, еще не произошло ничего непоправимого. Осторожно пошевелив рукой, она убедилась, что сустав пока в порядке и продолжила свои попытки приблизить к себе цветочный горшок.

Еще минут через десять, искусаив от боли губы, она ухватила пальцами за стебель пальмы и подтащила кадку себе под ноги.

Стоять на такой высокой подставке было просто невероятным облегчением. Страдания, испытываемые ею сейчас, не шли ни в какое сравнение с первоначальными. Но радость Юлианы была недолгой. Подвешенная к трубе рука стала терять чувствительность, и она непрерывно растирала ее свободной, чтобы хоть как-то восстановить нарушенное кровообращение. Мало того — ей нестерпимо захотелось в туалет. Давал о себе знать выпитый с инкатором чай.

Шел четвертый час пытки. За плотно закрытыми шторами стемнело, потом на улице зажглись фонари. Часы показывали начало девятого.

"Еще двенадцать часов этого кошмара, — содрогнулась она. — Неужели я стою только четыре часа? Всего четыре из шестнадцати! Это невозможно вынести!"

Мочевой пузырь напрягался все сильнее, грозя лопнуть.

"Теперь я понимаю зачем он меня заставил пить этот треклятый чай! переминаясь с ноги на ногу, думала она. — Чтобы я обмочилась! Мало ему одной пытки, так он мне вторую, гораздо более унижительную, придумал, чтобы потом вечно издеваться надо мной! Мамочки! Я не дотерплю до утра!"

Чтобы хоть немного отвлечься от своих мучений, она стала взглядом выискивать что-нибудь приятное. Глаза заскользили по комнате, но любой попадавший в поле ее зрения предмет напоминал ей о Карминском: чашки на столе, купленное им в аэропорту пальто на вешалке, стопки тетрадей, записанных под его диктовку, на полке безделушки убитой им подруги... Господи, неужели здесь нет ничего, что бы не связывало ее с этим чудовищем?!

Ее взгляд привлек лежащий на кровати бумажный пакет. В первую минуту она даже не сообразила, что это. Ах да! Пакет чая, который презентовал ей перед расставанием охранник, Эндрю Нортон! Нортон... Такой добрый и отзывчивый человек... Если бы он сейчас оказался рядом, он бы непременно помог ей! Мечты девушки унеслись вдаль, представляя, как Эндрю находит ее и освобождает от этих проклятых железок. И тогда рука

перестанет болеть, и ноги тоже, и можно будет сходить в туалет, а потом даже поспать...

"Эндрю, пожалуйста, найдите меня, спасите меня!" — молила она в душе, хотя прекрасно понимала, что ее желания несбыточны, и от этого ей становилось еще горше и больнее. Мысли о человеческом охраннике всколыхнули душу, и девушка в голос расплакалась. Слезы лились и лились нескончаемыми потоками, пока рыдания не перешли в короткие судорожные всхлипы.

Негромкий стук в дверь прозвучал для нее как раскат грома. Неужели она настолько громко ревела, что привлекла чье-то внимание? Боже, только не это! Если ее кто-нибудь увидит, последствия для ее и так уже пострадавших друзей будут ужасными!

"А если ты простоишь так до утра, то последствия будут ужасными для тебя", — мрачно возразил ее внутренний голос.

— Ваша светлость, вы здесь? — окликнули ее из-за двери.

"Молчи, молчи!" — твердила себе Юлиана, прикрывая рукой рот, чтобы с той стороны не было слышно ее всхлипываний.

— Миледи, пожалуйста, откройте мне. Я не сделаю вам ничего плохого!

"Нортон?! — чуть не задохнулась от изумления Юлиана. — Откуда он здесь? Это невозможно, немыслимо!"

— Миледи, я знаю, что вы здесь! Я слышал, как вы плачете! Позвольте мне войти!

Девушка засунула в рот кулак свободной руки и больно прикусила сжатые пальцы, чтобы не выпустить рвущийся из груди крик о помощи. Подумать только: достаточно всего лишь сказать "Помогите!", и Эндрю найдет способ положить конец ее страданиям! Но инквизитор неминуемо узнает об этом, и тогда ее доброму спасителю придется очень-очень плохо. Нет, каким бы непреодолимым не казалось это искушение, нужно молчать! Только как молчать, когда сил на это больше не осталось?! Если она простоит так еще пару часов, то сама отгрызет себе руку, чтобы прекратить этот бесконечный кошмар. Что же делать?

"Я не могу так больше! Не могу!" — вопила она внутри, еще сильнее впиваясь зубами в пальцы.

— Юлиана, вы пугаете меня! Скажите хоть что-нибудь! Вы не можете говорить со мной? — обеспокоенно спросил Нортон, а потом сделал паузу, прислушиваясь. — Дайте хоть какой-нибудь знак! Например, постучите. Вы в беде, да?

— Мистер Нортон, со мной все в порядке! — решила ответить она. — Просто я тоскую по Виктории. Пожалуйста, оставьте меня одну! Мне необходимо выплакаться!

— Простите, но я не верю вам! Откройте мне на секунду дверь, чтобы я мог в этом убедиться!

"Пикнешь — твоим друзьям конец. Так что лучше не ори", — всплыла в ее памяти угроза Карминского. Но как не орать, когда уже столько часов стоявшее навтыжку тело грозило разорваться пополам, а мозг собирался впасть в долговременную истерику?

— Что мне может здесь угрожать? Заверяю вас, Эндрю, все хорошо! Прошу вас, уходите! — громко попросила охранника Юлиана. Она старалась говорить уверенно, но ее голос предательски дрожал, а под конец фразы она, совершенно измученная болью и отчаянием, вообще расплакалась. После минутной паузы за дверью послышались уходящие прочь шаги.

"Господи, что я наделала? Почему не попросила его о помощи? Мне конец! Сейчас я просто сойду с ума..."

Ее голова бессильно упала на грудь, а тело затряслось в спазмических рыданиях.

Вдруг справа раздался звук разлетающегося вдребезги стекла, шторы распахнулись, и мученица увидела, как Эндрю накидывает на торчащие из рамы острые осколки свою форменную куртку.

Безумная радость от его возвращения окрылила Юлиану.

Охранник влез в окно, нашарил в темноте рукой выключатель и зажег свет.

— Боже правый! — пятась обратно к окну, пробормотал он.

Вид подвешенной к потолку за окровавленную руку девушки ошарашил его. Он считал, что много повидал в своей жизни, но такого в ней еще не было.

— Эндрю... — вывел его из оцепенения ее слабый голос.

Мозг Нортон заработал четко и быстро. Он ухватился за кресло и подтащил к Юлиане. Приподняв ее, он бережно усадил ее на его спинку. Руке девушки стало немного легче, ноги же просто обмякли от расслабления. Только сдавленный теперь мочевой пузырь заявил о себе еще громче.

Юлиана признательно посмотрела на него опухшими от слез глазами.

— Спасибо вам!

Перед глазами Нортон потемнело от бешенства. Попадись сейчас ему в руки заставивший эту девочку так страдать садист, он бы, не задумываясь, разможил ему башку. Но с мерзавцем он расквитается потом. Сейчас главное — освободить Юлиану. Не теряя времени, Эндрю подставил под батарею стул и стал рассматривать, как закреплены наручники. Подергал цепочку, проверил нельзя ли вырвать из стены батарею.

— Ключа нет? — на всякий случай спросил он.

— К сожалению...

— Нужно вызвать полицию! Они смогут это снять.

— Нет! — перепугалась девушка. — Только не полицию! Прошу вас! Не вызывайте никого!

— Почему? — удивился Нортон. — Они помогут вам и накажут ту мразь, что это учинила!

— Прошу вас, не делайте этого! — взмолилась Юлиана. — Вызвав полицию, вы только усложните мое положение! Придумайте что-нибудь другое!

— Но я не умею открывать наручники, и перепилить или перекусить цепь мне тоже нечем... — растерялся Нортон. — У меня в дежурке совсем нет инструментов, а рабочие придут только утром... Что же делать?.. Я сейчас!

Он опрометью бросился на улицу и через несколько минут вернулся с топором в руке.

— Думаю, получится! Прикройте голову на всякий случай, — вручая ей в свободную руку подушку, велел он.

Девушка незамедлительно выполнила его распоряжение, хотя возможность получить травму головы ее сейчас не слишком волновала. На первый план вышло острейшее желание как можно скорей добраться до туалета. На миг ей захотелось попросить своего спасителя дать ей какую-нибудь емкость и выйти ненадолго, но она нещадно отмела эту мысль.

"Никто не должен видеть тебя слабой", — сказал Карминский. А Нортон и так увидел гораздо больше, чем было допустимо. Нужно терпеть.

Охранник стал на стуле поудобнее, чтобы был хороший размах.

— Эндрю, ради всего святого, можно скорей?! — простонала она, прикрывая голову подушкой.

— Нужно подложить что-то под наручник, чтобы при ударе еще больше не содрать

кожу, миледи, — спохватился он.

— Да к дьяволу кожу, рубите уже!

— Хорошо, — сказал Нортон и нанес сильный удар по соединяющей браслеты цепи. Как он ни старался, но первый его удар получился косым: топор звякнул о железо, дернув его в сторону, а от задетого потолка брызнули обломки штукатурки. От рывка по запястью девушки снова заструилась кровь.

— Потерпите еще немного, миледи! — Нортон сжал челюсти и рубанул по металлу во второй раз. С пятой попытки цепь разъединилась. Жалобно звякнув об наручник, она упала вместе с бесчувственной конечностью Юлианы вниз.

— Спасибо! — выдохнула девушка. Прижав к себе висящую плетью руку здоровой, она заковыляла в туалет так быстро, насколько позволяли подгибающиеся от многочасового стояния ноги.

— Бедная малышка... — сочувственно пробормотал ей вслед охранник.

В ожидании ее возвращения он поставил на место кресло и принялся за уборку. Обнаружив в подсобке щетку, он стал сметать с пола куски стекла, рассыпанной земли и отбитой штукатурки.

— Простите меня, мистер Нортон, я так боялась что лопну, что не поблагодарила вас как следует сразу, — раздался у него за спиной усталый девичий голос. — Вы спасли меня не только от мучений, но и от позора. Как вы догадались о том, что я нуждаюсь в помощи?

Эндрю ссыпал мусор в ведро и прислонил щетку к стене.

— Мне показалось, что вы меня позвали! — ответил он.

Юлиана так странно посмотрела на него, что он смутился.

— Не знаю, я вдруг ощутил, что нужен вам, и все. Странное совпадение, правда?

— Скорей, удивительное! Я начинаю думать, что вы мой ангел-хранитель, раз отзываетесь на мой мысленный зов.

— Если бы я был вашим хранителем, то не допустил бы такого отношения к вам, — серьезно ответил Эндрю. — Скажите, кто сделал это с вами? Тот, кто убил вашу подругу?

— Почему вы так решили? — насторожилась Юлиана.

— Слишком странно получается! Сначала убивают вашу соседку по комнате, а затем вы, свидетельница преступления, сами попадаете под удар. Я не верю в такие совпадения! Что за нелюдь издевается над вами?

Девушка присела на диван и стала тихонько баюкать безбожно болевшую руку.

— Я не хочу ни с кем говорить на эту тему, простите.

— Почему?! — не поверил своим ушам Нортон. — Этот человек хуже бешеного животного! Сегодня он вас приковал, а завтра решит посмотреть, что у вас внутри? Не молчите! Его можно и нужно остановить!

Она подняла на него снова блеснувшие слезами глаза:

— Его никто не остановит. Умоляю, оставьте свои попытки обезопасить меня! Они только навредят мне!

— Как? Как я могу их оставить? — поразился Эндрю. — Ведь вы погибнете без помощи!

Юлиана поняла, что так просто он не отступится, и решила солгать.

— Все будет в порядке! Утром я расскажу обо всем инкатору Карминскому. Уж он-то знает, что делать в таких ситуациях, вы согласны?

— Да, — с облегчением согласился охранник. — От него толку будет больше, чем от

любого другого. Я тоже поговорю с ним и попрошу, чтобы он не оставлял вас без охраны, пока не поймают мучающего вас негодяя.

— Вам не нужно в это вмешиваться! — исказившимся от страха голосом воскликнула Юлиана. — Я и сама с этим прекрасно справлюсь!

— Да вы боитесь его! — безошибочно определил Нортон.

— Кто же не боится инкаторов? — попробовала отшутиться она. — Он строгий учитель, и да, я побаиваюсь его. Но он профессионал, и наверняка поможет мне.

— Да, это так. Но вы должны дать мне слово, что он узнает о случившемся этой ночью!

— О да, не сомневайтесь! — расхохоталась близкая к нервному срыву Юлиана. — Он узнает об этом в восемь утра. Максимум в полдевятого! Будьте добры, подайте мне из шкафа платок! Он в нижнем ящике.

Эндрю вытащил из шкафа платок, и она обмотала им изодранное железным браслетом запястье, прямо поверх наручника.

— Нужно как-то снять эту дрянь, — поморщился Нортон. — Только как?

— Давайте посмотрим в интернете?

— А это мысль!

Он сел за компьютер и погрузился в инструкцию по самостоятельному освобождению от наручников.

— У вас скрепка найдется?

— Да. Справа от вас средний ящик.

Нортон вытащил упаковку скрепок и старательно разогнул одну из них, после чего отогнул примерно двухмиллиметровый кусочек, сделав крючок.

— Что ж, попробуем! Можно вашу руку? Так... крутить справа против часовой стрелки...

Несколько минут он сосредоточенно копался в замке, нащупывая и отжимая защелку. Наконец дуга вышла из замка, и он смог перевести сдерживаемое до сих пор дыхание.

— Потрясающе! — восхитилась Юлиана, прижимая освобожденную ладонь к груди.

— У вас есть антисептик, чтобы обработать рану?

— Да, есть. Я в последнее время как ребенок: то коленки собью, то руку свезу, так что пришлось запастись им. Сейчас принесу!

Пока Нортон обрабатывал ей рану, она чуть не заснула. Еще раз взяв с нее слово, что она обо всем расскажет Карминскому, он удалился.

Проводив его за порог, девушка поставила будильник на половину восьмого и прямо в одежде рухнула на нерасправленную постель. Над ней черным коршуном пролетела мысль о том, как отреагирует на ее чудесное освобождение инкатор, но тут милостивый Морфей бросил на Юлиану покрывало бесчувственного оцепенения.

Будильник затрещал почти сразу после того, как она сомкнула веки. Во всяком случае, ей так показалось. Не в силах разлепить глаза, она попробовала наощупь выключить надрывающийся будильник и вскрикнула от резкой боли в руке. Зато глаза сразу открылись.

В первые секунды она бессмысленно смотрела в потолок, ничего не понимая. Было только смутное ощущение, что после пробуждения ее ждет что-то очень плохое. Потом мысли, словно сговорившись, безжалостным осиным роем налетели на ее не успевший толком проснуться мозг. Сначала заявили тягостные воспоминания, а следом за ними молнией полыхнуло осознание того факта, что сейчас придет Карминский, и ей придется объяснять ему, кто и как ее освободил. Хотя как, можно и не спрашивать: разбитое окно и

перерубленная цепь, вкупе с выбоинами на потолке, и так достаточно красноречиво ему все расскажут. Останется главный вопрос: кто?

Адреналин ошпарил ее изнутри, заставив резко сесть на кровати. Она стала рассматривать свою руку. Та распухла и местами посинела. Хуже всего было то, что она почти не слушалась. Хотя нет, это было еще не самое худшее. Худшее будет тогда, когда инкатор начнет выпытывать у нее имя ее спасителя.

— Не бойся! Не смей бояться! — уговаривала она себя, вставая на ватные то ли от усталости, то ли от снедающей ее тревоги ноги. Только тут до нее дошло, что в комнате стоит жуткая холодина и за шторами почти темно.

"Странно, если еще темно, то почему звонит будильник?" — подумала она.

Однако часы показывали восьмой час, а значит, должно было быть светло. Отдернув здоровой рукой штору, Юлиана поняла, в чем дело. С наружной стороны дома к выбитому окну были прислонены большие куски ДСП.

"Наверное, это сделал Нортон, чтобы хоть как-то защитить меня от ветра", — с благодарностью подумала она и стала переодеваться. Без пятнадцати восемь она без сил опустилась на кровать. Жутко хотелось выпить чаю, а лучше кофе, но девушка не рискнула. Вдруг Карминский, увидев, что его жертва свободна, решить возобновить пытку? Уж лучше совсем не пить, разве что пару глотков воды.

Встав с кровати, она подошла к графину, стараясь унять бившую тело дрожь. Без десяти... Что же говорить Жнецу? Как не подвести Эндрю под удар? А может, ему наплеши что...

Додумать она не успела: звук поворачивающегося в замке ключа разом выветрил из ее головы все мысли. Сердце заколотилось так, словно поставило себе целью во что бы то ни стало вырваться из грудной клетки.

Дверь открылась. В первую секунду Карминский даже слегка оторопел, не обнаружив жертвы на прежнем месте.

— Вот так, так! Кто здесь был? — поинтересовался он, кивая на болтавшийся на трубе обрывок цепи.

Юлиана промолчала.

— Не хочешь говорить? — сощурился он. — Ничего! У меня всегда есть средство сделать человека общительным!

— Этот человек не опасен для вас! — воскликнула она. — Он думает, что меня преследует кто-то из оставшихся в живых насильников, и я не стала его в этом разубеждать!

— И он удовлетворился твоими объяснениями и просто так ушел? — недоверчиво осведомился Жнец. — Даже не подумав вызвать полицию? Ты меня за дурака держишь?

— Я сказала, что попрошу о помощи вас. Ему этого оказалось достаточно.

— Меня? — Откинув голову, инкатор расхохотался. — Значит, я должен помочь тебе избавиться от себя? Какой остроумный ход! Мда...

Он подошел к окну, осмотрел закрывающие оконный проем листы ДСП, зачем-то потрогал торчащие из рамы осколки стекла. Пожевав губами, на всякий случай спросил:

— Имени своего скромного и по-детски доверчивого спасителя ты назвать мне, конечно, не хочешь?

Отрицательно покачав головой, Юлиана опустила глаза.

— Хорошо, настаивать не буду. Вообще-то, я сегодня хотел дать тебе выходной, но раз ты и без моего дозволения выспалась и отдохнула, то планы можно и поменять. Поехали на

учебу!

Кровь герцогини превратилась в эссенцию обездвигивающего страха. Что ее ждет сегодня? пытки, чья-то смерть?

— Чего ждешь? — буркнул Карминский. — Идем. Хотя стой! Перчатки есть? Надень!

Вытащив из шкафа пару тонких кожаных перчаток, она, сцепив зубы от боли, натянула их и вышла из дома вслед за учителем. Он обошел дом и стал рассматривать выбитое окно и следы под ним.

— Я думал, что избавил тебя от всех дружков из этой выгребной ямы, называемой университетом. Оказывается, нет... Ну, и на старуху бывает проруха...

Неподалеку от домика копошился пожилой седоусый дворник — сгребал в кучу опавшие, терпко пахнущие осенью листья.

— Эй ты, иди сюда! — крикнул ему инкатор.

Дворник тут же бросил свое неблагодарное занятие и подбежал к нему.

— Ты видел это безобразие? — указав на разбитое стекло, гневно спросил Жнец. — Почему на территории престижного учебного заведения происходят такие вещи? Куда смотрит ваша чертова охрана?

— Милорд, простите! Я не знаю... Я еще этого не видел... я сейчас... — испуганно забормотал уборщик.

— Ты сейчас вызовешь стекольщика и сварщика. Приведете окна в порядок и приварите к ним решетки. Я хочу быть совершенно уверен, что к герцогине больше никто не вломится, пока охрана просиживает штаны в дежурке!

— Помилуйте, я всего лишь дворник!

— Ты бездельник! Бегом за мастерами, и если к нашему возвращению мне что-то не понравится — шкуру со всех спущу! Идем, девочка.

При упоминании о решетках у Юлианы взмокли ладони. Теперь ее дом точно станет для нее тюрьмой.

— Куда мы сегодня поедем? — забираясь в утробу инкаторского "Кольбера" спросила она.

По лицу Жнеца скользнула коварная улыбка.

— Хотел тебе сделать сюрприз, но раз ты такая любопытная, так и быть, скажу сейчас. Мы едем играть! Я вдруг подумал, что в последнее время у тебя совсем не было развлечений, вот ты и ведешь себя как капризный ребенок. А как известно, чтобы отвлечь ребенка от чего-то плохого, нужно с ним поиграть. Обещаю, сегодня ты получишь массу эмоций!

От этого анонса сегодняшней программы девушке стало не по себе. В устах этого человека такие приятные понятия как игра и развлечение приобретали зловещий смысл.

— Ну, что ты накуксилась? — спросил инкатор.

— Вспоминаю нашу последнюю забаву, в конце которой мне пришлось поджарить живого человека, — хмуро уставившись в окно, пробормотала она.

— Клянусь, сегодня ты не будешь делать ничего подобного! Я осознал, что ты еще слишком юна и нежна для подобных уроков, и теперь буду учить тебя по-другому. Играя, как маленькую. Ну же, расслабься! — он шутливо хлопнул ее по больному плечу.

С шумом втянув в себя воздух, Юлиана удержала вскрик.

— Ой, прости! Совсем забыл, что у тебя ручка болит! Дай поцелую! — Наклонившись он издевательски чмокнул ее хрупкое плечико и погладил его большим пальцем. — Теперь не болит?

— Нет, — сжала зубы она.

— Вот видишь! Я когда был маленьким, то вечно попадал в какие-нибудь неприятности. То палец дверью прибью, то головой обо что-то треснусь. И сразу в рев! Знаешь, какой я в детстве горластый был? А потом появлялась мама, брала меня на руки и целовала больное место. И у меня все проходило, представляешь? Хочешь, каждый раз, когда ты будешь хныкать, я буду целовать тебя?

— Спасибо, обойдусь, — буркнула Юлиана.

Карминский с минуту рассматривал ее одутловатое от ночных рыданий лицо, а потом капризно проворчал:

— Что ты молчишь и молчишь? Поговорила бы со мной, что ли? Расскажи, каково это висеть на одной руке? Жутко интересно знать, что при этом чувствуешь!

— А вы попробуйте, — огрызнулась Юлиана.

— Я не настолько любопытен, — рассмеялся он.

Как оказалось, направлялись они в следственный изолятор.

— Ну, вот и приехали! — выходя из машины, радостно объявил Карминский.

— Я полагаю, играть мы будем не одни? — предположила герцогиня.

— Ну да! Чем больше участников — тем веселее!

Напевая себе под нос веселую песенку, он повел ее внутрь тускло-желтого, требующего ремонта здания. У Юлианы словно было дежавю: однообразные гулкие коридоры, спертый воздух, нервные служащие и тошнотворные предчувствия. Короткая заминка перед исцарапанной дверью, тускло освещенный кабинет. Покрытый серым пластиком прямоугольный стол, за ним два стоящих друг напротив друга стула. Еще один такой же стул в углу. Слева от двери — обитый коричневым дерматином продавленный диван, над ним — плакат изображающий приторно улыбающегося полицейского. Сколько раз она уже видела такие безликие кабинеты? Очень много.

Едва перешагнув порог, Жнец принялся за перестановку мебели.

— Так, расставим стульчики по-другому... — пробормотал он и с шумом перетянул стоявший в углу стул к узкому краю стола. — Это — самое неудобное для нашей викторины место, поэтому здесь буду сидеть я. Место следователя — самое удобное — займешь ты, ну а наш третий участник расположится напротив тебя.

Расставив стулья по своему вкусу, он обратился он к ожидавшему возле входа его распоряжений офицеру.

— Я слышал, у вас в изоляторе на днях юбилей?

— Да, милорд, — поклонился тот. — Тридцать пять лет со дня открытия.

— Подумать только! Тридцать пять лет! Я тогда еще только надеялся когда-нибудь выбиться в люди, — с ностальгией вспомнил Карминский. — Знаешь, во сколько лет я получил сан, Юлиана? В сорок два года! Тебе он достанется на двадцать один год раньше! Ну разве ты не счастливица? Так, что-то я отвлекся. Как вас зовут? — спросил он офицера.

— Капитан Лорка, милорд.

— В общем так, капитан Лорка. Решил я вам подарок к юбилею сделать. Неси сюда дела тех, кто собрался подавать апелляцию, а мы с помощницей сейчас их быстро пересмотрим, сэкономив вам и судьям кучу времени и нервов. Ну, чего стоишь? Давай, дуй в канцелярию! И людишек мне этих по одному заводи.

— Разве мы уже не играли в эту игру? — мрачно спросила Юлиана, когда капитан удалился.

— В приговоры что ли? Игнали, конечно. Но теперь у нас поменялись правила! Вот увидишь, игра будет незабываемой, ты такой еще не знаешь! Я сам ее только утром придумал, когда тебя неприкованную увидел.

Сердце девушки екнуло. То-то он не стал ее третировать дома. Решил устроить шоу поинтересней!

— Представляешь, пока ты была в бегах, Мэтт Сайленс повесился! — развалившись на своем стуле, весело поведал ей Карминский. — Тот самый, который не захотел помочь тебе! Видишь, есть на свете справедливость! А Юджина родители выгнали из дома после отчисления. Бедняга третий день сидит на игле, все не может в себя прийти!

Пальцы Юлианы задрожали, и она спрятала их под залапанной столешницей. Эдмунд, по-видимому, хотел продолжить свои рассуждения на эту тему, но тут вернулся Лорка и положил на стол перед ним стопку уголовных дел.

— Ты это, парень, пистолетик-то мне свой оставь, — попросил Карминский.

Капитан удивился, но молча вытащил из кобуры пистолет и отдал ему.

— Зачем он вам? — спросила Делайн.

— Как зачем? — сделал круглые глаза учитель. — Преступники все-таки, уголовники. Страшно мне безоружному с ними наедине оставаться. Ну, где там наш первый гость? — он взял дело с верха стопки и прочел написанную на папке фамилию. — Лукиан Карьялайнен, — с трудом выговорил он. — Ну и имечко, язык сломаешь. Ведите его сюда!

Через пару минут в кабинет завели высокого, стриженного под полубокс мужчину с яркими зелеными глазами. Под тюремной робой угадывалось рельефное тело. Жнец восхищенно зацокал языком.

— Гляди, какой красавец! Будь я девчонкой, влюбился бы в него! Нравится?

Парень герцогине понравился, даже очень. От него шла удивительно теплая энергетика. Юлиана была готова поручиться, что этот человек не мог сознательно принести вред другому человеку, во всяком случае физический.

Инкатор раскрыл его дело и стал читать.

— Так, что у нас тут? О! Изнасилование? Тебе что, девки так не дают?

— Я никого не насиловал, — угрюмо ответил Лукиан. — Я расстался с девушкой, а она в отместку написала на меня заявление. Можете меня проверить на детекторе лжи, раз не верите.

Голос у парня соответствовал внешности: сильный, звучный, с приятными обертонами. Такому хорошо бы петь в церковном хоре.

— Я сам лучше любого детектора, — похвалился Карминский. — И вижу, что ты не врешь. Угораздило же тебя с такой стервой связаться! Уведите его!

— Это все? — удивился Карьялайнен, не веря, что наконец дождался правосудия.

— Все, иди.

Как только конвоир вывел за дверь выкрикивающего слова благодарности парня, инкатор посмотрел на удивленную его поступком Юлиану.

— Вижу, он тебе понравился.

— Вы его отпустите? — недоверчиво спросила она.

— Еще не знаю, — развел руками Жнец. — Все зависит от тебя. Ответишь мне правильно на три вопроса — отпущу его на все четыре стороны, и даже денег на проезд дам.

— И что это за вопросы?

— Первый вопрос: была ли у него ямочка на подбородке?

— Не было, — с уверенностью ответила хорошо рассмотревшая лицо подследственного Юлиана.

— А какого цвета пуговицы были на его рубашке?

— Не помню. Кажется серые.

— Не верно! Они были коричневые! Ниткой какого цвета были отстрочены его рукава?

— Я не обратила на это внимания... — растерянно пролепетала девушка.

— Плохо! Двойка тебе!

Инкатор закрыл дело Карьялайнена и перечеркнул его крест-накрест.

— Что это значит? — спросила Юлиана.

— Это значит, что своей ненаблюдательностью ты поставила на нем крест.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Я приговорил его к смертной казни.

Кровь стремительно отхлынула от лица герцогини.

— Но за что?! — вскрикнула она.

— Снова ты невнимательна! Я же уже ответил — за то, что ты неправильно ответила на мои вопросы. Надо было не только его смазливую мордашку рассматривать, а еще и все остальное! Инкатор должен с первого взгляда подмечать каждую мелочь, а иначе он к чертям не годится!

— Но ведь он не заслуживает смерти, даже если виновен в своем преступлении!

— Думаешь, кто-то предъявит мне за это претензии? — насмешливо прищурился Жнец.

Глаза девушки наполнились слезами.

— Пожалуйста, пересмотрите ваше решение! — взмолилась она. — Я буду внимательней, клянусь вам!

— Конечно, будешь! — ободряюще заверил ее инкатор. — Следующий!

В комнату ввели следующего заключенного, пожилого грузного мужчину лет шестидесяти. Сморгивая застилающие глаза слезы, Юлиана впиалась в него взглядом, пытаясь до мелочей запомнить, как он выглядит.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Уведите! — спустя минуту приказал Карминский. — Ну, проверим, насколько внимательна ты была сейчас! Какого цвета были шнурки на его кроссовках?

— Белые! — наугад выпалила она, потому что до обуви в своих наблюдениях добраться не успела.

— Неправильно! У него вообще шнурков не было. Он обут в туфли!

Он взял из стопки следующее дело и перечеркнул его.

— Но ведь вы задали всего один вопрос! А где остальные? Ведь в первый раз вопроса было три! — вскакивая, закричала она.

— Первый раз был обучающим, а теперь началась настоящая игра. Правила просты: один человек — один вопрос. Ни больше, ни меньше.

— Вы не можете так поступать! Не можете казнить человека за мои ошибки!

— Могу, детка! Ты же знаешь, что я и не такое могу.

— Но как можно так просто оборвать человеческую жизнь? Неужели она для вас совсем ничего не стоит?

— Чужая? Ни сколько!

— Так нельзя, — глотая слезы, прошептала Юлиана. — Это бесчеловечно!

— Поплачь, не стесняйся, — благосклонно предложил Жнец, скручивая бумагу в трубку

и глядя в нее по сторонам. — Были времена, когда я готов был проливать слезы по раздавленной случайно букашке. Потом это прошло. А позже я понял, что люди ничем не отличаются от букашек и их можно и нужно давить, если они оказываются на твоём пути.

Отняв трубку от глаза, он протянул ее ученице.

— Возьми!

— Зачем?

— Я для тебя подзорную трубу сделал. Может, в нее тебе сподручней будет наших клиентов разглядывать?

Юлиана выхватила у него из рук скрученное дело и в сердцах бросила его на стол.

Карминский невозмутимо взял брошенный ею документ и поставил на нем жирный крест.

— Так, этого тоже в расход.

— Но почему?!

— За неуважение к учителю и его бескорыстным дарам!

Потрясенная до невозможности, девушка бессильно сползла на стул.

— Ты совершенно не контролируешь свои эмоции, девочка! — осуждающе заметил Карминский. — Нельзя показывать людям свои переживания. Это всегда будут использовать против тебя, как сейчас это делаю я. Пойми, несмотря на твою будущую огромную власть над тобой всегда будут те, у кого ее будет больше. Тебе необходимо научиться выкручиваться из неприятных ситуаций, когда ты что-то прошыпишь или перегнешь палку. А для этого ты должна виртуозно читать другого человека, не давая прочесть себя.

С понедельника я найму тренера, который научит тебя лицедействовать. Будешь заниматься с ним три раза в неделю, а в конце каждой недели я буду устраивать тебе экзамен вроде сегодняшнего. А пока хватит теории! Пора закрепить ее практикой. — Жнец показал на три перечеркнутых дела. — Хочешь спасти кого-нибудь из них?

— Да! — обнадежено встрепенулась Юлиана.

— Прекрасно!

Инкатор вышел за дверь и окликнул Лорку:

— Капитан, принесите мне пару десятков дел из архива.

Офицер немедленно принес требуемое и Карминский принялся объяснять Юлиане правила их очередной игры.

— Сейчас ты будешь про себя читать вердикт судьи, а потом говорить мне, виновен этот человек или нет. Тебе решать, когда говорить мне правду, а когда нет, но при этом твоя задача как можно больше раз обмануть меня. По крайней мере, не меньше двух. Причем врешь ты мне или нет, я буду решать исключительно по твоему виду. Здесь, — Карминский пересчитал папки, — двадцать два дела. Одно из них мы уберем во избежание ничьей. Если побеждаешь ты, то красавчик остается жить, если я, то мое решение останется прежним. Ну что, начали?

Юлиана набрала в легкие побольше воздуха, пытаясь взять себя в руки, и кивнула. Карминский заерзал на стуле, готовясь к новому развлечению. Она открыла первое дело с обвинительным вердиктом и сказала чистую правду:

— Виновен.

— Верю, — согласился инкатор.

Теперь попало дело с оправдательным приговором.

— Виновен, — снова повторила она.

— Врешь, — хмыкнул он, протягивая за делом руку и читая постановление суда. — Ну да, врешь! Давай следующее.

Стопка дел стремительно таяла, а вместе с ней и надежда спасти обреченного на смерть человека. И чем меньше их оставалось, тем хуже становились попытки Юлианы.

— 21:0 в мою пользу! — весело провозгласил Жнец. — Ты позорно проиграла мне! А вот если бы ты умела врать, этого бы не произошло! Еще разок сыграем?

— Больше не хочу...

— Ну и правильно! Мне тоже это надоело. Не люблю копаться в бумажках. Играть с живыми куклами гораздо интересней! Бери дело из первой стопки и пять минут его читай. После этого я буду экзаменовывать тебя по нему. Лорка! Лорка, ты где? — прокричал он. — Приведи ко мне... Юлиана, ну-ка покажи первую страничку... Приведи мне Мерфи Экмана.

Капитан быстро выискал в стоявшей у двери кучки узников крепкого бородача и втолкнул его в кабинет. Тот вызывающе вскинул голову, пытаясь не показать, насколько нервничает.

— Чего ты там стал как не родной? — поманил его рукой Карминский. — Иди сюда, присаживайся, пока девочка начитается.

Мужчина бросил на него исподлобья косой взгляд, но приглашение принял. Сковывающие его запястья наручники неприятно лязгнули, соприкоснувшись с металлической спинкой стула. В ожидании, когда истечет выделенное ученице время, Жнец завел с арестантом непринужденную беседу на отвлеченные темы. Через две минуты разговора узник слегка расслабился и довольно охотно отвечал на задаваемые ему вопросы.

— Юлиана, жаль тебя отрывать от такого увлекательного чтения, но твое время истекло. Пора играть. Сейчас проверим, как она запомнила подробности твоего дела, — заговорщически подмигнул собеседнику Карминский и протянул руку за досье. Она беспрекословно вернула его ему.

— Итак, первый вопрос: сколько ему лет?

— Сорок семь.

— Месяц рождения?

— Июль.

— Где родился?

— В Лимптоне.

— Неплохо, — похвалил инкатор, сверяясь с делом. — А теперь усложним задачу. Во сколько был обнаружен труп его жертвы?

— В 23.15.

— А какого числа родился главный свидетель обвинения?

— Не помню, кажется... кажется...

— Плохо, что не помнишь!

Карминский снял полученный от Лорки пистолет с предохранителя, и всадил пулю в колено подсудимого.

— А-а-а! Мать вашу! — заорал тот, скрючиваясь на стуле от боли.

Глаза Делайн полезли на лоб.

— Что вы делаете?!

— Как что? Ставлю прокол на твоих правах! Теперь скажи мне, какая надпись на пряжке его ремня?

— Не знаю...

Прозвучал второй выстрел, и взывший от боли бородач схватился за простреленный локоть.

— Почему вы стреляете в меня каждый раз, когда эта дура ошибается?! — истерично закричал он, зажимая рукой льющуюся из перебитого сосуда кровь. — Спросите у меня, я сам отвечу на ваши идиотские вопросы!

Третий выстрел, незамедлительно последовавший за этой гневной тирадой, пробил Экману плечо.

— А-а-а-а!!! Господи, до чего же больно! — заорал он.

— Не смей так больше отзываться о будущем инкаторе, говнюк! — спокойно предупредил Жнец, целясь ему в голову.

Сжав зубы, арестант скатился на пол и заскулил, свернувшись в клубок.

— "Больно, мне, больно. Не унять эту злую боль..." — прикрыв от избытка чувств глаза, пропел Карминский. — Я сегодня в голосе, Юлиана, не находишь? Как думаешь, если я запишу свой диск, он будет пользоваться спросом?

— Определенно, — слабо шевельнула губами она, слишком потрясенная, чтобы связно мыслить.

— Ты правда так считаешь? Хм... А что, можно попробовать! Я готов выставить себя на посмешище, сделав это, если ты правильно ответишь мне, в какой квартире проживает дед, слышавший крики жертвы вот этого джентльмена.

— Я больше не могу отвечать на ваши вопросы.

— Значит, ты снова проиграла. Сама его добьешь, или предоставишь это дело мне? Можешь даже самоубийством покончить! Видишь, какой богатый у тебя выбор? Ну, бери, бери! — он всунул ей в руки пистолет.

"Почему мне не хватает смелости убить себя? — размышляла Юлиана, принимая у него из рук смертоносную сталь. — На моей совести уже и так около десятка трупов. А сколько еще будет? Ведь это так просто — нажать на курок! Почему же я не могу заставить себя это сделать? А может, попробовать убить Карминского? Нельзя — пострадают мои друзья. Но эти люди хоть мне и не друзья, но тоже гибнут ни за что, и это будет продолжаться, пока Жнецу не надоест играть со мной в эту жуткую игру. А ему она очень долго не надоест — он ведь просто упивается чужими страданиями."

Ее колебания не ускользнули от цепкого взгляда инкатора. Он ухмыльнулся и на всякий случай зашел ей за спину.

— Никак не можешь выбрать жертву? — произнес он над самым ее ухом.

— Да...

— Что ж, пистолет у тебя, тебе и решать. Только помни, что убив меня, ты оставишь страну беззащитной. Ты же знаешь, что только благодаря мне и моей агентурной сети нам удастся хоть как-то держать в узде валькинорцев!

Как бы девушка его ни ненавидела, но его заслуг перед отечеством отрицать не могла. Даже король не уставал повторять, что без него стране пришлось бы очень туго.

— Генерал Ламберт удерживает их на внешних границах, а я не даю им навредить нам изнутри. А для чего нужна ты? Что ты умеешь, кроме как закатывать истерики? Умрешь — никто и не заметит! И воздуха другим больше останется, — вкрадчивым низким голосом увещевал ее он.

А ведь Карминский прав, подумала Юлиана. От ее смерти никому не станет ни жарко, ни холодно. Может быть, только Энтони поскучает за ней. И Эндрю, скорей всего,

огорчится. Но как же трудно сделать этот шаг!

Пистолет выскользнул из ее обессиленных пальцев и с грохотом упал на пол. Девушка вдруг осознала, что абсолютно не может управлять своим телом. Да что телом! Она и пальцем не может шевельнуть! Сама мысль о смерти парализовывала ее.

— Слабачкой была, слабачкой осталась! — разочарованно подытожил Карминский, подбирая оружие. — Лорка, приведите ко мне этих троих!

Явившийся на его зов капитан взял три врученных ему инкатором досье, избегая смотреть на корчащегося в луже крови заключенного. Через минуту конвой втолкнул в комнату троих скованных спина к спине арестантов. Велев приковать их к батарее, Карминский прогнал охрану.

— Не хочешь умирать ты, значит, умрут они! — оповестил он Юлиану. — Все.

Не обращая никакого внимания на перепуганные вопли и мольбы мужчин, он разрядил в них всю обойму и бросил пустой пистолет на стол. Пребывающая в ступоре Юлиана даже не повернула головы.

— Неженка! — презрительно скривил рот Жнец и несколькими ударами по щекам вернул ее в сознание.

— Послушай меня, малышка. Я уже понял, что добровольно ты на небеса не пойдешь, а значит, мне и дальше придется учить тебя. Такие тесты на наблюдательность и память я буду проводить тебе каждую пятницу, чтобы выходные не казались тебе раем. В итоге ты либо привыкнешь к смерти, либо научишься наблюдательности, либо свихнешься. Меня лично устраивают все три варианта!

Сдернув ученицу со стула, он поставил ее на ноги и повернул лицом к трупам.

— Что ты видишь? — потрянув ее, спросил он.

— Мертвых людей.

— Это не люди, Юлиана. Это твои двойки. Тебе их жалко?

— Да.

— Что ж, это даже хорошо. Будешь прилежно учиться — с каждым разом их будет становиться меньше. И прежде чем ты грохнешься в обморок, хочу предупредить: если завтра утром я не услышу от тебя имени того, кто тебя освободил, то мы снова поедем играть, только на сей раз в женскую тюрьму. А потом в детский дом или даже ясли. Ты же знаешь, мне все позволено!

Насчет детдома инкатор, конечно, приврал, но герцогиня поверила ему безоговорочно. Она не помнила, как вышла из кабинета, как отшатнулись от них стоявшие в коридоре уцелевшие узники. Не помнила угрюмые лица полицейских и молодой заплаканной уборщицы, шептавшей им в спину проклятия. На полном автопилоте она села в машину и уставилась на свои пальцы, еще помнящие прикосновение к ним оружия. Шофер бросил на нее сочувствующий взгляд и тронул машину с места. Карминский вытащил из портфеля шоколадку и предложил ее оцепеневшей Юлиане.

— Будешь?

Не дождавшись ее ответа, он добродушно проговорил.

— Детка, тебе не за что на меня обижаться! Я обещал, что буду отравлять твою жизнь всеми возможными способами, пока ты не покончишь с собой, и я свое слово сдержу!

Он отломил кусочек шоколадки, сунул его в рот, и снова поднес плитку к лицу девушки.

— Совсем не хочешь? А что ты хочешь? Может, снова попробовать сбежать? Нет? И правильно. Даже не думай о побеге! Потому что сбежать ты от меня можешь только на тот

свет, и я тебе уже много раз это предлагал. Но ты сама не хочешь облегчить свою участь, заставляя меня измышлять все новые способы доведения тебя до самоубийства. Тебе даже не жаль тех несчастных, которых мне приходится убивать из-за твоего упрямства. Или это просто трусость, а, Юлиана?

Поняв, что разговаривать с ней сейчас бесполезно, Карминский оставил ее в покое на все время поездки.

— До завтра, малютка! — ощерившись, попрощался он, высаживая ее возле дома. — Надеюсь, ты не забыла — утром я жду услышать от тебя два слова. Всего два: имя и фамилию того мерзавца, который сует свой нос в наши с тобой дела.

Дверь машины захлопнулась. Удаляясь, мягко зашуршали шины, а девушка все стояла у дома, не двигаясь с места.

"Если завтра утром я не услышу от тебя имени того, кто тебя отвязал, то мы поедем в детский дом..."

"Выдать ему Нортону? — изводилась она. — Немыслимо! Человек не должен платить жизнью за свое добросердечие! Но подвергать опасности детей еще страшнее — у этого нелюдя нет никаких моральных табу. Что же делать?"

"Я обещал, что буду отравлять твою жизнь всеми возможными способами, пока ты не покончишь с собой, и я свое слово сдержу!"

Сдержит, подумала Юлиана. Признав за ним полную и безоговорочную победу, она отогнала малодушный страх и купила в университетском ларьке пачку лезвий. По дороге домой она крепко сжимала их в ладони, пугаясь леденившего ей пальцы и душу решения. Она не могла думать ни о чем, кроме того, что совсем скоро покинет этот мир. Даже не заметила приветливо махавшего ей издали Нортону.

Охранника немного смутило ее невнимание. "Интересно, она рассказала инкатору про ночное происшествие?" — подумал он, озабоченно глядя ей вслед.

Странная походка девушки насторожила его. Она была больше похожа на заведенную куклу, чем на человека. Нахмурившись, Эндрю подошел к продавщице киоска с канцтоварами и спросил, что она только что купила.

— Да ничего особенного, — пожалала плечами торговка. — Пачку лезвий и канцелярский нож.

Побелев от страха, Нортон бросился за Юлианой вдогонку, не обращая внимания на удивленно отпрыгивавших с его дороги студентов. На улице ее уже не было, и он принялся колотить по ее двери кулаками.

Никто не открывал. Вспомнив, что окно у нее выбито и можно забраться внутрь через него, Нортон рванул за угол и растерянно уставился на невесть откуда взявшиеся на окнах решетки.

— Черт! — перепугано выругался он, и бегом вернулся ко входу.

— Миледи, откройте! Это я, Эндрю! Вы слышите меня? Закрывшись в ванной, Юлиана тревожно слушала как содрогается под его ударами дверь.

"Господи, ну зачем он снова здесь? Эндрю, меня просто нет дома! Уйдите, умоляю! Дайте мне просто умереть!" — в отчаянии думала она, глядя, как из глубокой раны на ее руке хлещет кровь. Странно, почему она так боялась самоубийства? Почему не сделала это раньше? Столько людей бы уцелело! Решительным жестом она нанесла себе второй

глубокий порез, чуть выше первого.

Боли почти не было. Или она просто была слишком заторможена, чтобы ее ощущать. Умирать ей больше было не страшно. Теперь она боялась только одного — того, что ее могут остановить по пути на тот свет, и тогда беспросветный кошмар, в который Карминский превратил ее жизнь, продолжится.

— Ваша светлость, откройте немедленно, или я сейчас вышибу эту дверь! — кричал издалека охранник.

Голова девушки начала тихонько кружиться, в ушах зашумело, и его голос доносился до нее приглушенно, словно сквозь вату.

— Пожалуйста, уйдите! Оставьте меня в покое! — заторможено прошептала она.

Стук все продолжался и продолжался, а потом раздался треск ломающегося дерева.

"Не успею! — запаниковала Юлиана. — Надо перерезать сонную артерию!"

Она стала перед зеркалом, примеряясь, но нанести себе смертельную рану не успела: дверь в ванную комнату слетела с петель, едва не прибив ее. От сильного удара по стене стеклянные полочки с шампунями, гелем для душа и прочей необходимой мелочью с дребезгом разлетелись, и все их содержимое оказалось на полу, вперемежку с осколками. Бутылочка с жидкостью для снятия лака разбилась, и в воздухе отчетливо запахло ацетоном.

Звон битого стекла еще не успел утихнуть, как внутрь ураганом ворвался перепуганный Нортон и перехватил руку собирающейся перерезать себе шею девушки.

Рванув ее на себя, он с отчаянной яростью прокричал ей в лицо:

— Что ты делаешь?! Ты что придумала?! Да куда же это годится?!

— Оставьте меня! — разрыдалась она, пытаясь окровавленными руками оттолкнуть его от себя. — Так нужно! Вы не понимаете, так будет лучше для всех! Я несу людям смерть и страдания, мне нельзя жить!

— Да что ты такое говоришь, сумасшедшая? — ужаснулся он. — Я понимаю, что твою подругу убили, но ты здесь ни при чем! Не ты виновата в ее смерти!

— Я! — закричала девушка. — Слышите, я! И в ее смерти, и в смерти всех других! Всю виновата только я! Все, кто приближается ко мне, находятся в страшной опасности! И вы тоже! Уходите отсюда! Немедленно!

— Девочка моя, ты бредишь! — растерянно проговорил Эндрю, сжимая в руках ее бьющееся хрупкое тело. — Это все потому, что ты после пережитого кошмара не позволила докторам помочь тебе...

Совершенно выдохшись, она перестала вырываться.

— Он ни за что не оставит меня в покое, — мертвым голосом проговорила она. — Этот ужас никогда не кончится! Как вы не поймете, что я не хочу жить? Прошу вас, уйдите! Я не хочу, чтобы на моей совести была еще и ваша жизнь. Он не пощадит вас!

Глядя в ее горевшие огнем непреклонной решимости глаза, Нортону самому захотелось плакать.

— Да о ком же ты, милая? Кто не оставит тебя в покое? Назови мне его имя! Скажи, что за гад довел тебя до такого состояния и я расквитаюсь с ним за тебя, клянусь! Ты ведь обещала попросить о помощи своего учителя, почему же не сделала этого?

Странно усмехнувшись, Юлиана отвернулась от него и вышла из ванной. Из ее руки на пол лился кровавый ручеек и Нортон бросился к бельевому шкафу. Разорвав на куски наволочку, он туго перевязал ей рану. С каждой минутой девушка выглядела все хуже, и он поднял ее на руки, намереваясь отнести к университетскому врачу, но наткнулся на такой

яростный протест, что растерялся.

Опасаясь обморока, он уложил ее на кровать и стал звонить своему давнему знакомому, отставному военному хирургу. Он коротко обрисовал ему ситуацию и попросил как можно быстрее приехать в университетский городок. В ожидании его приезда Эндрю присел на постель Юлианы и снова попросил:

— Милая, не скрывай имя того подонка-насильника, что терроризирует тебя. Просто скажи кто он, и ему не поздоровится!

Его речь прервал громкий истеричный смех:

— Нет никакого насильника! И я не нуждаюсь в вашей помощи! Я со всем могу справиться сама!

— Хорошо. Не хочешь моей помощи — не надо! Но то, что ты задумала, никуда не годится! Этот мерзавец убил твою подругу, довел до самоубийства тебя... Глупо доставлять такое удовольствие своему мучителю, кто бы он ни был! — Герцогиня рванулась, пытаясь встать с постели, но Нортон ее удержал. — Юлиана, прошу тебя, не вырывайся, не трать силы понапрасну, я все равно не дам тебе встать! Просто лежи до приезда врача, я ведь больше ни о чем тебя не прошу!

Сил сопротивляться не было, и девушка обмякла, мечтая сейчас только об одном — чтобы он поскорее ушел, и тогда можно будет повторить попытку уйти из жизни. Но только не дома. Надо уйти в заброшенную часть парка, когда стемнеет — там ее до утра никто не найдет, — и завершить начатое.

А если он не уйдет, испугалась она? Вдруг решит присматривать за ней? Надо придумать способ избавиться от него!

— Ты ведь очень умная, Юлиана, — увещевал ее Нортон. — Я бы на твоём месте нашёл способ заставить твоего мучителя заплатить за все, а не убивать себя!

— Это невозможно, — отвернувшись от него, горько ответила она. Лучше разглядывать, как кровь пропитывает повязку на её руке. Вот проступившая капля расплзается по ткани причудливым узором, прорисовывая канву красным цветом. А теперь и остальные волокна окрасились в насыщенный темно-алый оттенок. Завораживающее зрелище... И убаюкивающее к тому же. Так бы смотреть и смотреть, пока не уснешь навсегда. А спать хочется все сильнее. Почему он не замолчит, и не даст ей уснуть?

Глядя как у нее начинают слипаться глаза, Эндрю заговорил еще громче, боясь, что если она уснет, то может больше не проснуться.

— Говоришь, невозможно? Пусть так! Но ты же не всегда будешь слабой девочкой! Скоро ты станешь могущественным инкатором и сможешь заставить платить по счетам всех, кто принес тебе боль!

"К сожалению, не всех..."- мысленно ответила она и попыталась сменить тему.

— Вы призываете меня к мести. А как же прощение?

— К дьяволу прощение! — с жаром воскликнул Эндрю. — Заставь подонка умыться кровавыми слезами! Я знаю, ты сможешь, потому что ты сильная! Ты просто обязана заставить эту планомерно изводящую тебя тварь вынудить заплатить за все! Почему ты не попросила помощи у учителя, Юлиана? Ты ведь мне обещала! Если ты настолько его боишься, то я это сделаю за тебя! Знай, после того, как врач окажет тебе помощь, я пойду в полицию и расскажу обо всем, что здесь произошло!

По коже герцогини пробежал мороз. Сколько лишнего она ему наговорила, пока была в истерике! Надо срочно исправляться!

— Почему вы решили, что я не сдержала обещания? Я рассказала инкатору обо всем, описала преступника, и он сразу же предпринял меры, чтобы его поймали в самом ближайшем будущем. Даже решетки мне на окна приказал приварить, чтобы обезопасить меня, — впервые в жизни убедительно соврала она.

— Правда? — облегченно вздохнул Нортон. — Но тогда почему ты решила убить себя?

А теперь что ему наплести? Вспомнив о своих кошмарных снах, Юлиана решила все свалить на них.

— Ко мне постоянно приходят призраки убитых и угрожают забрать к себе всех, кто мне дорог. Это невероятно пугает меня! Я не могу ни спать, ни есть. Они мерещатся мне всюду! Это так страшно! Даже в зеркалах я вижу не себя, а их! Я больше не могу так жить! Не хочу так жить...

Кажется, получилось в меру шаблонно и мелодраматично, подумала она. Как в сопливых фильмах, где несчастная героиня не выдерживает обрушившихся на нее ударов судьбы и в порыве отчаяния пытается лишиться себя жизни. А когда главный герой ее спасает, то она, рыдая у него на груди, всегда выдает подобную тираду.

Насчет того, что у нее самой очень много общего с этой пресловутой героиней, Юлиана заморачиваться не стала. Главное, что Нортон ей поверил.

Он облегченно вздохнул:

— Я уж думал, что... Впрочем, не имеет значения. Должно быть я ошибся!

— Никакой полиции, прошу вас! Карминский все сделает сам. Вы ведь понимаете, что полиция не сравнится с ним в эффективности? К тому же поднимется очередной скандал вокруг моего имени, а для меня это недопустимо!

Эндрю сконфуженно кивнул, потом налил в стакан воды и протянул ей:

— Простите, герцогиня. Я так разволновался, что на время забыл кто вы. Вы теряете кровь, выпейте хоть воды.

Беспрекословно выполнив его просьбу, Юлиана снова попросила его уйти.

— И не надейтесь. Я пробуду с вами до утра! — ошарашил ее он.

— Вы с ума сошли?! Хотите погубить мою репутацию?

— Если я не погублю вашу репутацию, вы погубите себя, — безапелляционно заявил он.

— Я больше не стану пытаться убить себя, — с досадой пообещала она.

— Извините, миледи, но я не верю вам. Поэтому останусь здесь.

— Вы погубите нас обоих! — всерьез испугалась девушка.

— Вы и так собрались умирать, чего вам бояться? А я не знаю, что может мне грозить.

Если это и правда призраки, то я их не боюсь, поскольку в них не верю. Но если это человек, то предпочитаю быть рядом с вами, когда он сюда явится. Разумеется, до тех пор, пока Карминский не поймает его.

Она открыла рот, чтобы возразить, но, решив что это бесполезно, насупилась и замолчала. Заметив ее недовольство, Эндрю ободряюще накрыл ее ладонь своею. Прикосновение его заскорузлых пальцев действительно приободрило ее и дало почувствовать, что она не одинока в этом мире.

— Сейчас придет врач, Хьюго Кэрл, — оповестил ее он. — Он такие швы накладывает, что от ран следа почти не остается. Настоящий мастер!

— Но мне нечем ему заплатить! Все и так прекрасно заживет! — запротестовала девушка.

— Я не собирался предъявлять счет вам, — улыбнулся ей Эндрю. — У меня есть

сбережения, и я хочу потратить их на доброе дело, а не на очередную ненужную покупку.

Такая благотворительность никак не укладывалась в голове Юлианы.

— Объясните мне, — попросила она, — почему вы так заботитесь обо мне? Ведь я посторонний вам человек!

— Вы чуть младше моей дочери. Возможно, если я помогу вам, то кто-то когда-нибудь поможет ей. Я верю, что добро всегда возвращается к человеку, равно как и зло.

— Тори тоже так говорила, — опустил глаза, вымолвила Юлиана.

Врач приехал минут через сорок после вызова. Не задавая лишних вопросов, он обработал раны и наложил косметические швы. Потом достал из кожаного чемоданчика пачку антибиотиков и вручил девушке.

— Это поможет остановить попавшую в рану инфекцию. А вот этим обрабатывайте швы, — он протянул ей бутылочку из темного стекла и упаковку стерильных салфеток. — Но если станет хуже — немедленно покажитесь врачу, не то можете потерять руку, или даже жизнь.

Юлиана невидяще уставилась в окно.

— Впрочем, именно жизнь вы и хотите потерять, — невесело усмехнулся доктор. — Тогда возьмите еще это, — он снова полез в чемоданчик и извлек из его недр пузырек с розовыми маленькими таблетками. — Принимайте по две штуки за один раз — поможет успокоиться.

Этот подарок сильно обрадовал мечтавшую о забвенье Юлиану. Взяв бутылочку, она благодарно улыбнулась доктору.

— Эндрю, проконтролируй, чтобы она не выпила таблеток больше, чем необходимо, — обратился он к приятелю, разбивая в прах ее мечты. — Через три дня я заеду к вам снова. Всего доброго!

Ободряюще улыбнувшись пациентке, врач откланялся и ушел. Нортон прикрыл за ним дверь и принес ей воды, запить таблетки.

— Спасибо, Эндрю, — поблагодарила она. — Не сердитесь, но мне нужно ненадолго уйти.

— Куда это? — насторожился он.

— Хочу попросить коменданта переселить меня куда-нибудь. Здесь все напоминает о Тори. Ее призрак... ну вы понимаете...

Юлиану страшила уединенность ее превращенного Карминским в тюрьму домика, а в общепитии всегда была уйма народа, да и на окнах не было решеток. Сколько бы ей ни осталось жить, она больше не хотела оставаться здесь, в беззащитном одиночестве.

Нортон кивнул и собрался идти с ней.

— Пожалуйста, останьтесь здесь! — взмолилась герцогиня. — Я не хочу привлекать к нам внимание! Клянусь, что просто поговорю насчет комнаты и вернусь! Хорошо?

Видя как она волнуется, охранник решил на уступку.

— Если вас не будет через сорок минут, я пойду вас искать, — предупредил он.

— Договорились.

Юлиана достала из шкафа платье и пошла в ванную переодеваться. Пока она была там, Эндрю выбрал себе на полке книгу и устроился в кресле, чтобы скоротать время до ее прихода.

Комендантшу девушка отыскала довольно быстро. Увидев ее, миссис Милн сразу изменилась в лице, а когда Юлиана изложила ей свою просьбу, беспомощно развела руками:

— К сожалению, я не могу найти для вас другое жилье, миледи.

— Но почему? — воскликнула та. — Разве никто не захочет жить в моем доме? Это из-за убийства, да? Но ведь оно произошло совсем не там! Я согласна абсолютно на любое жилье, хоть вшестером! Прошу вас, миссис Милн, подыщите мне хоть что-нибудь!

Комендантша быстро оглянулась по сторонам и доверительно зашептала:

— Девонька, я бы с радостью помогла тебе, но инкатор Карминский категорически запретил мне это делать! Я не могу его послушаться, ты же понимаешь...

Юлиана ее понимала очень хорошо. Никто не может его послушаться! Внутри нее все заклокотало от гнева. Она боялась сорваться на крик, поэтому поскорей удалилась, ни слова больше не сказав с жалостью глядевшей на нее женщине.

Как ни странно, но это стало последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. Кардинально поменяло ход ее мыслей, превратив из сломленной жертвы в бойца. Инкатор хочет ее смерти? Как бы не так! Думает, обложил ее со всех сторон, как волка, и теперь может наслаждаться ее агонией? Размечтался!

Нортон совершенно прав: нужно сводить счета не с собой, а с Карминским. Теперь герцогиня твердо решила выжить, несмотря ни на что, и расквитаться с ним при первой же возможности. И когда это произойдет — рано или поздно, — для нее больше не имело значения. Прежняя Юлиана, мягкая и очень ранимая, ушла в небытие. Она сгорела в огне выпавших на ее долю страданий, и из пепла возродилась совсем другая девушка: сильная и горящая жаждой мести. Она больше не позволит ему сломать себя!

Сейчас ей было стыдно за свою попытку свести счета с жизнью в угоду этому психопату. Теперь она будет умней, а главное — хитрей. Будет постепенно набирать мощь, играя по его правилам. Пока по его. Как справедливо подметил Эндрю, она не всегда будет маленькой и беззащитной. Очень скоро она окрепнет и возьмет реванш, заставив этого негодяя дорого заплатить за причиненное ей зло!

Карминский боится только короля? Что ж, она научится использовать это! Сейчас ее задача просто продержаться до каникул, которые она проведет с королевской семьей, а до них не так уж и долго.

Спеленутая удушающей паутиной страха и безысходности, ее душа вдруг разорвала путы и воспряла. Легкие расправились, позволяя дышать полной грудью, и в прояснившуюся голову пришла дерзкая мысль, побудившая Юлиану свернуть к дому Карминского.

В самом непродолжительном времени он узнает, что у нее выломана дверь и явится к ней требовать объяснений. Естественно, он сопоставит ее неожиданное спасение вчера с сегодняшним происшествием. Начнет допрашивать ее и других что, да как, и в конце концов доберется до Нортон. Так почему бы не попробовать сбить его с толку? А вдруг получится?

Не удосужившись даже постучать в его дверь, она нажала на ручку, открывая ее. Дверь оказалась незапертой, и девушка прошла внутрь.

Карминский стоял посреди комнаты, без брюк и в застегнутой на три нижние пуговицы рубашке. Бесцеремонное вторжение Юлианы изумило его: это было видно по его выпучившимся глазам и приоткрывшемуся рту. Вероятно, приземлился посреди его комнаты НЛО, он бы удивился этому меньше.

Немного опомнившись, он подскочил к стулу, на котором висели аккуратно сложенные брюки, схватил их и начал поспешно запихивать покрытую седыми волосами худую ногу в штанину. Присутствие Юлианы крайне смущало его, и нога никак не желала попадать в нужное отверстие.

— Выйди отсюда! — гаркнул он.

Она спокойно покачала головой.

— Не выйду.

— Может, ты хоть отвернешься, пока я оденусь?! — сердито прошипел он, натягивая штанину.

— Зачем? Я тут и не такое видела...

Чертыхавшемуся себе под нос инкатору пришлось завершать свой туалет под ее пренебрежительным взглядом. Он ощущал себя полным дураком, и это давно забытое чувство было ему крайне неприятно. Это в его присутствии люди должны себя так чувствовать, а не наоборот! Да что эта девчонка творит, в конце концов?! Совсем страх потеряла, что ли?

Он на пару секунд остановился, вглядываясь в ее лицо, и растерялся, не увидев в ее взгляде утренней затравленности. Вместо этого в нем была... Но это невозможно! Решительно невозможно! В нем была насмешка! Что же изменилось? Что вызвало в ней столь разительную перемену, недоумевал он.

— Какого черта ты вломилась в мой дом? — неловкими пальцами застегивая ширинку, процедил он.

Юлиана нарочито внимательно глядела на его жалкие попытки застегнуть брюки.

— Я хотела спросить у вас — зачем вы велели выбить мою дверь? — спокойно спросила она.

Уже готовые обрушиться на ее голову проклятия застряли у инкатора в горле, и он потрясенно вытаращился на ученицу:

— Что ты несешь?! Зачем, по-твоему, это могло мне понадобиться?

— За этим ответом я и пришла сюда. Мы возвращаемся после нашей увлекательной игры, и я обнаруживаю, что моя входная дверь разнесена в щепки. Это какой-то новый способ досадить мне?

Она прошла через гостиную и невозмутимо уселась на диван, где насильовали Тори. Прикосновение обивки обожгло Юлиану, словно ее коснулась не ткань, а руки насильника, но на ее расслабленном транквилизатором лице не дрогнул ни один мускул.

— Ах, я поняла! — с улыбкой воскликнула она. — Вы недавно жаловались, что ваша фантазия истощилась. Неужели настолько, что вы не придумали ничего интересней, чем поставить решетки и выбить двери? Даже первоклассники были бы оригинальней! К примеру, напустили бы мне в комнату мышей и лягушек — все знают, что девочки с трудом их переносят. Но ломать дверь... Так зачем?

Склонив голову вбок, она с усмешкой ждала ответа обескураженного ее неожиданной наглостью инкатора. Осознание того, что он — пусть и ненадолго, — растерянно замолк, приводило Юлиану в полный восторг.

— Да что ты себя позволяешь, нахалка? — наконец взорвался он. — Какие двери? Какие лягушки? Еще раз выкинешь подобное — жалеть до конца жизни будешь, поняла?!

— Вы сердитесь на меня, да? — расстроено спросила она. — Я сказала что-то не то? Но ведь они и правда мерзкие! Однажды в школе мальчики подкинули лягушку в сумку учительницы. Слышали бы вы, как она визжала!

Она идиотски захихикала, заставив Жнеца усомниться в ее здравомыслии. "Кажется, мой прессинг дал не тот результат, — озабоченно подумал он. — Вместо того, чтобы убить себя, девчонка слетела с катушек. Ведь не может же она так спокойно и нагло вести себя

сейчас, когда с утра ее просто трясло от страха и ненависти! Черт, как некстати!"

— А мыши! Вы их когда-нибудь нюхали? Они пахнут печеньем!

— Прекрати молоть чушь! — окончательно разнервничался инкатор.

— Значит, это не вы... — с сожалением проговорила Делайн. — Что ж, пойду спрашивать дальше...

Она дружески похлопала Карминского по плечу и вышла. От ее очередной вольности он с брезгливым испугом передернулся, но ничего ей не сказал.

Юлиана знала, что он будет наблюдать за ней через окно, и поэтому даже по дороге к университетским корпусам вела себя как безумная: то еле плелась, то принималась разбрасывать собранные дворниками в кучу листья, стойчески отгоняя от себя дикой силы желание броситься наутек.

Едва перешагнув порог своего дома, она с огромным облегчением сбросила с себя порядком утомившую ее маску.

— Как вы? — взволнованно спросил ее заждавшийся Нортон.

— Благодарю вас, все отлично! Прогулка освежила мой мозг, и теперь я в полном порядке, — сухо ответила она. — Больше с моей стороны не будет никаких глупостей. Совершенно никаких, — повторила она уже для себя. — Не понимаю, что на меня тогда нашло! Да, сейчас сюда придут чинить дверь, поэтому я прошу вас покинуть мой дом до того, как вас здесь увидят. Все ваши расходы я компенсирую в ближайшем будущем.

От ее официального тона Эндрю растерялся.

— Я все же пока останусь, — сказал он.

— Нет. Вы уйдете. Сейчас же. И больше никогда и близко не подойдете ко мне, — жестко проговорила Юлиана. — Обещайте мне это!

— Но почему?!

— Вы будете напоминать мне о минутах моей слабости. А это не самые приятные, к тому же унижительные воспоминания. Уходите!

Нортон был поражен произошедшей с ней разительной переменой. Теперь она несколько не походила на доведенную до самоубийства отчаявшуюся девочку. Скорей уж на своего учителя, холодного и категоричного. Потом он подумал, что виной этих перемен могло быть странное воздействие выпитых ею таблеток. Решив зайти к ней попозже, он сдержанно попрощался и ушел.

Юлиана села на диван Виктории, прислушиваясь к поселившейся внутри нее пустоте. Эмоции умерли. Душевная боль трансформировалась в закрывший сердце крепкий панцирь. Мысль о том, что она так некрасиво обошлась со спасшим ее от смерти и сделавшим ей столько добра человеком, не принесла раскаяния. Так надо. Она станет жестокой и бездушной, как того хочет Карминский. И тогда ей не придется беспокоиться о своих друзьях, потому что больше их у нее не будет. Она постарается отбить у людей желание даже подходить к ней. И у этого замечательного Эндрю Нортон тоже.

Мысль о том, что придется убить дарившую ей столько тепла дружбу, стиснула ее сердце, но только на миг. Ему же будет лучше. "Привязанности делают нас слабыми", — вспомнились ей наставления ее тирана. А ведь он прав! Тысячу раз прав! Значит, у нее не будет привязанностей.

Она стряхнула с себя вновь накатившее на нее оцепенение.

Скоро сюда явятся мастера, нужно убирать все следы пребывания в ее доме Нортон и врача.

Это оказалось не так-то просто. Слабость нарастала с каждой минутой, сердце прыгало так, будто ему поджаривали пятки, а в голове кружилась серо-белая свистопляска. Худобедно покончив с уборкой, она понадежней спрятала транквилизаторы и уселась в любимое кресло Тори. Воспоминание о ней снова расшевелило ноющую боль в груди, но теперь горю не удалось затопить Юлиану целиком, как раньше, и это было восхитительно.

Едва она присела, как к ней заявился Карминский. Увидев начисто вымытую дверь, он заскрипел зубами.

— Что ты наделала?! Зачем ты трогала дверь?

— Но ведь она была такая испачканная! Вся в следах от грязных ботинок! А Тори не любит беспорядка. А когда я ее вымыла, она меня похвалила. — Девушка повернулась вбок и взяла за руку воображаемую подругу. — Правда, Виктория? — улыбнулась она в пустоту.

Слушая ту ахинею, что она несла, Жнец впал в еще большее смятение.

— Либо ты полная кретинка, либо весьма умело прикидываешься! — пробормотал он.

Глуповато улыбнувшись, Юлиана встала с кресла и погладила его по груди.

— Ну, пожалуйста, не сердитесь на меня. Откуда я могла знать, что вам нужна эта грязь?

Карминский с отвращением оттолкнул ее, и она упала на кровать. Но вместо того, чтобы утомиться, принялась легонько подпрыгивать на ней, приговаривая:

— Прыг-скок! Прыг-скок!

Теперь Карминский всерьез забеспокоился за ее рассудок. Он сел напротив нее, кусая согнутый палец и размышляя, что с ней делать. Можно, конечно, отправить в лечебницу, но вдруг она там начнет болтать что не надо? Это в здравом уме она ни слова не проронит, чтобы не подвергать друзей опасности, но в таком состоянии будет молоть, что угодно. Может, на время оставить ее в покое? Или завершить начатое? Вторым вариантом ему нравился больше.

— Ладно, со взломщиком я после разберусь, — пробормотал он. — Мне сказали, ты хочешь переехать отсюда?

Лицо девушки озарила счастливая улыбка.

— Уже нет! Тут же моя подруга! Она вернулась ко мне! Разве вы не видите ее? — удивилась она. — Кстати, она ждет, когда вы уйдете. Ей нужно переодеться после занятий, а вы смущаете ее. Тори, — ласково обратилась она в пространство, — ведь это можно сделать и в ванной, раз мы не одни. Держи это платье, оно тебе очень идет!

Она, пошатываясь, добрела до шкафа, вытащила из него плечики с темно-розовым платьем и протянула его в пустоту.

Чего Карминский абсолютно не выносил и даже боялся — так это безумия. Не выдержав, он соскочил с кресла и вылетел из ее дома, даже не потрудившись закрыть за собой дверь.

Юлиана разжала пальцы, и платье шелковым водопадом пролилось на пол, превратившись в розовое озерцо. Закрыв лицо руками, она расплакалась. Она оплакивала Тори, теперь в последний раз. Больше слез по этому поводу не будет. Будет месть. Не сейчас, но позже — непременно. Отбросив от себя промокший насквозь носовой платок, она умылась и приняла еще пару таблеток, благословляя хирурга за такой своевременный и ценный подарок. Слишком измученная, чтобы переодеться, она рухнула на кровать и почти на сутки провалилась в сон без сновидений.

Будильник сработал ровно в семь утра. Так хорошо Юлиана давно не отдыхала. Она

сладко потянулась, заправила кровать и пошла в душ. Включив обжигающе холодную воду, стала смывать с себя остатки сна. Ее душевное состояние разительно отличалось от вчерашнего. Обреченность сменилась целеустремленностью. Докрасна растирая тело полотенцем, она вспомнила, что надо обработать порез и отклеила промокшую повязку.

Красный припухший шов ужаснул ее. Теперь она не понимала, как могла так безрассудно поступить. Все-таки, таблетки просто восхитительные — враз ставят мозги на место! И никаких тебе самокопаний, угрызений совести и невыносимой душевной боли. Класс!

Смазав шов щипучим антисептиком, она наложила на него новую наклейку, практически незаметную под рукавом. Потом достала из дальнего уголка шкафа спрятанную бутылочку с розовыми таблетками счастья, любовно погладила пузырек и приняла на всякий случай сразу четыре таблетки.

За окном что-то мелькнуло. Юлиана выглянула и увидела быстро спрятавшегося в кустах Нортон. Заглушив в себе желание приветственно помахать ему рукой, она демонстративно сдвинула шторы. Он вылез из зарослей, судя по лицу, сконфуженный и расстроенный, и потащился прочь. Девушка подождала, когда он скроется из вида, и тоже вышла из дома.

Навстречу ей то и дело попадались знакомые, с которыми она раньше с удовольствием проводила время. Они радостно приветствовали ее, а она только равнодушно кивала им в ответ. Удивленные ее непонятной холодностью, сокурсники озадаченно смотрели ей вслед, а она все шла вперед, не оглядываясь, верная своему недавно принятому решению. "Никаких привязанностей!" — заезженной пластинкой звучало у нее в голове.

Теперь ей предстояло самое трудное — встреча со своим кукловодом. Надо как-то избежать повторения вчерашней игры, не то ей даже четыре таблетки не помогут ее выдержать. Чуть помедлив у двери, она зашла в класс.

Карминский был уже там. Юлиана механически растянула губы, улыбаясь смотревшему на нее с опаской учителю. Ее голова стала невероятно тяжелой. Шевелиться совсем не хотелось, а думать становилось все труднее. Кажется, четыре таблетки все же перебор, решила она.

Хмуро оглядев похожую на сомнамбулу ученицу, инкатор жестом указал ей на парту, раздумывая, что за урок устроить ей сегодня. Куда-то вывозить ее он боялся. Кто знает, что свихнулось в мозгах этой девчонки? Судя по идиотскому выражению лица, она явно не в себе. Вдруг снова отчебучит что-нибудь вроде вчерашнего, или еще что похуже?

На память Карминскому пришел случай, когда обезумевший от пыток допрашиваемый, дико хохоча, стал размазывать по себе собственное дерьмо и есть его, а потом еще и кидаться им. Эта сцена до сих пор вызывала у инкатора дрожь омерзения и острое неприятие всех чокнутых.

Вспомнив частички фекалий на своем лице и одежде, он передернулся. Была бы его воля, всех психов убивали бы при первых же признаках безумия. Но Делайн трогать нельзя. Как назло, вчера король долго допытывался, как у нее дела. Даже собирался поговорить с ней, что делал крайне редко. Карминскому пришлось приложить уйму усилий, чтобы убедить его перенести разговор на следующий день. Тогда он надеялся, что к утру она придет в себя и не насторожит монарха своим странным поведением. И что же ему теперь делать с этой помешанной слабачкой? Что, если она начнет болтать королю, о чем не следует? Ведь вьедливый Оберон обязательно захочет проверить ее слова!

— Как твои дела? — больше из любопытства, чем из вежливости поинтересовался Карминский.

— Спасибо, прекрасно, — безучастно ответила она. — Теперь, когда Тори вернулась, все снова стало хорошо. — Вы позволите мне съездить к ней погостить на зимних каникулах?

— Ты ведь собиралась провести их у Астаротов, с принцем, — напомнил ей инкатор. — Забыла?

— Принц?.. — попыталась сосредоточиться Юлиана, но, сколько не морщила лоб, так и не смогла вспомнить кто это такой. Кажется, она знала какого-то принца... Или в сказке про них читала... Или... Ее мозг превратился в легкое облачко, а окружающая обстановка стала расплываться. Она теряла очертания до тех пор, пока не превратилась в водоворот слепящего света. Он стремительно закружил ее, утягивая куда-то вниз. Откуда-то издалека до нее донесся обеспокоенный голос учителя. Она попыталась ответить ему, но так и не смогла.

Карминский с тревогой смотрел, как ее взгляд теряет осмысленность. Потом глаза девушки закатились, и голова глухо ударилась о парту. В эту самую минуту ему позвонил король.

— Здравствуй, Эдмунд, — сухо сказал он. — Дай трубку Юлиане.

Как всегда, без предисловий и расшаркиваний, поморщился Жнец, сразу к делу.

— Это невозможно, Ваше величество, — проскрипел он. — У девочки жар, она без сознания, к тому же бредит.

— Что с ней такое? — встревожился Оберон.

— Ничего особенного. Обыкновенный грипп. Отлежится и через несколько дней будет в полном порядке, — заверил его инкатор.

На том конце провода воцарилось многозначительное молчание.

— Эдмунд, — после многозначительной паузы сказал король. — До меня дошли слухи, что в последнее время с нашей маленькой герцогиней что-то не так, и это мне очень не нравится. Что-то часто она стала болеть и пропускать занятия. Я искренне надеюсь, что не ты тому виной. Не забывай — она нужна мне живой и полностью здоровой. Как хочешь, но послезавтра она должна быть как новенькая! — потребовал король и отбился.

Карминский зло выругался. Зашибись! И как ему привести девчонку в чувство? Вызвать психиатра? Слишком опасно. А если просто приказать ему подержать ее несколько дней во сне, под сильными транквилизаторами? Может, тогда ее мозги станут на место? Да, так он и сделает.

Приехавший на вызов врач встретил его идею без энтузиазма, но безропотно погрузил Юлиану в наркотический сон. Через два дня в академию явился верный своему слову король. На пару со Жнецом они с трудом растолкали крепко спящую девушку. Оберон пытался поговорить с ней, но связного диалога так и не получилось. Только после этого он поверил, что его воспитанница серьезно больна, и потребовал перевезти ее в больницу.

Инкатор заверил его, что врачи и так предпринимают все возможное для ее излечения, но король был непреклонен. К тому же он решил прислать к ней своего личного доктора, ибо стопроцентно доверял только ему.

К несчастью, королевский лекарь так и не доехал до академии. Как потом сказали эксперты, за рулем у него случился сердечный приступ. В результате он потерял управление, врезался в придорожный столб и погиб от травм прямо на месте.

Оберона это известие не столько огорчило, сколько насторожило, и он решил еще раз проведать Юлиану, на сей раз в больнице. Он застал ее мирно спавшей под капельницей. Валявшийся на соседней кровати с книгой в руках, Карминский вскинул на короля оскорбленный взгляд и встал.

— Вижу, вы мне больше не доверяете, — недовольно проговорил он.

Астарот нахмурился, глядя на восково-бледные черты лица своей воспитанницы, и хмуро ответил:

— Обижает, Эдмунд, я никогда тебе не доверял! Позови мне ее врача! Хотя нет, я сам это сделаю, чтобы ты не успел его проинструктировать, что мне говорить.

Инкатор передернул плечами и вернулся на свою кровать. Наивность Оберона его даже обидела. Неужели тот не понимает, что с первой минуты появления Юлианы в стационаре персонал получил инструкции, как отвечать на каждый из его вопросов?

Лечащий врач подтвердил королю, что девушка тяжело переносит грипп, плюс ко всему у нее тяжелый нервный срыв.

— Поэтому мы решили дать ее организму возможность восстановиться во сне, — закончил врач.

Когда он ушел, король гневно спросил Карминского:

— Срыв? В связи с чем? Опять ты ее довел?

— Я? — громко оскорбился тот. — Да я берегу ее пуще глаза! И если бы вы не дергали меня в тот день своими поручениями, с ней ничего бы не произошло!

Далее он во всех красках расписал Оберону, что на самом деле так подкосило Юлиану, и как он ее спас в день Бала хризантем. Рассказал, как не допустил, чтобы ее имя упоминалось хоть в одном из полицейских протоколов, дабы его не трепали все, кому не лень.

Астарот принес разобиженному инкатору свои извинения, пожурил его за то, что тот не рассказал ему об этой трагедии раньше и уехал в полицию перепроверять его слова. Когда ему и там повторили все слово в слово, он решил поверить Карминскому до тех пор, пока

Юлиана не очнется.

Но потом ему стало не до нее. Снова набиравшая силу война требовала денег, и Оберон отправился в вынужденное турне по странам-союзницам с просьбами о помощи.

Четыре дня Карминский не решался разбудить Юлиану, опасаясь, что она и правда стала чокнутой. Но пустая трата времени бесила его, к тому же врач постоянно жужжал ему на ухо, что ей нужен хороший психолог, а не наркотики, и он в конце концов сдался.

Едва девушка открыла глаза, как он стал засыпать ее вопросами, проверяя ее рассудок. Еще ничего не соображавшая Юлиана автоматически отвечала на них, даже не понимая, кто их задает. И хотя ее речь была сильно замедленной, было ясно, что с головой у нее полный порядок.

Карминский так и не понял, притворным было ее временное помешательство или настоящим. Когда врачи признали состояние девушки удовлетворительным, он объявил им, что забирает ее домой.

Когда они вместе вышли из отделения, он, как бы невзначай, обронил:

— Сюда на днях попал твой хороший знакомый. Хочешь его навестить?

— Кто? — только и смогла спросить обомлевшая Юлиана.

— Пойдем, посмотришь! — хитро улыбнулся Жнец.

Он привел ее в отделение интенсивной терапии. Посреди небольшой палаты стояла высокая кровать, от которой во все стороны тянулось множество трубок и проводов. На ней лежал багрово-синий от побоев Эндрю Нортон.

Девушка громко вскрикнула и кинулась к кровати. Нортон приоткрыл сильно опухшие глаза и что-то невнятно прохрипел. Присоединенная к нему аппаратура часто запикала.

— О, господи! Что с ним? — заламывая руки, спросила Юлиана.

— Перелом гортани, множественные переломы ребер, сильное сотрясение мозга. Плюс отбиты почки, и ему до конца жизни придется жить на гемодиализе. Его позавчера избил. Эндрю, кому же вы так досадили? — ехидно осведомился инкатор.

Нортон потянул Юлиану к себе. Она наклонилась, и он прошептал ей в ухо:

— Это его вы боялись, да?

Шепот оказался слишком громким, и Карминский дребезжаще рассмеялся.

— А кого же еще? Зато теперь ты знаешь, кого благодарить за свое нынешнее состояние! Ну все, Юлиана, пожелай своему приятелю что-то банальное и неосуществимое вроде "скорейшего выздоровления" и пойдем!

Девушка судорожно сжала рукой холодную ладонь охранника, попрощалась с ним взглядом и молча вышла из палаты. Карминский ухмыльнулся и пошел следом за ней.

Как обычно, всю дорогу до академии они молчали. Сообщив, что утром ждет ее в классе, инкатор высадил ее возле дома и уехал. Пока она лежала в больнице, он вдоволь налюбовался на еще не успевшие зажить порезы на ее руках. Он надеялся, что демонстрации искалеченного Нортонa ей хватит для того, чтобы повторить свою попытку покинуть этот негостеприимный для нее мир.

На следующее утро Юлиана на занятие не явилась. Ее телефон тоже не отвечал. Теша себя надеждой, что она покончила с собой, Карминский поспешил к ней домой.

Она открыла ему почти сразу. Его пронизательный взгляд быстро обежал ее с головы до ног, подмечая домашнее платье вместо мундира, непримиримый взгляд и сузившиеся в точки зрачки.

— Даю тебе три минуты, чтобы переодеться, после чего мы едем в инкаторию, —

бросил он.

— Никуда я с вами не поеду! — отрезала Юлиана. — Уходите!

От такой решительной отповеди Карминский даже опешил.

— Серьезно? Боюсь, ты плохо понимаешь, что тебя в этом случае ждет! У тебя осталось полторы минуты на переодевание, иначе...

— Иначе что?

— Иначе я переодену тебя сам! — пригрозил он.

Она безразлично пожалала плечами и указала рукой в сторону валявшейся на полу темной кучки. Старый инкатор прищурил потерявшие былую остроту зрения глаза и понял, что это груда лоскутков, в которую его ученица превратила свои мундиры. Резко дернув девочку на себя, он прошипел:

— Да что ты себе позволяешь, маленькая дрянь?! Зачем ты это сделала?

— Потому что мне они больше не пригодятся! — огрызнулась она. Как ни хотелось Карминскому избить ее за этот поступок, он сдержал себя.

— Значит, бунт... — пробормотал он, выдвигая себе стул из-за стола.

— Ладно... Что-что, а бунты подавлять я умею! Глупая... Не жалко тебе себя совсем... Ты же понимаешь, что через пару дней станешь послушной рабыни?

Внутренности Юлианы болезненно сжались от его угрозы, но она не уступила своему малодушному желанию сдаться.

— Понимаю, — вместо этого ответила она. — Только что вам это даст? Из рабыни инкатора не получится!

Карминский усмехнулся.

— Сообразительная малышка! За это я даже на время забуду как ты меня бесишь и поговорю с тобой по-человечески. Да ты не стой, садись, вредительница мелкая, — еще раз глянув на сизую гору лохмотьев, предложил он. — Скажи, зачем ты меня злишь? Ведь ты уже не раз убедилась, что я слов на ветер не бросаю...

— Вы можете делать все, что вам заблагорассудится. Я своего решения не изменю, — твердо сказала она.

— Даже если?..

— Даже если вы убьете всех тех, кто мне был дорог, как сделали это с Эндрю. Мне все равно. Я больше не хочу быть слабой! А теперь уходите!

Инкатор озадаченно нахмурился.

— Вижу, у тебя еще наркоз не выветрился. Позже поговорим, — пробормотал он и ушел.

Юлиана заперла за ним дверь и прислонилась к ней спиной. Хорошо, сейчас ей удалось его выпроводить, но что будет потом? Насчет того, что судьба друзей ей безразлична, она, конечно блефовала. Но, кажется, он ей поверил. Вероятно из-за ее тусклого равнодушного голоса. Вид покалеченного Нортонна настолько оглушил ее, что она даже шевелилась с трудом.

Она ничком легла на кровать и стала размышлять, что ее ждет. Допустим, случится невероятное, и она отстоит свое право бросить эту ужасную учебу. Что тогда? Оберон ей этого не простит и наверняка вышвырнет из академии. И тогда ей придется вернуться к отцу, который тоже будет в ярости из-за ее поступка. Раньше Юлиана сильно боялась его, но теперь, в сравнении с Карминским, он казался ей милым безобидным ворчуном. Скорей всего он лишит ее наследства — мачеха давно об этом мечтает, и отправит в очередную

закрытую школу. А потом? Ведь ей уже шестнадцать, и через два года ее ждет взрослая жизнь, к которой она совершенно не приспособлена.

Был и другой вариант — король с инкатором найдут способ заставить ее учиться, но тогда ей тоже очень будут нужны деньги на побег. Горький опыт научил ее, что с пустыми руками в бега бросаться слишком рискованно. Но где брать деньги, если она ничего не умеет?

Юлиана потерлась лбом о покрывало, будто пытаясь смести окутывающую голову паутину страха перед будущим.

— Безвыходных положений не бывает! — неуверенно утешила она себя и поплелась на кухню варить кофе. Поставив перед собой огромную, дразняще пахнущую чашку, она села за компьютер и стала прикидывать, как можно заработать в ее случае. Вечерние подработки в университете отпадали — с ее титулом и близко не подпустят к уборке, да и заработать можно в лучшем случае на средненькую обувь. На такую сумму не проживешь. Может, попробовать интернет-заработок?

Решив, что других вариантов добыть деньги у нее все равно нет, она списалась со знакомым студентом-хакером и попросила его засекретить адрес ее компьютера. Симпатизирующий ей паренек пообещал, что ее серфинг в сети, после того, как он закончит, смогут отследить только спецслужбы, задайся они такой целью.

На запрос о заработке в сети поисковик выдал ей уйму сайтов. Она открыла один из них и погрузилась в чтение:

"Вы можете стать интернет-инструктором. Если вы что-то умеете делать очень хорошо и являетесь экспертом в какой-то области, вы можете написать об этом книгу или создать видеокурс и продавать эти продукты через интернет-магазин. Вы также можете давать платные онлайн консультации."

Юлиана горько вздохнула. Это ей не подходит. Какой эксперт из студентки-третьекурсницы? И что она может делать хорошо, кроме как учиться? Да и учит ее Жнец в основном только искусству всеми способами извлекать из человека интересующую других информацию. Но даже в этом она еще дилетант. Что ей более-менее знакомо, так это юриспруденция.

Следующие несколько часов она провела на юридических форумах, где одни просили консультации, а другие их давали. Зачастую, читая ответы "экспертов", она начинала смеяться, настолько они были безграмотными, и искренне сочувствовала тем несчастным, которые последуют их советам.

Вдруг одна из просьб привлекла ее внимание. Какой-то отчаявшийся паренек на каждой странице форума писал о своей беде, пытаясь получить хоть какой-то совет. Но все его упорно игнорировали. Только один из консультантов написал ему, что правды в его случае добиться практически невозможно. Мысленно обругав советчика, Юлиана написала парню обстоятельное письмо, в котором дала ему множество полезных советов. Оставалось только отправить его, но для этого нужно было зарегистрироваться на форуме. Выбрав себе ник Сутяжник, она отправила пареньку свое сообщение.

Карминский хмуро вертел в руках свой мобильник. С момента забастовки его ученицы прошли ровно сутки. А несколько минут назад ему позвонил Оберон и потребовал объяснить, почему Юлиана отказалась от занятий. Он, видите ли, ей позвонил, и она ему

заявила, что и под страхом смерти больше не будет учиться на инкатора. Идиот! Будто бы и так не ясно! Она сама понимает, что не годится для такой работы!

Эдмунд подавил захлестывающую его волну злости. Его последние надежды достучаться до своего монарха теперь окончательно растаяли. Они сильно повздорили, и опять не в его пользу. Он никак не мог понять, почему Оберон так заиклился на этой девчонке. Будто свет на ней сошелся клином, и других кандидатов на эту роль просто не существует! Одержимый просто!

Но так, или иначе, ссориться с ним и дальше становилось опасно, поэтому Эдмунд смирил свое бунтующее эго и решил разложить маленькой смутьянке все по полочкам. Раз уж не вышло избавиться от нее, значит, придется договариваться с ней полюбовно. Ох, как же это бесит!

Мысленно проклиная Оберона, Карминский натянул поверх мундира пальто и пошел к Юлиане домой.

Девочка встретила его настороженно.

— Зачем вы пришли? — натянуто спросила она.

— Нужно поговорить. Ты позволишь мне пройти?

Она посторонилась, пропуская его. Инкатор занял кресло, а она села напротив него на краешек кровати, напоминая ему готовую в любую минуту умчаться белку.

— Ну что, пришла уже в себя? — справился он.

— Еще вчера.

— И каково твое окончательное решение?

— Я вам уже озвучила его. Мне противны и инкаторы, и их методы. Я не хочу иметь с вами ничего общего!

Карминский расстроено покачал головой.

— Неужели ты и правда считаешь нас монстрами, живущими только ради того, чтобы причинять людям страдания?

Она уверенно кивнула. Эдмунд потер лоб и с сожалением сказал:

— Это я виноват в том, что у тебя сложилось такое представление о нашей работе. Я нарочно показывал тебе самые черные ее стороны. Но на самом деле все совсем не так. Мы делаем очень важное и нужное для всех дело: боремся с войнами, эпидемиями, мятежами, защищаем общество от самых опасных преступников. Не от той мелочи, которой ежедневно занимается полиция, а от тех, кто им не по зубам! Вспомни тот день, когда мы с тобой поругались из-за паяльника!

Юлиана бессознательно коснулась еще не успевшего побледнеть шрафика на ладони.

— Вижу, помнишь! — сказал он. — Ты была возмущена моей жестокостью по отношению к тому человеку, но в итоге он указал нам координаты террористов, которым помог въехать в Талинальдию. А они, между прочим, собирались заразить наше водохранилище вирусом куболы! Не вырви я у него признания, столица бы вымерла от эпидемии за считанные дни! И этот случай — не единичен! Ты считаешь себя великодушной, избегая марасть ручки в крови преступников. А настоящее великодушие в том, чтобы переступить через себя и делать то, что нужно, на благо миллионам! Или ты до сих пор наивно думаешь, что злоумышленника достаточно только ласково попросить, чтобы он открыл тебе все свои тайны?

Юлиана ничего ему не ответила, но по ее лицу было видно, что она задумалась над его словами. Отметив, что находится на верном пути, инкатор продолжил.

— Очень часто убив или замучив — даже просто для отстрастки! — одного человека, ты спасаешь сотни и тысячи других людей! Да, девочка, наши методы далеки от гуманных, — заметив как она нахмурилась, признал он, — но разве гуманно позволять террористам постоянно держать всех в напряжении? Разве нормально, когда валькинорцы взрывают школы и больницы, как было в прошлом году? Спроси любую мать, потерявшую тогда своего ребенка, что бы она сделала с этими гадами, попадись они ей в руки? Да она бы такие пытки им устроила, какие и я бы не придумал! А кто, как не инкаторы, ценой невыносимого напряжения, держат в балансе противоборствующие силы на северо-востоке? Уж не Астороты, конечно! Они умеют только сливки с наших трудов снимать и красиво улыбаться своим подданным с телеэкранов, пока мы делаем за них всю грязную работу!

— За что вы так не любите короля? — спросила Юлиана.

Карминский пожал плечами.

— А за что его любить? Он — пустышка, разбазарившая свою жизнь и таланты — кстати, немалые! — на всякую ерунду. Кроме того, он своими необдуманными поступками привел самую могущественную страну мира на грань краха. Уже за одно это мне порой хочется его убить!

— Я слышала, что фактически страной правят инкаторы. Почему же вы ему позволили ему это сделать? — недоуменно спросила девочка.

— Ох уж этот Тони! — криво усмехнулся Эдмунд. — Как всегда, слишком много болтает... Весь в отца! Да, государством в немалой степени правим мы, но мы не можем указывать королю, что ему делать, только даем советы, а уж следовать им или нет, решает только он сам. Проблема в том, что мы должны одновременно проводить в жизнь королевские решения и поддерживать жизнеспособность монархии. Вещи, прямо скажем, несовместимые, учитывая, что последний правящий Астарот, в отличие от своих весьма разумных предков, отличается редким самодурством!

— Но почему вы не убедите его издавать более рациональные указы, если они наносят стране такой вред? — поинтересовалась Юлиана.

— Кого? — вскинул руки Карминский. — Этого закоренелого упрямца? Ты же сама видишь, сколько мы с тобой усилий приложили, чтобы он оставил нас в покое! И чего мы добились? Ничего! Все наши старания превратились в ошметки наших нервов и изрезанной тобой формы! Кстати, зря ты ее испортила — она была на редкость удачно пошита и очень тебе шла!

Испытывая невесть откуда взявшееся чувство вины, Юлиана упрямо повторила:

— Она мне больше не нужна!

Инкатор развел руками.

— Ну, не нужна, значит, не нужна! Только потом не строй из себя патриотку и не ругай нынешние порядки — ведь у тебя была возможность их изменить, но ты ею не воспользовалась! Ты предпочла трусливо сбежать с корабля, вместо того, чтобы приложить все силы для его спасения! А ведь со временем ты могла бы много на что повлиять, учитывая то, как заинтересованы в тебе оба Астарота!

— На них даже вы повлиять не можете! — возразила Юлиана.

По лицу Карминского пробежала тень.

— А раньше мог, представляешь? — его слова звучали глухо, словно доносились из разделявшего время и пространство омута его воспоминаний. — Когда-то давно я считал Оберона почти сыном. Да что сыном — своей безраздельной собственностью! Он внимал

мне, как Богу, и тогда я думал, что так будет всегда. Но он смог обернуть против меня мое же оружие. Впрочем, я тебе уже об этом говорил. С тех пор я как сидящий на цепи пес: если хочешь в покое дожить то, что мне отпущено, то должен беспрекословно слушаться своего хозяина. Как и Хиггинс, и многие другие. В свое время мы все, привыкнув к тому, что ни один монарх до этого не вмешивался в наши дела, допустили ряд промахов. Недооценили ум и амбициозность молодого наследника, и в результате крепко попали к нему на крючок. Но наше время уже почти прошло, а твое только начинается, и если ты не повторишь наших ошибок, то твое могущество будет трудно переоценить! Разумеется, если ты будешь прилежной ученицей! Ах, да, забыл, что как раз именно это в твои планы и не входит! Ну что ж... Раз тебе больше нравится наблюдать за государственной политикой, чем творить ее, то я пошел!

Скрипнув стулом, он встал и направился к выходу, почти не сомневаясь в том, что Юлиана не даст ему уйти просто так. На ее лице было написано полное смятение, и он понимал, что эту битву он выиграл. Ему даже стало смешно, насколько легко ею манипулировать с помощью задушевных разговоров. Эдмунд взялся за дверную ручку, но тут она окликнула его.

— Пожалуйста, не уходите!

Инкатор будто нехотя повернул к ней голову.

— Чего тебе?

Девушка заломила руки, не зная, как получилось, что ее победа в этом споре не только не обрадовала ее, но даже очень огорчила.

— Я не знаю! — в замешательстве проговорила она. — Я совсем запуталась! Вы никогда не говорили со мной так раньше!

— Как — так? — ворчливо осведомился Карминский.

— По-хорошему. Доходчиво. Почему?

— Раньше я считал тебя тяжелым ярмом на своей шее, но сегодня узнал, что Витовский вот-вот умрет, и понял, что у нас с ним до сих пор нет достойной смены. Какими бы бессердечными негодьями мы тебе ни казались, мы любим эту страну и заботимся о ней, как умеем. И теперь пришла пора передать наши знания другим. Мы с тобой занимались целых два года. Жаль, если это время окажется потраченным впустую и ты не захочешь со временем занять место Витовского...

— Я теперь сама не знаю, чего хочу! — беспомощно пробормотала Юлиана.

Карминский ободряюще положил ей руку на плечо.

— Я понимаю тебя, — задушевно произнес он. — Давай так: я обучу тебя всему, что знаю и умею сам, но до конца учебы мы будем играть по моим правилам. Не потому, что я такой противный, а потому, что только так я смогу закалить твой характер и научить тебя быстро принимать правильные решения в самых трудных ситуациях. А когда ты повзрослеешь и выйдешь в самостоятельное плавание, то изобретай подходящие тебе способы работы сколько хочешь!

Герцогиня прижала ладонь к переполненной сумбурными мыслями голове. Так и не получив ее ответа, инкатор добавил:

— Мне трудно это признавать, но без тебя нам всем придется туго, Юлиана. Так уж вышло, что ты замечательно подходишь для этой работы, хоть она тебе и не особо нравится...

Она с изумлением посмотрела на него, и он закивал.

— Да, да, подходишь! Бог дал тебе усидчивость, целеустремленность, аналитический ум, а это очень важно, ведь в будущем тебе придется противостоять интеллектуалам!

— Вы ведь всегда повторяли что у меня вообще нет мозгов! — воскликнула она.

— А что ж я, хвалить тебя должен? Так я этого вообще делать не умею! К тому же недостатков у тебя на сегодня в разы больше, чем достоинств, но это все поправимо. При желании, к выпуску ты избавишься от большинства из них. Труд нам обоим предстоит, конечно, каторжный, но ведь и цель того стоит!

Девушка в замешательстве опустила голову.

— Прости, что был так жесток с тобой, — извиняющимся тоном произнес Карминский. — Пойми старика — нервы уже ни к черту! С одной стороны на меня насаждает король со своими бредовыми идеями, с другой валькинорец словно с цепи сорвался. Да еще нужно найти силы и время, чтобы заниматься с тобой. А я стар, болен, жутко устал и хочу хоть пару недель покоя...

Юлиана окончательно запуталась в своих чувствах. Десять минут назад ее мутило от ненависти к своему учителю, а сейчас было почти стыдно, что она причиняет самому востребованному человеку королевства столько хлопот.

— Потерпи немного, детка! — попросил ее инкатор. -

Сначала всегда тяжело... Наберись знаний и опыта, а потом меняй мир к лучшему так, как захочешь! Или устранись, переложи ответственность на кого-то менее щепетильного, если тебя не волнует, сколько злодеяний совершится по твоему попущению. Подумай об этом, прежде чем дать мне окончательный ответ! Полистай дела в архивах и убедись, что наш вклад в спокойствие государства неоценим. Я даже не буду тебя с этим торопить. Сегодня я уеду на границу — там я сейчас гораздо нужнее, чем здесь, а через пару недель вернусь за твоим ответом. Договорились?

Юлиана только и смогла, что молча кивнуть.

Карминский шел по шуршащей гравием дорожке на окраине парка и улыбался. Дети, какие же они простодушные! Особенно девочки.

Он остановился у похожей на шар сосны, привлеченный скакавшей по ней белкой. Вытащив из кармана пакетик миндаля, который держал при себе для быстрого перекуса, он высыпал орехи себе на ладонь и протянул их белке. Пару минут та раздумывала, не сводя с орехов жадного взгляда, а потом соскочила с ветки и подбежала к нему.

— Доверчивая глупышка, — ссыпая орехи на землю, проговорил он. — Совсем как Юлиана! Бежишь за подачкой, забывая об осторожности, стоит только поманить!

Телефон в его кармане заиграл государственный гимн, уведомляя о звонке короля. От испуга белка бросила орех и припустила прочь. Карминский с сожалением смотрел ей вслед. Животные были его единственной слабостью. Только им он мог отдавать свою нарастраченную любовь. Вздохнув, он поднял трубку.

— Ты говорил с Юлианой? — без предисловий спросил его Оберон.

— Говорил, — буркнул инкатор. — Она продолжит учебу.

— Продолжит?! — задохнулся от изумления король и тут же с беспокойством спросил: — Что ты с ней сделал?

— Ничего из того, что она заслуживала! Просто обрисовал ей, сколько хорошего сможет сделать для страны сердобольный инкатор.

— И этого хватило? — недоверчиво спросил Астарот.

— Хватило и, думаю, еще надолго хватит. Во всяком случае, пока не развеется ее юношеский идеализм и желание сделать этот мир лучше.

— Эх, я ведь сам когда-то был таким же! — с ностальгией вздохнул Оберон.

— Не поверите, но я тоже! — признался Карминский. — Уверен, через пару лет ей самой будет смешно вспоминать о своих нынешних мечтах! Мы тут с ней решили прерваться на пару недель, а потом вернемся к занятиям, вы не возражаете, Ваше величество? Как раз успеете заказать ей новую форму, потому что ту, что у нее была, она изрезала в мелкие клочья!

— Да ты что? Маленькая революционерка! — хмыкнул король. — Это хорошо, что у нее остался характер даже после общения с тобой! Я рад, что вы с ней договорились. Удачного полета, Эдмунд!

Всю следующую неделю Юлиана провела, копаясь в архивах инкатории. За это время она убедилась, что инкаторы контролировали все сферы в государстве и были краеугольным камнем талинальдийской системы власти. Их полномочия были практически неограниченными, и юная герцогиня задумалась, как много пользы можно принести стране на этом месте. Только вряд ли из нее выйдет толк. Теперь она знала, что инкаторов подключают к делу тогда, когда оно заходит в тупик, как последнее средство, и это ее очень пугало. Юлиана была уверена, что неминуемо спасует в трудной ситуации, но тешила себя надеждой, что у нее впереди еще несколько лет, чтобы научиться принимать нужные решения.

Каждый вечер она заходила на юридический форум и щедро раздавала его посетителям свои советы, благо полученные ею знания позволяли ей с легкостью отвечать на большинство вопросов. Через неделю тот парень, которому она помогла первому, выиграл суд и завалил все форумы хвалебными отзывами в адрес Сутяжника. Так у нее появилась своя клиентура, готовая платить ей за онлайн консультации, и первые самостоятельно заработанные деньги.

Если она чего-то не знала, то немедленно изучала нужную тему самостоятельно или просила помощи преподавателей. Те умилялись ее тяге к знаниям и охотно отвечали на ее расспросы. Так и пошло: утром Юлиана посещала занятия в академии, а по вечерам, сделав уроки, выходила в интернет консультировать своих клиентов.

Не всегда все шло гладко. Иногда люди боялись рассказывать о своих проблемах по электронной почте и настаивали на личной встрече с Сутяжником. Таким она писала, что не может позволить себе прямых контактов, так как изолирована в клинике с открытой формой туберкулеза. Чаще всего такая отповедь принималась людьми адекватно и она, медленно, но верно, зарабатывала себе авторитет.

Когда отведенный ей на раздумья срок истек, Юлиана дала Карминскому свое согласие учиться у него и дальше.

— Мудрое решение! — похвалил он и тут же честно предупредил: — Только ты не думай, что я буду сюсюкаться с тобой! Пусть ты и девочка, но у тебя мужская профессия, поэтому никаких поблажек с моей стороны не жди! Твой чересчур мягкий характер нуждается в основательной закалке, и я приложу все усилия, чтобы он стал пусть не алмазом, но хотя бы кремнием.

На следующее утро они вернулись к занятиям, которые приобрели теперь совсем другой

характер. То ли инкатор смирился с неизбежностью, то ли изменил свое отношение к ней, но теперь он больше не старался довести ее до полуобморочного состояния.

Однажды у них зашла речь о судебных ошибках, и о том, кто в них виноват, и Карминский тут же предложил ей на денек побыть в роли судьи.

— Давай я принесу тебе несколько свежих судебных решений, а ты оценишь, насколько они справедливы? Только, чур, руководствоваться ты при этом будешь не эмоциями, а буквой закона! Если ты сможешь мне аргументировано доказать, что какой-то из приговоров нуждается в пересмотре, то я позволю тебе самой вынести новый вердикт. Согласна?

— У меня еще слишком мало опыта, чтобы этим заниматься, — засомневалась Юлиана.

— Да брось ты скромничать! Я же вижу, как загорелись у тебя глаза от желания кого-нибудь спасти! Тем более, что я выберу для тебя дела именно по тем темам, что мы уже проходили! — подзадоривал ее инкатор. — Что, никак не можешь решиться? Ладно, нюня, я сделаю это за тебя! Завтра вечером заеду в суд и привезу тебе оттуда немного практической работы.

На следующий день, примерно в девятнадцать часов вечера, Карминский приволок ей в класс огромную кипу дел и вывалил их на стол перед ней.

— Вот! Это все тебе, чтобы ты не говорила, что я с тобой только допросами и занимаюсь! Это, — он ткнул пальцем в кипу — решения суда за последнюю неделю. Можешь начинать свою миссию спасения прямо сейчас!

Юлиана растерянно смотрела на стопку — она все еще надеялась избежать такой тренировки.

— И это твоя признательность за мою доброту? Могла бы хоть для вида обрадоваться! — недовольно проворчал инкатор, наливая себе из графина воды. — Ладно, я привык к неблагодарности...

Не подрастатив, он перелил воду через край стакана и с досадой посмотрел на расплывшееся по мундиру пятно.

— Рядом с тобой все не слава богу! — поморщился он. — Ухожу я от тебя, пока ты совсем не лишила меня удачи. А ты к завтрашнему дню чтобы пересмотрела эти дела. Твоя задача либо подтвердить, либо изменить вынесенные приговоры. Естественно, исходя из закона. Дам небольшую подсказку: не все приговоры здесь справедливы. Посмотрим, сможешь ли ты помочь восторжествовать истине. Если да — перейдем к новому этапу обучения, а не сможешь — снова вернемся к допросам, и тогда не ной. Ну, я пойду, а ты пока вживайся в роль Фемиды.

Как только он ступил за порог, Юлиана подпрыгнула от радости и подбежала к стопке дел. Неужели если она справится, то больше этих кошмарных допросов не будет? Да она костями ради этого ляжет!

— Ура! — прижимая папки к груди, восторженно заулыбалась она, а потом благоговейно открыла первое дело.

Приложивший ухо к двери с той стороны Карминский тоже был доволен, причем в гораздо большей степени, чем она.

— Порадуйся, моя маленькая. Пока порадуйся... — злорадно пробормотал он и, пританцовывая, пошел по коридору. Впереди его ждала игра в покер с ректором, а Юлиану — напряженная бессонная ночь.

Прошло три часа. Теперь поручение инкатора уже не казалось девушке таким радужным. Виски ломило, а глаза болели от напряженного всматривания в неразборчиво

написанные строчки. Она была просто счастлива, когда ей попадался отпечатанный, а не рукописный текст. Задание оказалось в разы сложнее, чем она думала — ей катастрофически не хватало знания законов. То и дело ей приходилось перерывать толстые тома юридических справочников в поисках нужной статьи, а потом читать толкования к ней. Пару раз Юлиану подмывало спросить совета у своего учителя юриспруденции, но было уже поздно, и она не решилась ему позвонить.

Повертев захрустевшей шеей, она посмотрела, насколько уменьшилась стопка с делами, и ужаснулась — та осталась прежней. Она посмотрела на тумбочку, где лежала уже сделанная работа, обнаружила там всего две жалкие папки и ужаснулась: неужели за все это время она пересмотрела всего два дела? На нее нахлынуло отчаяние — с такими темпами она и за неделю не управится!

Юлиана потеряла уставшие глаза и пошла к шкафу за очередным кодексом. Раскрыла том толщиной с руку и невидящим взглядом уставилась в расплывающиеся строчки, при этом не переставая твердить себе, что это в разы лучше, чем допросы. Кое-как разобравшись с третьим делом, она взглянула на часы. Начало четвертого.

Голова герцогини гудела от обилия новой информации и отказывалась воспринимать ее. Кодексы и справочники превратились для Юлианы в злобных чудовищ, насмехавшихся над ее несообразительностью и незнанием законов. На стопку с непечатыми делами она боялась даже смотреть — та упорно не уменьшалась.

Она взяла из нее очередную папку и стала читать, пытаясь вникнуть в смысл написанного. Какое там! — она даже не могла сфокусировать взгляд. Глаза сами собой слипались, во рту было сухо и шершаво, но идти за водой не было сил. Голова девушки бессильно опустилась на лежащие перед ней бумаги, и она на время отключилась.

Внутренний надсмотрщик разбудил ее спустя семь минут. Она с трудом поднялась со стула, потянулась и подошла к окну. Открыв его нараспашку, Юлиана наполовину высунулась в него в надежде, что холод хоть немного приведет ее в себя. Порыв ледяного ноябрьского ветра заставил ее зябко поежиться, но от окна она не отошла. Тело быстро замерзло, покрываясь мурашками, зато голова прояснялась.

Спустя несколько минут, она нашла в себе силы взяться за новое дело. Оставив раму открытой, чтобы холодный воздух в комнате прогонял сон, Юлиана стала читать о совершенном Клэр Эриксон преступлении.

Эта женщина хладнокровно отравила двух любовниц своего мужа, а потом и его самого. Помимо свидетельских показаний к делу было подшито признание Клэр, в котором она сообщала, что все убийства совершила из ревности и нисколько в них не раскаивается. Судья приговорил ее к смертной казни. Никаких неясностей в этом деле Юлиана не нашла и оставила ее приговор без изменения. Хоть одно дело попало простое! Вот бы и остальные были бы такими же!

Переложив четвертую папку на тумбочку, девушка уныло покосилась на угрожающе большую кипу непросмотренных документов. Интересно, в каком из них она найдет ошибку, и найдет ли ее вообще?

За окном послышался громкий собачий лай, и только тут до нее дошло, что окно до сих пор открыто, а она вся трясется от холода. Сунув бумаги подмышку, Юлиана почти бегом подскочила к окну, закрыла его и приложила окоченевшие руки к горячей батарее. Приятное живительное тепло потекло по ее телу, расслабляя его, но зубы по-прежнему стучали. Тогда она села на корточки и прислонилась к батарее спиной. Стало еще приятнее.

Не желая покидать теплое местечко, Юлиана подтащила к батарее справочники и несколько новых дел. На полу было холодно, и она уселась на самый толстый кодекс, готовясь снова отправиться в юридические дебри.

От тепла девушку снова стало клонить в сон. Вскоре документы выскользнули из ее ослабевших рук и она незаметно для себя уснула.

Ее разбудил громкий хлопок под самым ухом. Вздрогнув, Юлиана подскочила и увидела ухмыляющегося Карминского.

— Натуральный бомж! — оглядывая ее с головы до ног, с издевкой произнес он. — На полу, со вмятинами на щеке, растрепанная. Хотя твой макияж мне нравится: эта синева под глазами очень подчеркивает их красноту!

Смущенная и униженная, девушка попыталась хоть немножко привести себя в порядок. Ее тело разламывалось от сна в неудобной позе, мундир был измята, а нижняя пуговица вырвалась прямо с куском ткани. Про лицо она вообще предпочитала не думать. Вряд ли оно выглядело лучше формы.

— Сколько времени? — хрипло спросила она, торопливо собирая с пола папки с делами и справочники.

— Полдевятого, — презрительно наблюдая за ее суетой, сказал он. — Быстро заканчивай с уборкой — нам пора ехать!

— Куда? — встревожилась она.

Он расплылся в ехидной улыбке.

— Наша правоохранительная элита горит желанием познакомиться с тобой!

— Пожалуйста, только не сегодня! — вырвалось у нее.

— Что за фокусы? — сурово спросил Жнец. — Сегодня в десять состоится собрание всех представителей Верховного суда. Очень удобный случай, чтобы представить тебя им. Я пообещал, что привезу тебя на их совещание, и не собираюсь выглядеть лжецом из-за твоих капризов!

— Но я не могу появиться перед ними в таком виде! — уставившись на прореху в мундире, простонала герцогиня.

— А я говорил тебе, что инкатор всегда должен быть на высоте! — осуждающе напомнил Эдмунд. — Потому что его могут вызвать на службу в любую минуту!

Юлиана густо покраснела. Ее единственным желанием сейчас было раствориться, превратиться в облачко и развеяться по ветру, только бы никто не увидел ее позора. К несчастью, это было невозможно. Глубоко вздохнув, она смирилась с неизбежностью, потому что упрашивать Карминского о чем-либо было бесполезным, если не сказать, опасным занятием.

Она залезла на стул, укладывая тяжеленный справочник на расположенную под потолком полку.

— Ну что, все дела просмотрела? — раздался за ее спиной вопрос учителя.

При мысли, что она не сделала и четверти работы, сердце девушки зашлось от волнения.

— Нет, милорд, не все, — не поворачиваясь к нему, ответила она. — Это оказалось слишком сложно для меня. Как оказалось, я еще не готова к подобной работе.

"Потому что это просто нереально переделать за такое время! Нереально даже просто вдумчиво прочитать!" — возмутилась она в душе.

На удивление, ее учитель совсем не рассердился.

— Покажи хотя бы, что сделала, — попросил он.

Выровняв корешки книг, Юлиана спустилась вниз. Взяв с тумбочки тоненькую пачку дел, она протянула их ему.

— Пять штук из двадцати? — невыразительным тоном поинтересовался он у нее, листая документы.

— Да, милорд, — убито подтвердила она.

Инкатор пересмотрел заголовки дел.

— Нашла что-нибудь не то? — с любопытством спросил он.

— Не нашла, — с горечью отозвалась Юлиана. — Я почти ничего в этом не понимаю. И, наверное, никогда не пойму... Это слишком сложно для меня...

В ее голосе слышалось такое отчаяние, что даже Карминский счел возможным поддержать ее.

— Поймешь. Все придет с опытом. А сейчас не пытайся объять необъятное.

"Ушам не верю! Это что, утешение?" — изумилась Юлиана.

Инкатор сгреб все папки со стола и скомандовал, направляясь к выходу:

— Идем!

Воодушевление герцогини тут же прошло, и она снова сникла. На душе было так муторно, словно ее вели к позорному столбу. Собственно, так оно и было. Хорошенькое мнение о ней сложится у людей, когда она на первую встречу с ними явится такой неухоженной! А ведь ей потом многие годы придется работать с ними!

Увидев приближающегося шефа, шофер вышел открыть двери для своих пассажиров. Карминский сел в машину первым. Юлиана хотела последовать его примеру, но он пренебрежительно бросил:

— Ты-то куда собралась, бродяжка? В таком виде тебе только на паперти стоять, а не с судьями знакомиться! Убирайся и приведи себя в порядок! Едем! — махнул он водителю.

Проводив глазами отъезжающий автомобиль, Юлиана вернулась в класс, чтобы найти оторванную пуговицу. Пока она искала, куда та закатилась, через приоткрытую дверь послышались голоса двух опаздывающих на урок студентов.

— Мне вчера звонила Линнет, — сказала одна из них. — Представляешь, Майклу дали десять лет тюрьмы!

От потрясения у Юлианы перехватило дыхание.

— Майклу? Тому самому парню, который работал у нас разнорабочим? — изумилась ее собеседница. — За что?! Он же безобидней хомячка!

— Не поверишь! Оказывается, он устроил в подвале нашего корпуса бордель! Линн, конечно, оправдывает его, говорит, что все это ложь, но ведь в полиции не дураки! А еще она жаловалась, что у них совсем нет денег на адвоката...

По мере удаления девушек их голоса становились все тише и, наконец, совсем стихли. Юлиана подняла закатившуюся за ножку шкафа пуговицу и изо всех сил вдавила ногти в ладони, пытаясь болью подавить затапливающее ее отчаяние.

Майклу дали десять лет? Как такое возможно? Карминский ведь обещал ей, что если она не будет пытаться ему мстить, то никто из ее друзей больше не пострадает! Или это его кара за изрезанные мундиры и отказ учиться? Ну конечно! Как она могла предположить, что

он оставит ее бунт безнаказанным?

— Майкл, прости меня! — закрыв лицо руками, прошептала она. — Простите меня все... Я постараюсь искупить хотя бы часть принесенного вам мною зла!

Она поднялась и взяла с полки кодекс, чтобы дома почитать его. Сегодняшняя ночь показала ей, сколько пробелов было в ее знаниях, а значит, их нужно побыстрее восполнить. Потому что только так она сможет заработать денег на лечение Нортон и нанять хорошего адвоката Майклу. И чем скорее она это сделает, тем лучше. А когда у нее появятся деньги на себя, то она немедленно сбежит из академии. К дьяволу эту учебу, а в особенности ее учителя! Она не пробудет рядом с этой жестокой тварью ни дня сверх необходимого. А еще до конца жизни будет молиться, чтобы он горел в аду!

Злость на Карминского и прогулка до дома по холоду здорово взбодрили Юлиану. По дороге она предвкушала, как всего через несколько минут превратится в Сутяжника, чья жизнь ей нравилась гораздо больше собственной. С тех пор, как она зареклась с кем-либо дружить, интернет стал для нее единственной отдушиной. Он давал ей и деньги, и возможность свободно контактировать с другими людьми.

Добравшись до компьютера, девушка вошла на форум, на котором теперь проводила все свое свободное время, и стала просматривать новые сообщения. Одно из них показалось ей очень интересным. Его прислал какой-то финансист, имевший в чате ник Скряга. Он предложил ей постоянное сотрудничество и пообещал ей выплачивать за ее услуги десять процентов прибыли от своих сделок. Она потребовала двадцать и тут же получила согласие. Ее несколько смутила его стоворчивость. Почему-то Юлиана расценила ее не как щедрость, а как неуверенность в своих силах. Но какое ей, в сущности, до этого дело? Главное, чтобы он ее не обманул с гонораром.

Скряга сбросил ей внушительный список вопросов и вышел из сети. Прочитав их, девушка приуныла — регулирование экономики было не в ее компетенции. Но не упускать же из-за этого такую прекрасную возможность заработать!

Это сотрудничество положило начало крепкой виртуальной дружбе. Карминский снова укатил на две недели, и свободная от занятий с ним Юлиана тоннами перерывала книги на нужные Скряге темы.

Пользуясь ее рекомендациями, ее новый друг совершал сделку за сделкой, часто на грани закона. Зато полагающиеся девушке дивиденды выплачивал регулярно. А еще они часто обсуждали свою личную жизнь. Общаясь с ним, герцогиня так вжилась в роль сорокачетырехлетнего туберкулезника, что иногда боялась перепутать себя с ним в повседневной жизни.

Все шло просто замечательно, пока ее виртуальный приятель не вознамерился познакомиться с Сутяжником вживую. Отговорка про туберкулез на него не подействовала, и ей пришлось спешно сочинять ему новую басню.

"Вообще-то, у меня нет туберкулеза, — призналась она. — Два года назад я сильно обгорел, стал уродом. Теперь я вызываю у людей только два чувства: отвращение и жалость, и ни одно из них мне не нравится."

"Ты женат?"

"Был. Причем четыре раза, — сочиняла герцогиня. — И всегда одно и то же! Ты им нужен только пока даешь им деньги и положение в обществе. А как только у тебя возникают проблемы, вся их любовь тут же проходит! Поэтому хватит с меня девушек!"

"Разве тебе не тяжело без них, как мужчине?"

"Надо будет — надувную себе куплю! — выкрутилась Юлиана. — Раз заплатил и больше никаких тебе трат и претензий. Не женщина, а мечта!"

Скряга прислал кучу смеющихся смайликов.

" Я тоже уже порядком устал от женщин. Прохода не дают совершенно! По ночам то с одной в клубе отвисаю, то сразу двух развлекать приходится. Прихожу домой обычно под утро... Но это все из-за того, что моя девушка сейчас не со мной. Вот ее я люблю по-настоящему. Фигурка — отпад! Грудь такая, что руки в карманах держать все время приходится, чтоб они к ней не тянулись! А от ее взгляда сердце тает и душа распускается..."

"Ну да, руки же ты распустить не можешь — они у тебя в карманах," — развеселился слившийся с Юлианой в одно целое Сутяжник.

"Когда я разбогатею, то уеду из Талинальдии и заберу ее с собой. Кстати, мне нужен твой совет. Хочу подарок ей к Новому году сделать. Зацени! — Скряга скинул Юлиане картинку с филигранной сапфировой бабочкой. — Как думаешь, ей понравится?"

С минуту она зачарованно разглядывала украшение, а потом ответила:

"Будь я девушкой, мне бы понравилась!"

"Надеюсь на это! Пока, друг!"

Скряга вышел из сети, а Юлиана вдруг погрустнела, завидуя возлюбленной своего интернет-приятеля. Но скоро грусть сменилась радостью — на значке ее электронного кошелька замигала монетка. Открыв его, она чуть не запрыгала от восторга. Ей пришли одновременно два перевода — один от Скряги, а другой от иностранца, которому она помогала получить в Талинальдии вид на жительство. Накопленной суммы ей как раз хватало, чтобы нанять адвоката для Майкла и оплатить часть лечения Эндрю. Пусть она никогда не сможет вернуть этим людям их прежнюю счастливую жизнь, но помогать им по мере сил обязана.

Утро понедельника началось для Юлианы весьма необычно. Едва она вошла в класс, Карминский протянул ей огромный букет хризантем.

— С первой юридической ошибкой тебя! — силком засовывая цветы ей в руки, радостно провозгласил он.

Кожу девушки закололо холодными иголочками.

— Что я сделала не так?

— Помнишь, перед отъездом я тебе давал перепроверить приговоры?

— Да.

— Так вот, не дав себе труда разобраться должным образом, ты подписала смертный приговор одной весьма милой женщине, Клэр Эриксон. Помнишь такое дело? Или ты выше того, чтобы запоминать чьи-то фамилии? А может, ты вообще его не читала? Просто подмахнула приговор и все?

Юлиана с окаменевшим лицом положила букет на парту и на всякий случай оперлась на нее.

— Я помню дело Эриксон, — медленно ответила она. — Она отравительница, ведь так?

Карминский многозначительно поднял палец вверх.

— Уточним! Ей было предъявлено обвинение в этом. Но злодеяние и обвинение в нем разные вещи, согласишься! — Он с укором покачал головой. — Ай-я-яй, Юлиана... Как ты могла отправить на незаслуженную смерть эту бедняжку? Между прочим, мать двоих

малолетних детей! Вот из-за таких, как ты, у нас столько нареканий на правоохранительную систему!

— Незаслуженную? — помертвела герцогиня. — Но как же так? Ведь я изучила все материалы дела, и там были все доказательства того, что именно она отравила и своего мужа, и его любовниц!

Инкатор насмешливо хмыкнул.

— Мало ли что там было? Вот если я сейчас напишу бумажку в которой будет сказано, что это ты подстроила убийство Виктории, и поставлю на ней штамп, это будет правдой? — спросил он. — Полиции нужно было закрыть дело, вот они и повесили все на первую же попавшуюся по ходу дела женщину! А почему бы и нет? Ведь у нее нет никого, кто бы мог подтвердить ее алиби или хотя бы вступить за нее!

— Но ведь там было ее собственноручное признание! — голос Юлианы проходил сквозь ее горло с натугой, будто сочащийся из шины через прокол воздух.

— Смешная ты, в самом деле! — умиляясь, всплеснул руками Карминский. — Как дитя, право слово! Неужели ты не знаешь, как добываются признания? И что с того, что они написаны ее рукой? Разве в полиции не лежит написанное твоей рукой признание, что какие-то подонки заманили вас с подругой в мой дом? Не ты ли написала, что только благодаря тому, что насильники перебили друг друга, ты осталась жива?

Девушке нечего было ему возразить. Совсем нечего.

— Я... — пробормотала она.

— Почему ты не проверила эту информацию лично, прежде чем подтвердить приговор, Юлиана? — осуждающе спросил он. — Почему не допросила ее лично? Ты бы с первого взгляда увидела, что она невинна, как утренняя роса! Я видел ее, и это было очевидно!

— Но почему тогда вы не освободили ее?

— Я предпочел, чтобы ты подарила ей жизнь! А ты пожадничала! Или просто поленилась.

Мир Юлианы стал стремительно тускнеть, теряя недавно обретенные краски. Неужели несчастная Клэр пала жертвой жестокой подтасовки? Какой кошмар! И еще хуже, что за ее осуждение отвечает именно она! Теперь ей придется жить еще и с этим грехом на совести!

Ее затопило острейшее чувство вины, но сквозь него, срывая голос, кричало желание оправдаться.

— Но как я могла допросить ее, если вы дали мне дела вечером и сказали, что я должна пересмотреть их к утру? — уступая ему, возмутилась Юлиана.

Карминский присел на край парты.

— Ты права, именно так я тебе и сказал, — болтая ногой, подтвердил он. — Ты должна была просмотреть их до следующего дня, а не принимать решение к этому сроку! Я же не говорил тебе, что дело не терпит отлагательства! И ты вполне могла перенести его на завтра, или даже на следующий вторник. Никто тебя в шею не гнал! Чтобы изучить все эти дела досконально, нужен не один месяц. А ты за четырнадцать часов управилась! За кого ты себя приняла, детка? За Немезиду с повязкой на глазах и с весами в руках? Вот и получай, что наспех навзвешивала! Как видишь, тебе некого винить в несчастьях этой женщины, кроме себя.

Эти ядовитые упреки превращались в кислоту, выжигавшую в душе герцогини самое главное правило — всегда перед принятием важного решения самой перепроверять всю информацию. Юлиана вскочила на ноги, готовая пешком бежать в суд, чтобы отозвать свой

скоропалительный приговор.

— Надо срочно отозвать этот вердикт! Аннулировать его! — воскликнула она.

Карминский успокаивающим жестом указал ей на стул.

— Да сядь ты! Не кипятись, как чайник. Торопиться-то некуда! И незачем...

Девушка послушно села, ожидая его пояснений. Но ее учитель не торопился с ними, всячески испытывая ее терпение. Он достал из кармана конфетку и стал вертеть ее перед глазами, рассматривая фантик.

— Кисленькая, — сунув ее в рот, прищурился от удовольствия он. — Только никак не пойму: лимон или лайм? — Он протянул Юлиане обертку и попросил. — Посмотри что там написано, а то я без очков плохо вижу.

— Лайм! — бросив нетерпеливый взгляд на бумажку, почти выкрикнула она.

— Прелесть! — облизнул губы инкатор. — Надо завтра еще купить!

— Милорд, вы говорили о том, что спешить не нужно. Почему вы так сказали? — мучаясь от неизвестности, напомнила ему Делайн.

— Ах, ты все еще об этом? — как бы вспомнил он и снова стал рыться у себя в кармане. — Так и есть, нечего. Приговор был приведен в исполнение еще вчера.

Кровь отхлынула от лица Юлианы, а сердце словно придавил пресс.

— О боже! Только не это! — прошептала она.

По ее лицу сами собой заструились слезы. Жнец весело хмыкнул. Запустив руку во второй карман, он выудил оттуда еще конфету и протянул ей:

— Хочешь?

Она покачала головой.

— Нет...

— Ну и хорошо! Ненавижу делиться. Это я так, из вежливости предложил. Просто знал, что ты откажешься.

Положив очередную конфетку в рот, он причмокнул от удовольствия:

— Малиновая! — объявил он. — Прямо не знаю, какая из них вкуснее!

— Как можно наслаждаться конфетами, когда произошла такая трагедия? — заламывая руки, воскликнула Юлиана.

— Я-то тут при чем? — удивился Карминский. — Ты ей подписываешь приговор, а я из-за этого должен отказываться от конфет? Ну уж дудки!

Сердце Юлианы сжалось в маленький истерзанный комочек, совсем так же, как было в день смерти Виктории, и она разревелась.

— Да не плачь ты! — складывая из фантика самолетик, проговорил Жнец. — Ох уж эти девчонки! Ну хочешь, я отвезу тебя к казненной домой, и ты облегчишь душу, поговорив с ее детьми? Кстати, один из них с рождения инвалид. Забавно, правда? Приедем, и ты сможешь извиниться перед ее родней за свою ошибку. Нет, даже не за ошибку! Доверчивость! Уверен, им станет намного легче! — он запустил самолетик в воздух. Тот пролетел чуть более двух метров и бухнулся на пол. — Так, понятно... — разочарованно пробурчал он. — Авиация — не мой профиль. Перейду на кораблестроительство!

— Почему ее казнили так быстро? — всхлипнув, перебила его девушка. — Ведь обычно с момента вынесения приговора до казни проходят недели, а то и месяцы!

— Так ведь приговоры инкаторов не подлежат апелляции и подлежат немедленному исполнению, разве ты не знала, двоечница? — удивился он.

Юлиана расплакалась еще сильнее. Она этого не знала. Ей никто этого раньше не

говорил.

— Правда, поехали в гости к Эриксонам! — стал уговаривать ее Карминский, складывая из фантика кораблик. — Выразишь им свои соболезнования. Тем более что вид у тебя вполне несчастный, приличествует случаю. А я, так и быть, поделюсь с сиротками конфетками. Или ты не хочешь показываться на людях с распухшим носом? Так ее домашние и сами сейчас такие, я в этом просто уверен!

Закончив мастерить кораблик, он стал оглядываться.

— Где бы его запустить? Я хочу проверить его плавучесть. Эй, Несмеяна, можно я тебе ведерко для слез подставлю? У меня корабль испытаний ждет!

Он поставил сделанное из зеленой бумажки суденышко на стол и крикнул:

— Свистать всех наверх! Даю команду подготовить корабль к отплытию! Так, чего-то не хватает... А! Паруса!

Оторвав кусочек малинового фантика, он вставил парус в заготовку и отодвинулся, любуясь своей работой. — Красота! Алые паруса! Юлиана, давай ты Ассолью будешь? — Он потащил кораблик по поверхности стола, восклицая: — Ассоль, Ассоль! Я твой Грей! Я плыву к тебе!

Зажав уши, девушка выбежала из класса.

— Да брось ты! — глядя как за ней захлопывается дверь, сам себе сказал Карминский. — Не переживай так! Это всего лишь чья-то жизнь. Чья-то, Юлиана, не твоя! Глупо расстраиваться из-за таких мелочей!

На сей раз он не ерничал, не издевался, а просто высказывал свою жизненную позицию, которой никогда не изменял.

Энтони стоял возле миниатюрной статуэтки звездолета — точной, до мельчайших подробностей, копии «Мечты» и размышлял о том, сколько бед принесла его стране эта находка. Если бы они тогда не присвоили это чудо техники, сейчас все было бы по-другому. На протяжении последних двух столетий Талинальдия стремительно развивалась. Возможно, через пару десятков лет она бы дошла до таких технологических высот, что смогла бы сама создать нечто подобное, если бы весь мир не ополчился против нее.

Принц ощутил чьи-то руки на своих плечах и вздрогнул от неожиданности.

— О чем ты так крепко задумался, сынок? — участливо спросил его отец.

— Я думал о том, какой катастрофой обернулась для нас находка звездолета. Честно говоря, не понимаю, зачем ты хранишь у нас дома его копию! Лично для меня «Мечта» — символ краха нашей державы, черная метка судьбы! Не лучше ли будет избавиться от нее?

Оберон чуть отстранил сына и взял фигурку в руки.

— Это не только символ краха страны, сын! Это еще и символ ее возрождения! Ты не поверишь, но эта вещица поистине бесценна!

Принц недоверчиво оглядел до зеркального блеска отполированный металл статуэтки и скептически спросил:

— Чем же? Это же простая железка!

— Кораблик — да, а вот то, на чем он стоит — не из нашего мира.

Оберон указал на подставку из черного полированного камня. Тони затаив дыхание, потрогал ее пальцем. Надо же, он всю жизнь мечтал увидеть хоть одну инопланетную вещь, а она, оказывается, с детства была у него под самым носом!

— Неужто с Эллиума? — прошептал он.

— Да, с него. Давай присядем рядышком, и я покажу тебе нечто восхитительное! — указывая на диван, предложил Оберон.

Энтони примостился на краешке, ерзая от нетерпения в ожидании демонстрации обещанного чуда. Король сел рядышком с ним и, пользуясь фигуркой как рукояткой, перевернул поставку вверх дном. Тони разочарованно осмотрел ничем не примечательную поверхность примерно тридцатисантиметрового квадрата и поднял на отца вопросительный взгляд.

— Прости, я до сих пор не понимаю ценности этой плиты.

— А ты положи на нее ладонь! — посоветовал Оберон.

Снисходительно хмыкнув, Тони приложил руку к камню и тут же испуганно отдернул ее: внутри его поверхности зажглись голубые искры.

— Смелее! — подбодрил его отец. — Это не опасно!

Принц робко шевельнул пальцами, словно втирая в ладонь неведомые ему всполохи, и снова коснулся плиты. Из-под его руки между кристаллами камня заструилась ниточка голубого огня, выстраиваясь в пока еще непонятный для него узор, словно ледяная кровь растекалась по невидимым венам.

— Папа, что это? — задыхаясь от волнения, спросил Энтони, не отрывая глаз от формирующейся под его ладонью картинки. На камне появилось что-то вроде космической карты.

— Это твое великое будущее, сын! Придет время, и эта вещь вознесет тебя выше звезд, и миры падут перед тобой на колени! — торжественно предрек король. — Пусть Талинальдия к тому времени даже рассыплется в прах — неважно! То наследство, что тебя ожидает, будет несопоставимо огромным по сравнению с ней, нам нужно лишь дождаться этого дня. Видишь эту галактику в форме кокона?

— Да, — прошептал Тони.

— Там Эллиум! Приблизь ее!

Юноша растерянно посмотрел на отца.

— Как?

— Очень просто, — улыбнулся Оберон, — коснись ее пальцем! Управлять этой панелью — все равно, что управлять планшетом. Здесь все на сенсорах. Ты можешь свободно приближать к себе галактики и отдельные планеты, получая их координаты, и даже можешь посмотреть, что творится сейчас на их орбите. Но это далеко не все функции этого сокровища...

Энтони посмотрел на полку, где до этого стояла статуэтка, и изумился, как его отец мог оставить такую ценную вещь у всех на виду. Странно, что ее до сих пор не украли, ведь прислуга ежедневно стирает с нее пыль, да и гости в их покоях не такая уж и редкость.

— Удивляюсь, почему на нее никто до сих пор не позарился! — пробормотал он.

Оберон таинственно улыбнулся:

— Кому может понадобиться дешевый макет корабля? — Он убрал руку принца с пластины и положил на нее свою. Вращающиеся вокруг своих солнц планеты тут же исчезли.

— Зачем ты ее выключил? Я хочу еще полюбоваться на это чудо! — расстроился Энтони.

— Я ее не выключал! Просто этот камень реагирует только на тебя, и только ты в

состоянии пробудить в нем жизнь. Для всех остальных — это лишь обыкновенный кусок полированного камня!

Принц недоверчиво покосился на отца и снова кончиками пальцев прикоснулся к плите. Заструившиеся по ней живые молнии линий и окружностей в очередной раз привели его в восторг.

— Видишь? — склонившись к самому уху сына, проговорил Оберон. — Он тебя чувствует!

— Но почему он чувствует только меня? Почему у тебя он не оживает?

— Потому что я не такой как ты, — ответил ему отец. — У меня нет связи с этим камнем, а у тебя есть. Ты особенный, уникальный. Ты — мое сокровище! Других таких на Земле не существует!

— И чем же я особенный? — с сомнением спросил принц.

— Узнаешь со временем! — ушел от объяснений его отец. — А пока поставь это на место и не трогай без нужды: не дай Бог кто-то увидит реакцию плиты на тебя! И сам никому о ней не рассказывай!

— И даже Юлиане?

— Даже Юлиане. Никому! Совсем никому! — Оберон крепко взял сына за плечи и посмотрел ему в глаза. — Дай мне слово, что не расскажешь ей наш секрет!

Горящий возбуждением взгляд принца потускнел — ему очень хотелось показать своей названной сестре это чудо.

— Но почему?

— Потому что этот камень настолько уникален, что жажда обладать им сведет с ума кого угодно! Просто поверь мне на слово, сынок! Ты ведь не хочешь, чтобы он ослепил и изменил Юлиану? Не хочешь потерять свою лучшую подругу, сынок?

— Нет, — признал принц. — Обещаю, я и словом не обмолвлюсь ей об этом устройстве. Но хотя бы скажи мне, для чего оно предназначено?

— С помощью этого устройства можно попасть в другую галактику. Правда, для его активации и полноценной работы нужно кое-что еще, но это пока не твоя забота, сынок! Положись во всем на меня и на Абсолюта, и ни о чем не беспокойся!

— Абсолют — это эллианский Бог?

— Да, и в тебе есть его частичка, благодаря которой он найдет и возвеличит тебя, где бы ты не находился!

Брови Энтони поползли вверх. В нем частичка инопланетного бога?!

— Пап, ты ведь не всерьез? — пробормотал он.

— Сынок, поверь — я серьезен, как никогда! Знаю, ты сейчас ошарашен, но не задавай мне вопросов — я не стану на них отвечать. Пока не время. Помни только об одном — эта вещь не должна попасть в чужие руки, и никто из людей не должен знать о твоей божественной сути, иначе Эллиум уничтожит Землю. Так предсказала их жрица, а она никогда не ошибалась! Храни этот секрет бережнее своей дружбы с Юлианой! Кстати, скоро зимние каникулы, а мы еще не отправили ей приглашения погостить у нас! Ну-ка, тащи бумагу и ручку — будем писать ей письмо!

В голове Тони творился сумбур. Мысли налетали одна на другую, сталкивались, мешая здраво оценить услышанное. Даже говорить не хотелось. Он молча встал и пошел за письменными принадлежностями.

— Письмо для герцогини Делайн! — объявил посыльный, вручая Юлиане красочный конверт с зимним пейзажем.

Карминский косо глянул на королевскую печать и подал девушке нож для бумаг. Она вскрыла конверт и стала вчитываться в написанные рукой Оберона строчки.

— Что пишет? — полюбопытствовал инкатор.

— Приглашает погостить у них в горах на зимних каникулах, — хмуро ответила она.

— Везет тебе! Меня туда никогда не приглашали! Говорят, место там просто сказочно красивое! А чего ты не радуешься?

— На днях я убила невинного человека. Как я могу после этого радоваться?

— Бьюсь об заклад что твоей жертвой стал повар, — со смехом предположил Жнец. — Завтрак был просто отвратителен! Но, я думал, его убьют до тебя, уж слишком много было желающих!

— Зачем вы насмехаетесь над такими вещами? — с неприязнью спросила его Юлиана.

— А зачем ты до сих пор пережевываешь одно и то же? — жестко оборвал ее инкатор. — Ошибки учат нас не убиваться из-за них, купаясь в своих переживаниях, а делать выводы и идти дальше! Какие выводы ты сделала из истории с отравительницей?

— Никому нельзя доверять то, что для тебя действительно важно!

— Верно! — воскликнул он. — Значит, бедняжка Клэр погибла не напрасно! Ее ничемная жизнь и бестолковая смерть научили тебя одной из главных истин — в этом мире никому нельзя доверять! Кто-то врет, чтобы прикрыть свою задницу, как сделали в случае с Клэр нерадивые следователи, кто-то ради выгоды, а кто-то просто привычно лицемерит. Поэтому если ты что-то хочешь сделать действительно хорошо, то сделай это сама от начала и до конца! Только тогда ты сможешь быть уверена в результате!

Юлиана растерялась.

— Но тогда мне нужно будет освоить бесчисленное множество профессий! Это невозможно!

— Тебе нужно одно — научиться безошибочно читать людей! — возразил он. — И тогда ты всегда будешь знать кому можно верить, а кому нет. Это сведет твои ошибки к минимуму. К концу наших занятий тебе будет достаточно и минуты, чтобы распознать человека.

— Но как этому можно научиться?

— Побольше общайся и будь наблюдательна! Или ты думаешь, что я таскаю тебя на допросы от нечего делать?

Раньше Юлиана именно так и думала, но теперь ей больше так не казалось. Теперь она была не против практики, которую раньше так ненавидела. Умение распознавать ложь ей очень пригодится, когда она сбежит отсюда. Сумей она определить намерения взявшего ее в плен лодочника, она бы ни за что не вошла на борт его суденышка! И тогда бы и те трое полицейских остались живы, и Эндрю бы не стал калекой.

С тех пор она безропотно стала ездить с Карминским на дознания. Теперь она сама проводила допросы, а он наблюдал за их ходом и вмешивался только когда Юлиана сама не справлялась.

Но пыток больше не было — чаще всего Карминскому хватало одного тяжелого взгляда, чтобы жертва рассказала ему все, включая свои детские тайны.

Герцогиня очень быстро поняла, что запугивание в сочетании с инкаторской формой

работает практически безотказно, после чего стала справляться с заданиями гораздо эффективней.

Учителем Карминский оказался превосходным. Он не грузил ее теорией, предпочитая показывать все на живых примерах, чаще всего с ее участием, и от этого полученная от него информация крепко-накрепко врезалась ей в память.

Время шло. Навыки герцогини становились все совершенней, а ее характер закалялся все больше и больше. Она стала очень скрытной и даже научилась держать свои эмоции в узде. Она ненавидела своего учителя, но в то же время восхищалась им. Это даже немного пугало ее. Как можно благоговеть перед человеком, который причинил ей и ее близким столько зла? Ладно, со своими внутренними противоречиями она разберется позже, на отдыхе. А пока нужно что есть сил набираться знаний и зарабатывать.

От инкатора не ускользнул ее резко возросший интерес к экономическим вопросам.

— Почему это удивляет вас, милорд? — спросила она. — Скоро я закончу академию, и мне нужно будет думать, на что жить. Я просто хочу обеспечить себе достойный уровень жизни, разве это не очевидно?

Ее ответ вполне удовлетворил Жнеца, и он больше не приставал к ней с расспросами.

Тридцатого декабря король прислал за Юлианой мощный, смахивающий на вездеход джип, колеса которого превосходно чувствовали себя на заснеженной трассе. Попросив водителя подождать ее у торгового центра, девушка набрала подарков для Энтони, а себе купила себе кое-что из одежды. Прямо в бутике она сменила свою скучную форму на темно-розовый свитер с черно-белым орнаментом и темные джинсы. К свитеру прилагалась такая же шапочка. Она натянула ее на голову и радостно улыбнулась своему отражению в зеркале примерочной.

Одежда совершенно преобразила ее, сделав похожей на девушек со страниц зимнего номера молодежного журнала. Поправив выбивавшиеся из-под шапочки черные пряди, Юлиана переобулась в только что купленные белые сапожки на невысоком каблучке, надела поверх свитера белый пуховик и сбежала по эскалатору вниз.

До "хижины" было четыре часа пути, и она восхитительно провела это время, любясь зимним пейзажем за окном и поглощая шоколадку.

Солнце уже пряталось за горами, когда джип приехал к двухэтажному бревенчатому зданию, похожему на дом Санта Клауса. Переливающиеся всеми цветами радуги гирлянды были повсюду: окантовывали крышу, обрамляли окна, обвивали перила и даже растущие рядом деревья. Пушистые сугробы так и манили завалиться в них, и Юлиана не стала отказывать себе в таком удовольствии. Пьянея от чувства свободы, она бухнулась в снег и стала любоваться на ярко-розовые предзакатные облака.

— Вот ты где! — услышала она ликующий голос Тони.

Девушка приподняла голову и лучезарно улыбнулась ему. Принц замер, затаив дыхание. Как зачарованный он смотрел на ее порозовевшие от мороза щеки, яркие губки и сверкающие из-под длинных ресниц задором глаза.

— Ничего, что я встречаю вас лежа в сугробе, Ваше Высочество? — рассмеялась она.

— Это лучшее приветствие в моей жизни! — признался Энтони и протянул ей руку, чтобы помочь встать.

Юлиана воспользовалась его любезностью, но только для того, чтобы тут же сделать ему подножку. Падая, принц увлек ее за собой, и она со звонким хохотом свалилась на него

сверху. Лежа в сугробе, он с блаженной улыбкой удерживал брыкающегося сверху ангела, мучительно мечтая его поцеловать. Когда противиться искушению стало невозможно, он сбросил девушку с себя, вскочил и поставил ее на ноги.

— Привет, сестренка! Я тебя едва узнал! Даже не верится, что мы будем вместе целых две недели! — стряхивая с нее снег, сказал он.

— Я так рада! — заулыбалась она, тайком скатывая за спиной снежок. — Чувствую себя маленьким ребенком: хочется играть и хулаганить.

Она отошла от Тони на несколько метров и крикнула:

— Берегись!

Белый комок шлепнулся принцу прямо в грудь и рассыпался на неровные ошметки.

— Ах ты, коварная девчонка! Да знаешь ли ты, с кем связалась? Я лучший метатель снежков на десятки миль вокруг! — запуская в нее наскоро слепленный шарик, зарычал Тони.

— Конечно, лучший! — уворачиваясь от снежка согласилась Юлиана. — Тут просто никто больше такой ерундой не занимается!

Она быстро смяла новую порцию снега и швырнула в него.

— Ну погоди, сейчас ты узнаешь что такое снежные ванны! пригрозил принц.

Вздывая метровыми прыжками сверкающую белую пыль, он бросился за ней вдогонку. Юлиана со всех ног припустила к дому задыхаясь от смеха. Добежав до резной дубовой двери, она дернула ее на себя и нос к носу столкнулась с королем.

— Ой! — смутилась она, отступая в сторону.

Старший Астарот внимательно осмотрел ее с головы до ног, а потом прижал ее к груди.

— Рад снова видеть тебя, девочка! — наконец произнес он. — Ты очень повзрослела и похорошела!

Юлиана едва успела ответить на его приветствие, как Тони потащил ее по лестнице к себе в комнату.

— Пап, прости, но я соскучился за ней больше, чем ты! — на ходу пояснил он.

Король с улыбкой помахал им на прощание.

Когда они оказались в его спальне, Юлиана ахнула.

— Ты полностью сменил обстановку? Здорово!

Она с восторгом принялась осматривать совершенно преобразившееся по сравнению с прошлым годом помещение. Скромная подростковая мебель была заменена новой, дизайнерской, а на стенах, помимо огромного плоского телевизора, появились плакаты с изображением популярных музыкальных групп. Ее глаза удивленно расширились при виде дартса и двух шикарных сноубордов. Обычно принцу для счастья хватало только компьютера.

— Ты что, увлекся спортом? — спросила она.

— Скажешь тоже! — разваливаясь в набитом шариками бесформенном кресле, хмыкнул он. — Доски и плакаты здесь для отвода глаз! Понимаешь, через пару дней сюда явятся отпрыски папиных знакомых, с которыми он мечтает меня подружить, и папа набил мне комнату всякой дрянью, чтобы я не казался им ботаном.

Не вставая с кресла, Энтони дотянулся до дротиков и стал швырять их в висящую на стене мишень. Ни разу не попав в яблочко, он жестом пригласил Юлиану сесть рядом с ним.

Кресла казались такими мягкими, что она с удовольствием провалилась в одно из них. Уют горного дома, так разительно отличавшегося от строгой академии, расслаблял и дарил

душе ощущение покоя.

— Мы с тобой не виделись почти год, — подал голос принц. — Расскажи, как ты жила все это время?

— Училась, больше ничего, — пожалала плечами его собеседница.

— Судя по твоей внешности, ты училась разбивать незащищенные мужские сердца! Признавайся, сколько несчастных страдают за тобой?

Девушка резко помрачнела.

— Знаешь, Тони, я поняла, что любовь не для меня.

Он привстал, глядя на нее во все глаза.

— Это как? Разве тебе не нравится, когда парень ухаживает за тобой?

На миг Юлиана снова оказалась в лишающих ее рассудка объятиях Вэнса и скрипнула зубами от злости.

— Не нравится! Потому что я знаю, для чего он это делает! Чтобы затащить меня в постель! А секс — это самое худшее и унижительное, что может сделать мужчина с женщиной!

От такой отповеди Энтони замер с открытым ртом. Юлиана, ссутулив плечи, обхватила себя руками и уткнулась взглядом в пол. Принц озадаченно почесал затылок, а потом, краснея, спросил:

— А у тебя это... был секс?

Она дернулась, как от пощечины, и покраснела.

— Ты издеваешься? Нет, конечно! Но мне представилась уникальная возможность подробно рассмотреть все, что называется сексом, когда насильники убивали им мою подругу! Более омерзительного зрелища просто не существует!

Последние слова она почти прокричала, и принц тут же раскаялся, что затронул эту тему.

— Юлианочка, прости, ради Бога! Я совсем не подумал об этом! Папа говорил мне, что ты в депрессии из-за случившейся в день бала трагедии, но я не знал, что ты присутствовала во время убийства Виктории... Правда не знал!

Но она и сама уже пожалела о своей вспышке. Эти слова вырвались из нее совершенно неосознанно, стоило принцу заговорить на болезную для нее тему.

— Это ты меня извини! Мне не следовало кричать. Нервы стали сдавать... Лучше расскажи мне о себе. У тебя за этот год произошло что-нибудь стоящее?

— Да! — просветлел лицом Энтони. Выбравшись из кресла, где почти совсем увяз, он уселся на ковер рядом с ней.

— У меня появился классный друг, о котором я всегда мечтал! — понизив голос, рассказал он. — Я могу говорить с ним на любую тему и при этом совершенно не чувствую разницы в возрасте! Он такой классный мужик! Настоящий гений махинаций! Представляешь, с его помощью я уже заработал шестьдесят семь тысяч, о которых даже не догадывается мой папочка! И это всего за каких-то полтора месяца!

По мере его восторженного рассказа, зашевелившиеся в Юлиане подозрения перерастали в глубочайшую уверенность в том, что он и есть Скряга. Тони заработал шестьдесят семь тысяч, а от Скряги она получила тринадцать четыреста. Как раз двадцать процентов. О, Господи! Угораздило же ее так влипнуть!

Она по-новому посмотрела на лопавшегося от гордости приятеля.

— И кто же это такой смелый, верней ненормальный, — поправила она, — что

помогает тебе химичить?

— Его зовут Сутяжник. Юрист от Бога! Ему сорок четыре года. А чего ты так скисла?

Юлиана представила, какой ей грозит скандал, если кто-то пронюхает об их с Тони сотрудничестве и поежилась.

— Думаю какой, все-таки, маленький этот мир! Куда ни кинь — одни юристы...

— Этот особенный! Хочешь, я тебя с ним познакомлю? Вы ведь с ним почти коллеги!

Опытном делиться будете.

— Не будем! Мне других коллег и учителей хватает, — буркнула Юлиана, прикрывая глаза руками. Сегодня же вечером она напишет Скряге, что их сотрудничество закончилось. Его папочка в худшем случае без сладкого оставит в наказание, а вот что будет с ней, если ее пособничество сыночку дойдет до короля, ей знать не особо хотелось.

— Да что с тобой? — забеспокоился Тони. — У меня такое впечатление, что я испортил тебе настроение, только сам не знаю чем!

— Я просто устала, — отмахнулась она и встала. — Дорога такая долгая и утомительная! Если ты не против, я пойду к себе в комнату.

Тони посмотрел на настенные часы.

— Но ведь только восемь вечера! И ты еще не ужинала... — растерялся он, но тут же замолк. — Конечно, отдыхай. Я просто не подумал, что ты можешь так рано устать.

— Вы — сама доброта, Ваше высочество! — шутливо поклонилась ему Юлиана и ушла.

Без труда отыскав свою комнату, которую закрепили за ней еще в прошлом году, она привычно нащупала выключатель. Теплый свет залил так любимую герцогиней милую деревенскую обстановку. Увидев в углу наряженную живую елку, она пискнула от удовольствия и зажгла на ней гирлянды. Потом раздвинула цветастые шторки с оборочками и пару минут полюбовалась на заснеженные окрестности.

Она оглянулась на застеленную лоскутным покрывалом кровать со множеством разноцветных подушек. Хорошо бы поваляться полчаса — обычно Сутяжник выходил на форум в половину девятого. Юлиана оставила обувь на ярком полосатом коврик и бухнулась на постель. Хорошо-то как! Мягко, удобно, уютно и умопомрачительно пахнет свежей хвоей.

Дотянувшись до резной деревянной полки над головой, стащила с нее плюшевого медвежонка и прижала к себе, а потом долго восторженно наблюдала за сверкающей огнями елкой, наслаждаясь охватившим ее умиротворением.

Спустя полчаса, она включила компьютер и вошла в чат. Там ее уже ожидало сообщение от Скряги.

"Привет, Сутяжник! Не видел тебя в чате всего два дня, а кажется, что прошел целый месяц. Хочу похвастаться. Помнишь, я писал тебе про девушку, которая мне нравится? Так вот, она будет гостить у меня целых две недели! Круто, правда? Я бы так хотел тебя с ней познакомить, но она почему-то отказывается, даже, вроде, обиделась на меня".

Прочитав это, Юлиана чуть не упала со стула. Получается, Энтони хочет завязать отношения именно с ней? Только этого не хватало! Она вспомнила его откровения про свою грудь и почувствовала, как начинает гореть ее лицо. Черт! Почему она этого не знала раньше? Тогда не валялась бы с ним в снегу в обнимку! И на кресле они сидели совсем рядом, голова к голове...

— Не-е-ет! — простионала она. — Тони, ну как ты мог все так усложнить?! Ведь я не чувствую к тебе ничего подобного! — Она прислушалась к себе и с уверенностью заключила: — Ни капельки не чувствую!

И действительно, рядом с принцем она не испытывала и сотой доли того волнительного возбуждения, что охватывало ее рядом с Вэнсом. Самым противным во всем этом было то, что ее затопило невесть откуда взявшееся чувство вины пред наследником.

— Энтони, миленький, прости меня, но я не люблю тебя, — прошептала она. — Во всяком случае так, как ты хочешь. И, наверное, никогда не полюблю. Мне правда жаль, но для меня ты только друг...

Она задумалась, сочиняя ему ответ, а потом быстро защелкала по клавишам.

"Привет, друг! Жаль, но нам придется с тобой попрощаться. Я не хотел тебе говорить, но два дня назад меня арестовали за игры с законом. Сегодня выпустили под залог, но это ненадолго. На днях будет суд, и мне светит несколько лет неволи. Адвокаты бессильны что-либо сделать, так что придется отвечать по полной. Я знал, что рано или поздно это может случиться, но меня это мало волновало. Об одном жалею — что больше не смогу общаться с тобой. Ты там будь поосторожней, брат, а то еще влипнешь, как я. Прощай, Скряга, и не поминай меня лихом".

Отправив принцу письмо, девушка вытянула руки и хрустнула пальцами. Почти тут же через две комнаты от нее раздался громкий протестующий вопль. "Ого, реакция!" — удивилась Юлиана. Еще через несколько секунд ей пришло новое сообщение.

"Сутяжник, миленький, скажи мне, где тебя найти! Я постараюсь тебя оттуда вытащить! Только скажи, куда тебя посадят?!" — заистерил принц.

"Я сам тебя потом найду", — ответила герцогиня и быстро выключила компьютер, а потом и свет. После этого она на носочках добежала до кровати и почти с головой накрылась одеялом. Ее приготовления были весьма своевременны: почти тотчас же дверь Тони открылась, и она услышала возле своей комнаты его шаги. Потоптавшись с минуту возле ее порога, принц пошлепал вниз.

Девушка отбросила одеяло. С одной стороны ее глодало раскаяние за страдания несчастного, брошенного Сутяжником друга. А с другой... С другой тоже было раскаяние... Это никуда не годилось. Юлиана пыталась убедить свою совесть, что та в корне не права, устраивая ей такие мучения. Но совесть держалась на редкость нагло и независимо, и никак не желала признавать право Сутяжника на такое подлое беспринципное бегство, хотя и учитывала, что так для принца будет лучше.

"С меня хватит!" — решила измученная внутренней борьбой Юлиана. — "Сейчас же пойду и признаюсь во всем Энтони!"

Совесть успокоилась, но тут подал голос вечно отстаивающий свои права инстинкт самосохранения.

"Ну и как ты себе это представляешь? — скептически заявил он. — Этот вечно противоборствующий отцу мальчишка как всегда убедит тебя снова помогать ему, и ты не сможешь ему отказать! А вечно это продолжаться не сможет, — вкрадчиво нашептывал он. — Как только об этом станет известно королю или Карминскому, тебя просто в порошок сотрут!"

— Вот ведь дилемма! — пробурчала Юлиана.

Протерзавшись сомнениями еще минут сорок, она спустилась в занимающую половину первого этажа гостиную. Рядом с потрескивающим поленьями камином стояла огромная

новогодняя елка. Возле нее, закутавшись в теплый клетчатый плед, с книгой в руках сидел король. Увидев девочку, он приветливо кивнул ей.

— Ваше величество, а где Энтони? — озираясь, спросила она.

— Убежал к нашему компьютерщику. Его кто-то обидел в чате, и он горит жаждой мести. Сказал, что найдет обидчика во что бы то ни стало! — смеясь, сообщил ей Астарот.

— О-о-о, нет! — сползая в ближайшее кресло, простонала девушка. — Ваше величество, он мне сейчас позарез нужен! Где я могу найти его?

Он указал на украшенную мишурой дверь.

— Третья дверь справа по коридору.

— Спасибо!

Юлиана вскочила и понеслась в указанном направлении. Дернула на себя заветную дверь и увидела мрачного, как готовое разразиться грозой небо, Тони. Он стоял напротив черноволосого парня, который терпеливо говорил ему:

— Никакой ошибки быть не может, Ваше высочество! Это наш IP- адрес, посмотрите сами, если не верите!

Тихонько ойкнув, Юлиана стала медленно пятиться к выходу. Принц развернулся к ней всем корпусом и демонстративно медленно закатал рукава, словно собираясь задать ей трепку. Проглотив нервный смешок, она бросилась наутек. В гостиной парень почти настиг ее, но герцогиня быстро нырнула за спину вставшего посмотреть, что за шум доносится из коридора, королю.

— Спасите! — тонко пискнула она.

Оберон со смехом прижал ее к себе, защищая.

— Папа, нам с Юлианой надо поговорить с глазу на глаз. Немедленно, — чеканя каждое слово, проговорил принц.

— Но я сейчас совершенно не расположена к разговорам! — цепляясь за короля, заявила девушка.

— Да что у вас происходит? — не удержался от любопытства король.

— Ты сама все скажешь папе, или это сделаю я? — угрожающе тихо произнес Энтони.

— Ябеда! — задыхнулась от возмущения Юлиана. Она сильно сомневалась, что он выполнит свою угрозу, но все же отошла от своего защитника. — Без помощи отца слабо справиться с девчонкой?

— Сейчас узнаешь, — потащив ее за руку наверх, пообещал принц.

Он тихонько втолкнул ее в свою комнату и запер за собой дверь. Она осталась стоять у входа, впервые чувствуя себя крайне неуютно наедине с ним.

— И что ты собираешься со мной сделать? — вздернув подбородок, поинтересовалась Юлиана.

Этот простой и закономерный вопрос поставил Энтони в тупик. Он действительно понятия не имел, для чего притащил ее сюда.

— Ты — Сутяжник! — обвиняюще бросил он.

— Да, и что с того? — вызывающе спросила она.

— Я думал, ты пожилой калека! А ты даже не мужик! — воскликнул Тони.

— Ты тоже не ловелас, развлекающий по несколько красоток одновременно, — возразила девушка.

Принц сразу потерял свою воинственность и порозовел.

— Ты правда собирался рассказать отцу о нашей второй жизни? — сурово спросила

Юлиана.

— Нет... Конечно нет! Мне просто хотелось побыстрее увести тебя оттуда, чтобы поговорить. Сработало ведь, — виновато развел руками он.

— Сработало. Что теперь, Ваше высочество?

— Пожалуйста, не говори так! — жалобно попросил парень. — Каждый раз, когда ты сердисься, ты упоминаешь мой титул. Он для меня уже ругательным каким-то стал! Когда ко мне так обращаются, я весь подбираюсь, словно нашкодивший кот.

— Так тебе и надо! — мстительно заявила герцогиня.

— Юлиана, ну почему ты мне не сказала правду, когда поняла, что я Скряга? Да еще и пыталась спрятаться от меня! Я чуть с ума не сошел, узнав, что Сутяжника посадят! Готов был бежать за помощью к отцу!

— Да потому что испугалась! — выпалила она. — Представила, как расвирепееет король, когда узнает, что я помогаю его наследнику заработать себе капитал для бегства за границу! А если он разозлится, то Карминский раздавит меня в тот же день!

— Ну, не преувеличивай! Ничего тебе этот старый ворон не сделает, разве что отругает!

Вспомнив ночь после бала и последовавшие за ней события, Юлиана истерически расхохоталась.

— Да, отругает! — выдавила она сквозь пугающий смех. — Действительно, что же еще он может сделать?

По ее щекам потекли так давно запрещенные самой себе слезы. Пережитый кошмар вернулся и грубо вырвал девушку из охватившего ее здесь хрупкого ощущения счастья, возвращая в жестокую реальность. Упав на колени, она беспомощно обхватила себя руками и громко разрыдалась.

Энтони на время оцепенел, не понимая, что случилось. Потом рухнул на колени рядом с ней, обхватил ее вздрагивающее тело и торопливо зашептал слова утешения.

Кто-то требовательно забарабанил в дверь.

— Я сейчас, я вернусь, ты подожди секундочку! — неохотно отпуская девушку, проговорил принц.

Едва он повернул в замке ключ, как в комнату ворвался его отец. Бросив взгляд на скорчившуюся на полу девочку, он схватил сына за плечи и зло встряхнул:

— Ты совсем спятил? Что ты с ней сделал?!

— Да ничего! Абсолютно ничего! — пролепетал принц. — Мы просто говорили!

То, что их гостья продолжала конвульсивно содрогаться, не обращая на них внимания, напугало короля еще больше.

— Ах, говорили? — прорычал он. — Я ни разу не видел Юлиану плачущей, не то, что невменяемой! Что здесь произошло?! Быстро говори!

— Пап, да клянусь тебе, ничего такого! Я сам не знаю, что с ней творится! Мы говорили о Карминском. Она сказала что-то вроде того, что он ее уничтожит, а я сказал, что это глупости. И тут она разрыдалась.

Оберон отпустил сына и крепко задумался. Его ответ прояснял не все, но все же многое. Вместе с принцем они уложили отчаянно плачущую девушку на кровать и позвонили домашнему врачу. Тот сделал Юлиане укол успокоительного, и она почти мгновенно уснула. Врач бросил весьма красноречивый взгляд на принца.

— Я не прикасался к ней, понятно?! — вспыхнул юноша.

Король задумчиво посмотрел на спящую девочку и перевел взгляд на доктора.

— Айзек, у вас случайно нет сыворотки правды?

Тони чуть не поперхнулся, а глаза врача стали как два блюда.

— Нет... Зачем бы она могла мне понадобиться?

— Закажите немедленно. Пусть доставят к завтрашнему утру, — приказал Оберон.

— Снег валит уже второй час, — возразил Айзек. — К утру сюда будет невозможно проехать.

— А вертолеты на что? — оборвал его рассуждения король.

— Как прикажете!

Врач поклонился и ушел.

— Пап, ты что, допрашивать ее собрался? — потрясенно спросил принц.

— Вроде того, сынок. Вряд ли она откроет нам правду добровольно. А мне обязательно нужно знать, как ее довели до такого состояния. Ей только об этом молчи.

Увидев, как напрягся Энтони, Оберон положил руку ему на плечо.

— Это не подло, — предупреждая его возражения, сказал он. — Девочке нужна помощь, но она боится попросить о ней. Ты же видишь, как она страдает! А если мы не узнаем что ее гнетет, то как сможем помочь ей?

— Ты прав, папа, — скрепя сердце, согласился Энтони. — Я не пророню ни слова.

— Вот и договорились.

Король попросил слугу перенести Юлиану в ее спальню и присел на кровать рядом с ней.

— Что же ты скрываешь, деточка? — с нежностью проводя ладонью по ее заплаканному лицу, пробормотал он, потом прикрыл ее пуховым одеялом и покинул комнату. Энтони вызвался присматривать за девушкой, но Оберон поручил это служанке.

— Сынок, она ведь девушка, а ты — парень. Ты же не хочешь, чтобы о вас пошли нехорошие слухи?

Тони считал, что присмотрит за Юлианой гораздо лучше, чем безразличная к ней служанка, но понимал, что отец прав. Он уселся на подоконник в конце коридора: если его сестренка позовет на помощь или снова расплачется, то он немедленно бросится к ней.

На улице бушевал буран, но в его душе погода была намного хуже. Он привык к размеренной спокойной жизни, а тут в один день на него обрушилось сразу столько неприятных новостей. Сначала он узнает, что Сутяжник — его любимая девушка, а потом с ней на ровном месте приключается истерика. Неужели инкатор ее обижает? Принцу, с которым Карминский был всегда подчеркнута вежлив, это казалось практически невероятным. Но отец, похоже, думал по-другому.

Теперь Тони и сам с нетерпением стал ждать наступления утра. Что же Юлиана расскажет под воздействием сыворотки? Когда небо стало светлеть, он слез с окна и потянулся, разминая затекшее тело. Приблизившись к ее двери, он прислушался не доносится ли изнутри каких-то тревожных звуков. Но все было спокойно, и он отправился спать.

Шаловливые лучики солнца прокрались сквозь неплотно задернутые шторы и примостились на припухших от вчерашних слез веках Юлианы. Она беспокойно зашевелилась и проснулась.

Вставать совсем не хотелось. Прикосновение душистого белья расслабляло, а из приоткрытой утром служанкой форточки шел приятный запах свежести. Тело девушки пребывало в блаженной истоме, пока окончательно проснувшийся мозг не напомнил ей о вчерашней истерике.

С бешено заколотившимся сердцем она села на кровати и схватилась за голову.

— Господи, стыдно-то как! — прошептала она, не представляя, как теперь смотреть в глаза своим гостеприимным хозяевам.

Вчерашний срыв напугал ее. Она думала, что научилась держать свои нервы в узде и не представляла, что одного упоминания Энтони о Жнеце хватит, чтобы все ее труды пошли насмарку. Видимо, это потому, что она чересчур расслабилась в теплой семейной обстановке. Придется перед всеми извиняться.

— Госпожа, вы в порядке?

Вздрогнув от неожиданности, Юлиана повернула голову к сидевшей в кресле молоденькой горничной.

— Да, спасибо, — сконфуженно ответила она.

Служанка тут же ушла, спеша сообщить королю о ее пробуждении.

Девушка слезла с кровати, чтобы одеться, но только теперь заметила, что на ней по-прежнему надеты свитер и джинсы. Она с облегчением вздохнула. По крайней мере, ее никто не переодевал, пока она спала.

Не успела она подойти к шкафу за свежей одеждой, как к ней в комнату примчался Энтони и нагло вато поздоровался:

— Доброе утро, крошка!

— Привет, Тони! — пробормотала она. — Прости за вчерашнее, мне так неловко...

— Да не извиняйся! — покровительственно разрешил он. — В том, что ты вчера разревелась, нет ничего странного. В конце концов, тебя со дня на день должны отправить мотать срок, а ты девочка чувствительная...

Юлиана невольно прыснула, а Энтони продолжил:

— Вернее, я хотел сказать, что ты, мужик, и так жизнью обижен: жены — стервы, тяжелейшие ожоги, и все такое... А тут еще тюрьма подкралась незаметно... Вот и расстроился, с кем не бывает? Через полчаса завтрак. Успеешь собраться?

Девушка посмотрела в окно на всю сияющее солнце.

— А разве вы еще не завтракали? — удивилась она.

— Пока нет. Тебя ждали. Да ты не переживай, с голоду никто не умер, — заметив ее смущение, добавил Тони. — Мы с папой успели за это время по паре пирожных с чаем приговорить. А я еще и бутерброд с бужениной. В общем, ждем!

Он ушел. Юлиана бегом приняла душ, надела нежно-сиреневый длинный свитер и черные брюки, расчесала влажные волосы и поспешила вниз.

Оберон с Энтони ожидали ее на диване в гостиной, вполголоса что-то обсуждая. Судя по озабоченному лицу принца их разговор был не из веселых. Увидев спускающуюся к ним по лестнице девушку, принц отсел от отца подальше, снова напуская на себя невозмутимый вид.

— Доброе утро! Или правильней уже сказать день... — стеснительно поприветствовала она хозяев.

— Утро, причем замечательное, — с удовольствием потянулся король. — Ну что ж, раз все собрались, то можно идти завтракать.

Он подошел к Юлиане и на пару секунд прижал ее к себе.

— Прекрасно выглядишь! Идем за стол.

За завтраком девушка отмалчивалась, а отец с сыном оживленно говорили то о ночном бурене, то о том, какая прекрасная сейчас погода. Тони предложил всем вместе сходить погулять, но король попросил его повременить с этим.

— Сынок, тут такое дело, — прокашлявшись, сказал он. — Один из наших поваров слег с весьма заразной болезнью. Уж не знаю, где он ее подхватил, но нам всем нужно будет сделать уколы с вакциной, чтобы обезопасить себя. Так, на всякий случай. Лучше ведь перестраховаться, чем заболеть, правда? Скоро вертолет доставит сюда лекарство, а вы пока не разбегайтесь, договорились?

Больше не глядя на детей, он развернул газету и стал просматривать заголовки. Тони с Юлианой пошли в его комнату.

— Что за инфекция? — спросила она.

— Не знаю. Надеюсь только, что она помешает папочкиным приятелям заявиться к нам в гости. Ради этого я готов вытерпеть сколько угодно уколов! — пробурчал принц.

— Тони, а кто они, эти приятели? Я почти ничего не знаю о вашей жизни за этот год...

Парень пропустил ее в комнату, а потом плотно прикрыл за собой дверь.

— Два богача из Асакурии со своими отпрысками. Между нами — мерзкие беспринципные типы. Они дают отцу необходимые для войны деньги, а он за это позволяет им творить все, что заблагорассудится. Теперь даже я считаю, что ничем хорошим это не закончится.

Юлиана примостилась на поручне дивана и спросила:

— Если все так плохо, то почему инкаторы не бьют тревогу?

Энтони присел на корточках рядом с ней.

— Витовский и Хиггинс пытались убедить отца как можно быстрее прогнать чужеземцев, но Карминский почему-то встал на его сторону. А ты же знаешь папу — для него большего авторитета, чем этот старый змей, не существует! Я однажды слышал, как Витовский ругался с папой. Он сказал ему, что Эдмунд просто устал от его самодурства и поэтому не мешает ему и дальше рыть себе яму. А отец ответил, что как раз такие помощники ему сейчас и нужны — те, которые не будут мешать ему делать, что следует. И что через несколько лет у нас будут такие союзники, что весь мир дрогнет.

— Странно все это звучит... Расскажи мне поподробней об этих асакурийцах, — попросила Юлиана.

— Непременно расскажу. Только сначала ответь мне, почему при упоминании Карминского с тобой начинает твориться, черт знает что? Он плохо к тебе относится?

Девушка тяжело вздохнула. Отчасти она была благодарна Тони за то, что он сам завел этот разговор, но никак не могла рискнуть рассказать ему о своих злоключениях.

"Не будь душой! — рассердилось ее мечтающее об освобождении эго. — Ты же мечтаешь попросить короля о защите! Может быть, узнав правду, он избавит тебя от Карминского и тебе никуда не придется убегать! А лучшего посредника, чем Энтони, тебе не найти!"

— Юлиана, я жду ответа, — напомнил ей принц.

"Если ты ничего не предпримешь, он так и будет убивать и калечить всех, кто тебе дорог при малейшей твоей оплошности! — возмутился ее внутренний голос. — И если твой побег снова не удастся, то им всем конец! А если ты не сбежишь, то до конца жизни будешь

жить в обитой войлоком комнате психбольницы! Ну же! Говори!"

— Мы не слишком ладим с ним, — призналась она. — Он очень жестокий человек и требует от меня делать то, что для меня неприемлемо. Я протестую, но он всегда находит способ заставить меня выполнить его требования. На моей совести уже несколько смертей, и это убивает меня! Боюсь, однажды моя психика просто не выдержит, и я сойду с ума! — Голос девушки дрогнул. Только теперь до нее дошло, что все ее надежды на помощь Астаротов были самообманом. Тони ведь только что рассказал ей, что если король принял какое-то решение, то не отступится от него. А она, думая о своем, пропустила все это мимо ушей. И как только принц расскажет об ее откровениях отцу, тот передаст их инкатору, и тогда страшная цепь его мести неминуемо замкнется на ней. Что она наделала? Наверное, и впрямь сошла с ума, раз понадеялась на благополучный исход. Юлиану начало трясти.

— Черт, зачем я заговорила на эту тему? — дергающимися губами прошептала она. — Ведь ты все равно мне ничем не поможешь! А если Карминский узнает о том, что я жаловалась вам на него, то тогда мне лучше будет умереть!

— Он тебя бьет? — глухо спросил принц.

— Лучше бы бил...

— Даже так?

Красноречивый взгляд Юлианы все сказал ему и без слов. Она сползла с дивана на пол и схватила его за плечи.

— Энтони, миленький! Забудь все, что я тебе наговорила! Умоляю, забудь!

— Как можно это забыть?! — изумился он. — Я немедленно потребую, чтобы папа запретил ему даже приближаться к тебе!

— Тони, ты не понимаешь! Ему не нужно приближаться к человеку, чтобы превратить его жизнь в ад! Если ты хоть словом обмолвишься о нашем разговоре отцу, то я до конца жизни буду проклинать себя за то, что не удержала язык за зубами! — взмолилась Юлиана. — Поклянись мне, что ты будешь молчать! Пожалуйста, поклянись!

В дверь негромко, но настойчиво постучали.

— Ваше высочество, привезли вакцину, — оповестила их горничная. — Его величество просит вас с герцогиней спуститься к нему в кабинет.

Принц глубоко вздохнул. Сейчас его отец узнает все, что скрывает Юлиана. А вдруг это и правда погубит ее? Но ведь нельзя допустить, чтобы она жила в вечном страхе перед Жнецом!

— Тони, пообещай мне! — молила девушка.

— Пожалуйста, успокойся! — мягко попросил он. — Обещаю, что если отец об этом и узнает, то не от меня! Пойдем.

Она кивнула и поднялась на ноги. Стараясь придать своему лицу беспечный вид, принц тоже встал.

— Не хочется-то как! — оглянувшись на дверь, пробормотала Юлиана. — Особенно когда не знаешь, что за ерунду тебе введут.

— Я пойду первым и если выживу, тогда пушу к ним тебя, — с улыбкой пообещал Энтони.

Через две минуты они уже были у врача.

— А, вот и вы, — кисло улыбнулся он им. — Кто первый?

Принц самоотверженно закатал рукав, обнажая вены. Когда игла вошла ему в локтевой сгиб, он закатил глаза и начал медленно, со стоном, сползать по стулу. Доктор перепугался,

Юлиана еще больше. Выждав несколько секунд, Тони открыл глаза и высунул язык.

— Испугалась? — ухмыльнулся он, и тут же получил сердитый нагоняй от доктора.

Его выходка развеселила девушку, и она спокойно позволила ввести себе препарат.

Когда ее веки начали подергиваться, она заплетающимся языком спросила:

— Что со мной?

— С вами все в полном порядке, леди, — заверил ее врач. — Сейчас все пройдет. Ваше высочество, пригласите отца!

Принц выбежал из кабинета и вскоре вернулся в сопровождении Оберона.

Король внимательно оглядел заторможенную девочку и попросил:

— Пожалуйста, выйдите все.

— Мне нужно присматривать за ней, — возразил врач.

— Я позову вас, если ей станет плохо, — отрубил монарх.

Доктор кивнул и без дальнейших разговоров покинул кабинет.

— Пап, позволь мне остаться! — вполголоса попросил его сын.

— Нет, Энтони! Твое присутствие будет бестактным. Представь себя на ее месте! Думаю, ты бы не хотел откровенничать перед ней!

Принц представил, как она выкладывает отцу всю правду про Скрягу и Сутяжника и похолодел. Нельзя допустить вопросов на эту тему и, значит, он должен остаться.

Девушка откинула голову, ее взгляд бесцельно блуждал по потолку.

— О чем вы шепчетесь? — спросила она. — Обо мне? Что со мной? Я все время теряю мысль... И мозги будто смешали в миксере...

— Что ты собираешься у нее спрашивать? — спросил у отца Энтони.

— Посмотрю по ходу дела.

Принц сел в расположенное в углу кресло. Демонстративно закинув ногу на ногу, он дерзко заявил:

— Я не уйду отсюда. Ни за что!

— Это еще почему?

— Хочу убедиться, что ты не станешь расспрашивать ее о чем-то личном.

— Может, вы объясните мне, что здесь происходит? — вклинилась в их разговор Юлиана, но ни отец, ни сын не обратили на ее вопрос никакого внимания.

— Как знаешь, — пожал плечами король. — Только услышанное вряд ли порадует тебя.

— Возможно, тебя тоже, — буркнул принц.

Оберон задумчиво потер подбородок.

— Пожалуй, так будет даже лучше, — согласился он. — Я чрезмерно оберегаю тебя от всего, а тебе пора взрослеть. Оставайся.

За следующие двадцать минут Тони не то что повзрослел, но и постарел на несколько лет. На некоторые вопросы короля девушка, несмотря на воздействие сыворотки, упорно не отвечала. Но постепенно из сообщенных ею отрывочных сведений удалось сложить более-менее четкую картину последних месяцев ее жизни. Речь девушки становилась все более несвязной, и скоро она заснула прямо в кресле.

Взглянув на побелевшего сына, старший Астарот вышел из кабинета и через пару минут вернулся с бутылкой коньяка. Щедро плеснув жидкость в бокал, он протянул его Энтони. Тот дрожащей рукой влил в себя сразу все. Крепкий алкоголь обжег его горло, зато вернул способность мыслить.

— Папа... пап... это ведь не может быть правдой, — прошептал он, отказываясь верить

в очевидное. — Это же инкатор! Он же охраняет закон!

— Не знаю, сынок, может и правда, — ломая голову, что делать со всем этим дальше, пробормотал король. Сам он нисколько не сомневался, что Карминский и не на такое способен. — Стопроцентной вероятности получить правдивые ответы сыворотка не дает, но, думаю, все так и было. Девочка бы просто не выдумала такое. К тому же это объясняет ее необычное поведение и расшатанные нервы.

— Он чуть не довел ее до самоубийства! Ты ведь отправишь этого мерзавца в тюрьму? — с горячностью воскликнул принц и оторопел, когда отец покачал головой.

— К сожалению, я не могу этого сделать, Тони. Он незаменим! Он перевел глаза на свои сложенные на коленях в замок пальцы, чтобы не встречаться с пылающим жаждой мести взглядом принца.

— Я согласен, что в этой ситуации он чересчур перегнул палку... Я поговорю с ним...

— И ты так спокоен?! — взорвался Энтони. — Просто перегнул палку?! Просто поговоришь? Да его по молекулам разнести за такое надо! В нашем королевстве людей пачками казнят за гораздо меньшие преступления!

— Если бы они приносили нам столько же пользы, сколько Эдмунд, то остались бы живы, — рискуя еще больше настроить сына против себя, ответил Оберон. — Те, кто полезен властям, крайне редко отвечают за свои преступления. И если бы ты больше вникал в государственные дела, то давно понял бы почему! Не все черное и белое, сын! Есть миллионы оттенков серого, и почти всегда нам приходится выбирать именно из них, независимо от нашего желания!

— Отец, ты ли это?.. — от потрясения слова давались Тони с трудом. — А как же закон, честь, справедливость?

— Эти понятия не для нас! — жестко отрезал король. — Они для обывателей, простых смертных! Справедливость — просто красивая сказка для дурачков! В природе ее не существует! А вот закон всегда один — выживает сильнейший! Сильнейший, а не благороднейший!

Принц беспомощно открывал и закрывал рот, подбирая слова для ответа ставшему совсем чужим и незнакомым отцу. Оберон подошел к окну. Лучше смотреть на снег, чем на то, как сын отдаляется от него.

— Мне давно известно, что представляет из себя Карминский! Да, он зверь, мизантроп, может, даже психопат! Но при этом гений, всегда умеющий найти выход там, где другие сдаются на волю судьбы! Только такой как он, способен закалить нашу маленькую герцогиню и превратить ее в идеальный клинок, способный поразить любого!

Принц вскочил с места, сжав руки в кулаки.

— Ты хочешь сделать из Юлианы еще одного цербера, который будет охранять нашу династию? Причем такими методами? Да ты еще более ненормальный, чем этот садист! Она ведь девочка! Маленькая беззащитная девочка! Это мы должны ее защищать, а не наоборот! А ты отдаешь ее на растерзание этому маньяку! Как ты можешь?!

— Жизнь жестока, мой мальчик, — морщась от его полного отвращения голоса, произнес король. — И в ней побеждает лишь сильнейший. Причем неважно как он этого добьется. Драматизм забывается, а результат остается! И Карминский очень хорошо это знает!

— Ты прямо преклоняешься перед ним! — голос парня сочился сарказмом.

Оберон устало потер ноющие виски — споры с сыном всегда надолго выбивали его из

колеи.

— В чем-то — да, — не стал скрывать он. — У него многому можно научиться, как бы ты к нему не относился. И Юлиане это известно.

— Юлиана смертельно боится его! Ты же сам это слышал!

— Не нужно недооценивать ее, сын, — покачал головой король. — Она со всем справится! Иначе бы я не взял шефство над ней. Она в разы сильнее, чем тебе кажется, только пока сама об этом не знает! Но ее время придет, и тогда, надеюсь, она не даст тебе пропасть. Инкаторы ведь не просто проводники королевской воли — они великие мастера интриг. Их советы неоценимы!

— Что же ты не слушаешь их советов? Я слышал, как вы ругались с Витовским! Слышал что он назвал твое правление самым безумным за всю историю существования нашей династии!

— Витовский не знает того, что знаю я! Поэтому и не может понять, почему я поступаю так, а не иначе! Сейчас нам не обойтись без богатых союзников, сын! Нам нужны анталиновые шахты валькинорцев — они бы решили все наши проблемы! Ведь на крохотный кусочек анталина можно купить реактивный самолет! Но чтобы добраться до этих шахт, нам нужны свободные деньги. А у нас их нет! Зато есть у Моррея и Альбиньи!

— А как же твое эллианское чудо, в мощи которого ты так уверен? — едко поинтересовался Энтони. — Почему оно не может нам помочь?

— Потому что для его активации мне тоже нужны деньги! Даже не представляешь насколько огромные! — начиная выходить из себя, ответил король.

Он взял стоявшую на столе бутылку и налил себе еще полбокала опаляющего нутро напитка. Сел в кресло и стал задумчиво вертеть бокал в руках, любуясь янтарными переливами плескавшейся в нем жидкости.

— Сынок, ты романтик и идеалист, упрямо не хочешь видеть реальности. Скажи, как ты собираешься править, когда останешься один? Да что там править? Просто самостоятельно жить?

— Как-нибудь! — злясь больше на себя, чем на отца, выпалил юноша.

Король поставил нетронутый бокал на мягко поблескивающую столешницу и подошел к Энтони.

— Говорил же я тебе, сынок, что тебе не стоит здесь оставаться, — приобняв его за плечи, сказал он. Тот сердито дернулся. — Я уже тогда примерно догадывался, что она нам расскажет. А ты слишком слаб, чтобы спокойно принять это. Надеюсь, у тебя хватит ума ничего не рассказывать Юлиане?

— Ты так говоришь, словно это не она нам все это рассказала, а кто-то другой!

— Она не будет помнить ничего из того, что сейчас произошло. Вернее, какие-то воспоминания у нее могут остаться, но она не будет знать, были ли они в реальности или только приснились ей. Мы сделаем вид, что ничего не знаем, и тогда нам не придется ничего предпринимать. Главное, помни, ради чего мы это делаем!

— И ради чего же? — язвительно спросил принц.

— Ради стабильности нашей страны! И ради самой Юлианы. Об одном прошу — не отговаривай ее от этого сана! Карминский больше не посмеет ее третировать, увидишь! Пусть она доучится, а потом сама примет решение, ладно? Образование такого уровня еще никому не вредило!

Тут принцу нечего было возразить — Сутяжник был настоящим профи. А если учесть,

что это был не опытный юрист, а всего лишь третьекурсница, то в качестве получаемого ею образования сомневаться не приходилось. Но он-то знает, какой ценой ей даются эти знания! Знает, что она уже на пределе своих сил, что бы ни говорил его отец! И самое главное — эта стезя делает ее несчастной!

— Хорошо, папа, я буду молчать, — пообещал он. — Но если ты оставишь Юлиану Карминскому — я тебя возненавижу. А если она умрет, то я последую за ней, так и знай!

Оберон проглотил подступивший к горлу комок. "Я знаю это, сын... Очень хорошо знаю..." — подумал он.

Энтони наклонился над спящей девушкой и благоговейно поцеловал ее прохладную ладонь.

— Отец, нам пришло время поговорить начистоту, — сказал он. — Я знаю, что ты все привык решать за других, но у меня на жизнь свои планы. И управление Талинальдией не входит в их число. Я никогда не собирался становиться твоим наследником.

Оберон охнул и сполз в ближайшее кресло. Такого удара от сына он не ожидал. Тот отошел от герцогини и присел на край стола.

— Занимаясь биржевыми операциями, за которые ты вечно меня ругаешь, я заработал достаточно денег, чтобы купить себе новые документы и уехать за границу, — сухо оповестил отца принц. — Вместе с Юлианой. И не думай, что у тебя получится удержать нас. Пусть ты и считаешь меня бесхребетным ослом, но я многому от тебя научился.

Король ссутулился и опустил голову, чтобы скрыть свой повлажневший взгляд. Угрозы сына были не пустыми словами — он отчетливо это понимал. Впрочем, это были даже не угрозы. Просто констатация фактов уверенным в себе мужчиной, который совсем не походил на его милого покладистого мальчугана. Когда-то он сам так же поступил со своим отцом, и тот тоже не смог остановить его.

— Она знает о твоих планах?

— Нет. Я собирался поговорить с ней об этом на каникулах, но пока мне не представилось удобного случая, — ответил Энтони. — Но если ты думаешь, что она откажется уехать со мной, то тебя ждет большое разочарование!

— Ты так запросто бросишь меня? — с болью проговорил Оберон.

— Я тебя никогда не брошу, если ты примешь мою сделку. Ты позволишь Юлиане самой выбрать свой жизненный путь, а я навсегда оставлю свои увлечения и безропотно приму от тебя бразды правления, когда это будет нужным. Иначе ты меня больше никогда не увидишь.

Король поднял голову и заставил себя улыбнуться.

— Хорошо, я согласен! Надеюсь, ты сможешь потерпеть до возвращения Карминского с границы? Он приедет дня через три-четыре. И тогда я скажу ему, что он может себе брать другого ученика. Не представляешь, как он будет тебе за это благодарен! А Юлиану мы после каникул отправим на месяц в санаторий, пусть немного оздоровится.

— Замечательная идея! — повеселел принц. — Пойду, попрошу твоего телохранителя перенести Юлиану в ее спальню.

Схватив из вазы с фруктами яблоко, он собрался уйти, но оклик отца заставил его притормозить.

— Сынок, ты не забыл, что завтра приезжают наши гости? Надеюсь, ты сделаешь мне одолжение, изобразив если не радость, то хотя бы видимость гостеприимства?

— Не волнуйся, папа! Теперь я готов быть милым и приветливым даже со скунсами и

крокодилами, — великодушно заявил Тони. — Да что с крокодилами! Я готов сказать твоей новой фаворитке, что с ее милыми морщинками ей никак не дашь больше сорока!

— Пожалуйста, пожалей меня — избавь ее от своих комплиментов, — смиряясь с поражением, попросил король.

— Твое слово для меня закон, папа! — подбрасывая яблоко, сказал принц. — Видишь, каким я стал послушным?

Энтони ушел. Оберон расслабил болевшее от вымученной улыбки лицо и с неприязнью покосился на герцогиню.

— Вот только делаешь ты это не ради меня... — горько пробормотал он.

— Его челюсти вот-вот сомкнутся на моей ноге, и тут я дотягиваюсь до ружья и стреляю в него! — сквозь сон услышала Юлиана. Она заморгала, с трудом открывая казавшиеся свинцовыми веки.

— О, наша красавица просыпается! — радостно объявил король и обратился к служанке. — Жанночка, дорогая, быстро ставь кофе!

Герцогиня села на постели и огляделась. Рядом с ней, теребя за лапки игрушечного медведя, сидел Оберон. Напротив него на диванчике сидели Энтони и врач.

— Что случилось? — прижимая к себе одеяло, спросила она.

Король пытливо посмотрел на нее.

— А ты разве не помнишь?

Она напрягла память, но в голове были только обрывки воспоминаний и лишающее покоя чувство непоправимости. Что же с ней было? И почему так тяжело на душе?

— Я ничего не помню... — призналась она. — Помню, как Энтони притворился, будто ему плохо, потом как вы с ним начали говорить о том, что мне было непонятно... А потом... Не знаю, не могу вспомнить!

— Вот видишь, сынок! — обернувшись к принцу, сказал король. — Все, как я тебе и говорил! Эти женщины пугают нас до полусмерти, а потом ничего не помнят! — Он снова повернулся к Юлиане и взял ее ладонь в свои пахнущие мятной растиркой руки. — Детка, ты отключилась сразу после укола! — укоризненно сообщил ей он. — Мы так и не знаем, что с тобой произошло. Доктор говорит на аллергию не похоже, скорей на обморок. Правда, Айзек?

Врач с готовностью кивнул.

— Вам следовало предупредить меня, что вы так боитесь уколов, миледи. Тогда бы я дал вам сначала успокоительное... — с улыбкой проговорил он и встал с диванчика. — Извините, мне пора сделать пару инъекций нашему заболевшему повару.

Юлиана сконфузилась.

— Простите, раньше со мною такого не бывало, — пробормотала она.

Едва доктор вышел за дверь, как показное радушие покинуло Оберона. Отеческая улыбка сошла с его лица, он отбросил медвежонка и сердито зашагал по комнате.

— Зачем ты меня обманываешь? — осуждающе проговорил он. — Эдмунд говорил мне, что такое уже бывало, и не раз. Всегда называл тебя неженкой. Тогда я думал, что он наговаривает, чтобы избавиться от тебя, но теперь вижу, что это правда! Теперь я понимаю, что мы с ним впустую потратили эти два с половиной года! Чтобы работать инкатором, нужны стальные нервы! А твои больше похожи на шелковые ниточки, способные дать

слабину или даже лопнуть в любую минуту. Даже от простого укола! И это никуда не годится!

— А я тебе всегда говорил, что это не женская работа! — встрял Энтони. — Но тебя же не переубедишь!

— Ты не прав, сын, — угрюмо ответил король. — Когда я вижу свои ошибки воочию, то меняю решения.

Девушка настороженно ждала, когда он закончит свою мысль.

— Значит так, Юлиана... Инкатором тебе не быть. Я понимаю, за эти годы ты привыкла к мысли, что этот сан будет твоим, но ты не годишься для этой роли! После каникул ты отправишься в санаторий лечить нервы, а потом назовешь мне учебное заведение, в котором хотела бы учиться. Встретимся за ужином!

Оберон многозначительно посмотрел на нее и вышел за дверь, а герцогиня с открытым ртом уставилась на Энтони.

— Ты тоже это слышал?!

— Как ты не оправдала его ожиданий? — хмыкнул он. — Слышал.

— Значит, я не сошла с ума? — все еще не веря своему счастью, переспросила Юлиана. — Ведь он сказал, что мне не быть инкатором, правда?

— Именно так он и сказал! — подтвердил принц. — Ты довольна?

Взвизгнув от радости, девушка откинула одеяло, вскочила с постели и закружилась по комнате.

— Скажи мне, что я не сплю! — останавливаясь, потребовала она. — Или нет, лучше ущипни меня!

Она подбежала к Тони и протянула ему свою руку. Он со смехом выполнил ее просьбу. Ощувив его прикосновение, она снова закружилась.

— Подумать только! Скольких бед можно было бы избежать, бухнись я в обморок на два с половиной года раньше! — Она остановилась и с тревогой посмотрела на принца. — А твой папа не передумает?

— Нет, — заверил ее он. — Это не в его правилах.

Юлиана села рядом с ним на диванчик и провела пальцем по рельефному узору обивки, снова пытаясь убедить себя, что это ей не снится.

— Я смогу выбрать себе университет! — зачарованно прошептала она. — Как думаешь, а если я захочу пойти в театральное училище, он мне это позволит?

— Театральное? — ужаснулся принц. — Ты хочешь оставить меня без Сутяжника?

— Я бы хотела стать актрисой! Преподаватель говорит, что у меня неплохо получается лицедействовать! А может и не актрисой, а воспитательницей в детском саду...

— О, боже, помоги ей вспомнить, что она герцогиня! — фыркнул Энтони. — Милая, давай ты не будешь это решать прямо сейчас? У тебя впереди еще полтора месяца — целая уйма времени на обдумывание. Так что не пугай папу раньше времени, хорошо? А то мне кажется, что перечисленные тобою профессии не вызовут у него восторга.

— Хорошо! — мгновенно согласилась Юлиана. Усидеть на месте она не могла, поэтому снова вскочила. — Не могу поверить, что я свободна! И не представляю, что мне теперь делать?

— Я охотно подскажу один из вариантов. Идем кататься на санках, погода просто умоляет нас об этом!

— Да! — с восторгом выпалила она. — Да! Идем!

Тони с Юлианой выглядывали в чердачное окно. Готовясь к приему гостей, они оделись словно близнецы — в одинаковые белые свитеры и темные джинсы. Девушка хотела надеть что-то более подходящее случаю, но принц напомнил ей, что они на отдыхе, а не на приеме, и такая одежда совершенно нормальна.

По горному серпантину к "хижине" приближались четыре машины. Преодолев крутой подъем, они замерли во дворе дома. Шоферы один за другим загнули рычащие как голодные собаки двигатели и стали помогать своим хозяевам выходить из машин.

Из первого автомобиля сначала показались ноги, потом большой живот, а следом за ним коротко стриженная голова с намечающейся на макушке проплешиной. Немного поерзав на сидении, мужчина спустил свои короткие ножки на посыпанный песком снег и выпрямился.

— Это Альфред Моррей, — прокомментировал Юлиане Энтони. — Каждый раз, когда я его вижу, у меня создается впечатление, что он свои деньги на всякий случай носит внутри себя. А это, по-видимому, его дочка Даляя, — сказал он, ткнув леденцом на палочке в сторону выбравшейся из машины следом за ним малосимпатичной девочки в соболиной шубке.

Юлиана мельком глянула на тщательно раскладывавшую по меху свои длинные рыжеватые локоны девушку, и тут же буквально приклеилась взглядом к появившемуся из второй машины высокому статному человеку лет сорока пяти. Его можно было бы посчитать красивым, если бы не сквозившее в каждой черточке его лица высокомерие.

— Это Мортон Альбиньи? — спросила она.

— Угу, — недружелюбно буркнул принц. — Более заносчивого и категоричного типа я еще не встречал. Я его просто не перевариваю! И чувствую, что его сыночка тоже вряд ли полюблю... — предрек он, глядя на подошедшего к отцу невысокого, но идеально скроенного подростка.

Будто услышав его, тот закинул вверх светловолосую голову, и уставился прямо в глаза принцу.

— Черт! Он нас заметил! — отскакивая в сторону, выругался Энтони. — Неловко-то как!

Подросток теперь пристально рассматривал Юлиану. Сгорая от стыда, она улыбнулась и помахала ему рукой. Он сухо кивнул ей и прошел в дом.

— Черт! Нам придется терпеть его до конца каникул! — с досадой выпалил принц.

— Мда... Что-то мне подсказывает, что мы вряд ли с ними подружимся, — опираясь спиной на бревенчатую стену, со вздохом заключила герцогиня.

— Будет просто чудом, если мы с ними не передеремся до отъезда, — поправил ее Тони и кисло спросил. — Ну что, идем с ними знакомиться?

Они спустились в холл. Рядом с Обероном стояли скучающие дети Моррея и Альбиньи. Их родителей в комнате не было.

— А вот и Тони с Юлианой! — преувеличенно радостно провозгласил король. — Идите сюда, ребятки, и познакомьтесь со своими новыми друзьями!

С минуту четверо подростков настороженно разглядывали друг друга. Герцогиня попробовала изобразить дружелюбие, но у нее этого не получилось — ей категорически не

нравились новоприбывшие.

— Не буду вам мешать! — заметив их скованность, сказал король.

Когда его шаги достаточно отдалились, принц смог справиться со своим замешательством и протянул Далии руку.

— Рад, что вы приехали к нам погостить! — натянуто произнес он. — Я Энтони.

Далия кокетливо заулыбалась и слегка сжала его руку своими унизированными кольцами пальцами.

— Я буду счастлива провести каникулы в вашем обществе, Ваше высочество! — проворковала она.

Сын Альбињи криво ухмыльнулся и едва слышно произнес:

— Шлюшка!

— Придурок! — обиженно ответила Далия, стукнув его кулачком по спине.

Тони с Юлианой озадаченно переглянулись.

— Я надеюсь, что мне это сейчас послышалось, — нахмурился принц.

— О нет! С вашим слухом все в порядке! — невозмутимо ответил блондин. — Просто я привык называть вещи своими именами. Меня зовут Филипп, если, конечно, это кому-то интересно. А это, я полагаю, герцогиня Делайн?

Он обратил на девушку тяжелый пристальный взгляд, от которого ей тут же захотелось помыться.

— Это правда, что вы с принцем любовники? — бесцеремонно спросил он.

Юлиана окаменела, а Тони в негодовании выкрикнул:

— Да как ты смеешь говорить такие гадости?!

Филиппа его гнев только развеселил.

— Не ори, уже вижу, что нет! Папа прав — такой тюфяк как ты не способен даже трахнуть понравившуюся ему девчонку.

Глаза Далии сверкнули торжеством, но блондин тут же ее осадил.

— А ты не радуйся! Тебе с ним все равно ничего не светит, хоть ты и разодета, как королева! Разве что твой папочка даст ему в приданое все свое состояние! Ты что, не знаешь, что он давно помешан на своей так называемой сестре?

Энтони вспыхнул от смущения.

— Замолчи! — потребовал он. — Юлиана, не слушай его!

Задрав голову вверх, Альбињи расхохотался.

— Она что, не в курсе? Да ты еще больший слабак, чем я думал!

— Филипп! — раздался сверху лестницы негодующий окрик его отца.

Глаза парня сузились от злости. Толкнув плечом загораживавшего проход принца, он взбежал по ступенькам и скрылся в указанной отцом комнате. Мортон слегка поклонился принцу, словно делая ему одолжение.

— Извините моего сына, Ваше высочество, — попросил он. — Он иногда говорит все, что в голову взбредет, не думая, что для кого-то его мнение может быть оскорбительным. Уверяю, больше вы не услышите от него ни одного грубого слова.

— Я тоже, пожалуй, пойду. Извините! — заторопилась Далия и побежала вверх.

С подобной бесцеремонностью Юлиана еще не сталкивалась. Ее брови сдвинулись к переносице, а губы сжались. Больше всего ее задело то, что Филипп даже не пытался скрыть своего превосходства над принцем. Да и его отец принес ему свои формальные извинения сверху лестницы, даже не потрудившись спуститься к нему. Такое пренебрежительное

отношение говорило лишь об одном — Альбиньи чувствовал свою незаменимость для Оберона и знал, что хамские выходки его сына не повлияют на их сотрудничество с королем. И это было страшно.

— Пойдем отсюда!

Шагая сразу через две ступеньки, Энтони бросился в свою комнату. Юлиана еле поспевала за ним. Он захлопнул дверь своей комнаты и бухнулся на диван.

— Ты это видела? — кипит от бешенства, прошипел он. — Они нас с отцом ни в грош не ставят!

— Да, видела. Прости, что смолчала. Я так... так растерялась! Мне очень хотелось высказать Филиппу, что я нем думаю, но я знала, как важна для твоего отца помощь асакурийцев, и поэтому смолчала.

— Слава Богу! — передернулся Энтони. — Если бы ты стала защищать меня перед этим ублюдком, я бы вообще от стыда умер!

— Ты расскажешь папе об этом разговоре? — спросила Юлиана.

Тони хотелось плакать от бессилия.

— Да, но знаю, что мой рассказ ровным счетом ничего не изменит! Ему срочно нужны деньги, и ради них он перетерпит все...

Принцу сейчас непередаваемо хотелось хоть на чем-то выместить свой гнев, например на мешкообразном мягком кресле, но в присутствии девушки он себе такого позволить не мог.

— Юлиана, я хочу устроить тут небольшой погром. Если я сейчас не получу разрядки, то наговорю папе очень много того, о чем потом буду сожалеть. Не могла бы ты оставить меня на какое-то время одного?

Кивнув, девушка плотно прикрыла за собой дверь и ушла. Ей сейчас тоже хотелось побыть наедине с собой и поразмыслить, как она может помочь принцу. В ее опустошенную конфликтом голову не приходило ни одной умной мысли и она села за компьютер, решив поискать информацию о семье Альбиньи. Может быть, там она найдет себе хоть какую-то зацепку. Записей о скандальной семейке в сети оказалось великое множество, и Юлиана с головой погрузилась в чтение.

Тони сгреб с подоконника лежавшие на нем дробинки и стал ожесточенно швырять их в мишень. С приездом гостей в его душе поселились тревога и тоска, и он не знал, как их унять. Сначала он уповал в этом на Юлиану, но она еще со вчерашнего вечера заперлась в своей комнате и, похоже, не собиралась ее покидать. После случившегося конфликта она была сама не своя, и принц понимал, что ей нужно побыть одной.

В десять утра они встретились в столовой, где уже собрались все, кроме Оберона. Филипп резанул по принцу недоброжелательным взглядом и покосился на сурово сжавшего губы отца. При виде принца Даля засияла улыбкой и пошла к нему навстречу. Специально для него она сегодня надела алое облегающее платье с глубоким декольте.

— Ваше высочество... — подавая Энтони руку, проворковала она.

— Вам изумительно идет этот наряд! Он выглядит так празднично! — как можно любезнее проговорил принц и поцеловал девушке руку.

— Да, чего не скажешь о наряде герцогини! — не удержался от ядовитого замечания младший Альбиньи. — Похоже, она решила надеть траур по случаю нашего приезда!

Юлиане стоило больших усилий не выказать своего смущения. Сегодня, по случаю первого совместного завтрака, она надела темно-синее платье футляр и черные туфли-лодочки. Собственно, это платье было в ее здешнем гардеробе единственным, и она даже не предполагала, что оно ей вообще понадобится. Когда она отдыхала здесь в прошлый раз, никто ни разу не надевал ничего, кроме удобной домашней одежды.

Мысленно ругая себя за недалекость, она села на диван рядом с Далией. Та поспешила отодвинуться от нее. В это время в столовую вошел король, и Юлиана чуть не подпрыгнула, увидев сопровождавшего его Карминского.

— Здравствуйте, дамы и господа! — широко улыбаясь, поздоровался Оберон. — Извините нас с Эдмундом за опоздание, и добро пожаловать к столу!

После короткой процедуры приветствий, все расселись за уставленный множеством блюд стол. Инкатор выбрал себе место рядом с Юлианой, как раз напротив Филиппа и Далии.

— А юноша прав! — ехидно подметил он. — Мундир тебе шел куда больше и был бы уместен в любой ситуации! Радуюсь, что добилась своего?

Она могла бы поклясться, что в его тихом голосе сквозило сожаление.

— Да, — холодея от непонятного дискомфорта внутри, ответила она.

— Ну и дура! Передай мне кусочек мясного рулета, сам не дотянусь, — попросил он.

Больше в течение завтрака он к ней ни разу не обратился, зато всю разговаривал с асакурийцами, особенно с младшими. После еды все разошлись по своим комнатам. Герцогиня ушла одной из первых. Принц хотел увязаться за ней, но ее хмурый вид остановил его. После некоторых колебаний он вышел из столовой и пошел в сторону оранжереи.

Не спешивший покинуть свой наблюдательный пункт, Карминский отметил, что Далия поспешила вдогонку за принцем.

Пока король со своими советниками оживленно обсуждал красоту гор, инкатор положил прикрывавшую колени салфетку на стол и вышел в коридор. Там никого не было, но со стороны оранжереи доносились голоса. Карминский на цыпочках дошел до ближайшего поворота коридора и стал прислушиваться.

Судя по разговору, Далия всю пыталась очаровать принца. Сначала тот с присущим ему тактом пытался уйти от беседы, но девушка упорно возвращалась к прежней теме. Тогда отчаявшийся Тони выпалил ей, что у него уже есть девушка и сбежал в противоположную часть дома.

— Подслушиваете?

Инкатор повернул голову и увидел за своей спиной Юлиану.

— Тс-с-с!!! — приложив палец к губам, попросил он. — Тут эта разряженная кукла пытается увести твоего ухажера!

Из оранжереи слышались всхлипывания, и почти тотчас же оттуда же раздался голос Филиппа.

— Что, твой аркан и в этот раз пролетел мимо цели? — ехидно спросил он.

Сгоравший от любопытства инкатор выглянул из своего укрытия и увидел хныкавшую на скамейке Далию. Младшего Альбиньи не было видно из-за густо увивавших решетчатую перегородку вьющихся цветов. Выглядывали только его блестящие черным лаком ботинки.

Вскочив на ноги, девушка в негодовании воскликнула:

— Ты подслушивал?

— И даже подглядывал, — невозмутимо сознался он.

— И давно? — испуганно спросила она.

— Достаточно, чтобы понять, что принц равнодушен к тупым красоткам вроде тебя.

Юлиана замерла рядом с Карминским, боясь упустить хоть слово из их разговора.

— Шпионить за другими подло! — возмутилась дочка Моррея.

— Во-первых, это не подло, а полезно, — не согласился с ней Филипп, — а во-вторых, я ни за кем не шпионил. Просто сидел здесь за перегородкой и кормил рыбок в пруду. Если вы невнимательные и меня не заметили, то при чем здесь я?

Далия со стыдом опустила голову, а он заинтересованно спросил:

— Ты правда запала на него, или тебя возбуждает его титул?

— Не знаю... Мне все в нем нравится! Ты видел какие у него глаза? — мечтательно проговорила она. — Такие чистые и глубокие, что в них...

— Ага, можно утонуть, — перебил ее парень. — А на его русых локонах можно повеситься! От скуки. Потому что он зануда!

— А ты — дурак!

Голос Альбиньи приобрел угрожающий оттенок.

— Не стоит оскорблять меня, Далия. Возможно, скоро твоя обаяшка Энтони превратится из принца в пустое место, и тогда тебе захочется не его любви, а, скажем, моей... Спорим, что я целуюсь лучше, чем он?

— Да ну тебя! — вспыхнула она и бросилась вон из оранжереи. Карминский успел втолкнуть Юлиану в ближайшую открытую комнату, и Далия пулей пронеслась по тому месту, где они только что стояли.

Инкатор внимательно осмотрел комнату, в которой они спрятались, и на всякий случай запер дверь на ключ. Герцогиня заморгала от лившегося в окно яркого солнечного света, в котором крошечными перышками парили пылинки. В комнате было необычайно тихо и пахло деревом и засушенными травами.

— Ну, как тебе их разговор? — полюбопытствовал Эдмунд.

— Он ужасен! Почему Его величество не избавится от этих асакурийцев? — выпалила Юлиана. — Они ведь опасны!

— Да, и очень амбициозны! — поддакнул ей Карминский. — Такие акулы как они недолго буду удовлетворяться астаротовскими подачками и вскоре сами отхватят себе кус побольше. Так что вам с Энтони не стоит так отчаянно портить с ними отношения. Кто знает, не станут ли они через год-другой вашими хозяевами?

Юлиана с отвращением передернула плечами от такой перспективы.

— Почему вы не поможете королю выпутаться из этой ловушки?

Карминский облюбовал себе накрытое светло-зеленым бархатным чехлом кресло и сел в него. Девушка осталась стоять.

— Дорогая, открою тебе страшную тайну: я ради короля и пальцем не шевельну! — сказал он. — Он думает, что может обойтись без помощи инкаторов? Хочет единолично принимать решения? Да ради Бога! К тому же с некоторых пор он в грош меня не ставит, а я не привык к такому отношению. Почему-то этому умному, в общем-то, человеку не приходит в голову, что самоотдачи от других можно ждать только в том случае, когда они нуждаются в тебе. А я не нуждаюсь в Обероне.

Этот идиот до сих пор не понял одной из главных истин — верности и преданности силой и шантажом получить невозможно! При той огромной власти, что я имею, я даже своих телохранителей стараюсь не задевать! А знаешь почему? Потому что я поворачиваюсь

к этим людям спиной, и не хочу, чтобы у них возникло желание вонзить в нее нож из-за какой-нибудь сиюминутной обиды. И для меня совсем не послужит утешением то, что моего убийцу потом за это казнят! А король чересчур самонадеян. И я жду-не дождусь, когда эта самонадеянность посадит его в грязную лужу позора и унижений!

Юлиане стало не по себе от сквозившей в каждом слове инкатора злобы. Она попробовала воззвать к его лучшим чувствам.

— Пусть вы ненавидите Оберона, но вы же любите эту страну! Неужели вы отдадите ее на растерзание иноземцам?

Карминский пожал плечами.

— А почему бы и нет? Может быть, из них получатся более разумные и рачительные хозяева, чем Астароты?

Юлиана искала на лице своего учителя признаки того, что он просто разыгрывает ее, но его плотно сжатые губы и больно раненое самолюбие во взгляде говорили об обратном.

— Но это же предательство! Вы же давали присягу служить ему!

— Предательство? — удивился Эдмунд. — В чем? Я выполняю каждый каприз Оберона, но не несу ответственности за то, что он действует во вред самому себе!

— А как же Энтони? — холодея, спросила она. — Что тогда будет с ним?

Карминский повел обтянутыми мундиром плечами.

— Какое мне дело до этого мальчишки? Он мне даже не симпатичен! У тебя была возможность позаботиться о нем, а может, даже и предотвратить крах их династии, но ты отказалась от нее, бросив учебу, — заметил инкатор.

— Я не отказывалась! — запротестовала Юлиана. — Так решил король. А я просто обрадовалась своему избавлению от нежеланной профессии!

Карминский угрюмо фыркнул.

— Так решил твой до безобразия впечатлительный дружок Энтони, после того, как ты под сывороткой правды разболтала Астаротам о моих методах воспитания. И вынудил своего отца поддержать его решение.

Юлиана охнула.

— О, боже! Значит, то была не вакцина!

Ее ноги вдруг стали ватными и она прижалась к бревенчатой стене.

Пока девушка переосмысливала случившееся, Карминский тоже мысленно вернулся в изрядно помотавший ему нервы разговор с Обероном. Он только сегодня приехал в столицу и понятия не имел, для чего вдруг так спешно понадобился своему капризному монарху. А когда узнал для чего, пришел в ярость.

— Что значит взять другого ученика?! — прорычал он. — Я убил на эту девочку два с половиной года! А теперь я должен бросить ее обучение и начать все с нуля неизвестно с кем?!

— Прости! Я был не прав! — сухо повинился король. — Я должен был с самого начала тебя послушать. Но лучше признать свою ошибку раньше, чем позже, ведь так? И потом, ты сам хотел обучать парня!

Карминский сам не ожидал, что кардинальная перемена планов короля настолько его подкосит. Он вдруг почувствовал себя как кошка, у которой забирают ее котенка, а отдавать своего он любил.

— Хотел! — подтвердил он. — Но теперь не хочу! Я даже готов признать, что вы были

правы утверждая, что у Юлианы есть все задатки для этой должности! С чего вдруг вы передумали?

— Да потому что ты чуть в могилу ее не свел! — разъярился король. Его намерение ничего не объяснять своему своенравному помощнику неожиданно разлетелось вдребезги. — Ты думаешь, я не знаю, что за жизнь ты ей устроил этой осенью?!

— Давал слишком много домашнего задания? — криво ухмыльнулся Карминский.

Но его попытка отшутиться еще больше взбесила Оберона.

— Прекрати валять дурака! Я знаю, как ты убил ее подругу Викторину Блэр! — цедя каждое слово, проговорил он. — Знаю, как перебил кучу полицейских, возвращая ее в академию после побега. Как приковал ее за руку! И как она резала себе вены из-за тебя, я тоже знаю!

Жнец покачал головой.

— Все-таки наябедничала... — разочарованно произнес он. — А мне казалось, что мы с ней пришли к согласию...

Король негодуя фыркнул.

— Ошибаешься, Эдмунд! Она сама не в курсе, что мне обо всем известно! Я видел, что с ней что-то не то, и вколол ей сыворотку правды. Ты даже не представляешь себе, в каком я был шоке от ее откровений! Явись ты ко мне на день раньше, я бы велел тебя арестовать, так я был зол! Но, к несчастью, у меня нет достойной тебе замены, поэтому пока я решил оставить все, как есть, и закрыть глаза на твой произвол. Но с условием, что ты сегодня же начнешь подбирать себе нового ученика. И не тяни с этим — Витовский уже на ладан дышит!

Инкатор исподлобья глянул на своего владыку. Ссориться с Обероном ему очень не хотелось, но он не собирался учить никого другого.

— Коней на переправе не меняют, Ваше величество! — заметил он. —

Прекратить обучение Юлианы сейчас, когда она уже показала блестящие результаты — большая ошибка! Она умна, оригинальна в выборе методов, и даже люто ненавидя меня, наступает своей ненависти на горло и продолжает делать то, что нужно! Ее выдержке и силе духа можно только позавидовать, а ведь в ее возрасте дети срываются из-за любой ерунды! И еще один немаловажный факт — преданность! Вы знаете, что она делает в свободное от учебы время? Зарабатывает, чтобы оплатить лечение одного своего знакомого, и нанять адвоката для другого. А ведь их она любит в разы меньше, чем Энтони! Представляете, насколько она будет предана ему?

Оберон так сжал кулаки, что суставы захрустели.

— Думаешь, я сам этого не понимаю?! Думаешь, это решение далось мне легко? Но я вынужден это сделать, потому что ее жизнь для меня куда важнее ее службы!

А вот этого Карминский понять никогда не мог.

— Почему? Почему она так важна для вас? — спросил он.

— Да потому, что от нее напрямую зависит сколько проживет мой сын! — выкрикнул король. — Потому что она — единственный подходящий донор для него!

Эдмунд оторопел. Он не раз перебирал у себя в голове массу всевозможных вариантов полезности герцогини для Астаротов, но такого в его списке и близко не было.

— Донор?..

— Да, донор. Помнишь, когда Энтони было двенадцать, он едва не умер?

Карминский кивнул. Наверное, это помнил не только он, но и вся страна, потерявшая

тогда королеву и едва не потерявшая наследника. В подростковом возрасте у мальчика появилось и стало стремительно прогрессировать странное иммунное заболевание, сопровождавшееся резким сбоям кроветворной системы. Энтони таял на глазах, а врачи перелопачивали свои базы данных, пытаясь найти ему подходящего донора. На первый взгляд эта задача казалась довольно простой, и вскоре принцу сделали первую пересадку костного мозга. Но, несмотря на довольно высокую степень совместимости, его организм тут же стал отторгать донорские клетки. Доктора буквально вытащили мальчика с того света, и через некоторое время снова сделали ему пересадку, теперь от другого человека.

Вторая операция едва не убила принца. Донорский материал принес ему куда больше вреда, чем пользы. Мальчик впал в кому. Когда королеве Элинор сообщили об этом, ее сердце не выдержало и она скончалась. Обезумевший от горя Оберон лично взялся за поиски донора, хотя врачи единодушно сходились во мнении, что очередная попытка трансплантации закончится для наследника летальным исходом.

На пятый день после смерти жены король привез в клинику найденного им донора и настоял на немедленной операции. К всеобщему изумлению, последняя пересадка оказалась чудодейственным эффектом. Мальчик стал быстро поправляться и вскоре забыл о болезни. Эти факты были общеизвестны, но имя спасителя знали только король и делавший трансплантацию врач, которого Оберон тут же убрал с глаз долой.

Еще Карминский знал, что Тони с Юлианой познакомились в больнице и с тех пор стали неразлучны.

Инкатор задумчиво прошелся по комнате. Это многое ему объясняло, но не все.

— Получается, ваш сын обязан Юлиане жизнью?

— Да... Но ни он, ни она об этом не знают, и не должны узнать, Эдмунд. Во всяком случае до тех пор, пока Тони не потребуется очередная пересадка.

Карминский вскинул на Оберона заинтересованный взгляд.

— То есть, у принца возможен рецидив болезни? — рассеянно трогая на щеке саднивший порез от бритвы, уточнил он.

Король скрипнул зубами, ругая себя за несдержанность.

— Более, чем возможен, — ответил он. — И тогда ему снова потребуется операция.

За окном затарахтела объезжающая дом снегоуборочная машина.

— Понятно... — сказал Карминский, когда ее грохот утих вдали. — Но почему вы решили сделать Юлиану инкатором? Разве недостаточно было просто держать ее при себе до той поры, пока она вам снова не понадобится для лечения сына?

Король вздохнул.

— Я просто хотел отблагодарить ее за спасение своего мальчика. А потом понял, что только она сможет убедить Энтони не отказываться от короны, когда я умру, и станет для него прочной опорой в управлении государством. А зная работу инкаторов изнутри и понимая все их уловки, она не даст им обвести себя вокруг пальца!

— Ничего себе планы сохранения династии! — хмыкнул Эдмунд. — А я-то был убежден что все ваши действия были продиктованы исключительно вашим быстро прогрессирующим слабоумием! Король сурово нахмурился, но инкатор обезоруживающе ему улыбнулся.

— Рад слышать, что это не так! Однако одно мне все-таки до сих пор не ясно: зачем вы подослали к ней Вэнса?

— А что мне оставалось делать? — с досадой проскрипел Оберон. — Мой сын совсем потерял голову от этой девчонки! А я не могу допустить их брака! Не могу и не хочу! И не

спрашивай почему!

— Она ваша внебрачная дочь? — не обращая внимания на только что прозвучавший запрет, предположил Карминский. — Поэтому у них такая высокая тканевая совместимость?

Король закусил губу и покачал головой.

— Нет... Она мне не дочь. И почему их клетки настолько совместимы, я не знаю. Но знаю, что этот брак может стать для моего сына роковым.

— С чего вы это взяли?

По лицу монарха пробежала тень.

— Эллианский оракул так предсказала, — ответил он. — А этой ведьме я верю куда больше, чем даже самому себе. Я знаю, что должен держать этих детей на расстоянии друг от друга. А так как Энтони не может думать ни о ком, кроме нее, мне остается лишь один выход — сделать так, чтобы Юлиана сама не захотела этих отношений. Если она будет увлечена другим мужчиной, то мой юный сын будет ей неинтересен. Вэнс идеально подходил на эту роль, а ты взял, и все испортил!

— Боже, неужели все так банально просто? — рассмеялся Карминский. — Тогда мы с вами двигаемся в одном направлении! После того, как она больше часа любовалась на групповое изнасилование своей подруги, ей еще долго не захочется никаких отношений с мужчинами. Если вообще когда-нибудь захочется! А если и это не поможет, то я предложу вам еще один чудодейственный способ излечения от юношеской любви, после которого принц сам станет избегать ее.

— Хм... — просветлел лицом Оберон. — Ты всегда умел меня обнадежить! Каков твой план?

— Давайте оставим его на крайний случай, — попросил инкатор. — А сейчас обсудим дальнейшее обучение Юлианы.

— Энтони ни за что на это не согласится! — опять приуныл король.

— Разве вы только что мне не сказали, что за него все решает его маленькая подружка?

— Да-а, — протянул Оберон, уже понимая к чему клонит его собеседник. — И что?

— Я поговорю с ней, — просто ответил инкатор. — Эта привязанность — обоюдоострая. Ваш сын готов на все ради малышки Делайн, а она готова на все ради него. Мне остается только вложить в ее хорошенькую головку мысль, что бедняжке принцу после вашей смерти придется очень туго.

— Все-таки я тебя обожаю! — ухмыльнулся король. — Прости, я в последние пару лет частенько был груб с тобой. Надеюсь, теперь меж нами снова не будет разногласий!

На этом их разговор окончился.

Жнец махнул рукой, словно развеивая воспоминания, и усмехнулся.

— Как видишь, Юлиана, это была не вакцина! — ответил он девушке, а потом осторожно выглянул в коридор. — Кажется, все уже разошлись по комнатам. Пора и нам выбираться отсюда. Ты — после меня.

Через несколько минут девушка вернулась в гостиную. Жарко полыхал камин. Возле него, в любимом кресле хозяина, Карминский читал книгу. Король со старшим Альбиньи играли в шахматы, а Филипп с Далией угрюмо рассматривали журналы и пили лимонад. За окнами послышался натужный звук мотора, а потом кто-то затрещавил во входную дверь.

— Интересно, кто бы это мог быть? — удивился Оберон.

Кто-то из слуг открыл дверь и спустя минуту привел в гостиную курьера.

— Ваше величество, я привез ваши заказы к Новому году, — пояснил он.

— О, прекрасно! — обрадовался король. — Мартин! — Попросил он убравшего со стола мужчину. — Будь добр, позови Энтони, он очень ждал этой доставки!

Курьер стал выгружать из машины привезенные упаковки и заносить их в гостиную, а слуга пошел за принцем. Внимание Оберона привлекла объемная коробка, и он стал срывать с нее обертку.

— Папа, не трогай! — прыгая через ступеньку, прокричал ему сверху принц.

Король дернулся от неожиданности. Разорванная упаковочная бумага соскользнула на пол, открывая всем присутствующим напечатанное большими буквами название изделия с его красочной фотографией. Тони замер на месте и схватился за голову. Оберон перевел недоуменный взгляд на коробку и тихо крикнул.

— Это то, о чем я думаю? — уронив ладью, изумился старший Альбины.

Сразу вслед за этим по залу прокатился звонкий издевательский хохот Филиппа.

— Надувная кукла? У тебя все действительно настолько плохо? — спросил он у сжавшегося от стыда Энтони.

— Вот ведь незадача... Я эту малышку заказывал себе еще до встречи с Катрин... — спеша выгородить сына, пробормотал король. — Почему ее доставили только сейчас?

Филипп скептически скривился. Было видно, что он не поверил ни одному его слову. В надежде хоть что-то исправить, Юлиана гневно проговорила:

— Не выгораживайте его, Ваше величество! Пусть отвечает за свои поступки! — Она повернулась к красному, как рак, пареньку. — По-твоему эта кукла шарнирная, Энтони? По-твоему, ее я просила у тебя на Новый год?

— Прости, я просто хотел развеселить тебя, — смущенно подыграл ей он, — думал, ты оценишь... В конце концов, это ведь тоже кукла!

— Глупая и пошлая шутка! — выкрикнула она и выбежала из гостиной.

Далия тихонько хихикнула в кулачок и бросила горящий нетерпением взгляд на Филиппа. Ее так и подмывало поскорей обсудить с ним тему куклы, но она знала, что он ни за что не уйдет, пока все не разойдется, чтобы ненароком не упустить чего-нибудь интересного.

— Может, объяснишь мне эту покупку? — указывая на коробку, хмуро поинтересовался у сына Оберон.

— А что тут объяснять? Юлиане понравилась шарнирная кукла из интернет-магазина, но ее уже кому-то продали, и я купил ей эту. Думал, будет весело...

— Ты серьезно собирался подарить ей это? — качнул упаковкой король. — По-твоему, это подходящий подарок для девушки?

— Это было лишь дополнение к подарку! — запальчиво ответил Энтони. Он выбрал из груды коробок самую маленькую, обернутую в нежно-розовую бумагу. Разорвав упаковку, он извлек из нее усыпанную драгоценными камнями бабочку и показал ее отцу. Далия зачарованно уставилась на рассыпающую мириады радужных искр брошку. Филипп снова неопределенно хмыкнул.

— Вот это должно было стать моим подарком! А кукла — просто дурачество! Можно подумать, вы никогда никого не разыгрывали! — с вызовом оглядев свидетелей своего позора, воскликнул принц.

— Разыгрывали, конечно! — неожиданно поддакнул ему инкатор. — Я и сейчас обожаю этим заниматься. Правда, резиновых кукол пока никому не дарил, — ухмыльнулся

он. — А идея неплохая!

— Пойду извинюсь перед Юлианой! — Зажав брошку в кулаке, буркнул принц.

— Не стоит, — остановил его Карминский. — Дайте ей время остыть, Ваше высочество!

И, с вашего разрешения, я сам ей все объясню!

Тони хотелось крикнуть, чтоб он и близко не смел к ней подходить, но король ему помешал.

— Сынок, Эдмунд прав! Пусть лучше он с ней поговорит! — Он брезгливо протянул игрушку ожидавшему его распорядителю слуге и с омерзением сказал: — Выбрось скорее эту дрянь!

Альбиньи задумчиво собрал шахматы в коробку и встал.

— Филипп, Далия, идемте, — сказал он. — Нам нужно поговорить.

Девочка так радостно подскочила с дивана, что расплескала лимонад себе на платье и частично на брюки Фила.

— Корова неуклюжая! — процедил он, вставая следом за ней.

Карминский проводил уходящую троицу ироничным взглядом. Про себя он окрестил ее "осиным роем". Произошедший конфуз его очень порадовал: чем больше у Астаротов неприятностей, тем легче будет убедить Юлиану возобновить учебу.

Оберон озабоченно сдвинул брови.

— Ну ты и кашу заварил! — сказал он сыну. — Ты представляешь, что Филипп тебя теперь будет клевать за эту куклу до конца своих дней! По всему свету разнесет эту дурацкую историю!

— Знаю! — выпалил Тони. — А все потому, что ты этим Альбиньи все позволяешь! Зачем ты вообще их сюда притащил? Зачем испортил нам праздник, которого я так ждал! Да ну тебя!

Карминский дождался, когда его шаги затихнут вдалеке, и отложил книгу.

— Пожалуй, и я пойду. С Юлианой поболтаю.

Король молча кивнул, и инкатор направился к девушке. Она открыла почти сразу. При виде учителя улыбка тут же сползла с ее лица и сменилась неприветливой гримасой. Он вошел и закрыл за собой дверь.

— Дай угадаю! Ты ждала Энтони! — с усмешкой сказал он.

— С чего вы это взяли?

— Твое лицо мне об этом рассказало! Кстати, неплохая была попытка спасти его от позора! Только даже если Филипп с Далией и поверят в твою версию, то все равно будут издеваться над ним до конца жизни!

Юлиана понурилась.

— До чего же глупо все получилось! И самое неприятное в этом то, что я во всем виновата! Ведь он купил эту куклу, чтобы развеселить меня! Скажите, как сделать так, чтобы эта история не вышла за стены дома?

Карминский взял лежавшего на спинке дивана мишку.

— Забавный, — потеревив мягкую мохнатую лапку, улыбнулся он. — Не помню, когда я в последний раз брал в руки игрушку. Наверное, лет в шесть... А потом мои родители погибли и меня отдали в детдом. Только сейчас Юлиана поняла, что совсем ничего не знает о личной жизни этого человека.

— Я был маленьким, хлипким, и не умел за себя постоять, — рассказывал он. — Совсем как Энтони сейчас. И более сильные и наглые не подпускали меня к игрушкам. Поначалу я

плакал, жаловался воспитателям, а потом понял, что им все равно! Всем было глубоко плевать на мои переживания, на размазанные по лицу слезы и на то, что я целыми днями прятался за шторой игровой комнаты, чтобы меня никто не трогал.

Но теперь я благодарен своим жестоким учителям: не будь у меня такой суровой школы жизни, я бы не научился брать все, что мне нравится без спроса. Только трудности закаляют характер, и чем они серьезней, тем он крепче! — Он положил медвежонка обратно и сказал: — Ты спрашиваешь, как уберечь Энтони от насмешек? Да проще простого! Найди в жизни его обидчиков темные пятна и пригрози их обнажить, если они будут распускать свои поганые языки. Клин клином вышибают, девочка!

— Помогите мне это сделать! — попросила Юлиана.

Он покачал головой.

— Нет, дорогуша, это твоя война! К тому же ты больше не моя ученица, так что я теперь не имею права тебе давать ни доступа к базам данных, ни способных тебе помочь агентов!

— В таком случае я хочу вернуться к учебе! — заявила девушка.

— Да ну? — подивился Карминский. — Не ты ли два с половиной года ныла о том, что инкаторство — не для тебя? И ты была права, оно — реально не сахар, поэтому сперва подумай хорошенько, стоит ли тебе лишать свою жизнь множества женских радостей из-за того, что Энтони родился размазней? Вытащишь его из этой передраги — он в новую попадет. У него к этому просто талант!

— Значит, я помогу ему выбраться из всех последующих! — твердо ответила Юлиана, самостоятельно захлопывая приготовленную им ловушку.

Другого ответа инкатор от нее и не ожидал.

— Тогда объяви о своем решении Энтони. И сделай это так, чтобы у него не было претензий к нам с Обероном.

— Непременно! Теперь я могу получить доступ к базам данных? — нетерпеливо спросила Юлиана.

— Теперь — да! — Карминский достал из кармана ручку, взял лежащий на тумбочке журнал и нацарапал на нем комбинацию букв и цифр. — Вот код, — сказал он. — Действуй! Только не сильно это афишируй — королю не понравится, что ты копаешь под его любимчиков! — ухмыльнулся он и ушел из комнаты.

Девушка немедленно села за компьютер. Ее пальцы запорхали по клавиатуре, вбивая данные Филиппа Альбиньи. Несколько секунд на экране неразлично быстро мелькали чьи-то лица, а потом Юлиана надолго погрузилась в тайную жизнь несносного подростка.

Казалось, спецслужбы, следили за каждым его шагом, и фиксировали каждое сказанное им слово. Ей стало не по себе: неужели каждый мало-мальски известный человек подвергается такой тотальной слежке?

Она ввела в систему свои данные, желая узнать, какие сведения здесь собраны о ней, но неприятный звук уведомил ее о запрете доступа к этой информации.

Пришлось возвращаться к грехам их с Тони недруга. Употребление легких наркотиков, нарушение правил вождения, жестокое обращение с животными. Все не то. А вот и кое-что поинтересней: сексуальная связь с деловым партнером отца. Юлиана порозовела, увидев снимок, где голый Филипп вылизывал ботинки атлетически сложенного бородача. Это сгодится, чтобы заткнуть ему рот.

— Отлично! — пробормотала она и сбросила фото себе на телефон. — Все-таки, быть инкатором не так уж и плохо.

Разговор с блондином получился коротким. Он пообещал оставить Энтони в покое, а на следующий день вместе с отцом уехал из "Хижины". На недоуменные вопросы оставшихся гостей, король пояснил, что Альбины покинули их из-за семейных неурядиц. Впрочем, их отъезд никого не расстроил. Даже Моррей и его дочка вздохнули свободней, не говоря уж о прыгавших от радости Энтони и Юлиане.

В тот же день и Карминский засобирался в дорогу. Он пошел прощаться с королем и по пути к нему встретил свою покрасневшую после игры в снежки ученицу.

— Жду тебя не позднее пятнадцатого числа, — напомнил ей он.

Из-за поворота коридора появился одетый для прогулки Оберон. Он подошел к девушке и обнял ее за плечи.

— От тебя пахнет морозом и свежестью! — склоняясь носом к ее макушке, проговорил он, а потом перевел горящий любопытством взгляд на инкатора. — Где ты ее ждешь, Эдмунд?

— В академии, Ваше величество!

Король нахмурился. С одной стороны эта новость заставила его трепетать от радости, но как быть с угрозами Энтони?

— Мне казалось, что мы уже полностью обсудили и закрыли эту тему, — осторожно сказал он. — Такая работа Юлиане не по силам...

— Обещаю, я справлюсь с нею, — горячо заверила его герцогиня.

Оберон озадаченно поскреб подбородок.

— Эдмунд, скажи честно, как ты заставил ее передумать?

— Очень просто. Раньше я показывал Юлиане преимущественно минусы этой профессии, а вчера показал ее плюсы.

— Вчера? — Король обернулся, чтобы убедиться, что кроме них поблизости никого нет. — Отъезд Альбины — твоя работа?

— Я не имею к этому никакого отношения! — поднял руки Карминский.

Девушка заалела, ожидая взбучки.

— Значит, это сделала ты? — спросил у нее Оберон.

— Я никого не просила уезжать!

Король ухмыльнулся.

— В этот раз из вас вышла отличная команда! Ладно, сделаю вид, что я вам поверил. Между нами — я рад, что Альбины уехали. Я даже не представлял себе, насколько невыносим Филипп, когда приглашал их к нам погостить. Наверное, он и про куклу позабыл?

Девушка скромно промолчала.

— Рад, что у вас все благополучно разрешилось, — сухо сказал инкатор. — Я, собственно, шел к вам попрощаться.

— Уже покидаешь нас? — расплылся в улыбке Оберон. — Как жаль!

— Заметно! — буркнул Карминский и пошел готовиться к отъезду.

После отъезда Филиппа Далия заметно оживилась. Теперь она проводила много времени вместе с принцем и Юлианой. Так много, что Тони хотелось выть от ее назойливости. Он перебарывал себя и всячески старался изобразить из себя радушного

хозяйина, но Далия принимала его вежливость за интерес к себе и все более ревниво требовала его внимания.

На четвертый день Энтони не выдержал. Рано утром он потихоньку пробрался в оранжерею, чтобы нарвать букет цветов для Юлианы. В последние дни она стала откровенно скучать, и юноша на все лады проклинал в душе узурпировавшую его время дочь Моррея. Он нарвал охапку нежно-розовых роз, мечтая преподнести их юной герцогине, но на выходе нос к носу столкнулся со своей навязчивой обожательницей.

— О, как это мило с твоей стороны, Тони! — кокетливо поправляя сползшую на плечо бретельку платья, проворковала она и протянула руки к цветам.

Принц бросил отчаянный взгляд на опустевший розарий. На второй букет цветов не оставалось. Мгновение он колебался, не зная как поступить, но потом решил, что Юлиана для него дороже глупых условностей и потянул букет на себя. Острый шип впился девушке в палец и она ойкнула.

— Извини, Далия, это не тебе! — ужасаясь собственному поступку, заявил Энтони.

Она обиженно заморгала, отпуская цветы, и поднесла ко рту кровоточащий палец. Принц прошмыгнул мимо нее и быстро взбежал вверх по лестнице. И хотя ему все-таки удалось порадовать Юлиану розами, день был безнадежно испорчен. Разобиженная Далия не пришла на завтрак, пропустила обед и отказалась идти на прогулку.

— Что это с ней? — удивленно спросила герцогиня, когда они с Энтони остались наедине. — То не отходила от нас ни на шаг, теперь даже видеть нас не хочет...

Юноша подошел к столу и стал перебирать лежавшие на нем коробки с дисками, стараясь скрыть свое смущение.

— Это я виноват, — наконец признался он. — Тот букет, что я тебе подарил... В общем, Далия решила, что я собрал его для нее. А когда я ей сказал, что она ошиблась... Короче, она посмотрела на меня так, словно только что мысленно внесла меня в список своих смертельных врагов.

— Ясно, — расстроилась Юлиана. — Спасибо за заботу и цветы, но лучше бы ты отдал их ей...

— Наверное, я и правда был чересчур груб с ней, — вздохнул принц. — Но она за эти дни меня так достала, что я уже просто не мог быть с ней вежливым!

Со стороны двора послышался шум автомобильного двигателя и Энтони выглянул на улицу.

— О, Господи! Они уезжают! — простонал он.

Юлиана подбежала к окну и увидела, как слуги выносили из дома чемоданы и складывали их в багажник урчащего джипа. Растерянный Оберон что-то говорил Моррею, видимо расспрашивал о причинах столь поспешного отъезда. Тони открыл форточку в надежде услышать хоть часть их разговора.

— Далии нездоровится! — объяснил королю Альфред. — Хотя мне кажется, что это всего лишь предлог, и она просто скучает за Филиппом.

Астарот угрюмо кивнул и подозвал идущего в дом за очередным чемоданом слугу:

— Позови Тони с Юлианой. Скажи, что наши гости уезжают.

— Не нужно! — поспешил сказать Моррей. — Далия просила не говорить им пока о нашем отъезде. Сказала, что у них сегодня какое-то важное событие, и она не хочет портить им вечер.

— Как мило! — саркастически пробормотал принц.

На крыльце появилась одетая в шубку Далия и стала церемонно прощаться с королем.
— У нее глаза заплаканные, — прошептала Юлиана.

Тони скорчил несчастную физиономию и отодвинулся от окна. Скрипя по снегу лакированными сапожками, дочь Моррея прошла в машину и стала жестами поторапливать заболтавшегося отца.

— Они даже не попрощались с нами... — сокрушенно прошептал принц.

Юлиана тоже отошла от окна и села на диван. Ее плечи затряслись от хохота.

— Подружились со сверстниками, называется, — сквозь смех сказала она. — Я выжила отсюда Филиппа, ты — Далию. У нас с тобой просто талант наживать себе врагов!

Ее неожиданная реакция на неприятное событие приятно расслабила Энтони.

— У нас это семейное! — с улыбкой заметил он. — Талинальдию весь мир не выносит, почему асакурийцы должны быть исключением?

Но, несмотря на бодрый голос, чувствовалось, что он сильно опечален.

— Да, едва ли нам стоит переживать из-за двух разобиженных на нас подростков, — утешила его Юлиана, надеясь, что принц не заметит в ее голосе фальши. Сама она была чрезвычайно обеспокоена, что им не удалось подружиться с Далией и Филиппом. Хотя, откровенно говоря, они с Тони и не сильно-то к этому стремились. Плохо было то, что эти дети с легкостью командовали своими родителями, раз те по их первому требованию согласились прервать давно запланированный визит. А значит, если асакурийские олигархи так и останутся в Талинальдии при власти, то вражда с ними будет неизбежна.

Юлиана оживленно забалтывала принца, а сама корила себя за то, что пошла на поводу эмоций и поссорилась с сыном Альбиньи. Теперь ей нет обратного хода. Она просто обязана стать превосходным инкатором, чтобы исправить свои ошибки и суметь защитить Энтони от этих неприятных людей. Она чувствовала: противостояние с ними только начинается.

Июнь выдался на редкость приятным. Ежегодно приносившие дожди циклоны в этот раз обошли Талинальдию стороной, и люди всю наслаждались прекрасной погодой.

Юлиана, Тони и пятеро его школьных приятелей готовились к месячному морскому круизу. Присматривать за подростками король назначил Райда Беккера, добродушного пятидесятилетнего толстяка, с малолетства помогавшего ему воспитывать сына.

Компания подобралась отличная. Поначалу Юлиана опасалась, что друзья Энтони не примут ее в свою компанию, но уже по дороге в порт стала ощущать себя своей среди поминутно заливавшихся хохотом из-за каждой мелочи ребят.

Микроавтобус остановился у причала, и галдящая стайка молодежи быстро высыпала из него наружу. Огромная белая яхта лениво дремала на бережно баюкающих ее волнах.

— Мы поплывем на ней? С ума сойти! — восхищенно воскликнула Аурелия, высокая семнадцатилетняя блондинка с кукольно- красивым подвижным личиком. — Эта яхта — само совершенство!

— Она и должна быть совершенством — ведь она королевская! — вытаскивая из автобуса свой рюкзак, который ни за что не доверил бы носильщикам, хмыкнул Реми Айрен, негласный лидер этой компании.

Судно действительно завораживало своей красотой и изяществом. Несмотря на внушительные размеры, оно казалось легким, как пена на гребне волны, и напоминало

парящую белоснежную чайку.

Молодые люди один за другим поднимались на борт, но Тони с Юлианой не спешили к трапу.

— Вы смотрите как парочка новобрачных, — свесившись через борт, хихикнул Реми.

Тони вспыхнул и заставил себя отойти от девушки на пару шагов.

— Идемте, ребята! Чего застряли? — ворчливо поторопил их мечтавший поскорей очутиться в своей каюте Беккер. — С борта вид будет куда лучше!

Он подхватил герцогиню под руку и потащил ее вверх по трапу, прекрасно зная, что Энтони последует за ней, как ниточка за иглолкой. Все разбрелись по яхте, выбирая себе каюты. Энтони повел Юлиану к самой лучшей.

— Тебе здесь нравится? — обводя вокруг рукой, спросил он.

Девушка огляделась. Комната в зелено-коричневых тонах, с обилием комнатных цветов, напоминала ей дышавшую умиротворением лесную прогалину. Она провела рукой по плотным шторам и села на широкую двуспальную кровать.

— Очень нравится! Я уже мечтаю, как каждый день буду спать здесь до обеда!

— Сильно устаешь? — озабоченно спросил Энтони.

— Мне так много всего нужно узнать и научиться делать, а в сутках так мало времени! — улыбнулась она.

— А как тебе мои школьные друзья? Понравились?

— Замечательные ребята: веселые, дружелюбные и незаносчивые! А еще я в восторге, что с нами нет Филиппа и Далии.

Энтони поежился, будто ему за шиворот вылили ведро ледяной воды.

— К счастью, я и сам с ними больше ни разу не виделся после новогодних каникул. Папа больше не пытается меня с ними подружить!

— Его отношения с асакурийцами после того случая не испортились?

— К несчастью — нет, — с горечью ответил принц. — Отец продолжает брать у них кредиты, словно в один прекрасный день появится джинн и принесет ему все богатства мира!

Кто-то требовательно забарабанил в дверь каюты.

— Эй, голубки, хватит ворковать! Выходите — мы за вами соскучились! — прокричал из-за двери Реми.

— Я его убью! — со смехом пообещал Тони, рывком открывая дверь.

— Вы что, до сих пор не переоделись? — разочарованно удивился Реми. Сам он успел переоблачиться в цветастую рубашу и свободные шорты до колен, а на голове у него была повернутая задом наперед бейсболка. — Ой, простите, я и забыл что вы у нас особы не простые: без прислуги ни шагу! — шутливо спохватился он. — Так и быть: я, как джентельмен, помогу переодеться даме, а ты, Тони, отправляйся к Аурелии!

— Как-нибудь без вас справимся! — отрубил принц, отволакивая несопротивляющегося друга от двери девушки.

— Когда будешь готова — приходи к бассейну! — напоследок крикнул ей Айрен. — Санни привез с собой потрясающую игру!

Игра и правда оказалась превосходной. Юлиана так нахохоталась, что к вечеру мышцы ее живота болели как после многочасовой тренировки.

— Я знал, что эти ребята тебе понравятся! — сияя от радости, сказал Энтони. — Вот увидишь, к концу путешествия ты так привяжешься к ним, что вас водой будет не разлить!

Лицо девушки помертвело, гася игравшую на губах улыбку. "Привязанности делают нас слабыми..." — неумолкающей мантрой прозвучала в голове методично вдалбливаемая ей Карминским аксиома.

— Что с тобой? — встревожился принц.

— Ничего, — соврала она, изображая дурноту. — Кажется, меня просто укачало... Извини, мне нужно уйти!

С этого дня отговорка про укачивание стала неизменной. Некоторое время Юлиана проводила в компании сверстников, а потом уходила, ссылаясь на морскую болезнь. Корабельный медик давал ей то одно лекарство, то другое, но так и не смог подобрать подходящего. Постепенно все привыкли к ее затворничеству и оставили ее в покое. Только Энтони исправно навещал ее, чему она была чрезвычайно рада. Он был единственным человеком на планете, с кем она не опасалась дружить: ведь его Карминский не тронет. А вот путешествовавших вместе с ними ребят вполне может отправить на заклятие после любого ее проступка.

Когда принц уходил, она садилась у окна и через щель в шторе с тоской наблюдала за веселившимися на палубе ребятами.

Так прошло почти три недели, а потом, вопреки хорошим прогнозам, погода вдруг испортилась. Шквальный ветер и сильная качка разогнали путешественников по каютам, где они и просидели больше суток. Обходя шторм, капитан держался поближе к берегу.

Устав сидеть взаперти, Юлиана вышла на палубу. Один из матросов тут же услужливо принес ей дождевик и помог подойти к носу яхты. Она крепко ухватилась за мокрые поручни и подставила лицо хлесткому влажному ветру. Волна легко, но невысоко подбросила яхту, и сердце девушки на мгновение ухнуло вниз, а потом снова взметнулось вверх. Ей казалось, что где-то там, в глубине, бьется прекрасное, могучее сердце моря, и их суденышко раскачивается в такт его ударам. В какой-то миг Юлиана перестала ощущать себя человеком и стала одним целым с окружающей ее стихией, обрела ее безграничную свободу, а вместе с ней — необычайную ясность мысли.

— Вот ты где! — внезапно прервал ее слияние с природой Энтони. — А я уже в поисках тебя все судно облазил! Никак не мог представить, что ты в такую качку решишь подняться с постели!

— Я выпила сразу полпачки таблеток от укачивания и пока чувствую себя просто отлично! — солгала девушка.

— Аурелия выпила целую пачку, и ей стало только хуже, — с сомнением проговорил принц.

— Это от передозировки, — все так же вглядываясь вдаль, ответила Юлиана.

Тони громко вздохнул и поудобней взялся за перила.

— Как я сразу не понял, что ты нас просто дурачишь? — покачал головой он. — Скажи, зачем ты это делаешь? Тебе не нравятся мои друзья?

— Нет, конечно! — запротестовала девушка. — Очень нравятся! Просто...

Она осеклась и замолчала.

— Просто ты боишься, что кто-то из них повторит судьбу Виктории? — закончил за нее принц.

— С чего ты это взял?! — изумилась правильности его догадки девушка.

— Юлиана, не лги мне! Когда ты гостила у нас в "Хижине", тебе вместо вакцины ввели сыворотку правды, и ты поведала нам о том, что Карминский сотворил с тобой и твоей

подругой! Прости, что мы с отцом обманули тебя, но мы просто хотели тебе помочь...

Принц ожидал от девушки вспышки гнева, но она равнодушно ответила:

— Правда? Спасибо за заботу! Только не понимаю, зачем связывать то давнее происшествие с моей нелюдимостью? Теперь я в полном порядке, и избегаю общения с твоими одноклассниками лишь потому, что их шумное общество быстро утомляет меня. Но хватит об этом! Не знаешь случайно, где мы сейчас находимся?

Энтони взгляделся в зеленеющие справа по борту горы.

— Понятия не имею! Где-то в море... Дик, где мы сейчас? — крикнул он рулевому.

— Близ Дионии, Ваше высочество, — перекрикивая нещадно трепавший флаг ветер, ответил тот. — В трех часах хода отсюда рыбацкий поселок, в котором в это время обожают отдыхать их президент.

В борт судна ударила волна, окатив детей тучей холодных брызг.

— Он и сейчас там? — с интересом спросила Делайн, слизывая попавшую на губу соленую капельку.

— Он никогда не изменяет своим традициям, Ваша светлость!

Энтони убрал с глаза прилипшую к нему намокшую прядь.

— А тебе не все равно, где он рыбачит? — удивленно спросил он подругу.

— Не все равно. Дионийский президент давно на ножах с валькинорским королем, — тихо сообщила она.

— Приятно, что не мы одни их ненавидим! — хмыкнул Энтони. — И что с того?

— Враг моего врага — мой друг.

— И что с того? — никак не мог понять к чему она клонит парень.

— А еще он председатель Организации Независимых Государств.

Принц озадаченно прищурился.

— Ты ведь не просто так говоришь мне это, верно?

— Мы могли бы заехать поговорить с ним. Глядишь, что-то бы и вышло... — глядя на манившее ее побережье, обронила Делайн.

Энтони фыркнул, потом затряс головой.

— Совершенно сумасшедшая идея! Да Дитмар ненавидит моего отца с подросткового возраста! Он и разговаривать с нами не станет!

— Но ты — не твой отец! — упрямо возразила Юлиана.

— Ты... ты это серьезно? — опешил принц.

— Вполне.

Юноша растерянно заморгал, раздумывая.

— Но даже если мы и причалим, что мы будем ему говорить? Ведь мы для него всего лишь дети! Причем, равным счетом ничего не смыслящие в дипломатии!

Его довод не произвел на Юлиану никакого впечатления.

— Даже дипломаты с чего-то начинали! Вспомни, что ты о нем знаешь? — требовательно спросила она.

Энтони задумался, теребя протянутый вдоль всего борта канат.

— Папа говорил, что он несносный тип: грубиян и пьяница, с которым невозможно о чем-то договориться.

— Если бы это было так, его бы не переизбрали президентом на второй срок, — не согласилась с таким утверждением Юлиана. — Думаю, у твоего отца предвзятое мнение, на которое не следует безоговорочно опираться.

— Допустим, мой отец необъективен, — согласился Тони, — но от этого нам едва ли станет легче! Что мы ему скажем, когда приплывем?

Девушка пожала плечами и снова опустила глаза на пенившиеся по бокам от носа яхты волны.

— Понятия не имею! Но на месте всегда виднее.

Ее неожиданная настойчивость совсем озадачила бедного принца.

— Ты представляешь, какими мы будем выглядеть идиотами перед Эндерсоном? — простонал он. — Мы просто опозорим и себя, и нашу страну!

— Да, скорее всего так и будет! — все так же невозмутимо признала она. — Но твой отец позорит ее еще больше, продаваясь неуважающим его асакурийцам!

Энтони содрогнулся, будто по нему проползла омерзительная тварь. Такое случалось с ним каждый раз, когда он думал о Моррее и Альбиньи. В особенности об Альбиньи. Но, как бы жестоко не прозвучали ее слова, герцогиня была права, и мысленно он уже согласился на ее план.

— Папа нас убьет! — с ужасом прошептал он.

— Полностью с этим согласна! — твердо сказала она.

Принц сильно закусил губу, а потом с натугой выдохнул.

— Ладно, твоя взяла! Идем к капитану!

Капитану Блавису распоряжение принца изменить курс категорически не понравилось. Он внимательно выслушал его, а потом скептически спросил:

— Ваше высочество, надеюсь вы отдаете себе отчет, что дионийцы будут не слишком рады вашему визиту? Боюсь даже, что они могут взять нас в плен!

— Это в худшем случае, — невозмутимо проговорила Юлиана.

Мысленно обозвав ее подстрекательницей, капитан кивнул:

— Да. В лучшем они нас просто не пустят в порт.

— Пустят, если вы сообщите на берег, что Астарот прибыл для неофициальных переговоров с президентом Эндерсоном. Просто не уточняйте, какой именно из них.

Капитан скрипнул зубами.

— Это сильно не понравится Его величеству, — предупредил он.

— Нет, он будет в ярости! — радостно поправил его Энтони. — Зато я очень рад, что папа не предвидел такого случая и позволил мне выбирать маршрут нашего следования самому. Поэтому не будем терять время, обсуждая его возможную реакцию. Лучше попросите дионийцев дать нам лоцмана!

Красно-белый поплавок запрыгал по воде бухты, дергая привязанный к удочке колокольчик. Справляющий в кустах нужду Эндерсон быстро застегнул широкие холщовые штаны и бросился к берегу.

— Ага, попалась рыбка! — восторженно воскликнул он, вытягивая из воды жирную треску. — А Питер просто на задницу падал, утверждая, что место здесь не рыбное! — пожаловался он сидевшему в пяти метрах от него старику с иссушенным солнцем темным лицом.

Тот не ответил. Приложив ладонь ко лбу козырьком, он вглядывался в приближающийся к берегу парусник.

— Что ты там так высматриваешь, Джош? — снимая могучей рукой брыкающуюся

рыбину с крючка, поинтересовался Дитмар.

— Кажется, у нас гости, — ответил старик. — Сам погляди.

Эндерсон бросил треску в наполненное водой ведро и повернулся к гавани.

— Талинальдийский корабль? — Он пригляделся повнимательнее. — Мать твою, чтоб я сдох! Это яхта Оберона! Этого сучьего сына, которому я всегда мечтал пересчитать его чертовы зубы!

— Возможно, сейчас твоя мечта исполнится, — хмыкнул Джош.

Эндерсон наклонился к воде, смывая с рук слизь и прилипшие чешуйки.

— Не могу поверить, чтобы этот напыщенный мерзавец сам явился ко мне, да еще и без армии, — вытирая ладони о просторную льняную рубаху, недоумевал он. — У него, видать, подагра и до мозгов добралась, раз он думает, что я не надеру ему задницу в первую же минуту нашей встречи!

— Ну, ты сильно-то губу не раскатывай! — посоветовал ему старик. — Может, там его и нет, а на корабле какая беда приключилась. Всякое в жизни бывает!

— Вот сейчас пойду и посмотрю, что у них там приключилось! — с угрозой пробубнил Дитмар.

— Иди, иди! А я еще часок порыбачу! — закидывая крючок подальше, сказал Джош.

Эндерсон легко взбежал на пригорок и увидел мчавшегося ему навстречу посыльного.

— Господин президент! — хватая ртом воздух после долгой пробежки, прохрипел тот. — К нам приплыла талинальдийская королевская яхта. Астарот просит вас о личной встрече.

— У-ха-ха! — потирая руки, позлорадствовал Дитмар. — Как же давно я тебя не видел, Оберонишка!

Широким размашистым шагом он дошел до большого двухэтажного эллинга и велел валявшемуся в гамаке слуге привезти гостей к нему в дом. Тот нехотя скатился со своего удобного ложа и поплелся к издававшему виды джипу.

Сам хозяин зашел в дом и в раздумье застыл перед одежным шкафом.

— Да кто он такой, чтобы я переодевался к его приезду? — наконец возмутился он. Закрыв дверцы шкафа, он достал из холодильника бутылку пива и подошел к зеркалу. Его мощная, богатырского сложения фигура целиком не помещалась в нем. Дитмар расчесал пятерней свои толстые как проволока рыжие волосы и собрал их в густой хвост на затылке.

— Гривочка моя! — любовно погладив себя по макушке, сказал он. — Надеюсь, этот самовлюбленный ублюдок уже стал лысеть! Хорошо бы! — Он поднял вверх бутылку и провозгласил: — Оберон, я пью за твою лысину!

В животе с рассвета просидевшего на берегу великана забурчало от голода. Он подошел к сушившейся на веранде связке рыбы, содрал одну из них и плюхнулся за стоявший рядом сбитый из досок стол. Поставив на него бутылку и постелил кусок газеты, он стал чистить себе рыбу.

— Я для тебя всегда был быдлом? Значит, и вести себя буду как быдло! Встречу тебя грязный и воняющий пивом и рыбой! Хрен тебе, а не уважение!

К пристани подкатил облезлый джип, уже и не помнивший своего первоначального цвета, и из него вылез высокий костлявый парень в оранжевой майке и цветастых шортах. Он нахально осмотрел собравшихся на палубе яхты пассажиров и помахал им заросшей густыми волосами рукой.

— Карета подана! — проорал он и издевательски поклонился.

Энтони не особо надеялся на теплый прием, но такая встреча превзошла его худшие ожидания.

— Надеюсь ты знаешь, что делаешь! — пробормотал он девочке.

Юлиана шумно втянула в себя воздух. От былой уверенности в правильности своего поступка у нее не осталось и следа, и теперь ее сердце колотилось от волнения.

— Ошибаешься! Понятия не имею! А еще я на грани паники, — облизнув вмиг пересохшие губы, призналась она. — Давай скажем, что мне стало плохо, и мы причалили, чтобы показать меня врачу? Или просто развернемся и уплывем отсюда пока не поздно?

— Нет уж, дорогая! Уже поздно, — отрезал Тони. — Так что готовь приветственную речь, ибо мой язык отнимется при первом же взгляде на Эндерсона!

К подросткам подошел капитан и презрительно кивнул на рычавший двигателем рыдван.

— Надеюсь, вы не собираетесь ехать на этой развалюхе? — спросил он.

— Вряд ли нам предоставят что-то другое, — вздохнул принц.

— А мне интересно будет прокатиться на таком раритете, — неуверенно изобразила энтузиазм герцогиня.

Волосатый водитель глубоко затянулся сигаретой, выпустил несколько колечек дыма и крикнул:

— Ну что, со мной кто-нибудь едет? Господин Эндерсон долго ждать не будет!

— Пожалуй, я все-таки съезжу к нему! — решила Юлиана. — А ты подожди меня здесь.

— Размечталась! — сказал Энтони. — Едем вместе!

Капитан чертыхнулся.

— Я с вами! — нащупывая закрепленный под кителем пистолет, угрюмо известил он.

— Извините, сэр, но вам лучше остаться здесь, — сказала герцогиня. — Пусть оказанный Его высочеству прием не совсем такой, как он привык, но вряд ли глава ОНГ причинит вред двум подросткам. И что-то подсказывает мне, что нам лучше встретиться с ним без взрослых.

— Юлиана права, — признал Тони. — Если мы не вернемся к вечеру, тогда придете к нам на выручку. А пока не стоит беспокоиться.

Тем временем водитель решил себя развлечь и стал смешно пританцовывать под доносившуюся из машины музыку. Его поведение окончательно испортило настроение капитана.

— Я не могу доверить двух самых драгоценных детей королевства это развязному типу! — проворчал он.

— Обычный веселый парень! — неуверенно возразил принц.

Капитан категорически не согласился с его оптимистичным утверждением. Он бурно протестовал против такого безрассудства, даже призвал себе на помощь Райда Беккера. Тот нехотя выполз из своей каюты и заявил, что король не давал ему указаний хоть каким-то образом ограничивать передвижения принца. Тогда красный от гнева капитан заявил, что снимает с себя всякую ответственность за последствия этой поездки, и ушел на мостик, а Энтони вместе с девочкой спустились к машине.

Водитель доделал очередное зажигательное па и удивленно посмотрел на приблизившуюся к нему парочку: мальчика в бежевых брюках и белой рубашке и девочку в

глухом, намного ниже колен платье темно-розового цвета. С тех пор как герцогиня узнала, что Энтони к ней равнодушен, она стала выбирать себе строгие, даже скучные наряды, совершенно не радовавшие его.

— Это вас, что ли, отвезти к президенту? — разочарованно спросил весельчак.

— Нас, — улыбнулась Юлиана.

Парень пожал плечами и дернул на себя взвизгнувшую от желания быть смазанной дверцу.

— Залезайте, мальки!

— Мальки?! — задохнулся от такого обращения принц.

Девушка без обсуждений забралась в пахнущее пылью и рыбой нутро джипа и поймала себя на том, что широко улыбается: ее стало забавлять их приключение. Тони посмотрел на нее и тоже заулыбался.

После десятиминутной езды, больше напоминавшей прыжки по ухабам, они подъехали к дому Эндерсона. Увидев, кто к нему пожаловал, тот вытер руки о висевшее рядом с рыбой тонкое полотенце и пошел навстречу своим гостям. Косо глянув на вытаращившихся на него детей, он заглянул в машину, но никого в ней больше не обнаружил.

— Где Астарот? И что это за мелюзга? — озадаченно спросил он у водителя.

— Я Астарот, — прочистив горло, сказал принц. — Энтони Астарот. А это моя спутница Юлиана Делайн, мой будущий инкатор.

Бычья шея Дитмара тут же повернулась в сторону детей. Сначала он с нескрываемым любопытством осмотрел наследника своего врага, потом остановил полный сомнения взгляд на девушке.

— Это она что ли, будущий инкатор? — после долгого разглядывания хихикнул он.

— Что в этом смешного? — оскорбился Энтони.

— Все! Твой папаша совсем выжил из ума, если хочет сделать волкодава из этого цыпленка! Очередной безумный проект безумного самодержца!

— Папа не безумен! — вспыхнул рассерженный принц. Это рыжий верзила оказался именно таким, как ему о нем рассказывал отец: наглым и невыносимо бестактным. Теперь он сильно жалел, что согласился наведаться к этому грубияну. С таким не договоришься.

— Ишь ты! Загорается, как спичка! — рассмеялся Дитмар. — Весь в папашу! Мозгов нет, а вот гонора выше крыши!

— Может быть, у меня и мало мозгов, но тактичности и хороших манер у вас еще меньше! — заносчиво ответил принц. — Юлиана, идем отсюда! — протягивая к ней руку, скомандовал он. — Зря мы к нему приехали!

— У-тю-тю, какие мы воинственные! — издевательски заметил рыжий.

Юлиана поспешила предотвратить разгоравшуюся ссору.

— Господин Эндерсон, мы с Тони оказались в затруднительной ситуации и очень нуждаемся в вашей помощи! Пожалуйста, выслушайте нас! — попросила она.

Президент перестал ерничать и внимательно посмотрел в ее полные надежды глаза.

— Черт! Никогда не мог отказать ни одной хорошенькой девушке! — смягчаясь, пробурчал он и махнул рукой в сторону дома. — Так и быть, заходите!

Герцогиня молча потянула за собой испепелявшего обидчика сердитым взглядом паренька, но тот заартачился.

— Нет, Юлиана! Я не позволю тебе войти в дом к этому человеку! Он не джентльмен, и я не могу ему доверять! Мы вернемся на корабль! — отрезал он.

Девушка растерянно остановилась, не зная как уболтать принца воспользоваться гостеприимством хозяина. Но Эндерсон решил эту проблему быстро и радикально: он перекинул мальчика через плечо и понес его в дом.

— Не вернетесь! — прорычал Дитмар. — Вы помешали мне развлечься рыбалкой, поэтому сегодняшней вечер я буду развлекаться с вами!

Шокированный до невозможности, Тони мучительно решал дилемму: что унижительней — кричать и вырываться, или позволить этому великану внести себя в дом беспрепятственно. А еще больше он ругал себя за то, что послушался Юлиану и не взял с собой ни одного человека в качестве охраны. Но даже в таких неблагоприятных условиях рыцарский дух не оставил его.

— Юлиана, убегай! — крикнул он. — Скорее!

К его изумлению, она весело подмигнула ему и пошла вслед за ними в дом. Эндерсон поставил принца на пол и указал пальцем в сторону застеленного простой белой скатертью столика у окна.

— Садитесь!

Юлиана безропотно заняла место возле окна. После секундного колебания красный от унижения принц сел рядом с ней.

Вытащив из изъеденного жуками буфета бутылку крепкого вина, Дитмар поставил на стол три больших стакана и до краев наполнил их вином.

— За знакомство! До дна! — приказал он и первым осушил свой стакан.

Девушка успокаивающе сжала под столом повлажневшую ладонь принца, и сделала пару неторопливых глотков.

— Превосходное вино! — оценила она. — Но никак не могу определить из какого оно винограда. Тони, как ты думаешь?

До этого поклявшийся себе даже не прикасаться к вражескому угощению, Энтони тут же поднес вино к носу, а потом набрал его в рот. Дитмар наклонился к шнурку кроссовка, чтобы скрыть расплывшуюся по лицу улыбку. Для себя он сделал вывод, что Астаротов мальчишка на все готов ради этой хрупкой девчушки.

— Кажется из "Изабеллы", — предположил принц.

— Не угадал, — буркнул Эндерсон. — Есть еще версии?

Юноша сделал еще глоток.

— Теперь чувствуется мед... — пытаюсь распробовать неизвестные ему ингредиенты, сказал он.

— Леди, почему бы вам не помочь этому молодому человеку докопаться до истины? — хитро спросил Дитмар.

— Я не знаток вин, — улыбнулась она. — К тому же оно слишком крепкое для меня.

— Зато прекрасно успокаивает нервы! — заметил хозяин.

— Мои и так в порядке! — заверила его Юлиана.

— А мои — нет! — честно признался принц и наполовину выпил свой стакан.

Эндерсон притащил еще одну бутылку и снова налил себе вина до краев.

— Тебе подлить? — спросил он у порозовевшего от алкоголя парня.

По телу Энтони разливалось восхитительное ощущение покоя и легкости и он кивнул. Щедро плеснув ему вина, Дитмар потребовал:

— Ну-ка, рассказывайте, как вы здесь очутились!

— Да и рассказывать-то нечего! — с трудом ворочая языком, ответил принц. —

Проплывали мимо, а потом решили заехать познакомиться.

Эндерсон позволил себе в этом усомниться, но вслух этого произносить не стал.

— По делу плывете, или просто путешествуете? — вместо этого спросил он.

Вино настроило Энтони на благодушный лад и сделало его разговорчивым.

— Путешествуем. У нас каникулы и мы с друзьями решили немного посмотреть мир.

Он отхлебнул еще вина и ойкнул, чувствуя стремительно подкатившую к горлу тошноту.

— Где у вас тут уборная? — просипел он.

Дитмар указал ему нужное направление и принц стремглав помчался к унитазу освобождать взбунтовавшийся желудок. Едва за ним защелкнулась дверь, Юлиана тихонько попросила:

— Пожалуйста, не пугайте больше моего друга, господин Эндерсон! Он не привык к такому обращению и не понимает, что ваш грозный вид напускной, а на самом деле вы справедливый и добродушный человек.

— А ты, значит, понимаешь! — усмехнулся он.

— Я три года учусь у Карминского, милорд. Разбираться в людях — моя будущая профессия.

— Хм... — хмыкнул великан. — А если я скажу, что ты ошибаешься, и я совсем не так добр, как тебе кажется?

— Я не поверю вам, — покачала головой она. — Простите за дерзость, но у меня есть глаза и уши, и я вижу, что люди искренне любят вас.

— А не слишком ли мало у вас было времени для таких выводов, мисс всезнайка? — свирепо осведомился Дитмар.

— Не много, — все так же уверенно согласилась она. — Но перед поездкой я наводила о вас справки.

Президент изумленно присвистнул.

— То есть Энтони мне соврал, и ваш заход в мой порт — не спонтанное решение? — пытливо спросил он.

— Его высочество не умеет лгать, милорд. Для всех, включая его, наша встреча с вами — результат моего сиюминутного сумасбродного предложения.

— Но оно не было спонтанным?

— Нет.

— И как часто принц прислушивается к вашим предложениям, леди?

— Достаточно часто.

— Достаточно часто или всегда? — весело осведомился Дитмар.

— Я не веду подобной статистики, господин президент!

— Хм... А Оберон не такой уж кретин! — ухмыльнулся Эндерсон. — Я даже готов съесть обратно добрую часть своих оскорблений в его адрес! Этот пройдоха понял, что его сын не способен руководить страной, и подобрал ему инкатора, которому мальчишка внимает как божеству! Блестяще! Кажется, я только что познакомился с будущей правительницей Талинальдии!

— Вы ошибаетесь, милорд. Будущие правители Талинальдии — советники Его величества, которые финансируют все его проекты.

— Мортон Альбиньи и Альфред Моррей? — предположил Дитмар. Теперь он слушал ее внимательно, а в его глазах не было и тени былой насмешливости.

— Да, они, — подтвердила Юлиана. — С каждым днем войны долг королевства перед

ними растет, а шансы Астаротов остаться у власти тают. И это сильно беспокоит меня, потому что они мне гораздо родней, чем собственная семья. Я долго думала к кому из политиков обратиться за мудрым советом и, наконец, решила попросить его у вас.

— Почему у меня? Из-за того, что меня выбрали главой ОНГ?

— Потому что вы обладаете теми качествами, из-за которых вас выбрали главой ОНГ, — уточнила Юлиана. — Вы умны, открыты, искренни, благородны и умеете нравиться людям несмотря на свою напускную грубость. А еще вам чуждо лицемерие. Я знаю, что вы не станете меня дурачить, если согласитесь ответить на мои многочисленные вопросы, и не повернете сказанного мною против моей страны.

Эта серьезная малышка все больше и больше озадачивала дионийского президента.

— Хм... Поверить не могу, что разговариваю с семнадцатилетней девчушкой! — барабанила пальцами по столу, пробормотал он. — И что же у тебя за вопросы ко мне, зайка?

К той минуте, когда Энтони вернулся из туалета, обсуждение насущных проблем Талинальдии шло полным ходом.

Принца это растревожило, и он всячески старался перевести разговор на другую тему. Вскоре Дитмару это порядком надоело, и он настоял на том, чтобы принц выпил еще стаканчик. Тот не посмел отказаться, и вскоре стал ронять голову на стол. Эндерсон отволоч шатающегося паренька в маленькую спальню на втором этаже дома, на обратном пути прихватил из холодильника банку пива для себя и бутылку лимонада для гостыи, и с удовольствием вернулся к захватившему его разговору.

Выслушав все доводы Юлианы, он вынужден был признать, что Оберон крепко влип, и что без сторонней помощи Талинальдии вовек не расплатиться со своими мягко стелющими инвесторами.

— Да, девонька, плохи ваши дела, — сказал он. — Даже не знаю, чем вам помочь...

— Убедите ОНГ снять с Талинальдии санкции, — тут же подсказала ему Юлиана.

Дитмар даже дернул головой от неожиданности, а потом рассмеялся.

— А ты не любишь ходить вокруг да около!

— Желания нужно высказывать четко, особенно когда говоришь с мужчинами, — нимало не смутилась она.

Эндерсон хмыкнул и снова пошел к бару. На сей раз он выбрал себе полупустую бутылку золотистого рома и сделал несколько глотков прямо из горлышка.

— Да, озадачила ты меня, красотуля! — облизнув губы, признался он. — Только позволь мне напомнить тебе, что я не ОНГ, а всего лишь ее председатель. Между нами — больше звучное название, чем реальная возможность верховодить по своему усмотрению. Даже согласишься я пойти тебе — верней вам с Энтони навстречу, меня мало кто поддержит! Уж больно крепко Талинальдия насолила всему миру! А общественное мнение так быстро не меняется!

— Кажется, у нас есть еще примерно полгода-год до того, как сумма долга асакурийцам станет абсолютно неподъемной для страны, — передала почерпнутые от Карминского сведения Юлиана.

— Ты же сама должна понимать, как смехотворен этот срок! — возразил президент.

— Я понимаю, — угрюмо кивнула девушка. — Но я также понимаю и то, что дальнейшая блокада Талинальдии никому не нужна. Мир нуждается в ее ресурсах и продукции не меньше, чем она нуждается в рынках сбыта. Продлите санкции еще хоть на сто лет — звездолета это все равно не вернет. И если землянам так необходимо покорять

космос, то лучше объединить наши космические программы и построить новый, совместный корабль, тем более что наши технологии и наработки в этой отрасли опережают остальные страны на десятилетия вперед!

Дитмар поскреб с зудом пробивающуюся на подбородке щетину.

— Ладно, ничего не обещаю, но попробую зарыть этот проклятуший топор войны поглубже. И в самом деле, со дня взрыва "Мечты" прошло уже столько лет... Сколько уже можно жить мстью?

Во дворе послышался шум подъехавшего автомобиля. Юлиана выглянула в окно и увидела бегущих к дому капитана Блависа и взъерошенного Беккера. Заметив девушку через стекло, Райд покачал ей головой и руками, показывая, что инициатор этого приезда не он, и вообще приехал сюда не по своей воле.

— Неужто, Оберон спохватился? — ухмыльнулся Эндерсон. — А я уж подумал, что он и не заметит пропажи своего мальчишки!

Меж тем капитан забарабанил в дверь и громко потребовал немедленно выпустить принца и герцогиню.

— Заметил-таки...

Дитмар немного расстроено покосился на вздрагивающую под воинственными ударами капитана дверь и сказал:

— Жаль, я бы еще с удовольствием поболтал с тобой, милая. Но, наверное, мне не стоит устраивать скандала. Как бы я не относился к Астароту, но этот мерзавец — заботливейший родитель, и я не хочу добавлять ему седин, удерживая у себя в гостях его единственное чадо! Телефон у тебя при себе? — Девушка достала мобильник. — Хорошо! Запиши мой номер и звони каждый раз, когда вздумаешь поболтать со мной. И не бойся меня побеспокоить — я всегда буду рад тебя слышать, поняла? А теперь иди к этим занудам, а я пока разбуду Энтони!

Он поднялся в спальню, а Юлиана вышла во двор, где тут же попала под перекрестный допрос капитана и воспитателя, наперебой принявшихся выяснять у нее, где наследник и не обидел ли их Эндерсон. Спустя несколько минут президент приволок в машину ничего не соображавшего принца, крепко пожал девушке на прощание руку и уселся на веранде под связкой болтавшейся на ветру рыбы.

Экстравагантное возвращение подростков на корабль вызвало бурю эмоций у их впечатлительных друзей. Никогда в жизни не видевший принца пьяным, Реми взвыл от зависти и стал громко сокрушаться, что пропустил попойку в компании самого неоднозначного политического лидера мира. Впрочем, Аурелия быстро помогла ему успокоиться. После проведенного с ней наедине времени, Айрен решил, что он не так уж много и потерял и до самого вечера больше не отлучился от нее ни на шаг.

Протрезвевший Энтони с завистью наблюдал за влюбленной парочкой, страстно мечтая вот так же в открытую ухаживать за Юлианой, но она держалась так отстраненно, что он не решился даже подойти к ней.

Несчастный вид сконфуженного воспитанника сподвиг Беккера устроить на яхте незапланированную вечеринку, и остаток вечера вся команда прилаживала куда только можно гирлянды, пока повара готовили праздничный ужин.

— По какому поводу гулянья? — хмуро осведомился получивший от короля по телефону основательную взбучку Блавис.

— Как по какому? Разве близкое знакомство Его высочества с председателем ОНГ не

повод для праздника? — почти обиделся Беккер.

— Нет! — отрезал капитан.

Райд забрал из рук проходившего мимо матроса пук усеянных лампочками проводов и всунул их ему в руки.

— Вы ровным счетом ничего не смыслите в политике, друг мой! Говорю вам — эта маленькая пьянка положит начало большой дружбе! Разве вы не видели, как Эндерсон прощался с детьми? Они ему понравились, я голову готов дать на отсечение! И хватит ворчать в такой прекрасный день — лучше помогите мне превратить этот корабль в сказочный галеон!

Придерживающийся противоположного мнения капитан раздраженно всучил гирлянды обратно Райду и пошел на мостик, спеша побыстрее покинуть доставивший ему столько тревожных часов дионийский берег.

Несмотря на все накладки и мрачный настрой Блависа, вечеринка удалась на славу. Беккер из кожи вон лез, поднимая вверенным его заботам ребятам настроение. Вдохновленный страстными взглядами, которыми непрерывно обменивались Айрен с Аурелией, он возомнил себя чуть ли не купидоном, и сумел создать на судне настолько чувственную обстановку, что и остальные подростки тут же разбились на пары.

Поймав на себе пару тоскующих взглядов Энтони, Юлиана поспешила убраться к себе в каюту. Чем дольше длилось их путешествие, тем неудобнее она себя чувствовала наедине с принцем. Он вел себя совершенно обычно, не делая даже попыток сблизиться, но она понимала, что его влечение к ней с каждым днем только растет, и рано или поздно им предстоит не слишком приятное объяснение. А учитывая витавший на яхте флер всеобщей влюбленности, оно было не за горами.

На следующий день, вопреки надеждам юной герцогини, охватившая молодежь любовная лихорадка не только не утихла, но даже набрала силу. Постоянно сидеть взаперти было глупо и Юлиана тоже проводила время на палубе, краем уха прислушиваясь к перемежаемым веселым хохотом разговорам.

Через некоторое время она заметила, что Неван Гейс, самый старший в их компании парень, не сводит с нее глаз. Встретившись с ней взглядом, он задорно подмигнул и подсел к ней на скамеечку.

— Вот никак не могу понять, почему такая красавица как ты без пары в этой всеобщей любовной вакханалии? Благодаря стараниям Беккера даже плавающие вокруг яхты медузы сбиваются в стаи!

Он был прав — воспитатель Энтони зачем-то продолжал играть роль купидона и щедро кормил жаждущих новых ощущений подростков волнующими любовными байками. На этой почве у него даже произошел скандал с капитаном, после которого тот свел все общение со своими пассажирами к минимуму и практически не покидал мостика.

— Наверное, это потому, что Райд сам одинок, — предположила Юлиана. — Вот и старается для других.

— Райд — закоренелый холостяк, а вот ты почему одинока? В первые дни путешествия я думал, что у вас с Энтони отношения, но теперь мне так не кажется. Тебе он не нравится, или все дело в его нерешительности?

— А почему ты без девушки? — переадресовала ему его вопрос герцогиня.

Увидев подсевшего к его пассивности Гейса, принц напряг уши, прислушиваясь к их

разговору.

— Никак не могу выбрать себе лучшую! — фыркнул Неван. — Но если ты свободна, то мне можно больше никого не искать: ты чертовски привлекательна, привыкла командовать и носишь форму, от которой у меня по телу бегут сладкие мурашки. Ради этого я даже готов простить тебе развитый интеллект и совершенно не украшающую женщину пронизательность.

На щеках Юлианы вспыхнул румянец и Неван рассмеялся:

— Да шучу я, шучу! Не тушуйся!

Но не успела она вернуть себе самообладание, как он наклонился и поднес ее руку к своим губам.

— Неван! — охнула она, выдергивая свою ладонь из его крепких, уверенно державших ее пальцев.

— Я тебя смущаю, да? — заулыбался он. — Прости, милая! Возможно, я чересчур напорист, но ведь это лучше, чем заставлять девушку месяцами ждать, когда ее парень проявит инициативу! Ты когда-нибудь целовалась?

Вопрос Гейса тут же швырнул Юлиану в водоворот пережитых ею во время первого поцелуя ощущений, и она зарделась, словно мак, выдавая себя с головой. Неван тут же не преминул довольно громко отметить это:

— Похоже, он был парень что надо, раз ты до сих пор меняешься в лице, вспоминая о нем!

У подслушивавшего их Энтони закружилась голова. До этого ему и в голову не приходило, что у боготворимой им девушки уже были отношения с кем-то. Почему-то ему все время казалось, что она еще слишком юна для любви, и что откровенные ухаживания могут ее лишь оскорбить. Однако, похоже, так считал только он, в то время как другие времени зря не теряли. В его истомленной неутоленной любовью груди вскипела щедро приправленная разочарованием обида.

— Неван, если в будущем ты найдешь более интересную тему для разговора, я с удовольствием поболтаю с тобой, но эта меня не вдохновляет, прости! — сухо сказала Юлиана и ушла с палубы.

Энтони тут же с гневом накинулся на посмевшегося посягнуть на его сокровище конкурента.

— Ты чего к ней привязался? Какое твое дело целовалась она с кем-то или нет?

Гейс поднял на него смеющиеся карие глаза.

— Просто стало интересно. А ты, небось, и не догадывался, что у нее уже кто-то был? Такие девочки, как она, всегда нарасхват, и пока ты будешь щелкать своим царственным клювом, распевая ей баллады, другие, более смелые и понимающие женскую натуру ловеласы украдут ее невинность!

Энтони свирепо насупился, глубоко внутри себя отчаянно вопя от страха, что это, возможно, уже произошло, а Неван примирительно попросил:

— Да не сверкай глазами, я это тебе как друг говорю! Пойми, если у тебя нет пороку вести себя с девушкой авторитетно и решительно, то это сделают за тебя другие — те, у которых в штанах есть крепкий член, а в голове нет возвышенных тараканов. Это жизнь, приятель! И от этого никуда не деться. Ведь ты ее любишь?

— Безумно! — с горьким вздохом признался принц.

— Тогда действуй! Возьми на себя инициативу и зажди ее ночью в каком-нибудь

укромном уголке! А будет брыкаться — закрой ей рот поцелуем и действуй еще решительней!

— Ты спятил! — ужаснулся Энтони. — Она же и знать меня после этого не захочет!

— Может быть! — не стал отрицать такого исхода событий многоопытный Гейс. — Но если ты так и будешь молча страдать по ней вместо того, чтобы действовать, то точно останешься в пролете! Вот и выбирай что лучше: пятьдесят шансов из ста, или вообще ни одного! Женщины любят, когда ими командуют!

"Женщины любят власть и силу, сын мой! Им не нужны слабаки!" — вторили ему услышанные перед поездкой слова отца.

— Сколько ты уже ухаживаешь за ней по своей безгрешной методике? — снисходительно спросил Неван.

— Почти два года...

Руки Гейтса взметнулись вверх в финальном жесте фокусника.

— Вот! Что и требовалось доказать! И ты все еще надеешься, продолжая делать одно и то же, получить другой результат, наивное дитя? — скептически приподняв мохнатую, с рыжиной, бровь, поинтересовался он.

Отчетливо сквозившее в каждом его слове жалостливое сочувствие совсем dokonало Энтони. Неужели он настолько ничтожен, что это видно всем? Даже чертов Филипп Альбиньи говорил ему то же самое!

— Без тебя разберусь, как мне за ней ухаживать! — буркнул принц и торопливо ушел к себе в каюту переосмысливать свои планы в отношении Юлианы.

А его возлюбленная в это время плескала себе холодную воду на горящее от смущения лицо. Она думала, что научилась контролировать свои эмоции, но сегодня все ее умения трусливо убежали в кусты, стоило только Невану завести разговор о любовных отношениях.

Она вспомнила ошарашенное лицо тайком прислушивавшегося к их беседе Энтони и захныкала. Бог знает, что он мог про нее подумать, ведь ему невдомек, что кроме короткого поцелуя между ней и Вэнсом ничего не произошло! А теперь он, наверное, думает, что у нее была интимная связь. Он замахала головой, отгоняя доставлявшие столько мучений мысли. Не думать, не думать об этом, все равно ничего не изменишь! И бежать к принцу с оправданиями тоже глупо.

Но то, что так старалась забыть Юлиана, крепко засело в голове Энтони: он решил прислушаться к совету Невана. Чтобы привести свой план в исполнение, он выпросил у воспитателя снотворное, сославшись на бессонницу. Через два дня яхта стала на рейд в Дамине — всемирно известном городе развлечений, и вся компания путешественников, а также большая часть экипажа, стали радостно готовиться к его посещению. Не собиралась лишь Юлиана, которой Тони накануне подсыпал в напиток снотворное. На недоуменные вопросы друзей где она, принц отвечал, что ей сильно нездоровится и она с ними в город не поедет.

— Что-то серьезное? — забеспокоился отзывчивый Санни.

— Обычное женское недомогание, — успокоил его Энтони, — но у нее сильно болит живот, поэтому она сказала, что сегодня даже из каюты не выйдет. Ей и завтрак туда носили, — для пущей убедительности соврал он.

— Надо же, как не вовремя! — расстроился Санни. — Говорят в Дамине просто рай для отдыхающих! Может быть, отложим наш поход в город на завтра, когда ей станет лучше?

— И не думай об этом! — воскликнул Энтони. — Капитан ни за что не согласится на такую задержку! Он мне еще визита к Дитмару не простил! Не волнуйся за Юлиану: мы с ней слетаем сюда сами, как только появится такая возможность. Потому что мне проще выпросить у папы самолет, чем договориться с Блависом.

— Понятно... Ты-то, надеюсь, с нами идешь?

Принц опустил голову, ковыряя пальцем маленькую горбинку на краске поручня.

— Я не могу развлекаться, когда ей плохо. Ты же знаешь, как я к ней отношусь! Да и потом, я в этом Дамине уже сто раз был! Он только в первый раз завораживает, а потом ничего особенного: те же увеселительные заведения и забегаловки что и везде. Так что идите и оторвитесь там как следует, а я от ворчанья Блависа хоть денек отдохну!

— Если что — у меня ящичек пива под кроватью, — подмигнул ему Санни и ушел готовиться к долгожданному развлечению.

Через сорок минут яхта опустела. Некоторое время Энтони вяло махал рукой удалявшимся на шлюпке друзьям, а потом пошел к себе в каюту. Его руки подрагивали с каждым толчком сердца, будто он за раз выпил целую пачку кофе. В груди тоже все сотрясалось, словно там колотили в гигантский гонг, во рту было горячо и сухо.

Идея соблазнить Юлиану с каждой новой секундой казалась ему все более абсурдной, но он никак не мог понять, что его удерживает от ее реализации — страх или благородие.

Трусость, наконец решил он. Из-за своей проклятой нерешительности он вот-вот потеряет лучшую девушку на свете. Ему все об этом говорили, и не только сверстники. За неделю до отплытия ему довелось поприсутствовать на чем-то вроде мальчишника: один из приятелей отца собирался третий раз жениться. Тони до сих пор краснел, вспоминая советы подвыпивших мужчин, которые посыпались на него после неосторожно брошенной отцом фразе о его влюбленности в маленькую герцогиню. Никто из них не советовал молча страдать, а один из гостей прямым текстом рассказал, что и как ему нужно делать. Остальные горячо его поддержали. Ну не могут же ошибаться сразу все его советчики! Все, что ему нужно, так это продемонстрировать Юлиане свою силу и власть. Дать почувствовать себя под покровительством, и при этом вести себя соответственно, как властелин.

Принц решительно подошел к зеркалу, тщательно причесался и побрызгался одеколоном, запах которого девушке очень нравился. Глубоко вздохнув для успокоения, он направился к ней.

Воспользовавшись дубликатом ключа от ее каюты, он с колотящимся сердцем отомкнул дверь. Юлиана еще спала, по-детски раскинув руки, словно готовясь его обнять, и Тони зажмурился от сладкой боли в паху. Два года он всеми силами подавлял свое страстное влечение к ней и молился, чтобы сегодня его мечты осуществились.

Он вспомнил, как осмелился пригласить ее на первое свидание. Ей было шестнадцать. Он уже тогда понимал, что как кавалера она его не воспринимает, но надеялся это изменить. Не зная, чем ее заинтересовать, он предложил ей самой выбрать развлечения, и Юлиана тут же с радостью поволокла его на курсы плетения косичек, после которых был столь же неудачный поход в кинотеатр на научно-популярный фильм. В тот день она ясно дала ему понять, что в роли друга она куда приятней, чем в роли возлюбленной.

После того незабываемого, в плохом смысле, свидания, он больше не предпринимал попыток ухаживать за ней. Но теперь они повзрослели. Возможно, и ее отношение к нему тоже изменилось.

Энтони гулко сглотнул. Кожа девушки напоминала ему своей белизной сливочное мороженое, а разметавшиеся по подушке волосы — темный шоколад. Сладкий, нежный и безумно аппетитный деликатес, способный утолить так долго терзающий его голод.

Он осторожно сел на краешек кровати и нежно коснулся ее позолоченной легким загаром скулы. Веки Юлианы дрогнули, но она не проснулась, и тогда осмелевший Энтони поцеловал ее тонко пахнущие жасмином волосы.

Она открыла глаза и испуганно вскрикнула. Принц оторвался от ее волос и прижал ее губы кончиком пальца.

— Т-с-с!.. Тише, маленькая! Не пугайся, это всего лишь я.

Девушка села на постели, выравнивая перехватившее от страха дыхание.

— Я вижу, что это ты, но что ты тут делаешь?! — воскликнула она. — И как ты сюда вошел?

Принц разочарованно отодвинулся от нее. Его надежды, что проснувшись от его поцелуев, она, как героиня недавно прочитанной им книги, разомлеет и ответит ему встречным поцелуем, рассыпались в прах.

— Воспользовался капитанским дубликатом ключа, — стараясь не выказывать свое смущение, ответил он.

— Зачем? — возмутилась Юлиана. — Тебе что, мозги укачало?

Взгляд принца упал на ее прикрытую только тонкой тканью ночной рубашки грудь, да так там и застрял.

— Скорее, качка расставила их по местам, — пробормотал он.

От внимательного созерцания им своей груди девушка сильно разнервничалась. Она натянула одеяло до самого подбородка и пробормотала:

— Кажется, мне снится дурной сон...

— Тебе так не понравился мой поцелуй? — расстроился Тони, мечтая приникнуть губами к тому месту, где сходились ее нахмуренные бровки и разгладить поцелуем образовавшуюся там складочку.

— Может, объяснишь мне, что на тебя нашло? — настороженно спросила она.

— Да, объясню, — Тони взял ее за руку и погладил ладонь большим пальцем. — Я люблю тебя. Давно и всем сердцем. Жду-не дождусь, когда мы поженимся и очень страдаю оттого, что ты не видишь во мне мужчины. К счастью, я понял, в чем моя ошибка: я вел себя как ребенок, и ждал, что ты сделаешь первый шаг. Но отныне у нас все будет по-другому, потому что теперь я беру на себя всю ответственность за наши отношения. Ты можешь спокойно довериться мне.

Он придвинулся к ней и обнял ее окаменевшее тело.

— Расслабься, — нежно прошептал он. — Мы проведем этот чудесный день вместе, в одной постели...

Сердце девушки ухнуло вниз от ужаса.

— Поженимся? Проведем день в одной постели? — словно не веря ушам, переспросила она.

На мгновение по лицу Тони пробежало облачко сомнения, а потом он повелительно кивнул.

— Да.

Его короткое твердое "да" окончательно выбило Юлиану из колеи.

— То есть, ты все решил за нас обоих? А мои желания и соображения тут не

учитываются?

— Дорогая, из нас двоих мужчина именно я, а значит и решения в нашей паре тоже должен принимать я!

— И с каких пор мы пара? — отталкивая его, едко поинтересовалась она.

— С сегодняшнего дня, — ответил ей юноша, очертив пальцем ее враждебно вскинутый подбородок.

— С чего это вдруг ты решил, что я буду играть по твоим правилам? — свирепо осведомилась Юлиана.

— Потому что я сын монарха, а ты — моя подданная! — всеми силами стараясь придать себе уверенный вид, заявил ей Тони.

Глаза девушки широко распахнулись. Всегда светившаяся в них привязанность к нему померкла, а потом и вовсе испарилась, прихватив с собой с ее щек нежный румянец.

На душе принца стало гадко от отвращения к самому себе, но отступить было поздно, и он решил довести эту игру до конца.

— То есть, ты собираешься принудить меня к близости с тобой? — тихо спросила она.

— Зачем ты так? Я собираюсь подарить тебе наслаждение!

Эти слова дались парню совсем тяжело, потому что он понятия не имел, как ублажить женщину. Да что там ублажить! Он даже ни разу не видел живьем обнаженной женщины! Но обычно тонко чувствовавшая фальшь, девушка была настолько оглушена его демонстрацией королевской власти, что потеряла способность нормально соображать. С подобным резким переходом от сердечной доброжелательности к безапелляционному навязыванию своей воли она уже столкнулась в общении с королем. А теперь и его сын указывает ей ее место.

— Уходи отсюда сейчас же! — потребовала она. — Иначе я закричу.

Тони снисходительно улыбнулся.

— На корабле только мы с тобой: остальные отправились развлекаться в Дамин, и вряд ли кто-то из них вернется на судно до полуночи, — уведомил он Юлиану. — Остались два матроса, но они не станут вмешиваться в мои дела, уверяю тебя.

Теперь девушка испугалась всерьез. Вряд ли кто-то из экипажа рискнет конфликтовать с принцем, защищая ее. Он — сын короля, а она по большому счету никто.

Ей нужно было срочно все обдумать, и она попробовала хоть ненадолго выпроводить принца из своей каюты. Положив руки поверх одеяла, она напустила на себя уверенный вид и холодно сказала:

— Понятно. Ты начнешь меня насиловать прямо сейчас, или мне можно хотя бы сходить в туалет?

Сейчас?! Энтони показалось, что он вот-вот рухнет в обморок. Одно дело чмокнуть волосы безмятежно спящей девушки, но навязываться ей силой, когда она смотрит на тебя как на склизкую тварь — совсем другое. Да и желание обладать ею вдруг куда-то пропало. Теперь он уже сильно сомневался в правильности полученных от отца, друга и недруга советов, и сам мечтал поскорее сбежать от нее.

— Увидимся позже! — бросил он и ретировался.

— Триста талинов на красное! — возбужденно известил крупье Беккер и бросил фишки на стол. Рулетка завертелась, еще больше раскручивая охвативший его азарт. Как назло, в эту минуту ему позвонил Оберон.

— Ну, как проходит путешествие? — нетерпеливо поинтересовался он.

— Отлично, Ваше величество! Просто отлично! — мысленно подгоняя шарик на красное поле, выпалил Райд.

— Энтони все еще сохнет по Юлиане или нашел себе новую подружку?

Шарик немного помедлил у границы цветов, а потом предательски перекатился на черное поле и застыл на нем. Беккер беззвучно выругался и стал протискиваться в самый малолюдный уголок игорного зала.

— Какое там новую! Сидит под дверями ее каюты, как Хатико! — с сожалением констатировал он.

— Тогда переходи к нашему плану!

— Уже перешел! Всеми силами создаю ребятам атмосферу чувственности.

— И как, получается?

— Еще как получается! Боюсь, Аурелия вернется домой с ребенком! Даже матросы друг на друга поглядывать стали!

— Мне плевать на Аурелию и матросов! — рявкнул король. — Как ведут себя Тони с Юлианой?

— Она почти безвылазно сидит у себя в каюте, а Его высочество не знает, как к ней подступить, — послушно отрапортовал Райд.

— А вы с Неваном там на что? — рассердился Оберон. — Не можете ему в этом помочь? Я вас в это плавание не развлекаюсь отправлял, а помогать моему сыну завоевывать расположение любимой девушки!

— Не волнуйтесь так, Ваше величество, — примирительно попросил основательно накачавшийся алкоголем Райд. — Кажется, сегодня у наших голубков все срастется!

Король от волнения сильно сжал в руках мобильник.

— Что ты имеешь в виду? — растерянно спросил он.

— Принц отправил нас всех, включая команду, на берег, и велел до полуночи никому из нас не возвращаться! — радостно оповестил его воспитатель. — Так что ставлю все, что у меня есть, что сегодня наш малыш станет мужчиной!

Посеревший Оберон выронил мобильник и округлившимися глазами уставился на сидящего у шахматного стола Карминского.

— Они остались на яхте одни! — пролепетал он. — А что, если у них и впрямь завяжется роман? Этого нельзя допустить!

Инкатор состроил скептическую гримасу.

— Не говорите глупостей и не паникуйте: все идет, как и задумано! Тони — очень восприимчивый и доверчивый мальчик, поэтому сделает все в точности так, как насоветовали ему ваши друзья-ловеласы: продемонстрирует Юлиане власть и силу. А она слишком своенравная и независимая девочка, чтобы позволить ему собой командовать. Поэтому если между ними сегодня что-то и произойдет, так это грандиозная ссора, которая надолго, а возможно, навсегда отвернет нашу маленькую герцогиню от вашего сына, а его заставит изнывать от мук совести и, следовательно, держаться от нее подальше!

— Но я не хочу, чтобы он мучился!

— Уж определитесь чего вы не хотите больше: его недолгих переживаний или видеть Юлиану в качестве своей невестки и будущей королевы Талинальдии?

— Но если они сильно поссорятся, то она не станет оберегать его в будущем!

Карминский флегматично вертел в руке ладью — его забавляло, когда Оберон не видел

очевидного.

— Как поссорятся, так и помирятся! — ответил он. — Вот только отношений им после этого точно не захочется, а я именно это вам и обещал! Вы будете доигрывать эту партию или так сдадитесь?

Когда принц ушел, Юлиана быстро оделась и попыталась трезво оценить ситуацию. Был бы на корабле колдун вуду, она бы не удивилась поведению Тони, но вот так вдруг, без всяких предпосылок превратиться из ее лучшего друга в не терпящего возражений хозяина — это чересчур! Добровольно она с ним не ляжет, это исключено, но физически Тони сильнее. Что же делать? Забаррикадировать дверь?

Вспомнив, что где-то в ее вещах валяется газовый баллончик, носить который ее приучил Карминский, она стала торопливо рыться в сумке, разыскивая его среди флаконов с духами, дезодорантов и другой женской мелочи.

Раздался стук в дверь. Неужели он уже явился? Юлиана схватила мелькнувший среди прочего небольшой зеленый баллончик и впопыхах засунула его в карман платья. Тревога оказалась ложной — пришел не Энтони, а стюард с охапкой свежих полотенец. Он как-то странно посмотрел на нее, потом поклонился и ушел.

Она бросилась к зеркалу. Ну и видок у нее: взлохмаченные волосы и глаза, как у брошенного в воду кота. Неудивительно, что он так ее разглядывал.

Занимающая чуть ли не полкаюты кровать казалась девушке страшным врагом, и она ушла в кают-компанию, занимавшую почти весь второй этаж яхты. Едва ли Энтони станет приставать к ней прямо там. Стены этой комнаты были из толстого стекла, и с определенного ракурса казалось, что она находится не на корабле, а прямо посреди моря. Убранство помещения дополняло эту иллюзию: синий ковер, серебристые диваны и колышущиеся от легкого ветерка белые прозрачные шторы.

Подобрав под себя ноги, Юлиана устроилась на одном из диванов, вспоминая так восхитительно начинавшееся, а теперь безнадежно загубленное путешествие, стоившее ей потери дружбы.

Страдающее сознание одно за другим подкидывало ей восхитительные картинки их с Тони прошлого, при этом отчаянно вымывая из них яркие мгновения радости.

Соленые капли катились по щекам девушки, но она не замечала, что плачет. Не заметила и того, как к ней подошел принц.

— Второй раз в жизни вижу твои слезы... — с сожалением проговорил он. — Оплакиваешь нашу дружбу?

Она вздрогнула, быстро опустила ноги на пол и одернула платье. Принц сел рядом с ней, на расстоянии вытянутой руки.

— О-о-о! — саркастически протянула Юлиана. — У Вашего высочества не все мозги стекли в ширинку? Я под впечатлением!

Он потянулся к ее щеке, чтобы стереть бегущую по ней крупную слезинку. Юлиана отпрянула от него и выхватила из кармана баллончик с газом.

— Предупреждаю: принц ты, или хоть сам Бог — я убью тебя, если ты меня тронешь, понятно? И плевать я хотела на последствия!

Тони прочитал надпись на флаконе и весело фыркнул.

— Ты хочешь отпугнуть меня этим ароматом? — с сомнением глядя на ее оружие, спросил он.

Девушка осторожно перевела взгляд с Энтони на баллончик и тихо выругалась. В спешке она схватила дезодорант для рта. Ее сбил с толку почти одинаковый цвет и размер баллончиков, а на надпись и разницу в дизайне она тогда внимания не обратила. Сбитая с толку, Юлиана растерянно вертела емкость в руках, чувствуя себя полной дурой.

— Все, я понял! — хлопнул себя по лбу принц. — Ты знала, что у меня на лимоны аллергия, и выбрала самый безопасный для себя способ отправить меня на тот свет! Мои поздравления, дорогая, твое коварство не знает границ!

Уголки губ девушки дрогнули в невольной улыбке.

— Я пришел к тебе извиниться, — сказал он. — Я бы сейчас отдал все на свете, чтобы повернуть время вспять, до того момента, как вломился к тебе в каюту. Знаю, что у меня почти нет шансов получить твое прощение — сам понимаю, что вел себя как последняя свинья, — но я хотя бы объясню тебе, почему так поступил.

Юлиана настороженно ждала продолжения.

— Я так боюсь потерять тебя, что веду себя, как безумный. Слушаю чужие советы, хотя прекрасно понимаю, что они могут принести нам один только вред, — с горечью признался он. — Я отдаю себе отчет в том, что единственной привлекательной чертой во мне является мой титул. Забери его — и останется ничем не примечательный, слабый телом и духом парень. А тебе нужен совсем другой, и это приводит меня в отчаянье. Пожалуйста, прости меня и скажи, что у меня есть хотя бы один шанс остаться твоим другом. Просто другом! Я даже готов сделать себе операцию по смене пола — тогда ты точно не будешь бояться моих приставаний! Я пойду на все, только не отворачивайся от меня!

Принц обнял Юлиану за плечи, и на этот раз она его не оттолкнула.

— Я тоже боюсь потерять тебя, Тони, — уткнувшись лбом ему в грудь, прошептала она. — Я понимаю, что ты испытываешь ко мне физическое влечение, но не могу стать для тебя возлюбленной. Не потому, что не люблю тебя, а потому, что ощущаю тебя частичкой себя самой. Это прозвучит смешно, но мои чувства к тебе даже не сестринские, а скорей материнские, хоть мы с тобой почти ровесники.

— Это же замечательно! — с улыбкой сморгнул слезы Энтони. — Ведь матери не бросают своих детей, а значит, и ты меня не бросишь!

— Ни за что! Только пообещай, что это больше никогда не повторится! Пообещай, что с тобой я всегда буду в безопасности, и ты будешь мне только братом! Но если это тебе не по силам, то я просто уйду из твоей жизни, чтобы не мучить тебя своим присутствием.

— Не уходи! — взмолился принц. — Такого больше не повторится. Никогда! Ни при каких обстоятельствах!

Они помирились. Никто не узнал о случившейся между ними размолвке. Энтони свое слово сдержал и больше не заводил с Юлианой никаких разговоров о любви. Когда их путешествие закончилось, девушка все же решила не испытывать его на прочность и, прервав каникулы, уехала с Карминским работать на север страны. Она понимала, что у них с Тони теперь никогда не будет прежней легкости и непринужденности в отношениях. Это сильно тяготило ее, и она решила, что для них обоих будет лучше видеться как можно реже, хотя бы до той поры, пока принц не найдет себе другой объект обожания.

Лето прошло в бесконечных разъездах — Оберон решил провести основательную инвентаризацию своего королевства, а Карминский был единственным человеком, мнению которого он доверял безоговорочно.

Наступил сентябрь, но в академию Юлиана так и не вернулась. Инкатор решил, что теории с нее достаточно и теперь ее учеба стала сугубо практической. По сути, она стала его правой рукой и наравне с ним решала поставленные королем задачи. За те восемь месяцев, что она проработала бок о бок с Карминским, ее мастерство многократно возросло. Она стала гораздо увереннее в себе и больше не боялась того дня, когда вступит в должность. По настоянию своего учителя она продолжала заниматься актерским мастерством, постепенно приобретая способность контролировать свои истинные эмоции и изображать поддельные. Он никогда не хвалил ее, но она видела, что он доволен ее успехами.

В государственных делах тоже наметились сдвиги в лучшую сторону. После достопамятной встречи в рыбацьем домике, президент Эндерсон стал активно проводить политику, направленную на отмену санкций в отношении Талинальдии. Сначала его инициативы воспринимались главами государств с недоумением, но когда Диония заключила с опальной державой крайне выгодный для обеих сторон контракт по обмену редкими минералами, многие глубоко задумались, не последовать ли ее примеру. Чем-чем, а ресурсами Талинальдия была очень богата и торговля с ней всегда была прибыльным делом.

Оберон ликовал, а Энтони молил Бога помочь им с отцом поскорее выбраться из долгов перед асакурийцами, которые вели себя все наглее.

В это время генерал Александр Ламберт, которого новые советники короля очень не любили и даже боялись, одерживал в войне с валькинорцами одну победу за другой. Его имя теперь было у всех на слуху. На телевидении часто крутили ролики, в которых солдаты восхваляли его мудрость и доблесть, а в новостях дикторы на все лады пели ему дифирамбы. К зиме Алекс из обычного полководца стал национальным героем и главным объектом девичьих грез, ибо помимо всех прочих своих достоинств был еще и довольно красив. Несколько лет назад его жена умерла от скоротечной болезни, оставив ему сына, и теперь каждая вторая девушка королевства мечтала занять ее место в сердце и доме покорившего столько сердец победоносца.

Всеобщая одержимость не оставила равнодушной и Юлиану. И хотя она не грезила стать новой пассией генерала, но увидеть его вживую ей очень хотелось. И скоро такая возможность ей представилась: в феврале они с Карминским приехали по делам в Шерн, который был основным поставщиком танков для талинальдийской армии.

В тот вечер у герцогини была запланирована встреча с самым влиятельным человеком этого города — Робинот Барнсом, владеющим контрольным пакетом акций оружейного завода. Общение с этим скользким типом с липким голосом и вечно зыркающими по сторонам маленькими глазками, было ей невыносимо, и она уже второй день подряд откладывала их встречу. К несчастью, ее желания не имели никакого значения, потому что Барнс каким-то образом ухитрился стать своим человеком для королевских советников.

Оберон как всегда не смог отказать своим мягко стелющим спонсорам, и поручил Карминскому выполнить деликатную просьбу Робина. Инкатор, в свою очередь, перепоручил это дело Юлиане.

Как оказалось, Барнса сильно беспокоил побег из тюрьмы его заклятого врага Билла Кроули, и он просил немедля отыскать и убить этого человека, пока тот не убил его.

Когда девушка заикнулась Жнецу о том, что просьба этого человека противозаконна, он напомнил ей, что инкаторов держат не для того, чтобы они обсуждали приказы правителей, а чтобы они беспрекословно их выполняли, не вникая ни в материальные, ни в моральные их аспекты. Спорить с ним было бесполезно, но убивать беднягу только потому, что он кому-то не нравится, Юлиана не собиралась. Умом она понимала, что с такими могущественными врагами Кроули так и так не жить, даже если она откажется выполнять это поручение, но в глубине ее души теплилась надежда, что ей удастся убедить Барнса найти бескровный способ разрешения их с Биллом разногласий.

Они договорились встретиться в пятницу вечером и за ужином обсудить способы решения вставшей перед фабрикантом проблемы. Робин прекрасно понимал, кем в недалеком будущем станет эта девушка и всеми силами старался понравиться ей. Даже заказал доставить самолетом букет редких тропических цветов. Он панически боялся, что его беседу с герцогиней могут подслушать, поэтому, как только слуги накрыли на стол, он отпустил их по домам, решив самолично ухаживать за ней.

За ужином они потихоньку прощупывали друг друга, не спеша переходить к сути дела, как вдруг внизу требовательно затрещал дверной звонок. Извинившись перед Юлианой за внезапно прерванную беседу, Робин попросил ее подождать его возвращения в столовой, а сам пошел открывать дверь нежданному визитеру.

Разговор Барнса с посетителем затянулся довольно надолго. Причем шел он на повышенных тонах. Слов разобрать было почти невозможно, но спор, судя по всему, шел ожесточенный. Внезапно стало тихо. Даже слишком тихо. Сгорая от смешанного с тревогой любопытства, девушка на цыпочках пошла к лестнице.

Робин лежал на полу первого этажа. Из-под его неподвижного тела тягуче растекалась кровь, пачкая натертый до блеска паркет. Над ним, нащупывая на шее пульс, склонился высокий широкоплечий мужчина в темном пальто.

Ситуация не предвещала ничего хорошего, и Юлиана попятилась, собираясь незаметно ретироваться. В это мгновение убийца выпрямился, и она с изумлением узнала в нем генерала Ламберта. Тот пока не замечал ее.

Девушка прислонилась спиной к арке, размышляя, что ей делать дальше. Наверное, надо бы потихоньку спрятаться, пока он ее не увидел, но любопытство не позволяло ей сделать ни шагу. Впрочем, это было даже не любопытство. Внутри нее словно сидел маленький чертик, который подбивал ее вести себя совершенно безрассудно, и он мечтал, чтобы Ламберт обратил на нее внимание. Юлиана впервые видела прославленного генерала живьем, да еще так близко, и ей безумно интересно было узнать, как он поступит, когда поймет, что у его преступления был свидетель. Убить он ее не убьет — почему-то в этом она была совершенно уверена. И хотела остаться, просто до невозможности хотела.

Генерал осмотрел свою одежду, по-видимому, выискивая на ней пятна крови. Удовлетворенно кивнув, он задрал голову и встретился взглядом с Юлианой. Его сурово сжатые губы вдруг обмякли, округлились, так же, как и брови, которые в сочетании со спинкой носа напомнили девушке два отвернувшихся друг от друга вопросительных знака.

— Кажется, у меня появился свидетель? — больше растерянно, чем угрожающе, произнес Ламберт.

— Выходит так, — невозмутимо подтвердила она. — И что вы собираетесь с этим

делать?

Он взялся за лоб, а потом автоматически провел пальцами по пепельно-русые волосы, зачесывая их наверх.

— Честно говоря, я в замешательстве, — признался он. — А что бы вы мне посоветовали?

— На вашем месте я бы избавилась от свидетеля, а трупы спрятала. — Она оперлась на перила ограждения и с легкой улыбкой, будто была на светском рауте, а не наедине с убийцей, заметила: — Находясь на разных этажах не слишком удобно вести переговоры, согласны? Вы подниметесь, или мне лучше спуститься?

Ее собеседник явно не знал, как ему себя вести, поэтому Юлиана привычно взяла инициативу в свои руки.

— Предлагаю вам подняться сюда. В столовой есть бутылка отличного вина. Почему бы нам не продолжить обсуждение нашей проблемы за ее дегустацией? Как вам такая мысль?

Алекс потряс головой, в слабой надежде, что это чересчур флегматичное создание всего лишь видение, но оно так и осталось стоять наверху, заинтересованно глядя на него. Несколько секунд он раздумывал, а потом стал подниматься по ступенькам. Девушка пошла впереди него, указывая дорогу.

В столовой он увидел красиво сервированный стол с еще горячими блюдами и едва початой бутылкой вина.

— Я прервал ваш романтический ужин? — смущенно поинтересовался он.

— Скорей, деловой.

Она подошла к столу и вопросительно посмотрела на него. Спohватившись, Ламберт выдвинул ей стул, все больше теряясь в ее присутствии и пытаясь угадать, что она за птица. Ему было понятно только одно — эта девушка из высшего света. Ну, явно не из простых горожанок, судя по ее манерам и той непоколебимой уверенности, с которой она держалась. Взгляд Алекса упал на красовавшиеся в вазе цветы, которые только подтвердили его догадку. Такие растут исключительно на острове Арай — однажды он заказывал их для своей жены, а Барнс не тот человек, чтобы выбрасывать уйму денег на доставку букета оттуда ради простой, пусть даже очень красивой женщины.

Внимательно осмотрев столовую, он заметил еще один такой же букет, только чуть менее свежий. Видимо, встреча должна была состояться вчера, но была перенесена, и Робину пришлось заказывать цветы еще раз. Но кто же эта девушка? Платье достаточно простое, но из дорогого шелка. Только слишком уж закрытое для такого юного создания. А ей идет цвет морской волны!

Занимая место за столом напротив нее, он теперь думал не столько о только о том, как выбраться сухим из воды, сколько о своей интригующей визави.

— Хотите притупить мою бдительность алкоголем и сбежать? — в шутку спросил он.

— А у меня бы это получилось, генерал Ламберт? — улыбнулась она.

Улыбка придала ее и без того очень привлекательному лицу теплое очарование.

"Она назвала меня Ламберт? Значит, узнала. Это еще больше все усложняет..." — подумал он.

— Не думаю... — ответил Алекс, размышляя о том, что ни за что бы не дал сбежать такой необычной куколке, не узнав о ней ничего такого, что позволило бы потом ее найти.

"Ты о чем думаешь? — мысленно оборвал он собственные греховные мысли. — Если

эта малышка даст показания, то разразится такой скандал, что тебе не поздоровится! Уж очень многих власть имущих прикармливал Барнс. Да и с королевскими советниками был на короткой ноге, а они только и ждут повода, чтобы от тебя избавиться!"

— Мы с вами в неравном положении. Вы меня знаете, я вас — нет, — наполняя между тем вином бокалы, проговорил он.

— Более, чем в неравном, — согласилась она. — Вы — убийца, а я — потенциальная жертва.

— Не заметил, чтобы вас это пугало или хоть сколько-нибудь смущало, — заинтригованно произнес Алекс. — Признаться, впервые вижу беззащитную девушку, которая преспокойно пьет вино в компании преступника, не обращая внимания на остывающий в холле труп.

— И что с того? Почему я должна переживать за совершенно чужого, к тому же несимпатичного мне человека? — пожалала плечами Юлиана, протягивая руку за долькой апельсина, и буднично осведомилась: — Вы меня убьете? -

Ламберт всмотрелся в ее лицо, но кроме любопытства на нем ничего не отражалось. Казалось, она находила происходящее забавным приключением.

— А как вы думаете? — поинтересовался он. Эта опасная игра начала захватывать и его. Пронзительно-серые глаза девушки изучающе пробежались по его лицу.

— Думаю, что нет, — ответила она. — Вы не производите впечатления человека, способного на хладнокровное убийство женщины, даже если она опасна для вас. Вы слишком благородны и галанты для этого.

Она была права на сто процентов, но он, желая растянуть эту пленительную интригу, спросил:

— А если вы ошибаетесь?

— Все может быть! Но ведь вы спросили мое мнение, вот я вам его и высказала, — дерзко улыбаясь, сказала она и слизнула с губки крошечную капельку вина.

Мелькнувший на секунду розовый язычок разбудил интимные фантазии давно позабывшего, что такое женская ласка Алекса, и он задумался, сделала она это неосознанно, или намеренно соблазняла его.

"Да, малышка, тебе следует опасаться совсем не убийства", — подумал он, тщетно пытаясь оторвать взгляд от ее красивого ротика. Его воображение пустилось вскачь, представляя себе картины одну волнующей другой, и Ламберт был очень рад, что девушка не могла видеть его мыслей.

"Не валяй дурака, — строго выговаривал он сам себе. — Она еще совсем дитя! Ей лет семнадцать, а тебе чуть ли не в два раза больше! Соскучился по женскому обществу, так поищи себе более подходящую для твоих целей даму!"

Но более подходящую он не хотел. Он хотел именно эту насмешливую, не знающую страха девчонку с дымчатыми глазами и сладкими — в этом он был абсолютно уверен! — чувственными губами, и это его пугало. Раньше он никогда не засматривался на малолеток, предпочитая ровесниц, но к этой девушке его тянуло непреодолимо. Вероятно, виной всему была та пикантная ситуация, в которой они оказались, и необычное поведение юной прелестницы.

Алекс с трудом перевел намертво приклеившийся к ее губам взгляд на серебряную вилку и заставил себя вернуться к разговору.

— Вы меня интригуете, миледи... — сказал он. — Может, все же откроете завесу

окружающей вас тайны, и скажете кто вы?

— Не скажу! — неожиданно рассмеялась она. — Тогда вы точно меня убьете!

Ее смех зазвенел в комнате маленькими хрустальными колокольчиками, и Ламберт залюбовался веселыми искорками в ее глазах.

— Даже несмотря на то, что вы женщина? — спросил он.

— Даже несмотря на это!

Алекс откинулся на спинку стула, с удовольствием принимая ее условия игры.

— Тогда я попробую угадать, кто вы! — заявил он, отпихивая в самый дальний уголок сознания навязчивые мысли о том, что вместо этой милой болтовни было бы неплохо поскорей избавиться от лежащего внизу тела, пока его никто не увидел. — Есть две категории людей, которые, на мой взгляд, заслуживают смерти: подлецы и маньяки, — стал вслух рассуждать он. — Но мне затруднительно отнести вас и к тем, и к другим.

— В одном из своих интервью вы называли еще одну категорию, — напомнила девушка. — Причем сказали, что она наихудшая.

Ламберт поднял бровь, сиюсь вспомнить о неприязни к кому он когда-то говорил.

— Ну вспомните, кого вы просто терпеть не можете? — улыбнулась она и откусила кусочек большого красного яблока, от чего Алекс почувствовал себя искушаемым Евой Адамом.

Снова через силу отведя взгляд от ее лица, он вспомнил, что она ждет его ответа и стал мысленно перебирать всех, кого бы с удовольствием прибил.

— Ну и задачку вы мне загадали! — пробормотал он. — Кого же я еще органически не перевариваю? Разве что инкаторов. Эти сизые стервятники не только объединяют все качества предыдущих категорий, но также дополняют и многократно усугубляют их.

— Сизые стервятники? Интересно. Такого я еще не слышала.

— Да, сизые. Из-за цвета мундира. Несомненно, именно их я бы и поставил во главу своего списка антипатии, — заключил Алекс.

Девушка широко улыбнулась, сверкнув идеально выбеленными зубами.

— Вот теперь угадали! — забавляясь, призналась она. — Я помощница Карминского, Юлиана Делайн. И через год сама стану одним из сизых стервятников.

Он открыл рот возразить, что такое невозможно, что такое милое улыбчивое создание не может иметь ничего общего с вызывающими у него омерзение инкаторами, но осекся. Это все объясняло: ее необыкновенное самообладание и не свойственную столь юному возрасту рассудительность. И да, он слышал что на смену умирающему Витовскому готовят девушку, но думал, что это просто пустой треп. Оказывается, Оберон и впрямь решил сломать стереотип о том, что работать инкаторами могут исключительно мужчины.

Теперь ему стало понятно, зачем Барнс пригласил ее к себе в гости. Наверняка спешил навести на будущее мосты между собой и молодой инкаторшей.

Видимо, он молчал чересчур долго, потому что она спросила:

— Мне подать вам нож или предпочтете воспользоваться пистолетом?

Алекс чуть не ахнул. Она его еще и дразнит! Вот дерзкая девчонка! Он охотно воспользовался бы не пистолетом, и не ножом, а руками... И губами... И...

"Она несовершеннолетняя!" — теряя самообладание, напомнил себе он.

— С каких это пор юные ангелочки помогают дьяволу? — хрипло спросил он.

— Это я ангелочек? — изумилась Юлиана и потянула себя тонкими пальчиками без украшений за очерчивающую подбородок черную прядь. — По-вашему, это похоже на белые

кудряшки? И нимб с крылышками я где-то потеряла...

"Скорей, заложила в обмен на мой покой", — совсем поплыл Ламберт, понимая, что не сможет причинить ни малейшего вреда этой малышке, будь она хоть трижды инкатором и десять раз свидетелем. В конце концов, он боевой генерал, а не бандит с большой дороги, способный хладнокровно убить не вовремя оказавшуюся здесь девчущку. Интересно, если он попросит ее о молчании, она пойдет на это?

— Сколько вам лет? — спросил он.

— Семнадцать, а что?

— Хотел пригласить вас на свидание, — решил не врать Ламберт. — Жаль, что вам нет восемнадцати.

— Я бы все равно вам отказала, — озорно сверкнув глазами, ответила она.

Неожиданно для самого себя Алекс расстроился.

— Это потому, что я убил Барнса? Я готов попробовать оправдаться, — предложил он, сам не понимая, почему ему стало так важно сделать это.

— А попробуйте! — предложила девушка.

— Это была самооборона, — сказал Ламберт.

— Безусловно! — скептически улыбнулась она.

— Он набросился на меня с ножом. Рефлексы среагировали раньше меня, — стараясь не замечать ее скепсиса, пояснил он. — Вы мне верите?

— Конечно!

— И я ничуть не раскаиваюсь!

— Охотно верю!

— Потому что мерзавец это заслужил! — заявил генерал, с некоторой тревогой отслеживая ее реакцию на это признание, но на ее лице не дрогнул ни один мускул.

— Нисколько не сомневаюсь в этом!

— Вы надо мной издеваетесь? — улыбнулся Ламберт.

Ее губы тоже дрогнули в усмешке.

— Разве что самую малость! Я же не самоубийца вам возражать. Но я отказала бы вам не поэтому.

— А почему?

— Потому что меня не интересуют свидания с мужчинами.

— Неужели вы предпочитаете женщин? — шутливо ужаснулся Ламберт.

— Вырасту — определюсь, — смущенно отшутилась Юлиана. — Мне пока рано думать об этом, сперва надо закончить учебу.

— Неужели вам не интересно хотя бы просто пообщаться с мужчиной? — любопытно спросил генерал.

— Я общаюсь с ними каждый день во время работы, — сухо отрезала Юлиана. — Мне этого достаточно!

Эта тема до сих портила ей настроение. Она не позволит ни одному мужчине сделать с ней то, что делали с Тори. И говорить на эту тему тоже не станет. Даже с таким волнующим человеком как Александр. Но он никак не хотел менять тему их разговора.

— Могу ли я рассчитывать, что когда вы определитесь со своими предпочтениями, ваш выбор падет на меня? Разумеется, в том случае, если вы когда-нибудь измените свое мнение и пожелаете более тесно пообщаться с мужчиной, — заметив ее скованность, уточнил он.

— А вы настойчивы!

— К тому же очень терпелив и готов ждать свидания с вами не один год, — галантно склонил голову генерал.

— О-о-о! — иронично протянула она. — Даже так? Это обнадеживает! Звучит, словно вы собираетесь отпустить меня отсюда живой.

— Только в том случае, если свое первое настоящее свидание вы пообещаете мне, — бросая тревожный взгляд на часы, пошутил Алекс.

— Считайте, что оно ваше, — милостиво согласилась Юлиана. — Разумеется, если вы будете в это время не на маневрах, потому что ждать я, в отличие от вас, не люблю и не собираюсь. Соглашение будем кровью подписывать, или так поверите в мое честное инкаторское слово?

— Поверю на слово, — сделал по-рыцарски широкий жест Ламберт. — Все равно мне ничего другого не остается: во избежание кривотолков девушке не стоит засиживаться наедине с мужчиной допоздна, тем более впридачу с остывающим в прихожей трупом.

— Вас так заботит моя репутация? — приятно удивилась она.

— Я боюсь, что невольно могу навредить ей.

— Не вы ли совсем недавно утверждали, что у представителей моей профессии нет ни чести, ни совести? Не отвечайте, вопрос был риторическим, — вздохнула она, послушно выбираясь из-за стола. — Мне и впрямь пора уходить, если вы, конечно, не возражаете.

— Я немного провожу вас, если позволите, — поднялся следом за ней Ламберт, раздумывая, как она отнесется к его просьбе не рассказывать Карминскому о том, кто убил Барнса. Ведь если она заговорит, то ему будет крайне трудно выпутаться из этой переделки.

Его переживания ясно читались на его лице, будто он говорил вслух.

— Думаете, как избежать разоблачения? — спросила Юлиана.

— Угу, — угрюмо подтвердил Алекс. — Может, что-то присоветуете, как будущий стервятник?

Юлиану его шуточное оскорбление нисколько не задело, но ответила она ему в том же духе.

— Почему бы вам, как человеку разрушившему и разграбившему столько городов, не создать видимость ограбления? — предложила она.

Он весело хмыкнул и открыл перед ней дверь столовой.

— Хотя есть мысль и получше. Можно направить следствие по ложному следу, — спускаясь по лестнице, рассуждала девушка. — У нашего дорогого хозяина в молодости был партнер по бизнесу. Дела у них шли настолько хорошо, что Барнс, не желая больше ни с кем делить столь выгодное предприятие, очень умело подставил своего напарника Билла Кроули, с которым они дружили еще со школьной скамьи, и тому дали пожизненный срок заключения. Тогда Билл поклялся, что непременно сбежит из тюрьмы и убьет своего обидчика. Сбежать ему, действительно, удалось, но недалеко. Во время побега — а это произошло на прошлой неделе, — один из охранников ранил его в живот и Кроули умер на другой же день в сторожке лесника. Только о его смерти почти никто не знает, кроме хозяина избушки, до которой он сумел добраться перед смертью, и меня.

— Вам-то это откуда известно? — удивился генерал.

— Не будем вдаваться в подробности моей работы. Мне эта информация была нужна, и я ее получила, — уклонилась от объяснений девушка. — Собственно, я сегодня сюда пришла именно для того, чтобы сообщить Барнсу эту новость в обмен на кое-какую важную для меня информацию. К сожалению, вы бесцеремонно прервали нашу беседу.

— Какие у вас могут быть дела с этим грязным типом? — притормаживая на ступеньках и преграждая ей путь, спросил генерал.

— Такие же грязные, как и он сам, — невозмутимо ответила Делайн. — Выгребая грязь, невозможно не запачкаться, генерал! Как и в вашем случае, защищая родину, невозможно не стать убийцей.

Он отвел глаза, сконфуженный собственным выпадом в ее сторону, сам не понимая, почему так завелся.

— Извините, мне не следовало лезть не в свое дело, — пробормотал он.

Юлиана молча кивнула, принимая извинения. Они спустились в холл и остановились возле распростертого в луже уже загустевшей крови тела.

— Что будем делать дальше? — спросил Ламберт, сам не заметив, как полностью положился в этом деле на герцогиню.

— Второй раз подставим невинного, и уже несколько дней как мертвого человека, — последовал ее бесстрастный ответ.

— Это будет подло с нашей стороны! — взволнованно воскликнул Алекс. — Недопустимо марать имя честного человека даже после его кончины!

— Недопустимо оставлять воюющую страну без опытного полководца из-за какого-то проходимца, — холодно возразила давно лишённая иллюзий и приученная из двух зол выбирать меньшее девушка. — А Кроули уже мертв, ему все равно. Даже порадуетса на небесах, что возмездие за него совершил кто-то другой. Судьба у него такая — отвечать за преступления, которые он не совершал. Впрочем, если вас такой вариант не устраивает, то воля ваша, поступайте, как знаете.

Воцарилась неловкая пауза, во время которой генерал, для которого честь была не пустым звуком, выдерживал внутри мучительную битву между совестью и желанием избежать скандала.

— Думайте быстрее, — поторопила Юлиана. — Если вы согласитесь на мой план, кровь должна быть еще достаточно свежей.

— И что это за план?

Она коротко объяснила ему, что собирается делать, и как это должно выглядеть со стороны.

— Карминский тоже еще не знает о смерти Кроули? — хрипло осведомился Ламберт, немного теряясь от деловитых рассуждений юной инкаторши.

— Он вообще не в курсе всей этой истории. У меня с Робинот были свои дела.

— Что ж, тогда начнем наши приготовления!

— Я так понимаю, здравый смысл возобладал над высокими материями? — не удержалась от шпильки Юлиана.

Генерал сконфуженно кивнул. Запустив руку в карман, девушка извлекла из него кожаный браслет с выцарапанной на нем изнутри надписью "Око за око". Его снял с мертвого Кроули похоронивший его лесник. Она тщательно стерла с него платком свои отпечатки и вложила его в ладонь убитого, в очередной раз поразив генерала своим хладнокровием.

— Вот, доказательства смерти вашего врага, мистер Барнс! Надеюсь, вы довольны. Ой, чуть не забыла! — спохватилась она, вытаскивая из кармана мобильный телефон и перекладывая его на стоявший возле дивана журнальный стол. Так, теперь все готово, пора уходить. Вы на машине? — спросила она Ламберта.

— Вообще-то, нет. Отсюда недалеко до моего жилища.

— Это хорошо, что вы пешком. Вы кому-нибудь говорили что идете сюда?

— Не имею обыкновения посвящать посторонних в свои дела.

— Ценная привычка! В таком случае уходите как можно незаметней, — распорядилась она. — Не думаю, что будет много свидетелей вашего визита сюда, а если и будут, я их без особого труда собью с толку.

— Инкаторские штучки? — криво усмехнулся генерал.

— Да, они. Спорить с нами решаются считанные единицы, и те чаще всего либо сумасшедшие, либо законченные фанатики. И если я дам одни показания, а свидетель другие, то поверят скорей мне, нежели ему. Ведь я представитель закона, к тому же чужая в этом городе, и у меня нет ни малейшего мотива для убийства этого почтенного господина. А у свидетеля такой мотив вполне мог быть, ибо мистер Барнс славился не самым приятным обхождением с людьми, и прибить его хотела бы как минимум половина горожан.

— Вижу, досточтимый Робин и вам тоже не очень-то нравился? — хмыкнул Ламберт.

— Возможно, я покажусь вам весьма циничной особой, но мне крайне мало кто по-настоящему нравится. Когда видишь истинное лицо человека и мотивы, которые им движут, мир кажется довольно неприятным местом, — мрачно заключила Юлиана.

Генерал представил, каким она видит его, и стиснул зубы от досады: убийца, готовый очернить доброе имя покойного человека, который уже никогда не сможет оправдаться, ради того, чтобы обелить собственное. Да, и еще она назвала его грабителем. Вряд ли у него есть шансы завоевать ее.

— Я все же опасаясь, что кто-нибудь заподозрит вас в причастности к этому убийству... Не хотелось бы подставлять вас под удар вместо себя.

— Любая экспертиза докажет, что убийство совершил скорей всего мужчина, причем высокого роста, а Кроули, с детства занимавшийся баскетболом, очень подходит под это описание. Я потому и предложила этот план, что вы схожи с ним телосложением. Правда, Билл белокожий блондин, но в том, что беглый преступник решил перекрасить себе волосы, никому не покажется странным. А чтобы обвинить меня в соучастии, нужны достаточно веские доказательства, которые можете предоставить только вы, но и тогда я буду все отрицать.

— Хорошенького же вы обо мне мнения, если считаете, что я на такое способен! — оскорбился Пепел.

— Это я на всякий случай предупреждаю. А сейчас идите в сторону вокзала или погуляйте чуток по окраинам, а я пока разыграю тут небольшое представление.

Она представила, как он будет смотреться со стороны в свете уличных фонарей и посоветовала:

— Да, и возьмите у хозяина какую-нибудь шляпу: без головного убора вас легко узнать.

Ламберт открыл шкаф-купе и почти сразу же нашел в нем несколько шляп. Нахлобучив одну из них себе на голову, он повернулся к Юлиане.

— Надвиньте ее на глаза и поднимите воротник, — деловито руководила она. — И еще один нюанс — ссутультесь. У Билла был достаточно выраженный сколиоз.

Генерал послушно выполнил ее рекомендации и сделал несколько шагов по комнате:

— Я чувствую себя героем бандитского триллера, — признался он.

— Алекс... — впервые назвав его по имени, Юлиана почувствовала какое-то странное волнение, словно коснулась чего-то интимного, и от этого вдруг смутилась. — Заприте меня,

пожалуйста, в комнате наверху, чтобы я могла оправдать перед полицией и Карминским свое долгое бездействие.

Ламберт усмехнулся.

— Похоже, выполнять ваши просьбы и распоряжения входит у меня в привычку, миледи!

Он указал ей жестом на лестницу, приглашая подняться на второй этаж.

— Прошу!

Девушка неторопливо обошла второй этаж и выбрала комнату с добротной дубовой дверью, окна которой выходили во внутренний двор.

— Эта подойдет! Здесь мне долго придется ждать чьей-то помощи, — с сожалением произнесла она. — А теперь нам пора прощаться.

Ламберт привалился спиной к дверному проему, любуясь ею.

— Почему вы помогаете мне? — с нескрываемым любопытством спросил он. — Ведь дело вовсе не в моих подвигах во имя отечества!

— Как почему? Долг платежом красен! Вы мне составили приятную компанию и даже не посягнули на мою жизнь, хотя очищение земли от инкаторской заразы для вас богоугодное дело, — с озорной улыбкой поддела она генерала. — Я всего лишь плачу вам той же монетой!

— Надеюсь, вы не забыли, что я не за так вверил вам свою судьбу? — лукаво осведомился он. — За вами первое свидание, помните об этом! Так что искренне надеюсь, что вас отсюда выпустят раньше, чем вы превратитесь в мумию.

Послав ей воздушный поцелуй, он запер ее в комнате, постирал откуда было можно свои отпечатки пальцев и вприпрыжку сбежал по ступенькам дома вниз, насвистывая себе под нос пришедшую вдруг на ум песенку про нежданную любовь.

Юлиану освободили из заточения очень быстро. В одиннадцать вечера Карминский набросал очередной список дел для своей помощницы, и тут ему пришло на ум, что он уже давно ее не видел. Телефон девушки не отвечал, и Эдмунд раз за разом раздраженно нажимал кнопку вызова, бурча себе под нос самые нелестные эпитеты в адрес невесты куда запропастившейся ученицы.

— Да где же ты бродишь в такое время? — пробурчал он, покидая насиженное кресло возле уютно потрескивающего сосновыми поленьями камина. Снова не дождавшись ответа на свой звонок, он с отвращением глянул на промозглую сырость за окном. Не хватало еще на ночь глядя заниматься ее розысками! Ах, да! Она же собиралась нанести визит Робину Барнсу, как он мог об этом забыть? Но время уже к полуночи, не может же она до сих пор быть у него! Юлиана бы ни за что не осталась на ночь у этого жабообразного проходимца с вечно бегающими глазками. А вот за известного своим любвеобилием Барнса он поручиться не мог. Маловероятное предположение, но все же проверить его стоило.

— От тебя одни проблемы, — проворчал он, сердито роясь в записной книжке в поисках номера телефона Робина. — И почему я должен носиться с тобой, как курица с яйцом? Ты Астаротам нужна, но не мне!

Он передернул плечами от холода, ухитрявшегося пробираться в комнату несмотря на центральное отопление и камин, снова уселся в кресло у огня и продолжил поиски номера. Надвигающаяся старость давала знать о себе усиливающейся с каждым годом дальновзоркостью, но очков он не признавал и не носил, считая их символом человеческого

несовершенства и телесной слабости. С трудом разбирая нечетко видевшиеся буквы, он нашел имя Барнса и стал набирать его номер.

К его удивлению, телефон Робина тоже не отвечал. Брови Жнеца удивленно поползли вверх.

— Это становится интересным! — воскликнул он. — Я даже лично наведаюсь к нему в гости...

Приехав в дом бизнесмена и обнаружив там его плавающий в луже собственной крови труп, Карминский забеспокоился за свою студентку.

— Теперь понятно, почему мне никто не ответил... — бегло осматривая место преступления, пробурчал он себе под нос.

На всякий случай он снова набрал номер девушки и услышал знакомый сигнал в паре шагов от себя. Выругавшись сквозь зубы, он засунул ее мобильник к себе в карман и пошел вглубь дома разыскивать ее. Убийцы Карминский не боялся: во-первых, у него был при себе пистолет, а во-вторых, судя по успевшей застыть луже крови, убийство произошло довольно давно. Наверняка злодея уже и след простыл.

— Ну же, детка, где ты? — тихонько бормотал он. — Ты куда-то спряталась, или тебя тоже зарезали? Эй, малявка, отзовись! — уже громко крикнул он. — Никогда не думал, что это скажу, но мне скучно без тебя!

Услышав его крик, Юлиана забарабанила в дверь:

— Кто здесь? Пожалуйста, откройте дверь! Выпустите меня!

Индикатор повернул замок и был едва не сбит с ног бросившейся к нему девушкой.

— Вот ты где! — отстраняя ее от себя, проворчал он. — Что здесь произошло?

— Пожалуйста, давайте сначала отсюда выйдем! Я больше не могу находиться в этом доме рядом... рядом с трупом! — дрожащим голосом выпалила она.

Юлиана отлично знала, что такое поведение вызывало у Карминского наибольшее раздражение и отвращение, а значит, он, стремясь поскорей избавиться от ее нытья, будет не слишком допытываться о деталях происшествия. Старого лиса было нелегко провести, но все же можно. Как ведут себя напуганные свидетели преступлений, она уже насмотрелась, и не видела особого труда в том, чтобы скопировать их поведение. В крайнем случае она решила закатить истерику, а это будет легко, стоит лишь мысленно погрузиться в один из дней устроенного ей Карминским ада.

К счастью, этого ей делать не пришлось. Как она и ожидала, индикатор брезгливо поджал губы, будто к ним поднесли лягушку.

— Смотрите-ка, барышня кисейная! Еще в обморок упади! Можно подумать, ты трупов не видела!

— Видела, конечно! Но видеть их одно дело, а быть запертой в доме с мертвецом, не зная, сможешь ли ты когда-нибудь выйти из него — другое! Я до последней секунды боялась, что убийца передумает и зарежет меня тоже! — плаксиво пожаловалась она. — Прошу вас, милорд, давайте поскорей уйдем из этого дома! Вдруг он и правда решит вернуться за мной?

— Прекрати ныть! Аж противно! Ладно, идем! — недовольно пробурчал Жнец и пошел по полутемному коридору к ведущей вниз лестнице. Девушка торопливо следовала за ним, временами пугливо оглядываясь.

Когда они спустились в холл, она снова заканючила.

— Пожалуйста, давайте уйдем!

Карминский подошел к трупу и стал осматриваться.

— Вот сейчас расскажешь и покажешь мне как все было, и пойдем домой, — пообещал он.

Хотя все шло по плану, сердце девушки екнуло от страха, что он сможет ее подловить. Она вполне могла пропустить какую-нибудь мелочь. Но на этот раз страх пошел ей на руку.

— Вы не понимаете! — повысив голос, запротестовала Юлиана. — Этот человек совершенно безумен! Одержим мстью и жаждой свободы, а я для него — опасный свидетель! Я не знаю, почему он меня не убил, но испытывать судьбу дважды не хочу! Умоляю, давайте поскорей вернемся домой, и там я расскажу вам все подробности!

— Гляди-ка, как заговорила! — едко рассмеялся инкатор. — Не ты ли не так давно сама собиралась свести счеты с жизнью, а теперь цепляешься за нее, как младенец за мамку! Я-то думал, что вытравил из тебя всю эту женскую дурь, сделал тебя сильной, а ты раскисла, как медуза при первом же испытании!

Он наклонился к телу, вытащил из руки убитого браслет и стал внимательно его рассматривать.

— Вам легко говорить, не вас он обещал прирезать! — капризно возмутилась Юлиана, намеренно выводя его из себя. У нее это получилось: Эдмунд отвлекся от браслета и свирепо посмотрел на нее.

— Да я тебя уже сам готов убить! — рявкнул он. — Ты, без пяти минут инкатор, была здесь и не смогла предотвратить преступление! Для чего я столько бился с тобой, обучая тебя искусству переговоров? На что ты вообще годишься после этого? Что это? — ткнув ей браслет чуть ли не в лицо, спросил он.

— Не знаю! Этот верзила просто снял его с себя, вложил ему в руку и сказал "собаке собачья смерть". А потом заставил выложить мобильник и запер меня наверху, — всхлипнула она.

— Рассказывай, что было до этого!

Девушка бросила полный тревоги взгляд на дверь и сбивчиво заговорила, то и дело дополняя свой рассказ и возвращаясь к некоторым обстоятельствам, которым сначала, якобы, не придавала значения. Задумчиво разглядывая выцарапанную на браслете надпись, Карминский внимательно ее слушал.

Она рассказала ему о неожиданном визитере, о том, как между ним и хозяином дома завязалась ссора, об убийстве и об угрозах преступника отправить ее вслед за Барнсом, если она до утра издаст хотя бы один звук.

— А когда он тащил меня в комнату, то бормотал о том, что и так полжизни провел в тюрьме из-за этого подлого ублюдка, и не собирается возвращаться туда снова, — завершила она свой путаный, но не противоречивый рассказ.

Где-то сквозняком захлопнуло окно, и Юлиана шарахнулась, вцепившись в руку Карминского. Это убедило его сильнее всяких слов. Раньше она никогда не касалась его, а теперь держалась так, словно только он мог спасти ее от неминуемой смерти.

— Ладно, неженка, пойдем, пока с тобой инфаркт от страха не приключился, — отцепляя от себя ее пальцы, смилостивился над ней инкатор.

Вызвав полицию, он вернулся вместе со своей издерганной ученицей домой. Почти тут же к ним приехал начальник городской полиции, чтобы самолично взять у девушки показания.

Утром Карминскому доложили, что описанный герцогиней человек очень похож на

давнего врага Барнса, сбежавшего из тюрьмы несколько дней назад. Еще через день тюремщики опознали браслет своего беглеца, и после этого уже никто в городе не сомневался, что Билл Кроули все-таки привел в исполнение свой приговор бывшему партнеру. О причастности к этому делу генерала Ламберта никто даже не подумал.

Через неделю Юлиана вернулась в столицу, и ей в тот же день доставили огромный букет от генерала. Улыбаясь, она прижала к себе источавшие сладкий аромат цветы, мысленно поблагодарила Алекса за подарок, а потом выбросила его из головы, целиком поглощенная своей крайне насыщенной жизнью.

Мысли о соблазнительной ученице Карминского еще некоторое время занимали Ламберта, но, так и не дождавшись от нее никакой весточки, он тоже решил забыть о ней. Ему сейчас не до романтики! И потом, надо быть полным идиотом, чтобы связать даже на короткое время свою судьбу с представительницей ненавистной ему инкатории, какой бы очаровательной она ни была на первый взгляд. Так что не прошло и месяца, как жизнь обоих соучастников убийства Барнса вошла в привычное русло, и стерла их в чем-то приятные воспоминания.

Тогда еще Юлиана не знала, что будет вечно проклипать день их знакомства.

Прошел еще год. Талинальдия постепенно возрождалась к новой жизни. Теперь с ней торговала не только Диония, но и добрая половина ОНГ. Ее экономика быстро укреплялась, радуя измученных дефицитом и проблемами жителей и вселяя им надежду на лучшее. Учеба Юлианы подходила к концу. Слабые надежды отсрочить вступление в должность умерли вместе с отдавшим в апреле Богу душу Витовским. Через неделю после этого из жизни ушел герцог Делайн. Его душеприказчик сообщил приехавшей на похороны отца девушке, что все свое состояние и имущество он завещал ей. Не успела она осознать того, что ее отец не оставил своей любимой жене и падчерице даже ломаного гроша, как стряпчий ошарашил ее суммой наследства. Ей было завещано четыреста восемьдесят миллионов талинов. Фантастическая по ее меркам сумма, и она никак не могла понять, почему обладая такими деньжищами, ее отец жил, не вылезая из долгов.

Услышав последнюю волю своего покойного мужа, миссис Делайн упала в обморок, а ее дочь в слезах выбежала из гостиной, где оглашалось завещание.

Когда вдову герцога привели в чувство, она первым делом заявила, что намерена оспорить его нелепое решение, продиктованное не иначе как чрезмерным количеством алкоголя, и отсудить себе хотя бы половину денег. Но стряпчий тут же охладил ее пыл, пояснив, что эти средства не могут стать предметом спора, так как были положены на счет Юлианы ее родителями под проценты сразу после ее рождения.

Это известие привело мачеху наследницы в полное бешенство. Еще бы: она всю жизнь довольствовалась жалкими крохами, в то время как ее распроклятый муженек держал в кубышке сотни миллионов! А теперь, промучившись с ним четырнадцать лет, она остается ни с чем?

Рыча, как сумасшедшая, она бросилась на Юлиану с кулаками, обвиняя ее во всех своих несчастьях. К счастью, девушку по приказу Карминского сопровождали два охранника, которые немедленно оттащили беснующуюся вдову в другую часть комнаты.

Погруженная в свои думы, герцогиня отрешенно слушала изрыгаемые ею проклятия и

пыталась найти объяснение столь странному волеизъявлению своего отца. Ведь он ее не любил и никогда не скрывал этого. Почему тогда в его завещании фигурировала только она? Но сколько Юлиана ни ломала голову над этим вопросом, ответа не находила.

Перед отъездом она велела стряпчему составить документ, в котором передавала владение всей оставшейся после отца недвижимостью мачехе. Кроме этого она назначила ей щедрое ежегодное содержание и попросила присылать счета на содержание особняка ей. Покончив с формальностями, Юлиана навсегда покинула опустевший родительский дом.

Смерть отца пронеслась по ее душе, подобно тайфуну, с корнем выдрав из нее так и не осуществившиеся надежды когда-нибудь заслужить его любовь. Она и не думала, что после его кончины ей станет так одиноко, так как давно смирилась с тем, что семья у нее есть только теоретически.

Кроме отца, у нее до недавнего времени были бабушка и дедушка со стороны матери, но они никогда не стремились к общению с ней, не звали к себе погостить, и все общение с ними сводилось к официальным поздравлениям по случаю годовщин и Дней рождений. Иногда девушке казалось, что на ней лежит какое-то позорное клеймо, и все боятся запачкаться, приблизившись к ней.

Однажды она поделилась своей печалью по этому поводу с королем и спросила его, не было ли в ее семье каких-то связанных с ее появлением на свет конфликтов. Оберон рассмеялся и сказал, что ей просто не повезло с родственниками, которые были слишком озабочены собой, чтобы дарить любовь кому-то, кроме себя.

Вскоре после этого ее старики разбились на самолете, и она уже не могла расспросить их о молодости своих родителей. А теперь и отец тоже умер, оставив после себя не только деньги, но и огромное количество вопросов.

Из близких людей у Юлианы по-прежнему был только Энтони. К нему-то она и направилась восстанавливать свое утраченное душевное равновесие.

Они теперь совсем редко виделись, но это не мешало им ощущать себя одним целым. Принц больше не пытался ухаживать за ней, и в их отношения снова вернулись гармония и взаимопонимание.

Тони с нежностью прижал ее к себе, и на душе девушки сразу потеплело, словно ее в зимнюю стужу заботливо укутали мягким одеялом.

— Как ты? — с тревогой спросил он.

Она отстранилась и рассеянно пожала плечами.

— Не знаю. Сначала было такое чувство, словно мир вокруг меня опустел, но теперь рядом ты, и у меня снова все в порядке. Меня немного пугает то, что я не испытываю особой горечи от утраты отца, а ведь раньше он был для меня всем! Наверное, я стала слишком черствой...

Юлиана прошла вглубь комнаты и остановилась возле зеркала, рассматривая себя. Странно, она потеряла последнего родственника, а выглядит точно так же, как и всегда. И все вокруг осталось таким же, словно смерть ее отца ничего не изменила в этом мире. Неужели человеческая жизнь, со всеми ее бесчисленными заботами и переживаниями так мелка, что не оставляет после себя совсем ничего, кроме кучки гниющей плоти и воспоминаний? Неужели люди ничем не отличаются от сгорающих спичек? Некоторые из них дают тепло и свет, некоторые обжигают и отравляют воздух копотью, некоторые просто гаснут, не успевая сделать ни того, ни другого. А какой из этих спичек станет она?

— Если честно, то я очень рад его смерти, потому что она сделала то, о чем я всегда

мечтал: прибить этого бездушного ублюдка! — признался принц.

— Не нужно так отзываться о нем, — попросила Юлиана. — Возможно, у него были причины не любить меня.

— Какие причины? Ты стала поздно ходить на горшок, или твоим первым словом было не "папа"? Он избавился от тебя в шесть лет, даже толком не зная тебя!

— Да... Он не знал и не любил меня. И тем не менее, оставил мне четыреста восемьдесят миллионов... Мне, а не своей жене. И это не дает мне покоя. Будь добр, налей мне чего-нибудь выпить!

Принц удивленно захлопал глазами.

— Четыреста восемьдесят миллионов?! Тебе?!

Юлиана кивнула.

— Я даже не знаю, какому из этих двух фактов удивляться больше! — покачал головой парень. — Я думал, что он давно промотал свое состояние!

— Все так думали, и я в том числе.

Принц достал из мини-холодильника бутылку шейка и показал ей.

— Сойдет? — спросил он.

— Вполне. А у вас какие новости?

Тони открыл бутылку и разлил напиток по хрустальным стаканам.

— К несчастью, все по-старому, — невесело вздохнул он. — Экономика укрепляется, но нам до сих пор не удастся выплатить долги асакурийцам. А так уже хочется избавиться от них насовсем!

— Это черт знает что такое! — послышался за окном взбешенный голос Альбиньи. — Эта наглая сучка вытворяет, что ей вздумается, а все ваши службы не в состоянии ее поймать? На что они тогда вообще годятся?

Юлиана поспешила к окну посмотреть, что там происходит. По ведущей вдоль дворца дорожке шли Мортон и втянувший голову в плечи глава правоохранительного ведомства страны. По его лицу было видно, что он сейчас охотнее бы оказался на ринге с профессиональным боксером, чем в компании королевского советника. Альбиньи продолжал грубо отчитывать его, пока они не скрылись из виду.

— Это он о ком говорил? — поворачиваясь к принцу, заинтересованно спросила девушка.

Тот весело ухмыльнулся:

— О Занозе!

— О ком? — озадаченно спросила Юлиана.

— Заноза — довольно известная репортерша, — пояснил принц. — К тому же весьма успешный хакер. Настоящая болячка для моего отца и его кредиторов. Они — излюбленная тема ее выпусков. Отцу достается за его безграмотное управление страной, но Альбиньи с Морреем приходится куда хуже: она умудряется срывать им крупнейшие сделки по скупке наших ключевых объектов. Параллельно песочит всю талинальдийскую управленческую верхушку. Вас, инкаторов, кстати, больше всех! Обожаю ее интернет-репортажи! Каждое ее слово просто сочится ядовитым сарказмом, который приводит папочкиных приятелей в неопишное бешенство. Собственно, теперь это мое главное развлечение.

— Если она так бесит асакурийцев, то почему ее до сих пор не заставили замолчать?

— Во-первых, она иностранка, и это здорово все усложняет. А во-вторых, никто не знает кто она на самом деле и где живет.

— Ну, где-то же она публикуется! Почему не найти ее по электронному адресу?

— Адрес давно нашли. Он, как и ее блог, зарегистрирован на имя одного мирманского мультимиллионера, а он ни в какую не соглашается раскрывать хоть какую-то информацию о ней. Запретить ей публикации ни папа, ни советники не могут — руки короткие, вот и скрипят зубами от бессилия. А я в это время бурно злорадствую. Альбины из кожи вон лезет, разыскивая того, кто сможет ее найти, затерроризировал всех следователей, но так ничего и не выяснил. Она неуловима, как эфир! — с восхищением поведал принц.

Заметив хмурый взгляд Юлианы, он решил, что чересчур увлекся дифирамбами в честь Занозы и спросил:

— Какие у тебя теперь планы?

— Те же самые — окончить учебу и приступить к работе. А почему ты спрашиваешь?

— Ну... Ты теперь богатая наследница и можешь вообще не работать...

В душе Тони опасался, что именно так она и поступит: бросит все и уедет жить в свое поместье. Или даже сбежит жить за границу.

Девушка на секунду представила себя вольной пташкой. Нарисованная картинка была столь привлекательной, что она поспешила отогнать от себя приятные видения. Той памятной для них обоих зимой она дала себе слово стать инкатором, причем одним из лучших, чтобы всегда стоять на страже интересов своей родины и Энтони.

— Это ничего не меняет, — твердо сказала она, убеждая больше себя, чем его.

— Может, не будешь спешить с окончательным решением и все обдумаешь? — пересиливая свое эго, предложил он.

Дабы он перестал ее уговаривать — ведь так хочется поддаться искушению быть самой себе хозяйкой! — Юлиана изобразила уверенную улыбку.

— Тут и думать нечего, все давно решено! Я хочу служить Талинальдии. Одного боюсь: что за экзамен устроит мне Карминский? Не думаю, что мне придется просто тянуть билет с вопросами...

Энтони понурился.

— Да, я тоже думаю, что твой экзамен будет экстраординарным... Кто-то постучал в дверь, прерывая их беседу, а вслед за этим в комнату вошел король.

— Юлиана, деточка, позволь мне выразить тебе свои соболезнования, — с распростертыми объятиями направляясь к ней, проговорил он. — Я пришел сказать тебе, что все вопросы с твоим вступлением в наследство я беру на себя.

Не успела девушка заикнуться о том, что привыкла самостоятельно решать все вопросы, он добавил:

— Скоро тебе предстоит сделать самый важный и ответственный в жизни шаг, и я не хочу, чтобы ты отвлекалась на всякие пустяки, вроде улаживания формальностей. Так что ни о чем не беспокойся! Но сперва мы сходим к юристам — поставишь несколько подписей...

Выпускной экзамен превзошел самые ужасные ожидания Юлианы. В тот день помощники Карминского поймали давно отслеживаемого ими валькинорского диверсанта.

— Замечательный день, начавшийся с замечательной новости! — потирая руки, воскликнул Карминский. — Представляешь, мои парни сцапали того мерзавца, о котором я тебе вчера рассказывал! Пожалуй, лучшего экзамена для тебя и придумать невозможно!

Корпевшая за соседним столом над донесениями, Юлиана настороженно подняла

голову, чуя как в воздухе отчетливо запахло неприятностями.

— Успешное закрытие этого дела поставит точку в твоём обучении. Нет, даже не точку, а восклицательный знак! Добьёшься признания от этого негодяя — в тот же день сообщу королю, что тебя можно посвящать в сан! И тебе больше не придется каждый день созерцать мою давно опостылевшую тебе физиономию. Здорово, правда?

— А если не добьюсь? — осторожно спросила не спешившая радоваться Юлиана.

— Уверен, что добьёшься! Дело-то особенное! Такое ты сама ни за что на самотек непустишь!

— А если я его, все-таки, провалю?

— Провалишь, так провалишь! — безразлично пожал плечами Жнец. — В любом случае, я не собираюсь влезать в него ни при каком раскладе. Вот как ты решишь, так и будет!

По телу девушки к сердцу побежали уже давно знакомые ей мурашки дурного предчувствия, делая его тяжелым и неудобным. Это Карминскому-то все равно как она поступит? Да такого просто не может быть! Ставшая для нее привычной угроза «не сделаешь так-то, случится то-то» не прозвучала, что только еще больше усилило ее беспокойство.

— Я правильно вас поняла: вы впервые даете мне выбор? — с подозрением спросила она.

Он весело кивнул.

— Невероятно! — думая, где же таится подвох, пробормотала Юлиана.

— Вечно тебе все не так, — усмехнулся инкатор. — То ты жаловалась, что я на тебя давлю, теперь — что позволяю выбирать. Уж и не знаю, как вам теперь угодить, Ваша светлость! Хотя я вполне переживу твоё недовольство мной. Главное, чтобы ты сегодня была довольна собой!

— Ну-ка, набери в поиске Брюс Майтон!

Девушка вбила искомое имя и стала рассматривать появившуюся в верхнем левом углу экрана фотографию. Карминский стал у нее за спиной, комментируя.

— Один из лучших валькинорских экстремистов. Человек-легенда в определенных кругах. Редкий ублюдок даже на мой незамутненный человеколюбием взгляд. К тому же полный псих. Сегодня Господь явил нам чудо, позволив поймать его, а ведь его давным-давно прозвали неуловимым. Иначе, чем чудом я это не назову, ибо далек от того, чтобы приписать это невероятное обстоятельство мастерству занимающихся у нас сыском дармоедов. — Он порылся у себя в кармане, достал похожий на зеленую таблетку леденец и закинул его себе в рот. — Так вот, этот обаятельный мерзавец, которого ты сейчас разглядываешь, уже успел угробить несколько тысяч наших драгоценных соплеменников. Но этого ему показалось мало, и он решил заминировать один из наших небоскребов. Минер он непревзойденный, поэтому сомневаться в том, что взрыв будет впечатляющим, не приходится. Мы бы его предотвратили, только этот пакостник категорически отказывается сообщать какое именно здание и в каком именно городе он приготовил под снос.

Зато о дате и времени взрыва он нас любезно уведомил: завтра, в десять утра. Мои парни пытались его разговорить, но что бы они не делали, он молчит. Только становится еще злее и упорнее!

— Только не говорите, что я должна узнать от него то, чего не смогли узнать следователи, — похолодела Юлиана.

Карминский довольно осклабился:

— Боишься оскандалиться, моя прелесть, угробив несколько сотен, а может и тысяч человек?

— Еще как боюсь! Мне не под силу справиться с таким заданием!

Жнец жеманно махнул рукой:

— Ой, только не нужно себя недооценивать! Ничего в этом сложного нет! Правда, без пыток тебе едва ли удастся заставить его даже поздороваться с нами, но немного напора и выдержки с твоей стороны, и он станет заливаться соловьем! Спорим на конфетку?

От его взмаха со стола упал ластик, и инкатор с недовольным вздохом полез поднимать его.

— Я не смогу! — побелев, прошептала девушка. — Не смогу переступить эту грань!

— Не сможешь — заставляя не буду! — откуда-то из-под стола известил он. — Я же сказал: в этом случае решение принимаешь только ты. Справишься — приготовленные Майтоном на заклятие во славу Валькинории овечки вернутся в свои овчарни, а не справишься — превратятся в большую грудку жареного мяса.

Его демонстративное безразличие к судьбам их сограждан возмутило Юлиану. Как он может поручать такое важное дело неопытной студентке?

— Нельзя подвергать жизни стольких людей опасности из-за наших разногласий! — воскликнула она.

— Ты хочешь сказать — из-за твоего ослиного упрямства и непрофессионализма? — выпрямляясь, уточнил Карминский. — Согласен, лучше этого не делать. Хотя, мне лично все равно когда и от чего они умрут. Ведь в большинстве своем люди — это шлак, отравляющий и засоряющий нашу планету. И умрут они обязательно, с моей помощью или без нее. Так почему же я должен жалеть их?

Юлиана попробовала использовать более значимый для него аргумент.

— Не жалко людей, тогда подумайте о том, во сколько государству обойдется материальный ущерб от этого взрыва!

— Зачем мне это делать? — удивился инкатор. — Ведь ущерб будут возмещать не из моего кармана! Так какая мне разница, во сколько это обойдется королевской казне? А вот посмотреть на тебя, раздираемую между отвращением к насилию и взваленной на тебя ответственностью за чужие судьбы — дорогое удовольствие. Ради такого не жалко и дворец разрушить!

— Умоляю вас, допросите его сами! — пересохшими губами попросила Юлиана. Она готова была сколько угодно унижаться перед Жнецом, только бы избежать того, чего страшилась с самого начала своего обучения.

Он озабоченно поцокал языком и налил ей воды из похожего на колбу графина.

— Давненько ты меня ни о чем не просила! Я даже растрогался! — Она хотела что-то сказать, но Эдмунд приложил палец к ее приоткрывшимся губам. — Тсс! Ничего не говори, чтобы потом не пожалеть об этом! Все равно я и не подумаю тебе помочь! Помнишь — я должен сделать из тебя полноценного инкатора? И поэтому тебе, наконец, придется сделать то, чему ты так долго противилась.

В глазах Юлианы блеснул бунтарский огонь, только позабавивший инкатора, ведь он знал наверняка, что она переступит через свои извечные «не могу» и сделает все, как нужно. Он убрал палец от ее рта и добавил, предвосхищая ее протест:

— Нет, нет! Я тебя не заставляю! Если тебе безразлично, что обитатели целого

небоскреба завтра утром взлетят прямо к Богу, то можешь и дальше кичиться своей добродетелью! Некоторым из них, правда, придется сначала обгореть, другим сутки-двое полежать под многотонными завалами, третьим — истечь кровью, наблюдая за своими валяющимися в стороне конечностями. Но итог у всех будет один — мучительная смерть! Ну что, я достаточно тебя замотивировал?

Протест в глазах девушки угас, сменившись угрюмым отчаянием.

— Более чем.

Карминский поднял рукав мундира, посмотрел на циферблат часов, протер его вторым рукавом.

— Ты не поверишь, Юлиана, но мне тебя сейчас даже немного жалко, — признался он. — Но это не мешает мне получить наслаждение от любого твоего решения! Обожаю наблюдать за тем, как ты корчишься в страданиях, пожираемая муками своей гипертрофированной совести!

Юлиана молча смотрела на свои сцепленные пальцы, смиряясь с неизбежностью. Накатила ужасная слабость. Казалось, шевельнись, и тело раскрошится на множество изуродованных страхом обломков.

— Вот и славненько! — заключил Карминский. — Только предупреждаю: этот парень, несмотря на свой хилый вид, чрезвычайно крепкий орешек, и для него убийство талинальдийцев — смысл жизни и пропуск в рай. Так что ты там с ним не вздумай расслабляться и сразу себе уясни, что добром договориться с ним у тебя не получится.

— И все же я попробую, — упрямо ответила она.

Карминский снисходительно хмыкнул:

— Дерзай! Все равно финал будет один! Идем, провожу тебя в комнату для допросов. Заодно и проверю, все ли там готово.

Юлиана, заставила себя встать и пойти за ним, удивляясь при этом, что ее тело все еще целое, и даже слушается. Мерцающий мраморными искрами коридор превратился в путь на собственную Голгофу. Каждый шаг — щемящий удар сердца, приближение к черте неизбежного выбора.

А вот и знакомый до тошноты пыточный блок, где пыталась остановить орудующего паяльником Рэндольфа. На месте давно зажившего ожога рука полыхнула огнем. Память... Она так неумолима и безжалостна, что будет вечно терзать ее, какой бы выбор она ни сделала.

В коридоре послышался тяжелый топот солдатских ботинок, а потом конвоир ввел в комнату изящного брюнета чуть старше тридцати, с покрытыми багровыми кровоподтеками глазницами. Юлиана изменилась в лице. Видимо, со стороны это было очень заметно, потому что Карминский угрожающе прошипел ей на ухо:

— Только попробуй показать ему свои страх и слабость!

Разбитые в кровь губы арестанта разъехались в восторженной улыбке.

— О-о! Меня будет допрашивать сам Карминский? Признаться, польщен! Я столько о вас слышал, а тут вдруг личное знакомство!

— Я тоже весьма наслышан о вас, — не остался в долгу Эдмунд. — На вашем счету восемь крупных терактов, а я так ни разу и не выразил вам свое восхищение вашим мастерством!

— Девять, — скромно поправил его Майтон.

— В самом деле? — удивился инкатор. — Плотину на Танди-Бранж тоже разнесли вы?

— Я, — отвесил левой рукой поклон его собеседник, так как правая была скована с охранником.

Карминский склонил голову в знак уважения.

— Мое почтение! Ваша невероятная ловкость у нас уже вошла в легенду! Ту плотину охранял целый полк отборных бойцов, но вы всех обошли! И какой результат: три с половиной тысячи погибших, одиннадцать тысяч пострадавших, шестьдесят три разрушенных здания! Bravo!

Он специально перечислял Юлиане преступления известного диверсанта. Будет знать, что за фрукт перед ней и сколько на его счету жертв, будет меньше его жалеть.

— Почти так же круто, как когда ваши агенты взорвали наш химкомбинат, правда? — едко парировал Брюс. — Можно попросить ваш автограф? Он сразу повесит мой статус в том месте, куда вы меня вскоре отправите. Будет чем-то вроде знака качества. Думаю, вырезанный на моей правой лопатке, он будет смотреться очень эффектно! Хотя, если вы предпочтете оставить его на менее видном месте, я тоже буду не против! — любезно сообщил он.

— Постыдитесь, Брюс — среди нас дама, — мягко пожурил его Эдмунд. — Прямо не знаю — огорчу вас или обрадую, но вас буду допрашивать не я, а она!

Он театральным жестом указал на прятавшую за спиной дрожавшие руки Юлиану. Майтон ахнул, а потом недоверчиво махнул рукой.

— Да ну бросьте меня разыгрывать! — попросил он. — Это ведь шутка, да? С каких пор на эту волчью работу стали брать юных куколок?

От его пристального внимания девушке стало совсем не по себе, и она на всякий случай оперлась о край стола.

Карминский ухмыльнулся.

— Вы тоже оценили по достоинству нововведение нашего короля-реформатора?

— Я просто поражен! — не стал скрывать своих чувств Брюс. — Только вот никак не могу понять, что послужило поводом для столь кардинальных перемен?

Он держался так спокойно и уверенно, словно был желанным гостем, а не смертником. И хотя Юлиана была в гораздо более выгодном положении, чем он, она ему завидовала: ей бы сейчас хоть толику его самообладания!

Тем временем Карминский пустился в объяснения.

— Нас, инкаторов, все время обвиняют в прагматизме и жестокости, — сокрушенно проговорил он. — Вот король и решил облагородить наш образ, привнести в него немного изящества и шарма, призвав на помощь представительницу прекрасной половины человечества. Чтобы мучения наших жертв смягчались эстетическим наслаждением.

— Гениальная находка! — с чувством проговорил Брюс и галантно поклонился Юлиане, испугав ее оскалом наполовину выбитых зубов. — И как я должен обращаться к этой очаровательной леди? — спросил он у Жнеца.

Тот бросил требовательный взгляд на свою ученицу, призывая ее взять себя в руки и включиться в их разговор, но она по-прежнему молчала.

— Инкатор Делайн, — ответил Карминский. — Или "Ваша светлость". Леди Делайн — герцогиня.

Все это время Майтон с нескрываемым интересом продолжал рассматривать девушку, до сих пор не веря в то, что она и впрямь сама будет вести допрос. Кстати, интересно, как она это собирается делать, если сама близка к обмороку? Или эта мертвенная бледность для

нее обычное явление?

— Такие безликие обращения к такой прекрасной леди... — наконец разочарованно вымолвил он. — Они вам не подходят, герцогиня. Не хотите называть свое имя, тогда я сам придумаю, как вас называть. Вот только сначала составлю себе мнение о вас...

Пронзительный взгляд зеленоватых глаз этого не боявшегося ни Бога, ни черта человека действовал на Юлиану как ладан на нечисть — ей приходилось прилагать массу усилий, чтобы не сбежать отсюда.

Карминский всерьез опасался, что именно так она и поступит, если раньше не грохнется на пол без чувств. Из этих двоих она гораздо больше походила на приготовленную к закланию жертву, между тем как Майтон вел себя, словно был хозяином положения.

«Господи, какой допрос? Да я сейчас просто отключусь! — в полном смятении думала Юлиана. — Этот человек прекрасно понимает, для чего его привели сюда, но, несмотря на это, в нем нет ни капли страха, тогда как я вся трясусь от ужаса!"

Она бросила на Карминского кричавший о беспомощности взгляд и съежилась от каменной суровости его лица. Только бившаяся на лбу жилка выдавала его крайнее недовольство ею, а значит, бесполезно было даже надеяться на то, что он возьмет дознание на себя.

Лучезарно улыбнувшись, Жнец дружески похлопал Брюса по плечу.

— Ну, вы тут оставайтесь, а у меня дела. Приятно было познакомиться!

Сжав на прощание свободную руку арестанта, словно тот было его давним приятелем, Карминский вышел из камеры, противно скрипнув дверью. Охранники усадили Майтона в фиксирующее конечности кресло и отошли к двери.

Наступила неловкая пауза. Все ждали распоряжений Юлианы, а она прилагала огромные усилия, чтобы держать лицо и дышать ровно, а не хватать ртом воздух, как загнанная лань. Ее ноги потеряли устойчивость и напоминали ей надломленные спички, готовые лишить ее опоры в любую секунду. Опасаясь потерять сознание, она села за стол и заставила себя смотреть на пленника. Минуты шли в полном молчании, которое никто не имел ни малейшего желания нарушать.

«И что мне теперь делать? — в полной панике думала девушка, чувствуя себя гораздо хуже, чем если бы ее заперли в серпентарии с гремучими змеями. — Он и не собирается говорить со мной! Какой жалкой дурочкой я, наверное, смотрюсь со стороны!"

Она бы очень удивилась, узнав, что Майтону тоже вдруг стало не по себе под неподвижным сумрачным взглядом ее серых глаз.

Снова резко скрипнула дверь, ржавой пилой дернув ее по натянутым туже струн нервам, и в блок зашел палач Карминского. Охранники как по команде покинули помещение.

Рэндольф мельком взглянул на свою жертву и стал привычно возиться с инструментами. Брюс усиленно делал вид, что эти приготовления его нисколько не трогают, но его взгляд то и дело невольно возвращался к жилистой спине палача, закрывающей собой стол с тускло поблескивающим металлом.

Давно пора было начинать, но Юлиана не смела даже рта раскрыть, опасаясь, что вместо слов с ее губ сорвется невнятный хрип. Еще несколько минут прошли в гробовой тишине, а она так и созерцала своего скованного по рукам и ногам собеседника, пытаясь войти в роль стороннего наблюдателя.

— Я готов, госпожа, — попробовал ей помочь прекрасно осведомленный о ее отвращении к насилию палач. — Прикажете начинать?

— Вот так сразу? — криво усмехнулся Майтон, пряча под маской иронии нарастающий внутри страх. — Даже толком не познакомившись? Разве вы не хотите узнать для начала хотя бы мои анкетные данные? Ну там, где родился, когда женился? Или спросите почему я решил посвятить жизнь борьбе с вами — я охотно отвечу вам!

— Обойдусь без предыстории, — неожиданно ровно для себя ответила ему Юлиана. — Что толку вспоминать прошлое? Даже если вы мне расскажете душераздирающую историю о гибели вашей семьи во время атаки талинальдийцев, это не послужит в моих глазах оправданием вашим нынешним действиям. Вместо этого я с удовольствием послушаю, куда вы заложили взрывчатку.

От ее бесстрастного тона Брюсу стало нехорошо. Узнав, что его будет допрашивать эта девочка, он рассчитывал хорошо поразвлечься перед тем, как она со слезами убежит звать на помощь Карминского. Но теперь он усомнился в том, что веселье состоится.

— Просто так взять и рассказать? — изобразил удивление он. — И лишит вас удовольствия позверствовать и показать, кто здесь хозяин? Эй, я хочу знать, что делают инкаторы с жалкими побежденными!

Юлиана окончательно взяла себя в руки. В конце концов, пока это только обычный разговор. И сбудутся ли ее страхи, зависит только от нее.

— Это не доставит удовольствия ни мне, ни вам, так что мы вполне можем обойтись без этого садомазохизма, — заметила она.

— О нет! — хрипло рассмеялся диверсант. — Я просто жажду посмотреть на женщину-инкатора в деле, и ни за что не упущу такую возможность! Начнем?

Палач вопросительно посмотрел на герцогиню: ему давно хотелось перейти к делу, заставить этого чересчур распутившего свой дерзкий язык врага говорить только по существу. В отличие от Делайн, он ни секунды не сомневался в том, что его усилия увенчаются успехом, вот только без ее команды ничего делать не полагалось.

— Ну же, леди, начинайте! — поторопил ее Брюс. — Я сгораю от любопытства!

— Что ж, тогда давайте поговорим, — улыбнулась ему в ответ она.

В следующие полчаса Юлиана перепробовала все, чему ее учили, пытаясь и так и этак найти подход к своему пленнику, но безуспешно. Как и предупреждал Карминский, тот либо умело уходил от ответов, либо издевался над ней, щерясь в снисходительной улыбке. Он до сих пор не верил, что у нее хватит мужества отдать приказ его пытаться, и с каждой минутой бесплодного разговора эта вера крепла.

«Тебе просто нужно дать знак Рэндольфу, и он все сделает за тебя», — уговаривала себя давно признавшая поражение девушка, в то время, как Брюс вслух смаковал подробности грядущего теракта.

— Соседнее здание тоже зацепит, — со знанием дела рассуждал он, намеренно провоцируя ее. — Жертв будет не меньше восьми тысяч. Надеюсь, завтрашний день у вас каждый год будут отмечать, как день траура! А я стану своим национальным героем! Мне это так нравится! Я просто млею от счастья, когда вижу свое имя в заголовках газет!

Юлиана понимала, что зря теряет время в попытках договориться с этим человеком по-доброму. Он явно настроился на мученическую смерть и уже мнил себя зачисленным в лики валькинорских святых. Она потеряла разнывшиеся виски и кивнула кисло глядящему на нее палачу, давая знак начинать.

Тот удовлетворенно крякнул: он уже думал, что его так и отправят обратно, не дав даже приступить к работе. Уперев руки в бока, он злорадно усмехнулся Майтону:

— Ну что ж, начнем делать из тебя героя! С какого места ты бы предпочел начать свою трансформацию — с руки или с ноги?

«Я присутствовала при этом много раз, и сегодняшние пытки ничем не отличаются от тех, что были прежде...» — успокаивала себя Юлиана, еле сдерживая сотрясающую ее тело дрожь. Хорошо, что ни Рэндольфу, ни их жертве было не до нее: они буравили глазами друг друга и даже не смотрели в ее сторону.

После убийства Виктории герцогиня научилась входить в состояние транса, и делала это каждый раз, когда мозг, отказываясь воспринимать происходящее, норовил впасть в истерику, как было сейчас. Постаравшись отключиться от резких вскриков Брюса, она представляла себя гранитным памятником, вросшим в землю. Старым обветренным памятником, простоявшим на равнине несколько сотен лет, которому нипочем любые бури. Бездушным камнем, не знающим что такое чувства и эмоции, не умеющим страдать и сопереживать.

Сколько времени она провела вне времени и пространства, Юлиана не знала.

— Ваша светлость! — вырвал ее из безвременья голос палача.

Она встрепенулась и посмотрела на свою жертву. Скрючившийся от невыносимых мук, Брюс крепко сжимал зубы.

— Черт! Даже не представлял себе, что может быть настолько больно! — поднимая голову, просипел он. — А вы гораздо выносливей, чем кажетесь, леди! — хрипло рассмеялся он. Даже адская боль не смогла уничтожить свойственную ему насмешливость. — Теперь я знаю, как вас зовут! Вы — Леди Боль!

— Замечательное имя, мне нравится, — сухо похвалила его Юлиана. — А теперь давайте перейдем к интересующей меня теме. Где бомба?

К ее величайшему удивлению Майтон заговорил. Рэндольф, как всегда, оказался на высоте и, в отличие от нее, смог развязать ему язык. Узнав все, что нужно, Юлиана молча покинула камеру.

Прикрыв за собой дверь, она собиралась поскорей сбежать из этого кошмарного места, где она нарушила свою клятву любой ценой избегать насилия, но сегодня ей фатально не везло — навстречу ей, широко улыбаясь, шел Карминский.

— Леди Боль! — умиленно складывая руки, воскликнул он. — Какая прелесть! Юлиана, ты ведь и в страшном сне не могла представить, что получишь такое знаменательное прозвище, да? Мне доставит огромное удовольствие оповестить о нем всех! Моя ученица — Леди Боль! Этот Майтон — просто поэт! Теперь ты станешь знаменитостью, дорогая! Это же надо — расколоть матерого негодяя, да еще и услышать из его уст в свой адрес такой комплимент! Я сейчас лопну от гордости!

Он сиял, как олимпийский кубок, и от его радости девушка почувствовала себя еще хуже.

— Откуда вы знаете, как он меня назвал? — вяло спросила она.

— Разумеется, я подслушивал! — с воодушевлением ответил он. — Ты что же, думаешь, я бы оставил тебя там одну без контроля? В блоке стоял жучок! Я слышал каждое произнесенное вами слово, каждый вздох!

— Не имеет значения, — буркнула мучительно боровшаяся с дурнотой Юлиана.

Оттолкнув дрожащей рукой перегородившего ей дорогу Карминского, она понеслась по коридору, боясь, что ее стошнит прямо здесь.

Закрывшись в крошечной комнатке, в которой обычно дожидался вызова Рэндольф, она

забилась в уголок дивана, обхватив руками колени. Тело продолжал бить нервный озноб. Тошнота улеглась, но в голове творилось что-то невообразимое. Мозг как будто превратился в непрерывно перестраивающуюся головоломку: ее прежние убеждения распадались на крошечные фрагменты и тут же складывались в другие.

Дрожа, как промокший под ноябрьским ливнем щенок, она встала, натянула на себя пальто Рэндольфа и снова с ногами забралась на диван. Крики Майтона до сих пор звучали в ее ушах, а ненависть к себе росла с каждой минутой.

«Как я могла так поступить? — ужасаясь собственному поступку, проклинала себя она. — Почему я не остановила палача, почему позволила ему рвать плоть живого человека? Неужели я действительно сделала это?! Да, сделала... А ведь еще вчера я была твердо уверена, что никогда не опущусь до этого! Как когда-то думала, что не смогу убить. А Карминский знал, что это произойдет! Он всегда наперед знает, как я поступлю! Интересно, он хоть когда-нибудь ошибается?»

Пальто стало понемногу согревать ее. Ее перестало трясти, хотя чувствовала она себя по-прежнему ужасно. Минут через двадцать кто-то заколотил в дверь. Так настойчиво стучать мог только Карминский. Жалея, что не может послать его ко всем чертям, Юлиана с тяжелым вздохом сняла пальто и поплелась открывать замок.

Отступив в сторону, она пропустила внутрь лучившегося радостью инкатора, следом за которым вошел несущий на подносе шампанское и бокалы охранник.

— Сейчас еще торт поднесут! — известил ее Жнец. — Будем отмечать твой первый успех в качестве инкатора!

Охранник замешкался, думая куда лучше поставить поднос, и Карминский нетерпеливо проговорил:

— Топай уже отсюда! У нас с герцогиней праздник, а ты в числе приглашенных не значишься!

Захлопнув за ним дверь, он с восхищением произнес:

— Я под впечатлением! Ты довела дело до конца, не грохнувшись в обморок и даже не устроив сцены, хотя я был на девяносто девять процентов уверен в том, что в твоём обществе этому малому угрожает единственная опасность — утонуть в потоках твоих слез, слушая проповедь о человеколюбии. Должен признаться, что я даже чашку разбил, когда услышал его первый вопль. Я тебя даже слегка зауважал, веришь?

Юлиану снова затрясло, что рассмешило ее учителя.

— Эй, ну хватит уже! Я и так дал тебе уйму времени, чтобы прийти в себя! Хотя ладно, за то, что ты сегодня такая умничка, я попробую не обращать на это внимания. Трясись сколько хочешь, только бокал не разбей!

Эдмунд с громким хлопком открыл шампанское и разлил его по бокалам.

— На, держи! Выпьем за рождение Леди Боль! Идеальное прозвище для инкатора! Надсказать Майтону за него спасибо! Впрочем, одного спасибо мало. Я ему таблетку анальгина подарю! Как думаешь, красиво упаковывать ее обязательно или и так сойдет?

— Вам обязательно ерничать каждый раз, когда другим плохо? — не выдержала Юлиана.

— Хорошо, сегодня больше не буду! Ты это заслужила! Ну, чего стоишь, как истукан? Пей!

Девушка поставила бокал обратно на стол.

— Не вижу повода для праздника!

Карминский усмехнулся и выпил свое шампанское.

— Знаешь, меня тоже так трясло в первый раз... Нервы, нервы... Поначалу их уходит так много, что думаешь все: завтра точно чокнусь! А потом ничего, привыкаешь, а вскоре и вовсе перестаешь обращать внимание на тревожившие тебя раньше мелочи. Первый раз, когда ты преодолеваешь свое «не могу» ради «надо» — самый трудный и самый знаменательный, так что тебе есть что праздновать. Я не предлагаю тебе наслаждаться тем, что ты сломала Майтона. Прежде всего, ты сломала барьер в себе. И хоть ты этого пока не понимаешь, то имя, что он дал тебе, сослужит той части тебя, что противится насилию, очень хорошую службу.

— Это как же? — удивилась Юлиана.

— Прозвище характеризует человека в гораздо большей степени, чем его имя. Оно — часть твоей репутации. А для нас репутация — это почти все. Сначала ты работаешь на нее, потом она на тебя. Чем больше тебя будут бояться, тем больше будут уважать, и тем проще тебе будет работать и жить. Сама подумай — что для человека страшней — пытка, которая рано или поздно закончится, или изматывающий, неизбывный страх перед ней? Ломает людей не столько боль, сколько страх. Ты не представляешь, насколько эффективней ты будешь работать, если люди будут до одури бояться тебя! Причем, заметь, ты при этом никого и пальцем не тронешь! Им достаточно будет лишь твоего имени и твоей репутации, чтобы сделать признание или побояться совершить преступление. Ты же видишь как все трепещут при виде меня и готовы сделать что угодно, лишь бы я был доволен, или, по крайней мере, не обратил на них внимания! Сама вспомни, разве часто я — разумеется исключая те случаи, когда делаю это специально ради тебя, — кого-нибудь пытаю? Нет, это происходит крайне редко! Потому что стоит мне остаться с человеком в одной комнате, как он готов рассказать мне даже о своем внутриутробном развитии! Хочешь быть доброй — да на здоровьечко! Только для этого тебе придется прослыть очень жестокой!

Юлиана внимала ему как заблудшая душа внимает проповеднику. Жнец редко разговаривал с ней по душам, но всегда умудрялся сказать ей именно те слова, которые ей в это время просто необходимо было услышать.

— Придумай себе имидж и неуклонно следуй ему, — советовал он. — Сам об этом не подозревая, Майтон сильно помог тебе в его формировании. Стань для всех Леди Боль: неумолимой и беспощадной! Людей можно заставить поверить во что угодно, подкрепив это парой случаев. Даже в то, что ты читаешь их мысли! И тебе совсем не обязательно уметь или делать то, что тебе будут приписывать.

Он подал ученице отставленный ею бокал, и она автоматически взяла его.

— Пойми, глупышка, я не стремлюсь сделать из тебя кровожадное чудовище, но ведь кто-то должен делать эту грязную, но необходимую для блага других работу! Сегодня, не мешая Рэндольфу делать свое дело, ты спасла тысячи жизней, пусть и ценой страданий человека. Но всего лишь одного человека! Одного, а не нескольких тысяч! В жизни тебе придется частенько делать подобный выбор, и оставить целыми овец и сытыми волков получится далеко не всегда. Главное, научиться принимать это как данность, и не делать из этого трагедии. Выпей! Предотвращение теракта — отличный повод для праздника!

Юлиана выпила шампанское залпом, стремясь избавиться от неприятных и пугающих ощущений. Внутри нее продолжалась необратимая трансформация, и она знала, что уже никогда не будет прежней.

Девушка не понимала что с ней творится, но наблюдающие за ней небеса знали, что

именно в это время на Земле родился самый судьбоносный инкатор Талинальдии, который будет хладнокровно бросать целые города в жертвенный костер своих убеждений и тушить его кровью и слезами своих врагов. Инкатор, который поставит человечество на грань вымирания и станет причиной конфликта Земли с могучим Эллиумом.

Страшное предсказание эллианской жрицы начало сбываться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net